Ж II
18907

Инв
№ 88442

Ф II 18907

Ленинградский Госуд. Университет
БИБЛИОТЕКА
имени
М. Горького
* Р.С.Ф.С.Р. *

Инв. № 8842
Э II 18907
11 2 11
ГЕОГРАФИЧ. ИНСТИТУТ БИБЛИОТЕКА
ПРОВЕРКА 2007
1933 г. № 6539
15 ИЮН 1933

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ

РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ IV.

Ленинградскій Госуд. Университет. БИБЛИОТЕКА имени М. Горького Р.С.Ф.С.Р.
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА ФАКУЛЬТЕТ Л.Г.У.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 линія, No. 45.

1866.

Напечатано, съ Высочайшаго соизволенія, по распоряженію Азіятскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Апрѣля 15-го дня 1866 года.

Директоръ *П. Стремоухов*ъ.

Инв
№ 8843

1241.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Старинное Монгольское сказаніе о Чингисханѣ.
Перевелъ съ Китайскаго, съ примѣчаніями, Архимандритъ *Палладій*.

1. Предисловіе переводчика 3
2. Текстъ перевода 23
3. Примѣчанія 163
4. Генеалогическая таблица дома Чингисхана . къ стр. 258

Си ю цзи или описаніе путешествія на Западъ.
Перевелъ съ Китайскаго, съ примѣчаніями, Архимандритъ *Палладій*.

1. Предисловіе переводчика 261
2. Предисловіе Китайскаго издателя 265
3. Путешествіе на Западъ монаха Чанъ-чуня, описано ученикомъ его Чжень чанъ цзы, по имени Ли чжи чанъ 268
4. Приложенія 370
5. Примѣчанія 381
6. Карта сѣверо-западныхъ и западныхъ владѣній Монголовъ . . . . . къ стр. 434

О Магометанахъ въ Китаѣ. Статья Архимандрита *Палладія*. (Съ планомъ одной изъ Пекинскихъ мечетей) 437

СТАРИННОЕ МОНГОЛЬСКОЕ СКАЗАНІЕ

о

ЧИНГИСХАНѢ.

СТАРИННОЕ МОНГОЛЬСКОЕ СКАЗАНІЕ О ЧИНГИСХАНѢ.

Подъ этимъ названіемъ предлагается здѣсь переводъ давно извѣстнаго по имени, но до послѣдняго времени остававшагося неизданнымъ сочиненія: *Юань чао ми ши*, т. е. Секретной (фамильной) исторіи династіи Юань (Монгольской). Она составлена первоначально на Монгольскомъ языкѣ, въ XIII вѣкѣ, въ Монголіи, неизвѣстнымъ авторомъ. Для оцѣнки этого сочиненія, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя пояснительныя подробности.

Ни въ *Юань ши*, или исторіи Чингисханидовъ въ Китаѣ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ тѣхъ временъ, не встрѣчается упоминанія о немъ, ни подъ какимъ названіемъ. Записки о дѣяніяхъ Чингисхана и его біографіи, о которыхъ говорится въ *Юань ши* *), составлены въ Китаѣ и частію послужили документами составителямъ *Юань ши*, въ жизнеописаніи Чингисхана, во многомъ не сходномъ съ расказомъ *Юань*

*) Юань ши. Цз. 5, 11.; 8, 1.; 14, 11.; 15, 3.; 21, 11.; 137, 3.

чао ми ши. Должно полагать, что она оставалась въ рукописи, недоступною для общаго свѣдѣнія, какъ указываетъ и данное ей названіе, и входила въ составъ дворцоваго архива, называемаго, въ *Юань ши, Тобчиянь* *).

Въ первый разъ упоминается объ *Юань чао ми ши* уже послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая и съ воцареніемъ въ немъ династіи *Минъ*. Въ запискахъ о дѣяніяхъ основателя этой династіи, называемыхъ *Ши лу*, подъ 15-мъ годомъ правленія *Хунъ ву* (1382 г.) **), говорится слѣдующее: «Въ этотъ годъ повелѣно составить сравнительный словарь Китайскихъ и Монгольскихъ словъ. Предшествовавшая династія *Юань*, не имѣя собственныхъ буквъ, для оффиціальныхъ актовъ (обнародованій и повелѣній), заимствовала Гаочанскія (Уйгурскія) и изъ нихъ образовала буквы Монгольскія, для сообщенія по всѣмъ ея владѣніямъ. Нынѣ государь повелѣлъ члену *Хань линь* (Академіи) *Чжанъ юань цзи* и секретарю *Маша ихэ*, перевести Монгольскія слова на Китайскія. Такимъ образомъ переведены были слова по Астрономіи, Географіи, житейскимъ потребностямъ, одѣянію, пищѣ, сосудамъ; потомъ, взявъ *Юань чао ми ши*, сличили ее (переложеніе съ подлинникомъ), связали и раздѣлили ея буквы и приспособили къ нимъ (Китайскіе) тоны и произношенія. Когда трудъ былъ конченъ, повелѣно было отпечатать (эти руководства) и обнародовать. Съ сихъ

---

*) Юань ши. Цз. 35, 14.

**) Минъ тай цзу ши лу. Цз. 141, 4.

поръ (наши) посланцы, часто ѣздившіе въ стѣни, могли понимать положеніе (дѣлъ) и намѣренія (Монголовъ).»

Другія подробности объ этихъ руководствахъ встрѣчаются въ описаніи одной частной библіотеки *), въ слѣдующихъ словахъ: «*Хуа и и юй* (Китайско-Монгольскія слова), 1-я тетрадь. Въ 21 годъ правленія *Хунъ ву* (1388-й г. когда трудъ былъ, вѣроятно, конченъ), членъ *Ханъ линь*, *Ши* (*Чжанъ?*) *юань цзи*, перевелъ на Китайскую рѣчь Монгольскія слова, прописывая оныя вполнѣ, сочетая по нѣскольку знаковъ, и съ переводомъ ихъ значенія. Этотъ словарь отпечатанъ. Государь приказалъ (ученому) *Лю сань ву* написать къ нему предисловіе. На концѣ прибавлены готовыя выраженія Монгольскія, для употребленія въ грамотахъ и сообщеніяхъ Китайскаго Двора къ потомкамъ Юаньскаго дома.»

Изъ сихъ указаній, при сличеніи ихъ съ текстомъ *Юань чао ми ши*, оказывается, что оригиналъ ея писанъ былъ Монгольскими, но не квадратными, а Уйгурскими буквами; что составители руководства, взявъ для образца *Юань чао ми ши*, при переводѣ ея, переложили Монгольскіе слоги условными, однажды на всегда установленными, знаками Китайскими и, перевели Монгольскія слова тоже условными и опредѣленными навсегда Китайскими выраженіями. Эти условныя выраженія и знаки они могли заимствовать изъ переводной литературы временъ династіи Юань. Такимъ образомъ, *Юань чао*

*) Душу минь цю цзи. Цз. 2, 58.

ми ши состояла изъ трехъ текстовъ: Монгольскаго, писаннаго Уйгурскими буквами; тоническаго, представлявшаго только звуки Монгольскаго текста, выраженные условными Китайскими знаками, и наконецъ Китайскаго, переводнаго. Этотъ послѣдній, переводный, какъ и тонический текстъ, принадлежалъ, несомнѣнно, сказанной коммиссіи *Хунъ ву*, хотя объ этомъ и не говорится положительно въ приведенныхъ выше ссылкахъ; потому что нѣкоторыя мѣста въ Китаѣ, упоминаемыя въ сей исторіи, носятъ въ переводномъ Китайскомъ текстѣ названія, существовавшія только во время царствованія *Хунъ ву*. Самое названіе сочиненія: *Юань чао ми ши*, дано ему переводчиками; тонической текстъ, по свидѣтельству людей, видѣвшихъ оригиналъ, не носитъ никакого названія.

Юань чао ми ши, помѣщенная въ Нанкинскую Библіотеку, раздѣлила общую судьбу ея. Въ 1406 г., когда государь правленія *Юнъ лэ*, свергнувъ племянника своего съ престола, перенесъ столицу изъ Нанкина въ Пекинъ, онъ приказалъ перевезти изъ Нанкинской Библіотеки дублеты и экземпляры хранившихся въ ней книгъ въ Пекинъ; они доставлены были во 100 ящикахъ и послужили основаніемъ Пекинской Дворцовой Библіотеки, которая, со временемъ, увеличилась по каталогу, до 20,000 сочиненій *). Изъ собранныхъ *Юнъ лэ* книгъ, въ числѣ которыхъ было весьма много сочиненій временъ династіи *Юань*, этотъ государь составилъ справочную библіотеку,

*) Жися цзю вень као. Цз. 62, 11—13.

извѣстную подъ именемъ *Юнъ лэ да дянь*. Особая коммиссія распредѣлила книги по родамъ, многія разбила на части, отнесши оныя въ разные отдѣлы, подвела названія книгъ, по Китайскому способу, подъ рифмическіе тоны и установила сплошную нумерацію не по книгамъ, а по *цзюанямъ*, или отдѣленіямъ книгъ *). *Юань чао ми ши*, не имѣвшая никакого дѣленія, раздѣлена была также на 15 цзюаней, въ 8 тетрадяхъ. Она означена въ каталогѣ *Юнъ лэ да дянь му лу* подъ 12-мъ звукомъ *Сянь*, 43-мъ *Юань*, въ 24 знакѣ *Юань* **).

Китайскіе писатели замѣчаютъ, что знаменитая Пекинская Библіотека, вслѣдствіе неоднократныхъ переворотовъ, и въ особенности переворота 1644 года, равно похищеній книгъ частными лицами, съ воцареніемъ Маньчжуровъ въ Китаѣ, не заключала въ себѣ и 10-й части прежнихъ сокровищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и *Юнъ лэ да дянь*, составлявшая особый отдѣлъ въ Библіотекѣ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, не мало пострадала и уменьшилась. Однакожъ *Юань чао ми ши* уцѣлѣла. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія, отпечатано было, подвижными деревянными буквами, до 80 томовъ разныхъ сочиненій, выбранныхъ изъ *Юнъ лэ да дянь;* но въ это изданіе, извѣстное подъ общимъ наименованіемъ *Цзюй чжень* (Собранія перловъ), *Юань чао ми ши*, сколько я знаю, не вошла. *Юнъ лэ да дянь* нынѣ помѣщается въ библіотекѣ *Хань линь юань*.

---

*) Введеніе въ Юнъ лэ да дянь му лу.

**) Предисловіе издателей.

Неизвѣстно, была ли отпечатана *Юань чао ми ши*, вмѣстѣ съ руководствомъ *Чжанъ юань цзы*. Экземпляръ ея, въ *Хань линь юань*, рукописный, вѣроятно только копія съ подлинника, оставшагося въ Нанкинѣ. Монгольскаго текста въ этомъ экземплярѣ не оказалось; только оставлено для него полое мѣсто, или столбцы. Такимъ образомъ изчезъ рѣдкій памятникъ старинной Монгольской словесности и Монгольскаго письма. Впрочемъ, для Монголистовъ легко будетъ возстановить Монгольскій текстъ, по топическому, сохранившемуся, но не изданному, если когда нибудь удастся пріобрѣсть его.

Упоминанія объ *Юань чао ми ши* мы встрѣчаемъ во многихъ Китайскихъ сочиненіяхъ, какъ предшествующей, такъ и нынѣшней династіи; между прочимъ краткая и неполная выписка изъ генеалогическаго отдѣла ея, помѣщена въ сборникѣ *Сань цай ту хой* и въ исторіи Фамилій *Вань синъ тунъ пу* — сочиненіяхъ, равно принадлежащихъ къ послѣднимъ временамъ династіи *Минъ*; покойный оріенталистъ Клапротъ перевелъ эту выписку, въ своихъ *Mémoires relatifs à l'Asie.*

Составители подробнаго каталога книгъ, собранныхъ въ правленіе *Цянь лунъ*, въ прошедшемъ столѣтіи и извѣстнаго подъ именемъ *Сы ку цюань шу му лу*, упоминаютъ объ *Юань чао ми ши*, замѣчая, что содержаніе ея, въ сущности, тоже, что содержаніе сочиненія *Сананъ сэцэна* о Монголахъ, переведеннаго въ то время на Китайскій языкъ, подъ названіемъ *Мынъ гу юань лю* *). Очевидно, что они не потрудились про-

*) Цзянь минъ му лу. Цз. 5, 29.

честь *Юань чао ми ши* далѣе родословія Чингисхана, довольно сходнаго съ родословіемъ, излагаемымъ у *Санань сэцэна*.

Въ томъ же каталогѣ упоминается объ историческомъ изслѣдованіи о династіи *Юань*, автора *Сунь чэнъ цзэ*, съ присоединеніемъ, на концѣ, *Юань чао ми ши* *). Но это сочиненіе, вмѣстѣ съ прибавленіемъ, вѣроятно, доселѣ остается въ рукописи, въ Общей Императорской Библіотекѣ, неизданнымъ.

1748 года, *Вань гуань дай*, былъ одинъ изъ ученыхъ, обратившихъ особенное вниманіе на *Юань чао ми ши*. Онъ имѣлъ случай читать ее и составилъ сокращеніе ея, подъ названіемъ *Юань ми ши лю*, измѣнивъ расположеніе текста и раздѣливъ сочиненіе на двѣ *цзюани*. Это сокращеніе, въ рукописи, хранилось въ одной частной библіотекѣ, въ г. *Янъ чжоу фу*, извѣстной въ ученомъ мірѣ Китайскомъ подъ именемъ *Чжи бу цзу чжай*. *Янъ фу цзи*, издатель двадцатитомнаго сборника *Чжао дай цунъ шу*, списалъ съ сей рукописи копію и помѣстилъ ее въ пятомъ выпускѣ, или отдѣленіи, своего сборника, отпечатаннаго вполнѣ въ 1847 году. *Вань гуань дай*, въ примѣчаніи къ своему сокращенію, говоритъ, что онъ представилъ только существенное, отбросивъ нелѣпости оригинала; но при сличеніи его сокращенія съ оригиналомъ, оказывается, что онъ счелъ благоразумнымъ опустить многія трудныя мѣста и особенности Монгольскаго разсказа; притомъ многаго не допонялъ, вѣроятно, по поспѣшности въ чтеніи и списаніи. Впрочемъ

*) Цзянь минъ му лу. Цз. 8, 9.

трудъ *Ванъ гуань дая* имѣетъ свою цѣну и полезенъ при чтеніи оригинала, какъ послѣ окажется.

Ученый *Цянь да синь*, писавшій въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія, первый оцѣнилъ важность *Юань чао ми ши*, при скудныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ, какія представляетъ Китайская исторія о первыхъ временахъ Монгольскаго владычества. Надобно замѣтить, что самый важный и прямой источникъ свѣдѣній о тѣхъ временахъ есть *Юань ши;* а эта исторія, состоящая изъ 210 *цзюаней*, составлена была тотчасъ послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая, менѣе чѣмъ въ годъ; отъ такой поспѣшности и частію отъ недостаточности и разнорѣчія документовъ исторіи Юаньскаго дома, *Юань ши* исполнена ошибокъ, пропусковъ и противорѣчій; Китайскіе ученые позднѣйшихъ временъ, не имѣя возможности исправить недостатки ея, ограничивались выставленіемъ ихъ. *Ванъ хой цзу* составилъ цѣлый томъ варіантовъ и промаховъ *Юань ши*; (см. *Юань ши бэнь чжэнъ*); но пользы оттого было мало. Біографическій отдѣлъ *Юань ши* могъ бы доставить значительныя пополненія и многія подробности къ *Бэнь цзи*, или отдѣлу о царствованіяхъ; но какъ справедливо замѣчаетъ *Цянь да синь*, біографіи составлены на основаніи фамильныхъ преданій (*цзя чжуань*) и могильныхъ памятниковъ (*шенъ дао бэй*); а эти документы, писанные на заказъ, обыкновенно наполнены бываютъ вымыслами и небывалыми фактами, для вящшаго прославленія жизнеописуемаго лица; въ этомъ отношеніи, они совершенно сходны съ похоронными рѣчами Римскихъ ораторовъ,

которыя произносимы были на форумахъ надъ гробомъ покойника. Наконецъ, такъ называемый Историческій Комитетъ, составленный въ правленіе *Цянь лунъ*, для исправленія исторій трехъ династій, *Ляо*, *Цзинь* и *Юань*, увеличилъ затрудненія, исказивъ текстъ *Юань ши* произвольными возстановленіями иностранныхъ словъ и названій. Работая по приказанію, а не по собственному расположенію, онъ избѣгалъ труда критическихъ соображеній и изысканій и старался скорѣе кончить дѣло, не заботясь о достоинствѣ труда; поэтому, Китайскіе ученые не обращаютъ вниманія на мнимыя исправленія и обыкновенно руководствуются текстомъ стариннаго, не исправленнаго изданія *Юань ши*. *Цзинь ши*, или исторія династіи *Гинь*, должна бы сообщить много подробностей о Монголахъ, но будучи составлена во время Монгольской династіи, она мало представляла новаго. Сказанія писателей династіи *Сунъ*, впрочемъ весьма немногія, должны быть принимаемы съ большою осторожностію; они большею частію основаны на слухахъ, доходившихъ въ Южный Китай черезъ Гиньцевъ; самыя достовѣрныя изъ нихъ требуютъ еще критической оцѣнки. Что касается до историческихъ обозрѣній, каковы *Тунъ цзянь*, *Тунъ цзянь ганъ му*, равно сокращеній *Юань ши*, какъ то: *Юань ши лэй бянь*, *Ши вэй*, *Сунъ ши цзи ши бянь мо*, то разсказы ихъ о первыхъ временахъ владычества Монголовъ, есть дѣло позднѣйшихъ составителей и не заслуживаютъ большаго вниманія. Вотъ почему *Цянь да синь* и послѣдовавшіе за нимъ изыскатели встрѣтили *Юань чао ми ши*, какъ рѣдкую находку, какъ ори-

гиальный документъ о временахъ, событія которыхъ темно и кратко изложены въ общедоступныхъ источникахъ.

Въ послѣдніе годы, *Сюй сунъ*, авторъ важнаго сочиненія *Си юй шуй дао цзи*, или о водныхъ системахъ Западнаго Края, по роду своихъ предпочтительныхъ занятій, обратилъ тщательное вниманіе на *Юань чао ми ши*; онъ установилъ безусловное довѣріе къ сказаніямъ этого повѣствованія, до такой степени, что всѣ варіанты, всѣ лишнія подробности, касательно событій въ Монголіи при Чингисханѣ и вообще жизни этого завоевателя, встрѣчающіяся въ общеизвѣстныхъ памятникахъ, и изложенныя иначе, или опущенныя въ *Юань чао ми ши*, онъ отвергалъ, какъ искаженное преданіе. Онъ намѣревался издать это твореніе и приготовилъ вчернѣ множество примѣчаній, но не успѣлъ кончить труда и умеръ въ 1847 году.

Сюй сунъ принадлежалъ къ обществу немногихъ китайскихъ ученыхъ, которые, съ счастливой руки *Цянь да синя*, обратили особенное вниманіе на исторію чужеземныхъ династій въ Китаѣ: Киданей, Чжурчжитовъ и Монголовъ, и старались открывать и издавать рѣдкія сочиненія, относящіяся къ тѣмъ временамъ. Таковы, кромѣ *Сюй суна*, ученые *Чэнъ тунъ вэнь*, *Гунъ динъ ань*, *Шенъ цзы дунь*, *Чжанъ ши чжоу*, *Хэ цю тао*, *Люй сянь цзи*, *Вэнъ чжэнъ сань*, извѣстный библіофилъ Пекинскій и одинъ изъ министровъ послѣдняго времени, и наконецъ многіе члены фамилій *Ё*, къ которой принадлежалъ и *Ё минъ шенъ*, Кантонскій генералъ-губернаторъ, понавшійся въ плѣнъ

Англичанамъ. Всѣ эти ученые писали въ Пекинѣ, который до сихъ поръ отличается книжнымъ богатствомъ.

Въ мое время, одинъ изъ богатыхъ купцовъ, по фамиліи *Янъ*, нажившійся соляными откупами, ревнуя о чести изданія рѣдкихъ старинныхъ сочиненій, пригласилъ двухъ изъ упомянутыхъ выше ученыхъ, *Чжанъ ши цзэ*, иначе называемаго *Чжанъ му*, и *Хэ цю тао*, для содѣйствія въ составленіи и изданіи его сборника. Первымъ сочиненіемъ въ этомъ сборникѣ была *Юань чао ми ши*, доставленная *Чжанъ му*. *Чжанъ му*, какъ онъ самъ разсказываетъ, въ краткомъ примѣчаніи къ изданію, въ 1841 году, по знакомству съ библіотекаремъ въ *Хань линь юань*, имѣлъ доступъ въ Библіотеку Академіи, осмотрѣлъ ея сокровища, и поселившись на время въ одномъ изъ залъ ея, имѣлъ терпѣніе собственноручно списать изъ *Юнъ лэ да дянь*, нѣсколько рѣдкихъ сочиненій, въ томъ числѣ и *Юань чао ми ши*. Послѣ онъ свѣрилъ свою копію съ другимъ спискомъ, снятымъ съ оригинала транспарантомъ, и принадлежавшимъ фамиліи *Хань*. Въ 1848 году, *Юань чао ми ши* поступила въ изданіе Сборника, подъ редакціею и корректурою *Чжанъ му* и *Хэ цю тао*. Изданный ими экземпляръ нѣсколько отличается отъ списка, находившагося въ рукахъ *Сюй суна*. Къ сожалѣнію, предпріятіе *Яна* кончилось несовсѣмъ удачно. Въ 1853 году, когда инсургенты грозили Пекину, *Янъ* счелъ благоразумнымъ удалиться на свою родину, въ *Шань си*, и забралъ съ собою печатныя доски для предположеннаго сборника; слышно, что онъ уже померъ. Отпечатано не много тво-

репій, кромѣ *Юань чао ми ши* и то въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Изъ этихъ сочиненій особенно замѣчательно *Си ю цзи*, или описаніе путешествія одного Даосскаго монаха къ Чингисхану, мною тоже переведенное, и историческія изслѣдованія *Шенъ цзы дуня*.

Теперь, имѣя въ рукахъ *Юань чао ми ши*, можно безпристрастно и болѣе точно судить о ея достоинствѣ и значеніи. Какъ произведеніе старинно-Монгольское, она отличается простотою и наивностію, которыя трудно отыскать въ твореніяхъ Китайскихъ бытописателей. Она преимущественно распространяется о событіяхъ въ жизни Чингисхана, до той поры когда онъ дѣлается единодержавнымъ владыкою степной Имперіи; о дальнѣйшихъ его завоеваніяхъ, за предѣлами Монголіи, она говоритъ кратко, далеко не такъ, какъ писатели покоренныхъ имъ странъ. *Юань чао ми ши* составляетъ особый источникъ свѣдѣній о Чингисханѣ, основанный на ближайшихъ къ его времени устныхъ преданіяхъ, и который трудно согласить съ другимъ источникомъ, тоже основаннымъ на устныхъ преданіяхъ, но видоизмѣнившимся въ преемственныхъ письменныхъ памятникахъ династіи *Юань*, какъ онъ существуетъ въ *Юань ши*; это два пособія, которыя не должно смѣшивать и которыми равно не должно пренебрегать въ критическомъ изслѣдованіи Монгольскихъ древностей, пока дѣйствительные факты не будутъ очищены отъ примѣси вымысловъ.

Я счелъ излишнимъ сличеніе настоящаго сказанія съ другими извѣстными у насъ источниками; его легко сдѣлать и безъ

пространныхъ поясненій. Мы имѣемъ Китайскія жизнеописанія Чингисхана въ переводахъ Гобиля, Малыи и О. Іакинѳа; это сказанія краткія и сбивчивыя, которыя слѣдовало бы пополнить и пояснить на основаніи общедоступныхъ Китайскихъ сочиненій. Къ нимъ надобно присоединить *Цинь чженъ лу*, старинную біографію Чингисхана, почти совершенно доселѣ неизвѣстную; переводъ ея послѣдуетъ за *Юань чао ми ши*. Монгольскія преданія изложены въ сочиненіи *Сананъ сэцэна*, переведенномъ Шмитомъ, и въ *Алтанъ тобчи*, недавно изданномъ съ Русскимъ переводомъ ламы Гомбоева; оба эти сочиненія, проникнутыя буддійскимъ вліяніемъ, не могутъ имѣть важнаго историческаго авторитета. Магометанскія сказанія о Чингисханѣ мы имѣемъ въ переведенныхъ на русскій языкъ сочиненіяхъ *Хондемира* и *Абулгази*, равно въ компиляціи Пти-де-ла-круа и въ Исторіи Монголовъ Д'оссона. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописи *Рашидъ эддина*, переводимыя на русскій языкъ нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ Березинымъ, завершатъ и далеко оставятъ за собою всѣ прежнія повѣствованія и исторіи. Думаю, что настоящее Монгольское сказаніе не будетъ безполезно для уразумѣнія нѣкоторыхъ подробностей разсказа Персидскаго историка, и во всякомъ случаѣ будетъ заимствовать отъ него много свѣта и достовѣрность. Другихъ источниковъ, для сличенія, заслуживающихъ вниманія, я не нахожу.

Имя автора *Юань чао ми ши* неизвѣстно. Впрочемъ, вникая внимательно въ разсказъ ея, я получилъ убѣжденіе, что она есть дѣло не одного лица; по видимому люди, бывшіе

свидѣтелями самыхъ событій, или жившіе не далеко отъ временъ Чингисхана, слагали, каждый, свои живыя преданія въ общую сумму, которая и излагаема была систематически кистью какого нибудь грамотнаго Монгола. Оттого, въ повѣствованіи, встрѣчаются иногда разнорѣчія и даже противорѣчія; что было неизбѣжно, при отсутствіи правильныхъ современныхъ записей и въ такую тревожную и разнообразную эпоху, какова была жизнь Монгольскаго завоевателя. Впрочемъ, подобныхъ недостатковъ въ *Юань чао ми ши*, сравнительно съ другими біографическими памятниками, слишкомъ мало, и они доказываютъ только, съ какою точностью авторъ излагалъ сообщаемыя ему свѣдѣнія.

Нельзя положительно сказать и о времени написанія Монгольскаго текста *Юань чао ми ши*. Авторъ, послѣ повѣствованія о Чингисханѣ, посвящаетъ нѣсколько страницъ царствованію Огэдая и не упоминая объ его смерти, оканчиваетъ свое сказаніе помѣткою, что книга кончена была въ годъ мыши, во время большаго собранія на рѣкѣ *Кэрулянь. Сюй сунъ*, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, не колеблясь, относитъ этотъ годъ мыши къ циклическому знаку *гэнь-цзы*, т. е. 1240-му, предпослѣднему въ жизни Огэдая. Но *Вань чу ань дай*, сократитель *Юань чао ми ши*, относитъ время написанія гораздо далѣе, на ошибочныхъ основаніяхъ; онъ говоритъ, что въ переводномъ текстѣ Чингисъ часто называется *Тай цзу* (Великій Предокъ), а это наименованіе въ храмѣ предковъ дано Чингису во 2-й годъ правленія *Чжи да* (1309 г.); слѣдова-

тельно сочиненіе писано уже послѣ сего года; очевидно, что *Вань гуань дай* принимаетъ переводный Китайскій текстъ *Юань чао ми ши* современнымъ Монгольскому; притомъ названіе *Тай цзу*, придаваемое Чингисхану, было употребляемо съ первыхъ временъ воцаренія Монголовъ въ Китаѣ *): наконецъ, по замѣчанію самаго *Вань гуань дая*, словомъ *Тай цзу* въ Китайскомъ переводѣ передано слово *Чингисъ хаханъ* тоническаго переложенія. Поэтому мнѣніе *Вань гуань дая* пойдетъ къ дѣлу. По моему мнѣнію, то обстоятельство, что книга была писана или кончена на одномъ собраніи въ Монголіи, — что въ то время было ежегоднымъ обычаемъ, — доказываетъ, что составленіе настоящей исторіи относится ко временамъ первыхъ четырехъ хановъ; потому что, въ послѣдующія времена, съ раздѣленіемъ дома Чингисханидовъ, не видно болѣе общихъ собраній внутри Монголіи, особенно на Кэрулунѣ. Можно также указать на простоту и безыскуственность слога *Юань чао ми ши*, качества, которыя подтверждаютъ, что, въ то время, Монголы еще не выходили изъ своеобразнаго степнаго быта.

Слогъ переводнаго текста *Юань чао ми ши* составляетъ особенность, которую нельзя пройти молчаніемъ: онъ-то и былъ причиною забвенія и пренебреженія, въ какомъ, до послѣдняго времени, находилось это сочиненіе. Этотъ слогъ Китайскіе ученые называютъ тяжелымъ, грубымъ и деревенскимъ. Многіе изъ нихъ, имѣвшіе случай читать образчики этой Монголо-Китайской

*) *Юэ.* Цз. 4, 7; 7, 2, 14.

словесности, отзываются объ ней съ презрѣніемъ и насмѣшкою; другіе, болѣе благоразумные, съ удивленіемъ и сожалѣніемъ. Самъ *Цянь да синь*, отдавая справедливость *Юанъ чао ми ши*, не могъ воздержаться отъ сожалѣнія, что не нашлось искусной кисти для исправленія варварскаго слога сего важнаго творенія. Для ученаго Китайца слогъ есть самое важное въ сочиненіи. Дѣйствительно, слогъ *Юанъ чао ми ши* ниже разговорнаго слога драматическихъ піесъ, повѣстей и сказокъ Китайскихъ; притомъ представляетъ идіотизмы, ни въ какихъ другихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ не встрѣчаемые. Дѣло въ томъ, что Монголы принесли съ собой въ Китай нарѣчіе, которому научились, вѣроятно, на границахъ Китая, и нашли лучшимъ Монгольскіе документы и казенныя бумаги переводить этимъ нарѣчіемъ, какъ болѣе способнымъ выразить грамматическія измѣненія Монгольской рѣчи, чѣмъ сжатый, неопредѣленный и неудобопонятный для нихъ ученый слогъ Китайцевъ. Какъ бы то ни было, можно положить за вѣрное, что всѣ памятники и акты, писанные грубымъ, или, правильнѣе, канцелярскимъ слогомъ, суть переводные съ Монгольскаго языка; для подобныхъ переводовъ учреждено было, при Пекинской Академіи, особое отдѣленіе. Таковы нѣкоторые манифесты, льготныя грамоты языческимъ монастырямъ, въ особенности же Монгольско-Китайское Уложеніе *Юанъ чао дянь чжанъ* *), состоящее болѣе чѣмъ изъ 2,000 параграфовъ или статей, въ которыхъ всѣ рѣ-

*) Остается въ рукописи.

шенія Государя, данныя на Монгольскомъ языкѣ, переведены на Китайскій этимъ слогомъ, съ постояннымъ однообразіемъ выраженій. Если открываются памятники, писанные обыкновенною Китайскою учеюю рѣчью, съ Монгольскимъ текстомъ, то это вѣрный признакъ, что памятникъ собственно написанъ по-Китайски, а Монгольскій текстъ есть только тоническое переложеніе Китайскихъ звуковъ. Этотъ обычай переводить Монгольскій текстъ особымъ слогомъ такъ укоренился въ Китаѣ, что документы, писанные и другими иностранными языками, переводимы были, бо̀льшею частію, тѣмъ же слогомъ, не только при династіи *Юанъ*, но также и во время династіи *Минъ*, а Магометанскіе писатели въ Китаѣ, и доселѣ, приводя стихъ изъ Алкорана, переводятъ ихъ простонародною Китайскою рѣчью. Комитетъ *Хунъ-ву* перевелъ *Юань чао ми ши*, съ незначительною разницею, тѣмъ же самымъ нарѣчіемъ, которое было употребляемо у Монголовъ, и притомъ перевелъ въ то время, когда еще живы были преданія этой письменности.

Однакожъ, не нужно думать, что подобный слогъ, какъ разговорный, удобенъ для пониманія; въ *Юань чао ми ши* онъ представляетъ для Китайскаго читателя большія затрудненія; въ немъ встрѣчаются выраженія, или совершенно вышедшія изъ употребленія, или исключительно употреблявшіяся у Монголовъ въ Китаѣ, или имѣющія совершенно особое значеніе, чѣмъ показываютъ знаки. Если присоединить къ тому особенности разсказа, которыя могутъ быть понятны только для

опытнаго Монголиста, знакомаго съ бытомъ и правами Монголовъ, то не мудрено, что Китайскіе читатели не любятъ подобной литературы, и что самые ученые изъ нихъ не въ состояніи вполнѣ понять ея смысла. Это можетъ показаться страннымъ, однакожъ совершенно справедливо.

Простонародное нарѣчіе *Юань чао ми ши* удобно для полнаго выраженія Монгольскихъ періодовъ рѣчи, но за то Монгольскія понятія перелагаюгся на Китайскій ладъ; такъ напримѣръ, пища вездѣ переводится выраженіемъ *ча фань*, т. е. чай и каша; и т. п. Есть и другіе недостатки, касающіеся собственно перевода: такова неполнота въ изчисленіи названій лицъ и мѣстъ; напримѣръ, говоря о нѣсколькихъ лицахъ, переводный текстъ называетъ только первое и прибавляетъ частицу *дэнъ*, и прочія, тогда какъ въ тоническомъ текстѣ перечисляются всѣ лица. Нѣкоторые изъ сихъ пропусковъ, болѣе важные, можно было пополнить помощію сокращенія *Вань гунь дая*. Въ другихъ случаяхъ, въ переводномъ текстѣ, употреблены общепринятыя въ Китаѣ собственныя названія, не такъ какъ въ тоническомъ текстѣ; напримѣръ, Гиньское племя вездѣ называется *Нюй чжинъ*, тогда какъ, по другимъ указаніямъ, въ тоническомъ текстѣ писано *Чжурчжи*, или *Чжурчжитъ*. Впрочемъ такихъ разногласій мало.

Всѣ собственныя наименованія, въ переводномъ текстѣ, по правилу, установленному Комитетомъ *Хунъ ву*, переложены опредѣленными условными знаками; для выраженія звуковъ *р* и *г*, которыхъ нѣтъ въ Китайскомъ языкѣ, употреблены

знаки, читающіеся *эрръ, ло, лу, ли, лэ, ла*, съ присоединеніемъ, съ лѣвой стороны, значка *шэ* (языкъ): это указываетъ, что тѣ знаки надобно читать *р, ро, ру*, и т. д.; для выраженія *го*, при знакѣ *хо* ставится значекъ *чжунъ* (средина); для выраженія звука *ха*, также не имѣющагося въ Китайскомъ языкѣ, присоединяется къ знаку *хо* значекъ *коу* (ротъ); для указанія, что знакъ надобно читать какъ отдѣльную согласную, чего не допускаетъ Китайскій языкъ, подобный знакъ пишется вдвое меньше знаковъ текста и ставится нѣсколько въ сторонѣ. Такимъ образомъ, Бо $_{лэ}$ чжи ги дай мѣ $_{эррръ}$ ганъ, надобно читать *Бор чжи ги дай мыр ганъ*; Аньбахай—*Ань ба гай*; Кэ $_{кэ}$ сѣ у са $_{бу}$ ла $_{хэ}$ — *Кэксьусабрахъ*. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы, и при подобномъ способѣ переложенія, Монгольскія названія были точны, тѣмъ болѣе, что Пекинскій экземпляръ *Юанъ чао ми ши*, какъ копія съ Нанкинскаго оригинала, не вездѣ однообразенъ въ названіяхъ. Не говоря о болѣе существенныхъ трудностяхъ текста, которыя будутъ отмѣчены въ своемъ мѣстѣ, нельзя не пожелать пріобрѣтенія тоническаго текста *Юанъ чао ми ши*, для повѣрки переводнаго.

При переводѣ на Русскій языкъ *Юанъ чао ми ши*, употреблено было стараніе сохранить въ возможной точности рѣчь подлинника. Я присоединилъ филологическія и другія, какія могъ сдѣлать, поясненія для полнаго уразумѣнія текста, имѣя въ виду не столько соглашеніе разсказа *Юанъ чао ми ши* съ другими сказаніями, сколько разъясненіе разсказываемыхъ въ ней событій.

Настоящее введеніе къ моему переводу можетъ показаться длиннымъ, какъ и примѣчанія мои къ тексту мелочными; но я считаю подобныя подробности необходимымъ условіемъ добросовѣстнаго труда и желаю поставить читателя въ полную независимость отъ переводчика.

Вначалѣ, предками Монгольскаго дома [1]) были: небомъ рожденный [2]) бурый волкъ, да сивая лань [3]); сочетавшись между собою, они вмѣстѣ переплыли воду, называемую *Тэнъ-їи-сы* [4]), достигли вершины рѣки, называемой *Онань*, и поселились у горы [5]) по имени *Бурхань* [6]); здѣсь они произвели на свѣтъ человѣка, по имени *Батачихань* [7]).

У *Батачиханя* былъ сынъ, по имени *Тамача* [8]); у *Тамачи* сынъ, по имени *Хоричармъргань*; у *Хоричармърганя* сынъ *Аучжаньбороунь*; у *Аучжаньбороуня* сынъ *Салихачау*; у *Салихачау* сынъ *Вкэнидунь*; у *Вкэнидуня* сынъ *Синьсочи*; у *Синьсочи* сынъ *Харчу*. У *Харчу* былъ сынъ *Бёрчжигидаймъргань*; у *Бёрчжигидаймърганя* жена называлась *Манхолчжиньхоа*; рожденный ею сынъ назывался *Торохолчжинь-боянь*. У *Торохолчжиня* жена называлась *Борохчиньхоа*; у нихъ былъ одинъ мальчикъ [9]), домашній рабъ, по имени *Боролдайсуялби;* были также два добрыхъ мерина: одинъ *Таиръ*, другой *Боро* [10]). У *Торохолчжиня* родились два сына: *Дувасохоръ* и *Добэньмъргань*.

У *Дувасохора* былъ во лбу одинъ только глазъ [11]), которымъ онъ могъ видѣть мѣстность и предметы за три переѣзда. Въ одинъ день, *Дувасохоръ*, съ братомъ своимъ *Добэньмъргапемъ*, поднялись

на гору *Бурхань*. *Дувасохоръ*, съ вершины той горы, увидѣлъ что по берегу рѣки, называемой *Тунэли* [12]), внизъ по теченію ея, перекочевывала толпа народа. *Дувасохоръ* сказалъ: «Въ той толпѣ перекочевывающаго народа, есть одна черная кибитка; на передн ея [13]) сидитъ прекрасная дѣвица; если она еще не замужемъ [14]), сосватать бы ее за брата моего *Добэньмьриня*». Поэтому, онъ велѣлъ *Добэньмьриню* ѣхать туда и посмотрѣть. *Добэньмьрянь* подъѣхалъ къ толпѣ народа и посмотрѣлъ. Дѣвица называлась *Аланьхоа*, дѣйствительно оказалась красавицей и еще не замужемъ. Народъ же тотъ составлялъ домъ *Хорилартаймьрянь*. Въ прежнее время, владѣтель урочища [15]) *Колбархучжинь*, по имени *Бархудаймьрянь*, имѣлъ дочь, именемъ *Бархучжиньхоа*, которую онъ выдалъ за боярина [16]) *Хорилартаймьриня* изъ улуса [17]) *Хоритумадунь*. Отъ сего брака, въ урочищѣ *Алихъусунь* и родилась эта дѣвица, именемъ *Аланьхоа*. Причиной же перекочевки *Хорилартаймьриня* было то, что когда община [18]) его положила запретъ на ловлю соболей и бѣлокъ въ урочищѣ *Хоритумадунь* [19]), онъ огорчился этимъ и услышавъ, что въ горѣ *Бурхань* звѣри водятся въ изобилiи, поднялъ весь домъ свой и перешелъ къ владѣтелю [20]) горы *Бурхань*, по имени *Шиньчибоянь*, и такимъ образомъ составилъ особую фамилію *Хориларъ*. Вотъ какъ и случилось, что *Добэньмьрянь* взялъ себѣ въ жены *Аланьхоа*.

Аланьхоа, по выходѣ замужъ за *Добэньмьриня*, родила двухъ сыновей; одинъ назывался *Бугунэтай*, другой *Бьлгунэтай*. У

старшаго брата *Добэньмъриянева*, *Дувасохора*, было четыре сына [21]). Всѣ они жили вмѣстѣ, но когда *Дувасохоръ* померъ четыре сына его перестали обращаться съ *Добэньмъриянемъ*, какъ съ дядей своимъ, покинули его и отдѣлившись, ушли и составили фамилію *Дорбянъ* [22]).

Въ-послѣдствіи, *Добэньмъриянъ*, отправившись однажды на охоту за звѣрьми въ гору, называемую *Тохочахъ-ундуръ*, встрѣтилъ въ лѣсу человѣка изъ улуса *Урянха* [23]), который жарилъ тутъ бедра и потроха убитаго имъ трехгодовалаго оленя. *Добэньмъриянъ* попросилъ у него мяса; *Урянха*, оставивъ для себя брюшину и легкія, все остальное мясо отдалъ *Добэньмърияню*. *Добэньмъриянъ*, навьючивъ на лошадь добытое имъ оленье мясо, возвращался домой и на дорогѣ повстрѣчался съ однимъ бѣднякомъ, который шелъ, ведя съ собой мальчика сына. *Добэньмъриянъ* спросилъ его: «Ты что за человѣкъ?» — Онъ отвѣчалъ: «Я изъ рода *Маалихбояудай*; теперь я обѣднѣлъ; отдай мнѣ это оленье мясо, а я отдамъ тебѣ вотъ этого сына». *Добэньмъриянъ* отдалъ ему мясо съ задней ноги оленя, на промѣнъ сына его, взялъ мальчика съ собой и сдѣлалъ его у себя въ дому прислужникомъ.

По смерти *Добэньмъриянъ*, жена его, *Аланьхоа*, еще родила трехъ сыновей: одинъ назывался *Бухухатаи*, другой *Бухатусалчжи*, третій *Бодуаньчаръ*. Родившіеся при жизни *Добэньмъриянъ* два сына, *Бьлунэтай* и *Бугунэтай*, наединѣ толковали между собою: «У матери нашей нѣтъ ни братьевъ мужа [21]), ни мужа, а она родила этихъ трехъ сыновей; въ

дому у насъ только одинъ человѣкъ, что изъ дома *Маалихбоядай*; ужъ не съ нимъ ли они прижиты» [25])? Когда они такъ говорили, мать ихъ то провѣдала.

Въ одинъ день, весной, мать ихъ, *Аланьхоа*, заварив зимой заколотаго барана [26]), позвала пятерыхъ сыновей своихъ и усадивъ ихъ рядомъ, каждому изъ нихъ дала по стрѣлѣ и приказала переломить: всѣ они переломили; потомъ, связавъ пять стрѣлъ вмѣстѣ, приказала переломить, но ни одинъ изъ пятерыхъ сыновей не могъ переломить [27]).

Тогда мать ихъ, *Аланьхоа*, сказала: «Дѣти, *Бѣлгунэтай* и *Бугунэтай!* Вы оба сомнѣвастесь, отъ кого мною рождены были эти три сына, и сомнѣвастесь вправду. Вы не знаете, что каждую ночь ходилъ ко мнѣ, черезъ верхнее отверстіе юрты, и сквозь дверь, тамъ гдѣ свѣтитъ, [28]) человѣкъ золотистаго цвѣта и гладилъ меня по брюху; исходившій отъ него свѣтъ проникъ въ мою утробу; уходя [29]) же отъ меня, онъ взбѣгалъ по лучамъ свѣтилъ [30]), словно желтый песъ. Перестаньте же толковать по пустому. По всему видно, что они дѣти неба и ихъ нельзя сравнивать съ простыми людьми. Когда они сдѣлаются царями, да князьями [31]), тогда только узнаете» [32]).

Потомъ *Аланьхоа*, наставляя дѣтей, говорила имъ: «Всѣ вы, пятеро, рождены изъ моей утробы. Если вы, подобно этимъ пяти стрѣламъ, будете идти порознь, то всякому легко будетъ сломать васъ; а если будете жить единодушно, то будете подобно этимъ пяти стрѣламъ, связаннымъ вмѣстѣ; другимъ легко ли бу-

детъ сломить васъ?» Впослѣдствіи, мать ихъ, *Аланьхоа*, скончалась.

По смерти матери, *Аланьхоа*, четыре брата: *Бѣлгунэтай*, *Бугунэтай*, *Бухухатан* и *Бухатусалчжи*, раздѣлили между собою имущество, принадлежавшее пяти братьямъ вмѣстѣ, и считая *Бодуаньчара* глупымъ и слабымъ, поступили съ нимъ не по братски и не удѣлили ему ничего изъ имѣнія.

Бодуаньчаръ, видя, что старшіе братья поступаютъ съ нимъ не по братски, сказалъ: «Для чего мнѣ жить здѣсь? Уйду отсюда; умру, такъ умру; останусь живъ, такъ буду жить.» Вслѣдствіе сего, онъ сѣлъ на сивую лошадь, съ потертой спиной и съ голымъ паршивымъ хвостомъ, и поѣхалъ по теченію рѣки *Онанъ*: пріѣхавъ въ урочище *Балжунъала*, онъ построилъ здѣсь для себя шалашъ и поселился.

Проживая такимъ образомъ, *Бодуаньчаръ* увидѣлъ однажды молодаго кречета, который поймалъ тетерева; онъ придумалъ хитрость: вырвавъ изъ хвоста лошади нѣсколько волосъ, сдѣлалъ изъ нихъ силки; поймалъ ими кречета и вскормилъ его. *Бодуанчаръ*, не имѣя что ѣсть, стрѣлялъ звѣрей, когда волки окружали ихъ у горныхъ утесовъ [33]), или подбиралъ остатки отъ съѣденнаго волками и тѣмъ кормилъ себя и кречета. Такъ прожилъ онъ зиму.

Съ наступленіемъ весны, налетѣли гуси и утки. *Бодуанчаръ* морилъ кречета голодомъ, потомъ пускалъ его на летъ и добывалъ много гусей и утокъ; чего не съѣдалъ, то вѣсилъ на сухія деревья, гдѣ оно и гнило [34]).

За горою, называемою *Дулянь*, жилъ народъ, перекочевывавшій по берегу рѣки *Тунгэли*; *Бодуаньчаръ*, охотясь съ кречетомъ, каждый день доходилъ до жилища этого народа напиться кобыльяго молока, а вечеромъ возвращался на ночлегъ въ свой шалашъ. Тѣ люди просили у *Бодуаньчара* его кречета; но *Бодуаньчаръ* не отдавалъ его; между тѣмъ, ни та, ни другая сторона, не спрашивали другъ у друга ни объ имени, ни о прозваньи, и такъ проживали.

Въ-послѣдствіи, старшій братъ *Бодуаньчара*, *Бухухатаги*, отправился искать его внизъ по рѣкѣ *Ононъ*; достигши берега рѣки *Тунгэли*, онъ встрѣтился съ тѣмъ народомъ и спросилъ: Не былъ ли здѣсь такой-то человѣкъ, верхомъ на такой-то лошади? Народъ отвѣчалъ: «Есть такой человѣкъ, съ такою лошадью, какъ ты спрашиваешь; у него есть еще кречетъ, съ которымъ онъ охотится; днемъ, онъ приходитъ къ намъ сюда пить кобылье молоко; а гдѣ проводитъ ночь, не знаемъ; только, когда подуетъ сѣверозападный вѣтеръ, сюда несутся перья и пухъ гусей и утокъ, словно снѣгъ [33]); должно быть, онъ и живетъ въ той сторонѣ. Теперь настоящая пора, когда онъ приходитъ сюда каждый день; ты обожди не много». Нѣсколько времени спустя, завидѣли приближавшагося къ нимъ человѣка; дѣйствительно, то былъ *Бодуаньчаръ*. Братъ, узнавъ его, взялъ его съ собой и отправился обратно.

Бодуаньчаръ, слѣдуя за братомъ, и похлестывая лошадь, сказалъ: «Хорошо, когда на тѣлѣ человѣка есть голова, а

на платьѣ воротникъ». Братъ ничего не отвѣчалъ ему. *Бодуаньчаръ* еще раза два повторилъ тѣже самыя слова. Тогда только братъ спросилъ его: «Ты два, или три раза повторяешь одно и тоже; что ты хочешь сказать этимъ?» *Бодуаньчаръ* отвѣчалъ: «У тѣхъ людей, что на берегу рѣки *Тунгэли*, нѣтъ головы, которая правила бы ими; у нихъ большой и малый равны; легко прибрать ихъ. Намъ овладѣть бы ими». Братъ его сказалъ: «Коли такъ, то, пріѣхавъ домой, посовѣтуемся съ братьями, а потомъ пріѣдемъ овладѣть тѣмъ народомъ». Пріѣхавъ домой, братья посовѣтовались. *Бодуаньчару* они велѣли быть передовымъ. *Бодуаньчаръ*, будучи передовымъ, доѣхалъ до того народа; захвативъ одну беременную женщину, онъ спросилъ ее: «Ты изъ какого рода?» Женщина отвѣчала: «Я изъ рода *Чжарчиутъ, Аданжиньурянхачжинь*» [36]). Пятеро братьевъ овладѣли тѣмъ народомъ и возвратились съ нимъ. Посему у нихъ былъ и скотъ [37]), и прислужники на обѣдахъ.

Ту беременную женщину *Бодуаньчаръ* сдѣлалъ своей женой; она родила сына, по имени *Чжачжирабай*, который былъ предкомъ рода *Чжадара*; у *Чжачжирадая* былъ сынъ *Тугуудай*; у *Тугуудая* сынъ *Бурибулчиру*; у *Бурибулчиру* сынъ *Харахадаань*; сынъ *Харахадааня* былъ *Чжамуха* [38]), составившій родъ *Джадалань*.

Отъ *Бодуаньчара* та жена его родила еще одного сына, по имени *Бааридай*, который былъ предкомъ рода *Баалинь*. У *Бааридая* былъ сынъ *Чидухулбоко*; *Чидухулбоко* имѣлъ

много женъ и отъ нихъ много дѣтей; отчего и составился родъ *Мьняньбаалинь*.

Бѣмунэтай составилъ родъ *Бѣмунэтъ*; *Бугунэтай*—родъ *Бугунэутъ*; *Бухухатаи*—родъ *Хатагинь*; *Бухатусалчжи*—родъ *Салчжиутъ*, а *Бодуаньчаръ*—родъ *Бёрчжигинь* [39]).

Бодуаньчаръ взялъ себѣ еще другую жену и прижилъ съ нею сына, по имени *Бариньширатухабичи*. За матерью этого *Хабичи* послѣдовала одна женщина, которая сдѣлалась побочною женою *Бодуаньчара* и родила сына по имени *Чжаоурьдай*. При жизни своей, *Бодуаньчаръ* сдѣлалъ его законнымъ сыномъ и позволилъ ему участвовать въ жертвоприношеніяхъ [40]). Когда же *Бодуаньчаръ* померъ, то *Бариньширатухабичи* не сталъ обращаться съ *Чжаоурьдаемъ* по братски и говорилъ: «Въ нашъ домъ часто приходилъ человѣкъ изъ рода *Аданхаурянхадай* [41]); можетъ быть, что отъ него онъ прижитъ». Поэтому, во время жертвоприношенія, онъ изгналъ *Чжаоурьдая*, который, въ-послѣдствіи, составилъ родъ *Чжаоурьитъ*.

Сынъ *Хабичи* назывался *Мьняньтудунь*; у *Мьняньтудуня* было семь сыновей; старшій назывался *Хачикюйлукъ*, второй *Хачинь*, третій *Хачиу*, четвертый *Хачула*, пятый *Хачигунь*, шестой *Хараньдай*, седьмой *Начиньбаатуръ*.

У *Хачикюйлука* былъ сынъ *Хайду*; мать *Хайду* называлась *Намолунь*. У *Хачиня* былъ сынъ *Наягидай*, названный такъ потому что любилъ наряжаться боярином; онъ составилъ родъ *Наялъ*. Сынъ *Хачиу* назывался *Барулатай*,

потому что родился большимъ ребенкомъ и ѣлъ пищу съ жадностію; онъ составилъ родъ *Барулассъ*. Сыновья *Хачулы* тоже ѣли пищу съ жадностію; отчего и назвали ихъ: Большой *барула*, и Малый *барула* [42]), *Эрдяныту барула* и *Тодоянь барула*; эти четыре имени обращены въ названія родовъ. Сынъ *Хараньдая* вырывалъ у другихъ хлѣбъ и пищу, не различая ни старшаго, ни младшаго, отчего названъ, *Будаань*, а родъ его *Будааньтъ*. Сынъ *Хачиуня* назывался *Адардай* [43]): онъ любилъ пересуды и ссорилъ братьевъ, отчего и названъ такъ: онъ составилъ родъ *Адаршинь*. *Начиньбаатуръ* имѣлъ двухъ сыновей: *Уруудая* и *Манхутая*, которые составили два рода: *Урууть* и *Манхутъ*. *Начиньбаатуръ*, отъ взятой имъ жены, имѣлъ еще двухъ сыновей: *Шичжуудая* и *Дохоладая*.

У *Хайду* родились три сына: *Бошингхордохшинь*, *Чарахайлиху* и *Чаочжиньортыай*. У *Бошингхордохшиня* былъ одинъ сынъ, по имени *Туньбинайсычань*; *Чарахайлиху* имѣлъ сына, по имени *Сянкуньбилэ*; у *Сянкуньбилэ* былъ сынъ, по имени *Аньбахай*; изъ сего составился родъ *Дайчиутъ*. *Чарахайлиху*, взявъ за себя жену старшаго брата, имѣлъ отъ нея сына, по имени *Бьсутай*, который составилъ родъ *Бьсутъ*. У *Чаочжиньортыая* было шесть сыновей: *Оронаръ*, *Хуанхотань*, *Арулатъ*, *Сюньнитъ*, *Хабтурхаху* [44]) и *Гешиэсы*; они составили шесть особыхъ родовъ тѣхъ именъ.

У *Туньбинайсычаня* было два сына: *Хабулъхахань* и *Синьсычилъ*; у послѣдняго былъ сынъ *Булгычубаатуръ*. У *Хабула* было семь сыновей, по именамъ: *Окиньбархахъ*, *Бартаньбаатуръ*,

Хутухтумунгуръ, *Хутулахахань*, *Хулань*, *Хадаань* и *Тодояньотчигинь*. У *Окиньбархаха* былъ сынъ *Хутухтучжурки*; *Хутухтучжурки* имѣлъ двухъ сыновей: *Сиябыки* и *Тайчу*, которые составили родъ *Чжурки*. У *Бартаньбаатура* было четыре сына: *Мангэтукиянь*, *Инкуньтайцзы*, *Бэлгайбаатуръ* и *Даритайочигинь*. *Хутухтумунгуръ* имѣлъ одного сына, по имени *Бурибоко*; это тотъ самый *Бурибоко*, который, во время пиршества на берегу рѣки *Онань*, разсѣкъ плечо *Бѣлгутаю*, брату *Чингиса* [45]). | У *Хутулахаханя* было три сына: *Чжочи*, *Гирмау* и *Алтань*. У сына *Хуланьбаатурова*, по имени *Ёкэчжэлянь*, были два раба: *Бадай* и *Кишилихъ*; оба они, въ-послѣдствіи, при *Чингисѣ*, сдѣланы были боярами *Таларханъ* [46]). Только у *Хадааня* и *Тодояня* не было потомковъ.

Народами *Дада* [47]) правилъ царь *Хабулъ* [48]). Хотя у *Хабулъхаханя* было семеро сыновей, но ни которому изъ нихъ онъ не ввѣрилъ управленія, а передалъ оное *Аньбахаю* [49]), сыну *Сянкуньбилгэ*.

Между озерами *Буюйръ* и *Колянь* [50]) протекаетъ рѣка, называемая *Уршиунь* [51]); по этой рѣкѣ обиталъ особый родъ *Татаръ* [52]). *Аньбахай*, отдавая имъ замужъ свою дочь, самъ проводилъ ее; а *Татары* схватили и отправили его къ *Гиньцамъ* [53]). При отправленіи, онъ говорилъ *Барахачи*, человѣку изъ рода *Бьсу*, возвращавшемуся домой: «Ты передай среднему изъ семи сыновей *Хабулъхаханя*, *Хутулъ*, да изъ моихъ десяти сыновей, *Хадааньтайцзы* [54]), мои слова: Я, владѣлецъ народовъ, провожая дочь, былъ схваченъ. На

будущее время, да послужу вамъ зарокомъ: хотя бы вамъ пришлось стереть всѣ ногти на пяти пальцахъ и потерять всѣ десять пальцевъ [55]), мстите за насъ!»

Въ то время, отецъ *Чингиса*, *Ѣсугайбаатуръ*, охотясь съ соколомъ у рѣки *Онань*, завидѣлъ человѣка изъ рода *Мѣрки*, по имени *Ѣкэчилѣду*, который везъ жену, взятую имъ изъ рода *Олхунэ* [56]). *Ѣсугайбаатуръ*, усмотрѣвъ, что эта женщина была красавица, немедленно съѣздилъ домой и снова вернулся со старшимъ братомъ своимъ *Нѣкуньтайцы* и младшимъ, *Даритайотчигинъ*.

Когда братья подъѣзжали, *Ѣкэчилѣду*, завидѣвъ ихъ, испугался, ударилъ коня своего и переѣхалъ одинъ хребетъ, обогнулъ горную распадину и вернулся къ телѣгѣ своей жены. Жена его говорила: Видъ этихъ трехъ человѣкъ весьма [57]) недобрый; они непремѣнно убьютъ тебя; удались скорѣе. Если сохранишь свою жизнь, пусть будетъ у тебя жена похожая на меня; коли будешь помнить обо мнѣ, то назови другую жену свою моимъ именемъ.» Сказавъ это, она сняла съ себя рубаху и отдала ее ему на память о себѣ [58]). *Ѣкэчилѣду*, сидя на конѣ, только что принялъ рубаху, увидѣвъ приближавшихся *Ѣсугайбаатура* съ братьями, ударилъ коня и ускакалъ вверхъ по рѣкѣ *Онань*.

Ѣсугайбаатуръ, съ братьями, погнался за *Ѣкэчилѣду*; они переѣхали семь хребтовъ [59]), но не догнавъ его вернулись назадъ и окруживъ ту женщину, повезли ее; *Ѣсугай* тащилъ [60]) кибитку; *Нѣкуньтайцы* ѣхалъ впереди, а *Даритай* подлѣ оглобли. Эта женщина, по имени *Хоэлунь*, плача, говорила: «Мужъ мой! Вѣтеръ не развѣвалъ волосъ на головѣ твоей; желудокъ не терпѣлъ го-

лода [61]); а теперь, какъ бѣжалъ, какіе труды будешь переносить». Воини ея потрясали воду рѣки *Ононъ* и лѣсъ, растущій по долинѣ. *Дааритайотчигинъ* говорилъ той женщинѣ: «Твой мужъ переѣхалъ уже много хребтовъ, переправился черезъ много рѣкъ; хоть плачь, а онъ ужъ не обернетъ головы своей назадъ; ищи его слѣдовъ, не увидишь; перестань же вопить; не плачь.» Такимъ образомъ, привезли ее домой и отдали въ жены *Есугайбаатуру*.

Такъ какъ Царь *Аньбахай*, во время плѣненія своего, упомянулъ имена *Хадааня* и *Хутулы*, то народы *Дада Дайичиу* собрались при рѣкѣ *Хорхона* [62]), и поставили царемъ *Хутулу* [63]). По этому случаю, подъ большимъ деревомъ устроили ширъ; народы *Дада* [64]) веселились и прыгали кругомъ этого дерева до того, что протоптали глубокую рытвину.

Хутула, сдѣлавшись царемъ, вмѣстѣ съ *Хадааньтайзцы*, ходилъ противъ *Татаръ*, выполнять месть; тринадцать разъ онъ бился съ *Котуаньбараха* и *Чжалибухуа*, но все еще не довольно отмстилъ.

Во время битвы съ *Татарами*, *Есугайбаатуръ* взялъ въ плѣнъ у нихъ *Тъмучжиньугэ* и *Хорибухуа*. Въ это время беременная жена *Есугайбаатура*, *Хоэлунь*, на берегу рѣки *Ононъ*, при горѣ *Дъмуньболдахъ* [65]), родила *Чингиса* [66]); онъ родился, держа въ правой рукѣ комокъ крови, похожій на животный камень [67]). Какъ онъ родился въ то время, когда взятъ былъ въ плѣнъ *Тъмучжиньугэ*, то и назвали его *Тъмучжинемъ*. *Хоэлунь* родила четырехъ сыновей: *Тъмучжиня*, *Хасара*, *Хочиуня* и *Тъмугэ*, и одну дочь, по имени *Тъмулунъ*. Когда *Тъмучжиню*

было девять лѣтъ. *Хасару* было семь, *Хочиную* пять, *Тъмугэ* три, а *Тъмулунь* была еще въ колыбели.

Когда *Тъмучжину* было девять лѣтъ, отецъ его, *Есугай*, повезъ его къ дядьямъ по матери, въ родъ *Олхуна*, просить дѣвицы въ жены *Тъмучжину* [68]); доѣхавъ до мѣста, что̀ между горами *Чэксаръ* и *Чихургу*, онъ повстрѣчалъ *Дэсъчаня*, человѣка изъ рода *Унгира* [69]). *Дэсъчань* спросилъ его: «Сватъ *Есугай*! Ты куда ѣдешь?» — *Есугай* отвѣчалъ: «Ѣду къ дядьямъ по матери этого сына, къ роду *Олхуна*, просить дѣвицы». — *Дэсъчань* сказалъ: «У этого сына твоего блестящіе глаза и свѣтлое лицо. Вчера мнѣ приснилось, будто бѣлый соколъ, держа въ лапахъ солнце и луну, слетѣлъ и сѣлъ ко мнѣ на руку. Я и говорю другимъ: солнце и луну мы только видимъ очами; а теперь этотъ бѣлый соколъ, держа солнце и луну, слетѣлъ ко мнѣ на руку; навѣрно, это доброе предвѣстіе. Сватъ *Есугай*! На ту пору ты пріѣхалъ съ этимъ сыномъ своимъ и разгадалъ мой сонъ [70]). Вѣрно, онъ предвѣщаетъ счастье для васъ, *Киянь* [71])! Нашъ домъ, *Унгира*, въ прежніе дни, не спорилъ съ другими ни о земляхъ, ни о народахъ; у насъ были только красивыя дочери, которыхъ мы представляли въ вашъ царскій домъ, а вы дѣлали ихъ царицами и царскими женами [72]). Когда сватаютъ, то у жениха смотрятъ бытъ и состояніе, а у невѣсты красоту [73]). Сватъ *Есугай*! У меня въ домѣ есть дочь, еще малолѣтняя; поѣдемъ со мной, посмотришь». — Тогда онъ повелъ ихъ къ себѣ.

По прибытіи въ его жилище, *Есугай* увидѣлъ, что дѣвушка была красавица, и въ сердцѣ порадовался. Дѣвушка

была десяти лѣтъ, старше *Тъмужжиня* однимъ годомъ, и называлась *Бортэ* [74]). Въ тотъ день, они ночевали у *Дэсъчаня*. На другой день, *Есугай* сталъ сватать эту дочь. *Дэсъчанъ* сказалъ: «Развѣ будетъ важнѣе, когда я отдамъ только послѣ долгихъ просьбъ; и значитъ-ли оказать пренебреженіе, если отдамъ послѣ немногихъ просьбъ? [75]). Вѣстимо, что когда родится дѣвушка, то ей не слѣдъ навсегда оставаться въ домѣ [76]). Отдаю свою дочь за твоего сына, а ты оставь его здѣсь женихомъ». Обѣ стороны согласились. *Есугай* сказалъ: «Мой сынъ боится собакъ; не позволяй собакамъ пугать его». — Затѣмъ, оставивъ одну заводскую лошадь, въ знакъ заключеннаго сватовства, онъ уѣхалъ.

На возвратномъ пути, *Есугай*, доѣхавъ до урочища *Чэкчэръ*, встрѣтилъ *Татаръ*, которые устроили тамъ пиръ. Чувствуя отъ пути и голодъ и жажду, онъ сошелъ съ коня и остановился у нихъ. Къ несчастію, *Татары* узнали его и говорили: «*Есугай-кіянь* пріѣхалъ»! Вспомнивъ, что онъ нѣкогда полонилъ ихъ людей, они, въ отмщеніе, тайно приготовили отраву и накормили его оною. *Есугай*, сѣвъ на коня и продолжая путь, почувствовалъ себя нездоровымъ; чрезъ три дня, онъ пріѣхалъ домой и болѣзнь его усилилась. *Есугай* сказалъ: «Въ сердцѣ у меня боль; кто близъ меня»? Въ это время, случился тутъ сынъ старика *Чараха*, *Мунликъ*; позвавъ его къ себѣ, *Есугай* сказалъ ему: «Мои дѣти молоды и малы. Я отвозилъ *Тъмужжиня*, чтобы сосватать за него невѣсту и на возвратномъ пути, у *Татаръ*, тайно отравленъ; въ сердцѣ у меня весьма не хорошо. Повидай моихъ братьевъ и

снохъ; тебѣ завѣщаю это [77]); а сына моего *Тъмучжина* поскорѣе приведи ко мнѣ». — Сказавъ это, онъ умеръ.

Мунликъ, повинуясь приказанію *Есугая*, отправился къ *Дьссчаню* и говорилъ ему: «*Есугай* чрезвычайно тоскуетъ по *Тъмучжинѣ*; онъ послалъ меня взять его» [78]). *Дэсчань* сказалъ: «Коли онъ тоскуетъ по сынѣ, пусть *Тъмучжинъ* отправится и повидавшись съ нимъ возвратится сюда». — *Мунликъ*, взявши *Тъмучжина*, вернулся домой.

Въ тотъ годъ [79]), весной, когда двѣ жены царя *Аньбахай*, *Орбо* и *Сохатай*, приносили жертву [80]) предкамъ, *Хоэлунъ* опоздала и ей не дали жертвенныхъ яствъ [81]). *Хоэлунъ* сказала имъ: «*Есугай* померъ, и мои дѣти ужъ не подростутъ [82]); почему же вы не даете доли священнаго мяса большимъ? Коли не даете теперь яствъ, которыя я вижу своими глазами, то, значитъ, поднимаясь съ кочевья, не повѣстите и не позовете меня съ собою» [83]). — *Орбо* и *Сохатай* сказали: «Не приходится просить и звать тебя; гдѣ найдешь пищу, тамъ и ѣшь. Знать потому, что Царь *Аньбахай* померъ, слышимъ мы отъ *Хоэлунъ* такія рѣчи. Сказать по правдѣ, [84]), лучше покинуть эту мать съ дѣтьми въ кочевьѣ и не позволять ей итти съ нами.» —На другой день, *Тархутай-Кирилтухъ* и *Тодоянъ-Гиртъ* [85]), поднимаясь съ кочевья, дѣйствительно покинули мать и дѣтей. Старикъ *Чараха* отговаривалъ ихъ; но *Тодоянъ Гиртъ* сказалъ: «Глубокая вода высохла, свѣтлый [86]) камень разбился» [87]); и, не слушая его увѣщаній, поднялись; мало того, они ткнули старика *Чараху* въ спину разъ коньемъ.

Когда раненый старикъ *Чараха* лежалъ у себя дома, *Тъмучжинъ* навѣстилъ его. Старикъ сказалъ ему: «Они увели съ собой собранный отцемъ твоимъ народъ и нашихъ людей [88]); когда я отговаривалъ ихъ, они меня поранили». — *Тъмучжинъ*, заплакавъ, ушелъ. *Хоэлунъ* сама сѣла на коня и, приказавъ людямъ взять копья съ кистями [89]), во главѣ ихъ отправилась въ погоню; она остановила половину народа [90]), но остановленная половина людей тоже не захотѣла оставаться; всѣ ушли вслѣдъ за *Дайчиу*.

Когда братья *Дайчиутъ* покинули *Хоэлунъ* съ дѣтьми, *Хоэлунъ*, женщина чрезвычайно разумная, собирала плоды, да вырывала коренья и тѣмъ питала дѣтей своихъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ воспитанныя ею дѣти подросли; всѣ они имѣли признаки царскаго и княжескаго достоинства.

Когда дѣти *Хоэлунъ*, воспитанныя на растѣніяхъ, подросли и преуспѣли, то уже осмѣливались состязаться съ другими. Чтобы прокормить свою мать, они надѣлали изъ иголъ удочки и удили рыбу въ рѣкѣ *Онанъ*; связавъ также сѣти, они ловили рыбу, и такъ питали свою мать.

Однажды братья: *Тъмучжинъ*, *Хасаръ*, *Бъктъръ* и *Бъмутай* [91]), въ-четверомъ, вмѣстѣ сидѣли и удили рыбу; *Тъмучжинъ* удочкой своей поймалъ рыбку золотистаго цвѣта; братья его отъ другой матери, *Бъктъръ* и *Бъмутай*, отняли ее у него. *Тъмучжинъ* и *Хасаръ*, воротившись домой, говорили матери: «Мы поймали золотистаго цвѣта рыбку, а *Бъктъръ* и *Бъмутай* отняли ее у насъ». — Мать ихъ сказала имъ:

«Вы, братья, зачѣмъ такъ поступаете?» — Потомъ иносказательно говорила имъ: «У насъ [92]), кромѣ собственной тѣни, нѣтъ друзей; опричь хвоста (лошадинаго) нѣтъ плетки [93]). Когда мы не въ силахъ отмстить братьямъ *Дайчиу* за причиненное намъ горе, зачѣмъ вы, подобно пяти сыновьямъ княгини *Алань* [94]), не ладите между собою? Перестаньте такъ поступать». — *Тъмучжинъ*, съ *Хасаромъ*, огорчился такими словами матери и говорилъ еще: «Намедни, я подстрѣлилъ птичку; они отняли ее у меня; сегодня отняли тоже пойманную мной рыбу; если все будетъ такъ, то какъ намъ жить вмѣстѣ?» Послѣ сихъ словъ, оба брата отбросили дверную занавѣску [95]), и вышли. Въ это время, *Бъктъръ* сидѣлъ на холмѣ и пасъ коней. *Тъмучжинъ* подкрался къ нему сзади, а *Хасаръ* спереди; они вынули стрѣлы и намѣревались застрѣлить его. *Бъктъръ* замѣтилъ ихъ и сказалъ имъ: «Намъ тяжело переносить горе, причиненное намъ братьями *Дайчиутъ*; какъ бы отомстить имъ? Зачѣмъ вы хотите поступить со мной, какъ съ волосомъ въ глазу, или занозой во рту? Но пусть я умру; не покиньте только моего *Бългутая*». Сказавъ это, онъ сѣлъ, поджавъ ноги, и ждалъ ихъ стрѣлъ. *Тъмучжинъ*, съ братомъ, спереди и сзади, застрѣлили его до смерти.

Когда *Тъмучжинъ* и *Хасаръ* вернулись домой, мать ихъ, *Хоэлунъ*, по выраженію лицъ ихъ, догадалась и сказала: «Ты, *Тъмучжинъ*, родившись, держалъ въ рукѣ комокъ черной крови. Вы, что̀ собаки, пожирающіе мѣсто; лютые звѣри, бросающіеся на скалу; львы [96]), кипящіе неукротимымъ гнѣвомъ;

удавы [97]), глотающіе добычу живьемъ; соколы, бросающіеся на тѣнь; большія рыбы, пожирающія молча; бѣшеные верблюды [98]), кусающіе пяты заднихъ ногъ у собственныхъ верблюжатъ; волки, губящіе подъ вѣтромъ и снѣгомъ; турпаны [99]), которые, не могши прогнать отъ себя птенцовъ своихъ, заѣдаютъ ихъ; шакалы [100]), сторожащіе свою берлогу; тигры, стремительно хватающіе добычу; птицы и звѣри, безумно бросающіеся на добычу. У васъ, кромѣ тѣни, нѣтъ товарищей; кромѣ хвоста лошадинаго, нѣтъ плетки; горе причиненное намъ братьями *Дайчиутъ*, невыносимо; когда думать бы о средствахъ отомстить врагамъ, вы какъ переносите это, и потомъ такъ поступаете?» — Такъ-то *Хоэлунъ*, приводя слова старыхъ людей, укоряла сыновей своихъ.

Черезъ нѣсколько времени, *Дайчиутъ Кирилтухъ* сказалъ: «Покинутые нами *Тъмучжинъ* и другія дѣти съ матерью, вѣрно, теперь уже оперились какъ птичьи птенцы, и подросли, подобно дѣтенышамъ звѣрей.» Взявъ съ собой товарищей, они поѣхали разузнать. *Тъмучжинъ* съ матерью, завидѣвъ пріѣздъ ихъ, испугались; *Бѣлгутай*, въ густомъ лѣсу, наломалъ деревьевъ и устроилъ засѣку, а *Хачиуня*, *Тъмугэ* и *Тъмулунъ*, троихъ малыхъ, спряталъ въ разщелинѣ скалы; *Хасаръ* перестрѣливался съ *Дайчиутъ*; *Дайчиутъ* громко крикнули ему: «Намъ надо только твоего старшаго брата, *Тъмучжина*, а другихъ людей не надобно». — Устрашенный тѣмъ, *Тъмучжинъ* сѣлъ на лошадь и пустился въ горный лѣсъ; *Дайчиутъ*, замѣтивъ это, погнались за нимъ и преслѣдовали до горы *Търгунь*; *Тъму-*

чжинъ углубился въ густой лѣсъ, а *Дайчиуу*, не могши въѣхать туда же, окружили лѣсъ и стерегли.

Тъмучжинъ пробывъ въ густомъ лѣсу трое сутокъ, повелъ подъ устцы лошадь и хотѣлъ выйти изъ лѣса, какъ сѣдло съ лошади упало на землю; обернувшись, онъ увидѣлъ, что шлея на груди и подпруга, по-прежнему, застегнуты, и сказалъ: «Сѣдло можетъ спасть, хоть подпруга и застегнута; но когда нагрудная шлея застегнута, то какъ можно сѣдлу самому упасть? Вѣрно, само Небо останавливаетъ меня». — Онъ воротился и еще прожилъ три дня. Потомъ, когда хотѣлъ выйти, при выходѣ изъ густаго лѣса, упалъ большой бѣлый камень, въ видѣ юрты, и загородилъ путь. *Тъмучжинъ* опять сказалъ: «Вѣрно, Небо останавливаетъ меня». — Онъ снова вернулся и еще провелъ три дня. Всего прожилъ онъ въ лѣсу девять дней сряду, ничего не ѣвши. Напослѣдокъ, онъ сказалъ: «Неужели мнѣ умереть такимъ образомъ, безъ вѣсти? Лучше выйти». Онъ взялъ ножъ, которымъ строгалъ стрѣлы, срѣзалъ имъ деревья, росшія подлѣ загораживавшаго выходъ камня, и, ведя за собой лошадь, сошелъ съ горы. Сторожившіе тутъ люди *Дайчиутъ* тотчасъ схватили и увели его.

Тархутай Кирилтухъ, поймавши *Тъмучжиня*, объявилъ повелѣніе своему народу, чтобы въ каждомъ станѣ *Тъмучжиню* жить сутки. Такъ переходилъ онъ изъ одного дома въ другой, до 16-го числа 4-ой луны [101]); въ этотъ день, *Дайчиутъ* устроили пиръ на берегу рѣки *Онанъ*. Когда, по захожденіи солнца, разошлись по домамъ, они приказали одному молодому и сла-

бому парню стеречь *Тъмучжиня*. *Тъмучжинь*, видя, что всѣ разошлись, ударилъ того парня краемъ своей колодки въ голову и сшибъ его съ ногъ, а самъ убѣжалъ; добѣжавъ до лѣса, что̀ на берегу рѣки *Онань*, онъ внутри его прилегъ; но опасаясь, что его здѣсь увидятъ, вошелъ въ стремнину рѣки *Онань* и погрузился въ воду тѣломъ, выставивъ наружу только лице.

Караульный, потерявшій узника, громкимъ голосомъ кричалъ: «Пойманный человѣкъ бѣжалъ!» На крикъ его, разошедшіеся *Дайичиутъ* снова собрались и при свѣтѣ луны, яснымъ какъ днемъ, стали искать *Тъмучжиня* повсюду, въ лѣсу, по берегу рѣки *Онань*. *Сорханьшира*, изъ рода *Сулдусунь*, проходя, для обыска, близъ того мѣста рѣки, гдѣ лежалъ *Тъмучжинь*, замѣтилъ его и сказалъ ему: «Вотъ за такую-то смѣтливость твою, братья *Дайичиутъ* ненавидятъ и преслѣдуютъ тебя. Будь остороженъ и лежи такъ, я не донесу на тебя». Сказавъ это, онъ прошелъ мимо.

Когда *Дайичиутъ*, обыскивая на возвратномъ пути, толковали между собою, *Сорханьшира* сказалъ имъ: «Вы потеряли человѣка днемъ; а теперь, въ темную ночь [102]), какъ искать? Воротимся на прежнее мѣсто и обыщемъ мѣста еще не осмотрѣнныя и разойдемся; а завтра снова соберемся для обыска. Куда уйдетъ этотъ человѣкъ съ колодкой?» [103]) Во время возвратнаго поиска, *Сорханьшира* снова проходилъ прежнимъ мѣстомъ и сказалъ *Тъмучжиню*: «Теперь мы кончили обыскъ и возвращаемся; завтра опять придемъ искать тебя; теперь когда мы разойдемся, ты уходи и сыщи свою мать и братьевъ;

если встрѣтишь кого нибудь, не говори, что я видѣлъ тебя». Сказавъ это, онъ ушелъ.

Когда всѣ разошлись, *Тъмучжинъ* подумалъ про себя: «Намедни, когда приказано было стеречь меня, по очереди, въ каждомъ становищѣ, во время пребыванія моего въ домѣ *Сорханъширы*, оба сына его, *Чиньбо* и *Чилаоунъ*, оказали ко мнѣ сожалѣніе; на ночь снимали съ меня колодку и оставляли меня почевать на свободѣ. Сегодня *Сорханъшира* замѣтилъ меня, однакожь не хотѣлъ сказать о томъ другимъ; не одинъ разъ былъ здѣсь и проходилъ мимо. Пойду къ нему; навѣрно, онъ спасетъ меня». — Въ-слѣдствіе того, онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ *Онанъ*, искать *Сорханъширу*.

Жилище его можно было издали узнать по стуку отъ битья кобыльяго молока, который продолжался съ вечера до утра [101]). Прислушиваясь къ этому стуку отъ битья молока, *Тъмучжинъ* дошелъ до жилища *Сорханъширы*. Когда онъ вошелъ, *Сорханъшира* сказалъ: «Я велѣлъ тебѣ итти искать мать и братьевъ твоихъ; зачѣмъ ты сюда пришелъ?». — Сыновья его, *Чиньбо* и *Чилаоунъ*, сказали: «Когда цашка, преслѣдуемая *хундоромъ* [103]), прячется въ густую траву, густая трава спасаетъ ей жизнь; если такъ бываетъ отъ травы, то мы будемъ хуже ея, коли не поможемъ человѣку, прибѣгшему къ намъ». — Тогда, они сняли съ *Тъмучжиня* колодку и сожгли ее, а его спрятали въ возъ съ овечьей шерстью, стоявшій назади жилья, и поручили сестрѣ своей, *Хадаанъ*, смотрѣть за нимъ, запретивъ ей сказывать о томъ кому либо.

На третій день, братья *Дайчиуты* говорили между собою: «Не спряталъ ли кто нибудь *Тъмучжина*; обыщемъ свое кочевье». — Вслѣдъ за тѣмъ, они стали дѣлать обыскъ; дошедши до жилища *Сорханъширы*, они обыскали его юрту, кибитку и подъ каномъ [106]); наослѣдокъ пошли къ телѣгѣ съ овечьей шерстью и стали изъ отверзтія ея выкидывать шерсть; когда оставалось вытащить шерсть изъ зада телѣги, *Сорханъшира* сказалъ: «Можно ли человѣку, въ такую жаркую пору, оставаться въ овечьей шерсти?» Тогда обыщики сошли съ телѣги и ушли.

Когда они удалились, *Сорханъшира* сказалъ *Тъмучжину*: «Ты едва не погубилъ [107]) меня; дымъ изчезъ и огонь погасъ бы у меня [108]). Теперь ступай искать мать и братьевъ своихъ». — Онъ далъ *Тъмучжину* кобылу, безъ сѣдла, желтой масти, съ бѣлой мордой, еще не носившую жеребять [109]); далъ также ему сваренаго жирнаго ягненка, откормленнаго молокомъ двухъ овецъ, кобыльяго молока въ кожаномъ мѣхѣ, да лукъ съ двумя стрѣлами; только не далъ ему огнива [110]); такъ снарядивъ, отправилъ его.

Тъмучжинъ доѣхалъ до слѣдовъ прежней ограды своей и оттолѣ слѣдовалъ вверхъ по рѣкѣ *Онанъ*; пріѣхавъ къ рѣкѣ *Кимурха* [111]), впадающей на западъ въ *Онанъ*, онъ замѣтилъ на берегу этой рѣчки слѣды и по рѣчкѣ вверхъ отправился. Близъ этой рѣчки есть гора называемая *Бютюръ*; передъ этой горой есть отдѣльная горка, называемая *Хорчукуй*: здѣсь онъ нашелъ мать и братьевъ своихъ.

Соединившись съ родными, *Тъмучжинъ* перекочевалъ къ

горѣ *Бурхань*; есть тамъ гора *Гулялгу*; въ этой горѣ протекаетъ рѣка *Сангуръ* [112]); на берегу рѣки есть небольшая гора, называемая *Харачжиругэ* и Зеленое озеро [113]). Здѣсь онъ устроилъ свое становище; ловилъ *тубошу* и степныхъ мышей [114]), и тѣмъ питался.

Однажды воры [115]) увели у *Тѣмучжина* восемь сивыхъ мереновъ; осталась одна свѣтложелтая лошадь, на которой братъ его *Бѣлгутай* отправился ловить *тубошу*. Когда, къ вечеру, онъ вернулся, со выюкомъ *тубошу*, *Тѣмучжинъ* сказалъ: «Коней моихъ украли». *Бѣлгутай* сказалъ: «Я погонюсь за ними». *Хасаръ* сказалъ: «Ты не сможешь; я погонюсь». Но *Тѣмучжинъ* сказалъ имъ: «Оба вы не можете; я самъ поѣду».—Съ сими словами, онъ сѣлъ на ту свѣтложелтую лошадь и поѣхалъ по слѣдамъ, оставленнымъ его восмью конями. Ѣхалъ онъ трое сутокъ и въ послѣдній день, рано утромъ, замѣтилъ на дорогѣ въ одномъ табунѣ лошадей бойкаго парня, который доилъ кобылу. *Тѣмучжинъ* спросилъ его: «Не видалъ ли ты осьми сивыхъ мереновъ»? Парень отвѣчалъ: «Сегодня рано, еще до восхода солнца, такіе восемь коней здѣсь прогнаны. Я покажу тебѣ, куда они бѣжали». Сказавъ это, онъ пустилъ лошадь *Тѣмучжина* на пастбу, а вмѣсто ея далъ ему бѣлую лошадь, съ чернымъ ремнемъ на хребтѣ; потомъ, не уходя домой, спряталъ кожаный мѣхъ и кожаный дойникъ съ надоеннымъ молокомъ, прикрывъ ихъ травой, и говорилъ *Тѣмучжину*: «Ты совершенно измучился отъ дороги; у молодцовъ [116]) печали общи; я буду тебѣ товарищемъ и вмѣстѣ съ тобой поѣду догонять коней. Отецъ мой называется *Нахуу*-

боянъ [117]); у него я единственный сынъ; мое имя *Бёорчу* [118])». Сказавъ это, онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ *Тъмучжинемъ*, по конскимъ слѣдамъ; ѣхали они еще трое сутокъ; въ послѣдній день, къ вечеру, они доѣхали до одного становища [119]), и увидѣли восемь коней, стоявшихъ внѣ становища. *Тъмучжинъ* сказалъ: «Товарищъ! Ты стой здѣсь; а я поѣду и отгоню этихъ коней». *Бёорчу* сказалъ: «Коли я взялся помогать тебѣ: то зачѣмъ мнѣ оставаться здѣсь». И такъ оба они пустили лошадей своихъ и отогнали коней.

Похитители пустились за ними въ погоню; одинъ изъ нихъ, сидѣвшій на бѣлой лошади, держалъ въ рукахъ арканный укрюкъ: онъ уже догонялъ ихъ; *Бёорчу* сказалъ: «Дай мнѣ свой лукъ и стрѣлы; я съ нимъ пострѣляюсь». *Тъмучжинъ* отвѣчалъ: «Боюсь, чтобы не ранили тебя изъ за меня; я самъ съ нимъ пострѣляюсь». Онъ тотчасъ вернулся назадъ и началъ стрѣлять. Сидѣвшій на бѣломъ конѣ, направивъ арканную жердь на *Тъмучжина*, остановился [120]). Товарищи этого вора, тоже пустившіеся въ погоню, замѣтивъ, что свечерѣло и небо стемнѣло, остановились и отстали.

Въ эту ночь, *Тъмучжинъ* и его товарищъ проѣхали пути на трое сутокъ. Когда они воротились къ жилищу *Нахубояня*, *Темучжинъ* сказалъ *Бёорчу*: «Безъ тебя, мнѣ не добыть бы этихъ коней; раздѣлимъ ихъ; сколько тебѣ надобно?» *Бёорчу* отвѣчалъ: «Я рѣшился помочь и сопутствовать тебѣ, потому что видѣлъ, какъ ты измучился; къ чему же мнѣ требовать отъ тебя твоего, какъ чужаго богатства; я одинъ сынъ

у отца; у насъ въ домѣ богатства для меня слишкомъ довольно, и твоего не нужно. Если я потребую отъ тебя твоего, то къ чему послужитъ то, что я былъ твоимъ товарищемъ?» Такъ говорилъ онъ.

Когда они вошли въ жилище *Нахубоянь*, то застали его плачущимъ о потерѣ сына своего, *Бёорчу;* внезапно увидѣвъ ихъ обоихъ и узнавъ своего сына, онъ и плакалъ и выговаривалъ ему. *Бёорчу* сказалъ: «Самъ не знаю, какъ я увидѣвъ этого добраго товарища, который подъѣхалъ весь измученный, вздумалъ помочь ему и отправился вмѣстѣ съ нимъ. Теперь вотъ я и пріѣхалъ».—Сказавъ это, онъ поѣхалъ верхомъ на лошади и привезъ прежде имъ спрятанные подъ травой кожаный мѣхъ и кожаный дойникъ съ надоеннымъ молокомъ; убилъ жирнаго ягненка, откормленнаго молокомъ двухъ овецъ; наполнилъ кожаный мѣхъ кобыльимъ молокомъ и увязавъ все это на подобіе вьюка, отдалъ *Тѣмучжиню*, на продовольствіе въ дорогѣ. *Нахубоянь* говорилъ имъ: «Вы оба, молодые люди, будьте всегда друзьями и впередъ никогда другъ друга не покидайте». *Тѣмучжинъ*, простившись, отправился въ путь и черезъ трое сутокъ прибылъ домой, на берегъ рѣки *Сангуръ*. Мать его, *Хоэлунъ*, и *Хасаръ* съ братьями, въ это время тосковавшіе по немъ, увидѣвъ его возвратившимся, несказанно обрадовались.

Прежде, когда *Тѣмучжиню* было девять лѣтъ, онъ разстался съ дочерью *Дэсыаня*, *Бортѣвучжинь* [121]). Теперь, онъ поѣхалъ за ней, съ братомъ своимъ *Бѣлгутаемъ*, внизъ по рѣкѣ *Кэру-*

лянь; достигши удолья, что̀ промежь горъ *Чэкчерэ* и *Чихурху*, онъ отыскалъ жилище *Дэсѣчаня*. *Дэсѣчань*, увидѣвъ *Тѣмучжиня*, чрезвычайно обрадовался и говорилъ ему: «Слыша, что братья *Дайчиуты* возненавидѣли тебя, я чрезвычайно печалился и потерялъ уже надежду (видѣть тебя); только теперь я узрѣлъ тебя». За тѣмъ, онъ отдалъ дочь свою *Борть Тѣмучжиню* въ жены. *Дэсѣчань* и жена его *Сотань* проводили обратно *Тѣмучжиня* съ женою; съ края *Кэруляньскаго Урахчуэлъ* [122]), *Дэсѣчань* вернулся домой; а *Сотань* проводила дочь свою до самаго жилища *Тѣмучжиня* и оттуда уже возвратилась [123]).

Послѣ того, *Тѣмучжиню* захотѣлось имѣть товарищемъ *Бёорчу*; онъ послалъ за нимъ *Бѣлгутая*. *Бёорчу*, какъ увидѣлся съ *Бѣлгутаемъ*, даже не сказавшись отцу своему, сѣлъ на горбатую желтую лошадь, навьючилъ шубу изъ чернаго мѣха и вмѣстѣ съ *Бѣлгутаемъ* пріѣхалъ къ *Тѣмучжиню*. Съ тѣхъ поръ, онъ сдѣлался товарищемъ *Тѣмучжиню* и никогда болѣе съ нимъ неразлучался.

Тѣмучжинь, поднявшись съ берега рѣки *Сангуръ*, перекочевалъ къ вершинѣ рѣки *Кэрулянь* и основался станомъ у подошвы уступа, называемаго *Бурги* [124]).

Дочь *Сотани*, *Бортѣвучжинь*, привезла съ собой кафтанъ изъ черныхъ соболей, чтобы поднести его своей свекрови, при первомъ съ ней свиданіи [125]). *Тѣмучжинь* сказалъ: «Въ прежнее время, отецъ нашъ, царь *Есугай* [126]), велъ дружбу съ *Ванъ ханемъ* [127]), рода *Кэрѣитъ* [128]); поэтому онъ тоже, что отецъ

для меня. Теперь онъ живетъ на берегу рѣки *Туула* [129]), въ Черномъ-Лѣсѣ [130]); я подарю ему этотъ кафтанъ.» *Тѣмучжинъ*, съ двумя братьями, повезъ соболій кафтанъ къ *Ванъ ханю*, и при свиданіи съ нимъ, говорилъ ему: «Въ прежніе дни, ты заключилъ дружбу съ отцомъ моимъ; поэтому ты для меня тоже, что отецъ. Теперь я подношу тебѣ, отецъ, подарокъ, взятый моей женой, для поднесенія ея свекрови.» Съ сими словами, онъ отдалъ *Ванъ ханю* кафтанъ изъ черныхъ соболей. *Ванъ ханъ*, получивъ кафтанъ, былъ весьма доволенъ и говорилъ *Тѣмучжину*: «Отдѣлившихся отъ тебя людей я соберу для тебя, разсѣявшихся присоединю къ тебѣ, и накрѣпко запямятую это въ сердцѣ своемъ.» Такъ сказалъ онъ [131]).

По возвращеніи *Тѣмучжина* домой, пришелъ къ нему отъ горы *Бурхань* старикъ *Чжаричиутай*, съ кузнечнымъ мѣхомъ [132]) за плечами и ведя съ собой сына, по имени *Чжэлмэ*, и сказалъ ему: «Когда ты родился въ урочищѣ *Дѣлиунь-болдаха*, я подарилъ тебѣ пеленку, подбитую соболемъ, и отдалъ тебѣ сына моего *Чжелмэ*; но какъ онъ былъ еще молодъ, то я взялъ его къ себѣ и воспиталъ. Теперь отдаю его тебѣ; пусть онъ сѣдлаетъ тебѣ коня и отворяетъ дверь.» Сказавъ это, онъ отдалъ *Тѣмучжину* своего сына.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, однажды раннимъ утромъ, на полуразсвѣтѣ, старая женщина [133]), прислуживавшая матери *Хоэлунь* [134]), сказала ей: «Мать, мать! скорѣе вставай! слышно, что земля дрожитъ. Не опять ли наѣхали братья *Дайчиуты*, старые губители наши и страшные намъ? Мать! скорѣе

вставай»! Мать *Хоэлунь* молвила: «Скорѣе разбуди дѣтей». Съ сими словами, *Хоэлунь* тотчасъ встала; вслѣдъ за тѣмъ встали *Тѣмучжинь* и его братья. *Хоэлунь*, *Тѣмучжинь*, *Хасаръ*, *Хачиунь*, *Тѣмугэотчигинь* [135]), *Бѣлгутай*, *Бöорчу* и *Чжелмѣ* сѣли на коней; *Тѣмулуня* мать взяла къ себѣ на руки. *Тѣмучжинь* имѣлъ на-готовѣ только одну заводную лошадь [136]), и для супруги, *Бортѣ*, не осталось коня.

Тѣмучжинь, съ братьями, тотчасъ сѣвъ на коней, уѣхали въ гору *Бурхань*. Старуха *Хоахчинь*, желая скрыть *Бортѣ*, посадила ее въ черную кибитку и запрягши въ кибитку пеструю корову, поѣхала вверхъ по рѣчкѣ *Тунгэли*. На дорогѣ, когда ночной мракъ началъ разсѣеваться и стало свѣтать, повстрѣчалась имъ толпа [137]) всадниковъ, которые, подъѣхавъ къ старухѣ, спросили ее: «Ты кто такая»? Старуха отвѣчала: «Я изъ дома *Тѣмучжиня*; ѣздила по богатымъ домамъ стричь овецъ; теперь возвращаюсь домой [138])». Всадники спросили ее: «Дома или нѣтъ, *Тѣмучжинь*? И далеко ли онъ отсюда?» Старуха отвѣчала: «Домъ его не далеко; да я отправилась изъ задняго жилья, такъ и не знаю, дома ли *Тѣмучжинь*». Такъ она говорила.

Когда всадники отъѣхали, старуха *Хоахчинь* пріударила пеструю корову, запряженную въ кибитку, чтобы ѣхать поскорѣе, какъ вдругъ телѣжная ось оттого сломилась. Когда она хотѣла итти пѣшкомъ въ горный лѣсъ, тѣ всадники настигли ее; они захватили мать *Бѣлгутая*, которую одинъ изъ нихъ держалъ, сидя на конѣ. Подъѣхавъ къ кибиткѣ, они спросили старуху: «Кто сидитъ въ этой кибиткѣ?» Старуха *Хоахчинь* отвѣчала: «Она на-

гружена шерстью». Всадники сказали: «Братцы, сойдемъ съ коней и осмотримъ». Съ этими словами, они сошли съ коней и отворили дверцы кибитки; увидѣвъ внутри ея молодую женщину, они выгащили ее оттуда и посадили на коня вмѣстѣ съ старухою; потомъ погнались за *Тѣмучжинемъ*, слѣдуя по конскимъ слѣдамъ, къ горѣ *Бурхань*.

Эти всадники, преслѣдовавшіе *Тѣмучжиня*, три раза объѣзжали гору *Бурхань* [139]), но не могли поймать его; желая найти прямую дорогу въ гору, они бросались то туда, то сюда, но вездѣ встрѣчали или топкую тину, или лѣсную чащу, такъ что нельзя было пробраться внутрь; оставалось только ожидать назади. Такимъ образомъ, имъ не удалось поймать *Тѣмучжиня*.

Всадники тѣ, на самомъ дѣлѣ, были люди трехъ родовъ *Мѣрки*: одинъ *Тохтоа* изъ *Удуитъ мѣрки*, другой *Дайиръусунъ*, изъ *Увасы мѣрки*, третій *Хаатай дармала*, изъ *Хаатъ мѣрки*. Эти три рода *Мѣрки* пріѣхали теперь съ местью за то что въ прежнее время *Ѣсугай* отнялъ у *Чильду Хоэлунь*. Они толковали между собою: «Схвативши жену *Тѣмучжиня*, мы отомстили тѣмъ за похищеніе *Хоэлуни*». Послѣ чего, они съѣхали съ горы и уѣхали домой.

Тѣмучжинъ, не зная дѣйствительно ли *Мѣрки* уѣхали, или скрывались въ засадѣ, отправилъ *Бѣлгутая*, *Бёорчу* и *Чжэлмѣ*, развѣдать съ задней стороны (горы), и уже черезъ трое сутокъ, когда увѣрились, что *Мѣрки* были далеко, *Тѣмучжинъ* рѣшился сойти съ горы. Тогда онъ, ударяя себя въ грудь [140]), воскликнулъ къ небу: «Благодаря хорьковому слуху

и горностаевому зрѣнію почтенной *Хоахчинъ*, я спасенъ. Гора *Бурхань* защитила мою бѣдную жизнь [141]); отселѣ впредь, буду всегда приносить ей жертву и завѣщаю моимъ дѣтямъ и внукамъ тоже приносить ей жертву.» — Сказавъ это, онъ обратился къ солнцу [142]), повѣсилъ поясъ на шею, а шапку на руку [143]), и ударяя себя въ грудь, девять разъ преклонилъ колѣна и сдѣлалъ возліяніе кумысомъ [144]).

Послѣ сего, *Тѣмучжинъ*, съ *Хасаромъ* и *Бѣлгутаемъ*, отправился въ Черный-Лѣсъ, что̀ на рѣкѣ *Туула*, къ *Тоорилъванъ ханю* и прибывши къ нему говорилъ: «Три рода *Мѣркитъ*, напавъ въ расплохъ, похитили мою жену. Государь и отецъ! Нельзя-ли избавить и возвратить мою жену?» *Ванъхань* сказалъ: «Въ прошломъ году, когда ты приходилъ и подарилъ мнѣ соболій кафтанъ, я обѣщалъ тебѣ отступившійся отъ тебя и разсѣявшійся народъ твой возвратить и собрать тебѣ, и постоянно помнилъ то. Теперь, согласно тѣмъ словамъ моимъ, я уничтожу *Мѣркитъ*, избавлю и возвращу тебѣ жену твою *Бортѣ*. Ты-же увѣдомь о томъ брата *Чжамуху* [145]); онъ кочуетъ въ урочищѣ *Хорхонахчжубуръ*. Я, съ своей стороны, наберу двѣ тьмы [146]) ратниковъ и буду правой рукой [147],) а *Чжамуха* пусть тоже подниметъ двѣ тьмы ратниковъ и будетъ лѣвой рукой. Какъ же намъ сойтись, рѣшитъ то *Чжамуха*.»

Тѣмучжинъ, съ братьями, возвратившись домой, послалъ *Хасара* и *Бѣлгутая* къ *Чжамухѣ* передать ему слѣдующія слова: «Жену мою похитили *Мѣркиты*. Мы съ тобой одного

рода-племени. Какъ бы отомстить за такую обиду?» Потомъ поручилъ имъ передать ему также слова *Ванъ ханя*. Когда *Хасаръ*, съ братомъ, передали *Чжамухѣ* эти слова *Тѣмучжиня*, *Чжамуха* сказалъ: «Я тоже слышалъ, что жена *Тѣмучжинь-аньды* [148]) похищена и крайне соболѣзновалъ. Теперь изъ этихъ трехъ родовъ *Мѣркитъ*, *Тохтоа* находится въ урочищѣ *Бууракээръ* [149]); *Дайиръ усунь* между рѣками *Орхуань* и *Сѣлянгэ* [150]), въ урочищѣ *Талхунь аралъ*; а *Хаатай Дармала* въ урочищѣ *Харачжикээръ*. Связавъ изъ растѣнія свиная щетина [151]) плотъ, мы прямо переправимся черезъ рѣку *Килхо*, къ мѣстопребыванію *Мѣркитъ тохтоа*, какъ будто упадемъ къ нему въ юрту черезъ верхнее отверзтіе, и овладѣемъ всѣмъ его народомъ.»

Чжамуха говорилъ еще: «Ты скажи *Тѣмучжиню* и *Ванъ-ханю*, что я уже снарядилъ свое войско; братъ *Ванъ хань* [152]), тронувшись въ походъ, пусть пройдетъ передъ горой *Бурхань халдунь* и, вмѣстѣ съ *Тѣмучжинемъ*, сойдется со мной въ урочищѣ *Бётохань бöорчжи*. У меня здѣсь есть народъ, принадлежащій *Тѣмучжинь аньдѣ* [153]); изъ него я наберу одну тьму ратниковъ, да своихъ возьму тьму, и съ этими двумя тьмами пойду вверхъ по рѣкѣ *Онань* къ урочищу *Бётохань бöорчжи*, гдѣ мы и соединимся.» Послѣ того, сряду, онъ двинулся въ походъ.

Хасаръ и *Бѣлгутай*, по возвращеніи, передавъ слова *Чжамухи Тѣмучжиню*, отправились къ *Ванъ ханю*, чтобы и ему передать ихъ. *Ванъ хань*, выслушавъ слова *Чжамухи*, тотчасъ

приказалъ двумъ тьмамъ своихъ ратниковъ сѣсть на коней, и отправился, черезъ подгорье *Бурхань халдунь*, по направленію къ рѣкѣ *Кэрулянь*, къ береговому яру, *Бурги*. Въ это время *Тъмучжинь*, стоявшій у яра *Бурги*, узнавъ, что *Ванъ хань*, съ войскомъ своимъ, проходитъ тутъ, поднялся съ мѣста и, вверхъ по рѣкѣ *Тунгэликъ*, дошелъ до горы *Бурхань*, къ рѣчкѣ *Тана*, гдѣ и остановился лагеремъ. *Тъмучжинь* отселѣ двинулъ свое войско, и когда тьма *Ванъ ханя*, да тьма брата его *Чжахаганьбу*, всего двѣ тьмы ратниковъ, ставили лагерь на берегу рѣки *Кимурха*, въ урочищѣ *Аилхарахона*, соединился съ ними. Поднявшись отсюда, *Тъмучжинь*, *Ванъ хань* и *Чжихаганьбу*, пошли вмѣстѣ къ вершинѣ рѣки *Онань*, на условленное сборное мѣсто, урочище *Бётохань бёорчжи*. Когда они прибыли туда, *Чжамуха* былъ тамъ уже три дня. Увидѣвъ ихъ рать, *Чжамуха* выстроилъ двѣ тьмы своихъ ратниковъ въ боевой порядокъ и стоялъ; *Ванъ хань* и другіе, тоже выстроившись, приблизились; они узнали другъ друга. *Чжамуха* сказалъ: «Когда условились о времени сбора, то, хотя бы былъ вѣтеръ и дождь, непремѣнно надобно прибыть въ свое время; вѣдь уже объ этомъ было переговорено. У насъ, *Дада* [154]), данное слово тоже, что клятва; коли не держать его, то не нужно брать и помощниковъ.» *Ванъ хань* сказалъ: «Я пришелъ на условленное для сбора мѣсто тремя днями позже; братъ *Чжамуха*! кори и взыскивай съ меня, сколько хочешь.» Такъ говорилъ онъ.

Соединенныя войска [155]), поднявшись съ урочища *Бётохань бёорчжи*, и достигши берега рѣки *Килхо*, переправились че-

резъ нее, по связанному плоту, и пришли въ урочище *Буура*; здѣсь онѣ захватили женъ и народъ *Тохтоа*. Самъ *Тохтоа*, спавшій въ то время, попался бы въ плѣнъ, если бы во время переправы черезъ *Килхо*, не случились на берегу ея рыбаки и охотники *Тохтоа*, которые ночью же поспѣшили предупредить его. *Тохтоа* и *Дайиръ усунъ*, съ нѣсколькими спутниками, безъ всего, бѣжали внизъ по рѣкѣ *Сьлянгэ*, въ *Бархучжинъ* [136]).

Когда *Мьркиты* ночью поспѣшно бѣжали по рѣкѣ *Сьлянгэ* и наши войска дѣятельно преслѣдовали ихъ, хватая ихъ въ плѣнъ, *Тьмучжинъ*, среди бѣгущей толпы, кликнулъ имя жены своей, *Бортэ*. *Бортэ*, находившаяся среди того народа, услышавъ и распознавъ голосъ *Тьмучжина*, спрыгнула съ кибитки, и вмѣстѣ со старухой *Хоахчинъ*, подбѣжала къ коню *Тьмучжина* и схватилась за поводья. Въ это время свѣтила луна и они узнали другъ друга. *Тьмучжинъ*, въ ту же ночь, отправилъ посланца къ *Ванъ хану* и *Чжамухѣ*, съ такимъ извѣстіемъ: «Я нашелъ, кого искалъ; далѣе не пойдемъ ночью. а остановимся здѣсь лагеремъ.» Тогда и остановились тутъ лагеремъ. Разсѣянно бѣжавшій народъ *Мьркитъ* тоже остановился станомъ. Вотъ какъ происходило избавленіе *Бортьучжинъ*.

Когда *Мьркиты: Удуитъ тохтоа*, *Увасы дайиръ усунъ* и *Хаатай дармала*, во главѣ трехъ сотъ человѣкъ, наѣхали на *Тьмучжина*, чтобы отмстить за похищеніе *Всугаемъ Хоэлуни*, жены *Чильду*, брата *Тохтоа*, и три раза объѣхали кругомъ горы *Бурхань*, но не могли схватить его, а полонили только жену его *Бортэ*, то отдали ее въ жены силачу *Чилэръ*, млад-

шему брату *Чильду*. Теперь, когда нашла (наша) рать, *Чилгэръ*, испугавшись, бѣжалъ и говорилъ: «Мнѣ, какъ черной воронѣ, суждено питаться кожаными обрывками; захотѣлось же мнѣ отвѣдать дикихъ гусей и драхвы [157]); оскорбивъ *Бортэ*, я навлекъ напасть на весь родъ *Мэркитъ*; это бѣдствіе обрушится и на мою голову; чтобы спасти свою одинокую жизнь, скроюсь въ какое либо темное и тѣсное мѣсто; авось избавлюсь.» Сказавъ это, онъ бѣжалъ.

Схватили только *Хаатайдармалу* и надѣли на него колодку. Потомъ прямо пошли къ горѣ *Бурхань*. Люди сказали *Бѣлгутаю*, что мать его находится въ такомъ-то становищѣ; *Бѣлгутай* пошелъ за ней и когда входилъ въ юрту правой стороной двери, мать его, одѣтая въ изодранный бараній тулупъ, выходила лѣвой стороной двери, и внѣ говорила другимъ: «Я слышала, что дѣти сдѣлались князьями; а я здѣсь отдана подлому человѣку; какъ же мнѣ смотрѣть въ лице дѣтямъ.» Сказавъ это, она скрылась въ лѣсную чащу, въ которой такъ и не отыскали ее. По этой причинѣ, *Бѣлгутай*, только что засматривалъ кого нибудь изъ *Мэркитъ*, тотчасъ приказывалъ пускать въ него стрѣлы съ тупымъ остреемъ, говоря: «Отдай мнѣ мою мать!» Тѣ трпста человѣкъ, которые пріѣзжали къ горѣ *Бурхань* и три раза объѣзжали ее, истреблены были до одного, а ихъ жены, годныя въ жены, пошли въ жены, годныя въ рабыни, сдѣланы рабынями.

Тэмучжинъ, благодаря *Ванъ ханя* и *Чжамуху*, говорилъ имъ: «*Ванъ хань* отецъ и ты, *Чжамуха Аньда*! Благодаря

помощи вашей, небо [138]) даровало мнѣ силу отомстить за обиду, нанесенную молодцу. За то, народы *Мѣркитъ* до конца истреблены и жены ихъ полонены; теперь воротимся.»

Когда *Удуитъ мѣркитъ* поспѣшно бѣжали, то покинули въ своемъ становищѣ пятилѣтняго мальчика, по имени *Кюйчу*; онъ былъ весьма красивъ, съ прекрасными блестящими глазами, и одѣтъ былъ въ платье, сшитое изъ мѣха рѣчнаго соболя [139]), съ набѣленной маздрой; на головѣ надѣта была соболья шапка, на ногахъ сапоги изъ олепьихъ лапъ. Ратники, овладѣвъ становищемъ, прибрали этого мальчика и, въ видѣ подарка [160]), отдали матери *Хоэлунъ*.

Тѣмучжинъ, *Ванъ хань* и *Чжамуха*, соединенно разрушивъ жилища *Мѣркитъ-дада* [161]), и полонивъ красивыхъ женъ ихъ, на возвратномъ пути, отступили чрезъ урочище *Талхунь-аралъ*, что между рѣками *Орхуань* и *Сѣлянгэ*; *Тѣмучжинъ* и *Чжамуха* возвратились въ урочище *Хорхонохчжубуръ*, а *Ванъ хань*, слѣдуя по загорью *Бурхань халдунь*, прошелъ три урочища *Хокорту чжурбу*, *Хачаурату субчитъ* и *Хулиятусубчитъ*, и занимаясь облавой, возвратился въ Черный-Лѣсъ рѣки *Туула* [162]).

Тѣмучжинъ и *Чжамуха*, достигши урочища *Хорхонахчжубуръ*, стали станомъ вмѣстѣ. Вспоминая прежнее время и начало дружбы своей, когда они обмѣнялись подарками [163]), теперь они обѣщались полюбить другъ друга еще крѣпче [164]), и о томъ говорили между собою. Вначалѣ когда сдѣлались они *аньда*, *Тѣмучжину* было 11 лѣтъ; разъ, когда они играли въ

животные камешки на льду рѣки *Онань*, *Чжамуха* подарилъ *Тѣмучжину* животный камень отъ серны [165]), а *Тѣмучжинъ* отдарилъ *Чжамуху* животнымъ камнемъ, налитымъ мѣдью; чрезъ то, они и сдѣлались *аньда*. Потомъ, весной, когда *Тѣмучжинъ* и *Чжамуха* забавлялись вмѣстѣ пусканіемъ стрѣлъ изъ небольшихъ деревянныхъ луковъ, *Чжамуха*, изъ рога молодой коровы склеивъ гремучій наконечникъ на стрѣлу, подарилъ его *Тѣмучжину*, а *Тѣмучжинъ* отдарилъ *Чжамуху* наконечникомъ стрѣлы изъ кипарисовой [166]) верхушки. Такъ-то случилось, что они дважды побратались.

Тѣмучжинъ и *Чжамуха* толковали промежъ себя: «Старые люди говаривали, что когда дѣлаются *аньда*, то оба друга имѣютъ какъ бы одну жизнь; одинъ другаго не покидаетъ, и бываютъ они охраной жизни другъ другу. Таковъ законъ взаимной нѣжной дружбы. Теперь мы снова скрѣпимъ нашу дружбу и крѣпче будемъ любить другъ друга.» Въ этихъ изъясненіяхъ *Тѣмучжинъ* опоясалъ *Чжамуху* золотымъ поясомъ, добытымъ имъ у *Мѣркитъ*, и подарилъ ему захваченную имъ кобылу, нѣсколько лѣтъ не носившую жеребятъ; а *Чжамуха* отдарилъ *Тѣмучжина* тоже золотымъ поясомъ, отнятымъ имъ у *Мѣркитъ Дайирѣусуня*, да захваченной имъ бѣлой лошадью, съ чолками [167]). Они устроили въ урочищѣ *Хорхонахчжубуръ*, у скалы *Хулдахаръ*, подъ густымъ деревомъ, пиръ; а ночью спали подъ однимъ одѣяломъ.

Тѣмучжинъ и *Чжамуха*, изъ любви другъ къ другу, прожили вмѣстѣ полтора года. Однажды, они поднялись съ того

становища; было же то лѣтомъ въ 16-е число 4-й луны. *Тѣмучжинъ* и *Чжамуха* вмѣстѣ ѣхали впереди кибитокъ; на дорогѣ *Чжамуха* сказалъ: «Нынѣ, если мы остановимся у горы, то пасущіе коней достанутъ юрты; если подлѣ потока, то пасущіе овецъ и ягнятъ достанутъ пищи для горла [168]).» *Тѣмучжинъ* смолчалъ и остановившись, обождалъ свою мать, *Хоэлунъ*; когда она подъѣхала, онъ передалъ ей слова *Чжамухи* и сказалъ: «Я не понялъ словъ его и ничего не отвѣчалъ ему; нарочно подъѣхалъ спросить объ этомъ тебя, матушка.» Мать его не успѣла еще молвить слова, какъ *Бортѣ* проговорила: «Про *Чжамуха аньду* люди говорили, что онъ любитъ новое и презираетъ старое; теперъ онъ наскучилъ нами. Не скрывается ли въ словахъ его какого нибудь умысла противъ насъ? Мы не должны останавливаться; пойдемъ на ночь; лучше, по-добру, по-здорову, разстаться съ нимъ.»

Тѣмучжинъ сказалъ: «*Бортѣ* говоритъ дѣло.» По этому [169]) онъ не остановился и пошелъ въ ночь. Когда онъ, попути, проходилъ черезъ кочевье *Дайчиутъ*, послѣдніе, испугавшись, поднялись съ мѣста и въ ту же ночь ушли къ *Чжамухѣ*. Въ становищѣ, они покинули одного мальчика, по имени *Кокочу*; наши ратники взяли его и отдали матери *Хоэлунъ*, на воспитаніе.

Въ это ночное перекочеванье, когда начало свѣтать, глядь, пришли слѣдомъ люди изъ рода [170]) *Чжалаиръ*: *Хачиунъ Харахай* и *Харалдай*, три брата *Тохураунъ* [171]); потомъ рода *Тарху*: *Хадаанъ Далдурхань*, и другіе братья, въ-пятеромъ; также

рода *Киянь*: *Мунгэту*, съ сыномъ своимъ *Унгуръ*, и другими дѣтьми, вмѣстѣ съ людьми родовъ *Чаншиутъ* и *Баяу*; еще пришли изъ рода *Балура*: *Хубилай* и *Худусы*; рода *Манху*: братья *Чжэдай* и *Дохолху*; потомъ младшій братъ *Бёорчу*, *Огэлянь* [172]), отдѣлившись отъ рода *Алура*; пришли также, отдѣлившись отъ рода *Урянха*, младшіе братья *Чжэлмь*, *Чаурхань* и *Субьэтай*; изъ рода *Бьсу*: *Дьгай* и *Кучугуръ*; изъ рода *Сулду*: *Чилугай*, *Таки* и *Дайчиудай*; изъ рода *Чжалаиръ*: *Сьчэдомохъ* и *Архайхасарьбала*, съ двумя сыновьями; изъ рода *Хуанхотань*: *Сюцикэту*; также: *Сукэкэ*, *Чжэгай* и *Хуандахорь*, съ дѣтьми своими: *Сукэгай*, *Чжэунь*, *Ньудай* и *Чахааньбува*; изъ рода *Олхуна*: *Кингиядай*; изъ рода *Хорола*: *Сюшуръ*: изъ рода *Дорбь*: *Мочибьдуунь*: изъ рода *Нкирьсунь*: *Буту*, имѣвшій здѣсь невѣсту [173]); изъ рода *Наяки*: *Чжунъшай*; изъ рода *Орона*: *Чжирхоань*; изъ рода *Баруласы*: *Сухусьчань* и *Харачаръ*, вмѣстѣ съ дѣтьми своими; изъ рода *Бааринь*: *Хорчи*, старикъ *Усунь* и *Кокососы*, съ родомъ *Мьняньбааринь*, всѣмъ становищемъ.

Хорчи, пришедши, говорилъ (*Тьмучжину*): «Нашъ мудрый и могущественный предокъ *Бёдуанчаръ*, отъ взятой имъ супруги, имѣлъ двухъ единоутробныхъ сыновей; то были предки *Чжамухи* и нашъ [174]); поэтому, намъ не слѣдовало бы отдѣляться отъ *Чжамухи*; но по откровенію духа [175]), я видѣлъ бѣлесоватую дойную корову, которая, пришедши къ *Чжамухѣ* и бодая кругомъ юрты и кибитки, сломала себѣ одинъ рогъ; эта корова, роя землю предъ *Чжамухою*, и мыча, говорила:

«*Чжамуха*! отдай мой рогъ.» Потомъ одинъ безрогій и сильный быкъ, везъ колья [176]) отъ большой юрты, по дорогѣ, которой ѣхала кибитка *Тъмучжиня*; онъ шелъ и мыча говорилъ: «Небо [177]) присудило [178]) господиномъ царства быть *Тъмучжиню*; я везу къ нему царство.» Вотъ что духъ открылъ мнѣ и представилъ очамъ моимъ; а я открываю это тебѣ, *Тъмучжинъ*! Если ты сдѣлаешся господиномъ царства, то чѣмъ, за то, порадуешъ [179]) меня?» *Тъмучжинъ* отвѣчалъ: «Если я дѣйствительно буду имъ (господиномъ царства), то сдѣлаю тебя темникомъ [180]).» *Хорчи* сказалъ: «Я высказалъ тебѣ много важнаго: если ты дашъ мнѣ только темника, то что это за радость? Ты дай мнѣ темника, да позволь мнѣ выбрать въ царствѣ тридцать прекрасныхъ дѣвицъ въ жены; кромѣ того, что-бы я ни сказалъ тебѣ, ты слушайся меня [181]).»

Потомъ пришли изъ рода *Гэнигэсы*: *Хунань*, и другіе; равно *Даритай отчигинь;* изъ рода *Чжадара*: *Мулхалху*, и люди рода *Сахаитъ*; изъ рода *Чжурки: Сорхатучжурки*, съ дѣтьми своими, *Сачабьки* [182]) и *Дайчу*; сынъ *Нькуньтайцзы*, *Хучарбьки*, и сынъ *Хутулахаханя*, *Алтаньотчигинь*; всѣ они, съ цѣлыми становищами, отдѣлились отъ *Чжамухи* и присоединились къ *Темучжиню*, когда онъ стоялъ станомъ у рѣчки *Кимурха*, въ урочищѣ *Аитъхарахана*. Поднявшись съ сего мѣста, онъ дошелъ до урочища *Гурьлгу*, къ рѣкѣ *Сангуръ*, и остановился въ урочищѣ *Харачжурунэ*, у озера *Коконауръ*.

Алтань, *Хучаръ* и *Сачабьки*, посовѣтовавшись цѣлымъ об-

ществомъ, объявили *Тѣмучжину*: «Мы хотимъ провозгласить тебя царемъ [183]). Когда ты будешъ царемъ, то въ битвахъ со многочисленными врагами, мы будемъ передовыми, и если полонимъ прекрасныхъ дѣвицъ и женъ, да добрыхъ коней, то будемъ отдавать ихъ тебѣ. Въ облавахъ на звѣрей, мы будемъ выступать прежде другихъ и пойманныхъ (нами) звѣрей будемъ отдавать тебѣ. Если мы, въ ратныхъ бояхъ, преступимъ твои приказы, или, въ спокойное время, повредимъ дѣламъ твоимъ, то ты отними у насъ женъ и имущество и покинь насъ въ безлюдныхъ пустыняхъ.»

Такъ поклявшись, они провозгласили *Тѣмучжина* царемъ и нарекли его *Чингисомъ* [184]).

Чингисъ, сдѣлавшись царемъ, приказалъ младшему брату *Бѣорчу, Огэлаю* [185]), вмѣстѣ съ *Хачиуномъ, Чжэдаемъ* и *Дохолху*, четверымъ, быть стрѣлками [186]). *Вангуру, Сюникэту* и *Хадаанъдалдурханю*, троимъ, завѣдывать пищей и питьемъ; *Дыгаю* паствою овецъ; *Гучугуру* изготовленіемъ кибитокъ [187]); *Додаю* управлять домашними людьми. Потомъ велѣлъ *Хубилаю, Чилгутаю* и *Хархайтохурауню*, троимъ, вмѣстѣ съ братомъ его *Хасаромъ*, быть мечниками и стоять въ одномъ мѣстѣ [188]). Брату своему *Бѣлгутаю*, съ *Харалдайтохураунемъ*, завѣдывать выправкою коней [189]). *Дайчиудайхуту, Моричи* и *Мутхалху*, троимъ, паствою конскихъ табуновъ; потомъ поручилъ *Архайхасару, Тахаю, Сукэгаю* и *Чаурханю*, четверымъ, быть въ родѣ дальнихъ и ближнихъ стрѣлъ [190]). *Субѣэтай* храбрый сказалъ: «Я буду убирать [191]), какъ старая мышь,

прилетать, какъ галка, прикрывать, какъ конская попона, и защищать, какъ подвѣтренный войлокъ. Вотъ какъ я буду поступать.»

Послѣ того, Чингисъ сказалъ *Бёорчу* и *Чжэлмэ*: «Я не забылъ въ сердцѣ своемъ, что когда у меня еще не было товарищей, вы двое, прежде другихъ, сдѣлались моими товарищами: будьте же старѣйшими [192]) во всемъ этомъ собраніи.» Потомъ, онъ сказалъ собранію: «Вы, собравшіеся здѣсь, отстали отъ *Чжамухи* и рѣшились притти ко мнѣ. Если небо сохранитъ и поможетъ мнѣ, то вы всѣ, старые мои, впослѣдствіи будете моими счастливыми [193]) сподвижниками.» Сказавъ это, онъ поручилъ имъ исправлять ихъ должности [194]).

Чингисъ, сдѣлавшись царемъ, послалъ *Тахая* и *Сукэгая* извѣстить о томъ царя рода *Кэрэитъ*, *Тоорила*. *Тоорилъ* сказалъ: «Весьма хорошо, что Чингисъ сдѣланъ царемъ; какъ вы, *Дада* [195]), могли бы обойтись безъ царя? Не измѣняйте же того, что вы порѣшили съ общаго согласія.» Такъ онъ сказалъ.

Чингисъ отправилъ также *Архайхасара* и *Чаурханя* къ *Чжамухѣ*: *Чжамуха* сказалъ: «передайте ближнимъ *Тѣмучжина*, *Алтаню* и *Хучару*, что они, наговорами своими, поссорили и развели меня съ *Тѣмучжинъ аньдой* [196]). Почему вы не провозгласили его царемъ въ то время, какъ мы были вмѣстѣ, и съ какою цѣлію провозгласили его теперь? Вы постарайтесь, чтобы сердце *Тѣмучжинъ аньды* было спокойно; будьте усердными сподвижниками *Тѣмучжину*.»

Послѣ того, когда младшій братъ *Чжамухи*, *Тайчаръ*, кочевалъ у горы *Чжалама*, въ урочищѣ *Олыайбулаха*, а сподвижникъ Чингиса, *Чжочидармала*, въ урочищѣ *Саали*, *Тайчаръ* захватилъ табунъ коней [197]) у *Чжочидармалы*; товарищи послѣдняго не осмѣлились преслѣдовать и *Чжочидармала* одинъ пустился въ погоню; ночью, настигши конскій табунъ, онъ прилегъ на гриву лошади и прострѣлилъ *Тайчара* въ спинной хребетъ, а коней своихъ отогналъ назадъ.

Чжамуха, желая отмстить за убіеніе своего брата *Тайчара*, во главѣ своего и другихъ, 13 родовъ, всего съ тремя тьмами ратниковъ, перешелъ горный хребетъ *Алаутъ турхау* и намѣревался сразиться съ Чингисомъ. Чингисъ, находившійся, въ то время, въ урочищѣ *Гуляігу*, извѣщенъ былъ о томъ прибывшими къ нему *Мулкэтотахомъ* и *Бололдаемъ*, людьми изъ рода *Икирѣсы* [198]). Узнавъ о семъ, онъ собралъ въ своихъ 13 становищахъ, тоже три тьмы ратниковъ, выступилъ на встрѣчу *Чжамухѣ* и сразился съ нимъ въ урочищѣ *Даланьбалчжутъ*. Чингисъ, отброшенный натискомъ *Чжамухи*, отступилъ къ рѣкѣ *Онанъ* и остановился въ одной тѣснинѣ урочища *Чжэрѣнъ*. Послѣ сего *Чжамуха* возвратился и захвативъ находившихся въ *Чинасы* великихъ князей [199]), велѣлъ сварить всѣхъ ихъ въ 70 котлахъ; также отрубилъ *Неудайчахаану* голову, и положивъ ее на крестецъ лошади [200]), уѣхалъ.

Послѣ отбытія *Чжамухи*, *Чжурчжудай*, изъ рода *Урууть*, и *Хуюйлдаръ*, изъ рода *Манху* [201]), каждый со своимъ родомъ, отдѣлились отъ *Чжамухи* и перешли къ Чингису; при-

шелъ также изъ рода *Хуанхотанъ*, *Мунликъ*, съ семерыми сыновьями [202]). Чингисъ, на радости, что къ нему перешло столько народа, устроилъ пиръ на берегу рѣки *Онанъ*, въ лѣсу. При этомъ, онъ прежде всего отпустилъ одинъ кувшинъ кобыльяго молока для *Хоэлунъ*, вмѣстѣ съ *Хасаромъ* и *Сачабъки*; потомъ, для молодой жены *Сачабъки*, *Эбугай*, тоже одинъ кувшинъ: по этому случаю, боярыни *Холичжинъ* и *Хуурчинъ* [203]) замѣтили: «Почему намъ прежде не отпустили молока?» и прибили кравчаго, *Шикиура* [204]); *Шикиуръ* сказалъ: «*Есугайбаатуръ* и *Нѣкунѣтайцзы* [205]) померли, такъ меня и бьютъ.» Говоря это, онъ громко заплакалъ.

Во время того пира, Чингисъ приказалъ *Бѣлгутаю* вмѣ ловить коней [206]) и наблюдать за порядкомъ, а со стороны *Чжурки* велѣлъ завѣдывать тѣмъ же *Бурибоко*; одинъ человѣкъ изъ рода *Хадинъ* укралъ поводъ и былъ пойманъ [207]) *Бѣлгутаемъ*; *Бурибоко*, защищая того человѣка, разрубилъ наплечникъ *Бѣлгутаю*; *Бѣлгутай* изъ за этого не завелъ дѣла; когда кровь текла изъ его раны, Чингисъ, сидѣвшій подъ тѣнью дерева и все видѣвшій, спросилъ его: «Какъ ты позволяешь имъ подобный поступокъ съ тобой?» *Бѣлгутай* отвѣчалъ: «Хоть я и раненъ, но неопасно; изъ за меня не стоитъ братьямъ ссориться [208])». Но Чингисъ, не слушая его, сломилъ съ дерева прутъ, да вынулъ деревянный пестъ, которымъ бьютъ кобылье молоко, напалъ на *Чжурки*, и одолѣлъ ихъ; захватилъ также *Холичжинъ* и *Хуурчинъ*. Тѣ пришли съ мировой и обѣ боярыни были возвращены.

Послѣ сего, когда посланцы ѣздили взадъ и впередъ [209]), *Гиньцы* [210]) отправили министра *Вань гина* [211]), съ войскомъ, на *Татаръ Мыучжинь сьулту*, и другихъ [212]), за то, что сіи не слушались ихъ повелѣній [213]). *Вань гинь* преслѣдовалъ *Мыучжиньсьулту*, вверхъ по рѣкѣ *Улжа*.

Чингисъ сказалъ: «За *Татарами* есть кровная обида, та, что они погубили моего предка и моего отца. Теперь, пользуясь этимъ случаемъ, удобно напасть на нихъ съ двухъ сторонъ [214]). Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отправилъ человѣка къ *Тоорилу*, съ такими словами: «*Гиньцы* послали *Вань гина*, который преслѣдуетъ *Мыучжиня*, и другихъ *Татаръ*, вверхъ по рѣкѣ *Улжа*. Это родъ враждебный, погубившій моего предка и моего отца: Отецъ! помоги мнѣ ратовать на нихъ [215])». *Тоорилъ* согласился помочь: въ три дня, онъ приготовилъ войско и самъ пришелъ съ нимъ къ Чингису. Чингисъ также послалъ человѣка къ *Сачабьки* и *Дайчу*, рода *Чжурки*, объяснить имъ свое желаніе мести за обиду и просить ихъ помощи; онъ ждалъ ихъ шесть дней, но они не приходили. Тогда, Чингисъ съ *Тоориломъ*, повелъ войска внизъ по рѣкѣ *Улжа*; они съ *Вань гиномъ*, съ двухъ сторонъ, напали на *Татаръ*. *Татары* устроили укрѣпленіе въ урочищѣ *Хусутушитунь*. Чингисъ, съ *Тоориломъ*, разбилъ укрѣпленіе и убилъ татарскаго *Мыучжинь сьулту*.

Когда Гиньскій *Вань гинь* узналъ, что Чингисъ и *Тоорилъ* разбили татарское укрѣпленіе и убили *Мыучжиня* и другихъ, онъ крайне былъ доволенъ и далъ Чингису титулъ *Чжаухури* [216]), а *Тоорилу* титулъ *Вана* [217]). Потомъ, *Вань гинъ* гово-

рилъ Чингису: «Я весьма одолженъ тебѣ, что ты убилъ *Мугужиня* и другихъ; когда я возвращусь, то донесу о томъ Гиньскому царю, и постараюсь, чтобы онъ далъ тебѣ еще важнѣйшій титулъ: *Чжаотаогуань* [218]).» За тѣмъ *Ванъ гинъ* отправился въ обратный путь. Чингисъ и *Тоорилъ*, полонивъ *Татаръ*, тоже вернулись домой.

Когда войско Чингиса находилось въ лагерѣ *Татаръ*, то подобрали въ немъ одного мальчика, который носилъ на носу золотое кольцо, и набрюшникъ съ золотыми кистями, подбитый соболемъ; его отдали матери *Хоэлунъ*. *Хоэлунъ* сказала: «Вѣрно, онъ изъ какого нибудь знатнаго дома [219])». Давъ ему имя *Шигиканьхудуху*, она сдѣлала его своимъ шестымъ сыномъ.

Старые и малые изъ народа Чингиса, отставши назади, стали на берегу озера *Халилъ*. *Чжурки* съ 50 изъ нихъ содрали платье, да десятерыхъ убили. Когда извѣстили о томъ Чингиса, онъ разгнѣвался и сказалъ: «За что мы терпимъ подобные поступки отъ *Чжурки*? Прежде, во время пира на берегу рѣки *Онань*, въ лѣсу, ихъ люди прибили кравчаго и порубили плечо *Бьлутаю*; теперь, когда я хотѣлъ отомстить за предковъ, вмѣстѣ съ ними, они не пришли; напротивъ, предавшись нашимъ врагамъ, сдѣлались врагами.» Поэтому онъ повелъ войско свое разгорять *Чжурки*; прибывши въ *Долоань болдау*, у рѣки *Кэрулянь*, онъ овладѣлъ народомъ *Чжурки*; только двое, *Сачабьки* и *Дайчу* безо всего бѣжали къ ущелью *Дъльту*, но Чингисъ поймалъ ихъ и спросилъ: «Вы что мнѣ прежде говорили?» [220]) Оба они отвѣчали: «Мы не исполнили

данпаго нами прежде обѣщанія.» Съ сими словами, они протянули шеи, чтобы ихъ убили: Чингисъ и убилъ ихъ. Убивъ *Сачабыки* и *Дайчу*, Чингисъ возвратился въ становище *Чжурки* и поднялъ этотъ народъ [221]).

Въ то время, человѣкъ изъ рода *Чжалаиръ*, по имени *Тъмъгэту Боянь*, имѣвшій троихъ сыновей, велѣлъ старшему изъ нихъ, по имени *Гууньуа*, съ двумя его сыновьями, *Мухали* и *Буха*, представиться Чингису и отдаться ему, сказавъ: «Пусть они будутъ навсегда рабами твоими. Если они отстанутъ отъ твоихъ дверей, то вытяни у нихъ изъ ногъ жилы и вырѣжь сердце и печень.» Потомъ велѣлъ второму своему сыну, *Чилаунъ Хайчи*, съ двумя его сыновьями, *Тунгэ* и *Хаши*, тоже представиться, говоря: «Пусть они оберегаютъ у тебя золотыя двери. Если они отстанутъ, то отними у нихъ жизнь.» Наконецъ, третьяго сына своего *Чжэбкэ*, онъ отдалъ брату Чингиса, *Хасару*.

Чжэбкэ нашелъ въ лагерѣ *Чжурки* одного мальчика, по имени *Бороулъ*, котораго отдалъ матери *Хоэлунъ*. *Хоэлунъ*, принявшая послѣдовательно четырехъ мальчиковъ: *Гучу*, *Кокочу*, *Шигиканъхутуху* и *Бороули*, вмѣстѣ съ дѣтьми своими, днемъ наблюдала очами, ночью внимала ушами, и такъ воспитала ихъ.

Происхожденіе рода *Чжурки* было слѣдующее: у царя *Хабула* было семь сыновей: старшій назывался *Олбархахъ* [222]); *Хабулъ*, во вниманіи къ его старшинству, выбравъ изъ народа смѣлыхъ, сильныхъ, твердыхъ и искусныхъ въ стрѣляніи изъ лука людей, далъ ему ихъ въ свиту. Куда бы они ни ходили,

всѣхъ побѣждали и никто не смѣлъ состязаться съ ними; поэтому они и названы были *Чжурки*. Чингисъ покорилъ этотъ родъ и присоединилъ его народъ къ своему.

Разъ Чингисъ приказалъ *Бурибоко* и *Бѣлгутаю* побороться въ своемъ присутствіи. Обыкновенно, когда *Бѣлгутай* боролся съ *Бурибоко*, послѣдній, дѣйствуя одной рукой и одной ногой, поборалъ и заставлялъ его лежать безъ движенія. Въ этотъ разъ *Бурибоко*, притворившись, что уступаетъ силѣ *Бѣлгутая*, упалъ на земь. *Бѣлгутай*, прижавъ его, оберпулся лицемъ къ Чингису; Чингисъ закусилъ нижнюю губу свою; *Бѣлгутай*, понявши этотъ знакъ, уперся колѣнами въ спину *Бурибоко*, обѣими руками ухватился за его шею, и съ силою потянувъ назадъ, переломилъ ему спинную кость. *Бурибоко* проговорилъ: «Я не могъ проиграть въ борьбѣ: но, боясь Чингиса, нарочно показалъ видъ, что не могу одолѣть тебя: а ты спровадилъ мою жизнь [223])».

У царя *Хабула* было семеро сыновей; старшій назывался *Олбархахъ*: второй *Бартаньбаатуръ*; сынъ *Бартаня* былъ *Есугай*, сынъ *Есугая* Чингисъ; третій сынъ *Хабула* именовался *Хутухтумунлыръ*; сынъ *Мунлыра* и былъ *Бурибоко*. *Бурибоко* обошелъ потомковъ *Бартаня* и сдѣлался товарищемъ отважныхъ потомковъ *Барха* [224]); за то, хотя во всемъ царствѣ никто не могъ спорить съ нимъ въ силѣ, онъ, подъ конецъ, не избѣгъ смерти отъ перелома спины [225]).

Послѣ того, въ годъ курицы [226]), улусы: *Хатагинъ* и другіе, въ числѣ 11 [227]), собрались въ урочищѣ *Алхуйбулаа* и по

совѣщаніи, рѣшились провозгласить *Чжамуху* главою [228]). Тогда они, убивъ лошадь и произнесши клятву, отправились внизъ по рѣкѣ *Эргунь* [229]), и у острова рѣки *Каньмурянь* [230]) провозгласили *Чжамуху* царемъ и намѣревались идти войной на Чингиса и *Ванъ ханя*. Одинъ человѣкъ изъ рода *Хоролась*, по имени *Хоридай*, прибылъ въ урочище *Гулялу* и увѣдомилъ о томъ Чингиса. Чингисъ отправилъ человѣка извѣстить *Ванъ ханя*; вслѣдствіе чего, *Ванъ хань*, собравъ войско, пришелъ съ нимъ къ Чингису. *Ванъ хань* и Чингисъ, соединившись, отправились внизъ по рѣкѣ *Кэрулянь*, на встрѣчу *Чжамухѣ*. Чингисъ отправилъ передовыми *Алтаня* и другихъ двоихъ [231]), а *Ванъ хань—Санкуня* [232]), тоже съ двумя товарищами; эти передовые отрядили отъ себя дозорныхъ, въ мѣста: *Энъгяньгуйльту*, *Чэксалъ* [233]) и *Чихурху*, для дозора. Когда *Алтань* доѣхалъ до урочища *Укитъя* [234]), пріѣхалъ къ нему дозорный съ *Чихурху*, съ извѣстіемъ, что непріятели приближаются. *Алтань*, съ товарищами, тотчасъ отправился впередъ, для развѣдыванія, и на дорогѣ повстрѣчался съ четырьмя передовыми *Чжамухи*, *Аучубаатуромъ* и другими; переговоривъ между собой [235]) и видя, что уже поздно, они возвратились на ночлегъ въ главный лагерь.

На слѣдующій день, войско Чингиса сошлось съ войскомъ *Чжамухи* и вступило въ бой въ урочищѣ *Коитянь*. Во время построенія рядовъ, въ войскѣ *Чжамухи*, *Бугурхъ* и *Худуха*, чарами своими навели вѣтеръ и дождь, чтобы по вѣтру и дождю ударить на Чингиса; но вопреки ихъ ожиданію, вѣтеръ и

дождь обратились противъ нихъ самихъ; воздухъ стемнѣлъ и ратники *Чжамухи*, не будучи въ состояніи двинуться впередъ, попадали въ ровъ. *Чжамуха* и другіе сказали: «Небо не покровительствуетъ намъ; отъ того и вышло такъ.» Вслѣдъ затѣмъ, войско его разсѣялось; *Найманъ* и другіе роды, въ числѣ 11, возвратились въ свои улусы.

Чжамуха, захвативъ народъ, провозгласившій его царемъ, отправился въ обратный путь, внизъ по теченію рѣки *Эргунь*; *Ванъ ханъ* пустился преслѣдовать его, а Чингисъ *Аучубаатура*, рода *Дайчиутъ*. *Аучубаатуръ*, прибывши въ свой улусъ, поднялъ весь народъ, переплылъ рѣку *Онанъ* и здѣсь выстроилъ свое войско, въ ожиданіи Чингиса, чтобы сразиться съ нимъ. Чингисъ, тотчасъ по прибытіи, вступилъ въ битву и сдѣлалъ нѣсколько схватокъ; къ вечеру обѣ стороны остановились на ночлегъ, одна противъ другой, на самомъ мѣстѣ битвы.

Чингисъ, въ сраженіи съ *Дайчиутъ*, раненъ былъ въ шею; отъ истеченія крови, онъ впалъ въ глубокій обморокъ; прислужникъ его, *Чжэлмэ*, высосалъ изъ раны его скопившуюся кровь, и Чингисъ уже въ полночь очнулся. Онъ сказалъ: «Кровь во мнѣ высохла; чрезвычайно хочется пить.» *Чжэлмэ*, нагой, отправился въ непріятельскій станъ, искалъ въ кузовахъ кибитокъ кобыльяго молока, но не нашелъ его; попалось ему только ведро со сливками [236]), которое онъ и унесъ съ собой, такъ, что никто не замѣтилъ, какъ онъ приходилъ и ушелъ. Потомъ онъ сходилъ за водой, и разведя ею густыя сливки, далъ Чингису напиться. Чингисъ три раза принимался пить, отдыхая, и только

послѣ третьяго раза, остановился. Тогда Чингисъ сказалъ: «Глаза мои прозрѣли, душа просвѣтлѣла». Съ сими словами, онъ приподнялся и пока сидѣлъ, начало свѣтать. Замѣтивъ на мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, кровь, которая образовала грязную лужу, Чингисъ сказалъ: «Что это такое? Развѣ нельзя было откидывать подальше?» *Чжэлмъ* отвѣчалъ: «Въ-торопяхъ, мнѣ не въ-догадъ было отходить подальше; да я и боялся удалиться отъ тебя, и какъ попало, то глоталъ, то выплевывалъ кровь; въ мое брюхо вошло ея тоже не мало». Чингисъ сказалъ опять: «Когда я былъ въ такомъ положеніи, какъ ты рѣшился, нагой, пробраться въ непріятельскій лагерь; если бы схватили тебя, вѣдь ты сказалъ бы имъ, что я раненъ?» *Чжэлмъ* отвѣчалъ: «Если бы схватили меня, то я сказалъ бы имъ, что я человѣкъ, передавшійся имъ; что вы, узнавъ о томъ, сняли съ меня платье и пока готовились убить меня, я вырвался отъ васъ и бѣжалъ къ нимъ. Они непремѣнно повѣрили бы словамъ моимъ, одѣли и употребили бы въ дѣло, а я, сѣвъ на одну изъ ихъ лошадей, непремѣнно пріѣхалъ бы сюда.» Чингисъ сказалъ: «Прежде, когда *Мъркитъ* стѣснили меня въ горѣ *Бурхань*, ты тогда защитилъ мою жизнь; теперь ты высосалъ у меня скопившуюся кровь; захотѣлъ я пить, и ты, рискуя своею жизнію, отыскалъ мнѣ сливокъ и напоивъ меня, возвратилъ мнѣ духъ. Эти три услуги твои я навѣки не забуду.»

На другой день, Чингисъ увидѣлъ, что непріятели ночью разсѣялись; а народъ, находившійся въ ихъ станѣ, полагая, что не можетъ убѣжать, не поднимался съ мѣста. Чингисъ,

сѣвъ на коня, поѣхалъ вслѣдъ за ушедшимъ народомъ, чтобы и его возвратить назадъ; вдругъ замѣтилъ онъ на горѣ женщину, одѣтую въ красное платье, которая плакала и громко кликала: «*Тѣмучжинъ*!» Чингисъ послалъ къ ней человѣка узнать, что такое? Та женщина сказала: «Я дочь *Сорханьшира*, по имени *Хадаанъ*; ратники хотятъ убить моего мужа; потому я и звала *Тѣмучжиня*, чтобы онъ спасъ его.»—Чингисъ, узнавъ это, тотчасъ поѣхалъ спасти ея мужа, но когда прибылъ, мужъ ея былъ уже убитъ ратниками. Вслѣдъ за тѣмъ, Чингисъ остановился лагеремъ въ этомъ мѣстѣ и позвавъ къ себѣ *Хадаанъ*, посадилъ ее рядомъ съ собою. На другой день, представились Чингису *Сорханьшира* и *Чжэбѣ*; оба они первоначально были домашними людьми *Тодоэ*, рода *Дайчиутъ*. Чингисъ сказалъ *Сорханьширѣ*: «Въ прежнее время, ты и дѣти твои оказали мнѣ услугу, снявъ съ меня колодку; почему такъ поздно пришли ко мнѣ?» *Сорханьшира* отвѣчалъ: «Въ душѣ я уже преданъ былъ тебѣ, но если бы я пришелъ къ тебѣ ранѣе, то, пожалуй, *Дайчиуты* истребили бы моихъ женъ. Вотъ почему я явился къ тебѣ только теперь.»

Чингисъ спросилъ *Чжэбѣ*: «Во время битвы, въ урочищѣ *Куйтянь*, кто съ горы пустилъ стрѣлу и прострѣлилъ шейную кость у моего коня.» *Чжэбѣ* отвѣчалъ: «Это я пустилъ стрѣлу. Теперь, если ты, царь, повелишь убить меня, то замаранъ только клочекъ земли, не больше, какъ съ ладонь; а коли оставишь меня живымъ, то я поусердствую [237]) тебѣ; глубокую воду остановлю и крѣпкіе камни разобью въ ку-

ски» [238]). Чингисъ сказалъ: «Когда врагъ убиваетъ человѣка, то онъ обыкновенно таитъ и не высказываетъ этого; ты же теперь не утаилъ отъ меня: будь же моимъ сподвижникомъ.» — До этого *Чжэбь* назывался *Чжирхоадай*, а теперь за то, что онъ могъ застрѣлить ратную лошадь, Чингисъ далъ ему имя *Чжэбь* и употреблялъ его, какъ ратную лошадь. *Чжэбь* же есть названіе военнаго оружія.

Истребивъ всѣхъ дѣтей и внуковъ *Аучубаатура*, рода *Дайчиутъ*, Чингисъ, со всѣмъ народомъ, перекочевалъ въ урочище *Хубахая*, гдѣ и провелъ зиму.

Бояринъ изъ племени *Дайчиутъ*, *Тархутай-Кирилту*, будучи во враждѣ съ Чингисомъ, бѣжалъ въ лѣсъ; домашній человѣкъ его, старикъ *Ширгуэту*, съ двумя сыновьями своими, *Алахъ* и *Наяа*, рѣшились выдать его Чингису; и такъ какъ онъ, по толстотѣ своей, не могъ сидѣть на конѣ, то повезли его въ кибиткѣ; братья и дѣти *Тархутай-Кирилту* пустились вслѣдъ за нимъ и настигли; старикъ *Ширгуэту* испугался: притиснувъ *Тархутай-Кирилту*, онъ вынулъ ножъ и сказалъ: «Убью ли тебя, или не убью, все равно, умру; лучше же напередъ убить тебя, а потомъ умереть.» *Тархутай-Кирилту* закричалъ своимъ братьямъ и дѣтямъ: «Онъ хочетъ убить меня; если убьетъ, то что вамъ пользы въ моемъ трупѣ; лучше скорѣе воротитесь назадъ, а меня пусть отвезутъ къ *Тъмучжиню*; онъ навѣрно не убьетъ меня; вѣдь я, въ молодыхъ годахъ, оказалъ ему услугу [239]).» Братья и дѣти его поэтому вернулись назадъ. Когда *Ширгуэту* доѣхалъ

до урочища *Хутуху*, сынъ его, *Наяа*, сказалъ ему: «Если мы приведемъ его къ *Тъмучжиню*, *Тъмучжинъ* навѣрно скажетъ, что мы схватили своего законнаго господина и не можемъ быть ему товарищами: онъ непремѣнно убьетъ насъ; лучше отпустимъ *Тархутай-Кирилту*, а *Тъмучжиню* скажемъ, что мы схватили было его, но какъ онъ нашъ законный господинъ, то не могли потерпѣть того и отпустили его на волю; Чингисъ непремѣнно приметъ насъ.» Тогда они отпустили *Тургутай-Кирилту* и прибывши къ Чингису, разсказали ему, какъ было дѣло. Чингисъ сказалъ имъ: «Если-бы вы привезли его ко мнѣ, я непремѣнно убилъ бы васъ; но вы не потерпѣли того и отпустили его на волю; вы поступили хорошо.» За то онъ особо наградилъ *Наяа*.

Послѣ того, когда Чингисъ находился въ урочищѣ *Тирсу*, поддался ему, изъ рода *Кэрѣи*, *Чжахаганьбу* [210]). Въ то время, *Мѣрки* хотѣли воевать съ Чингисомъ: Чингисъ, вмѣстѣ съ *Чжахаганьбу*, отразилъ *Мѣрки*. Потомъ поддался ему разсѣянный народъ родовъ: *Кэрѣи*, *Натубѣгань* и *Дунха* [211]).

Дружба между *Ванъ ханемъ*, рода *Кэрѣи*, и *Ѣсугаемъ*, началась по слѣдующему обстоятельству. *Ванъ хань* умертвилъ младшихъ братьевъ отца своего, *Хурчахусыбугуруханя*; дядя его, *Гурхань* [212]), хотѣлъ за то убить *Ванъ ханя*, преслѣдовалъ и загналъ его въ гору *Хараунь*; у *Ванъ ханя* осталось только сто человѣкъ; онъ пришелъ къ *Ѣсугаю*. *Ѣсугай* прогналъ *Гурханя* въ страну *Хашинь* [213]), и собравъ снова народъ, принадле-

жавшій *Ванъ ханю*, возвратилъ ему. Оттого и возникла между ними дружба.

Послѣ того, *Ванъ хань* хотѣлъ умертвить своего младшаго брата, *Эркэхара*: послѣдній бѣжалъ въ *Найманьскій* родъ къ *Инаньча*. *Инаньча* поднялъ войско и прогналъ *Ванъ ханя* къ *Гурханю*, рода *Харакита* [214]). Въ скоромъ времени, *Ванъ хань* возмутился противъ *Гурханя* и ушелъ отъ него. Проходя родами *Уйу* и *Таньу* [215]), онъ питался только молокомъ, надоеннымъ отъ пяти овецъ [216]) и пилъ кровь верблюда, добывая ее прокалываніемъ въ его тѣлѣ. Такъ онъ дошелъ до озера *Гусъръ*. Чингисъ, по старой дружбѣ, выслалъ къ нему на встрѣчу храбраго *Сукэгая*; потомъ и самъ вслѣдъ пришелъ къ вершинѣ рѣки *Кэрулянь* и встрѣтилъ *Ванъ ханя*. Приведши его въ свой станъ, Чингисъ приказалъ своему народу доставить провіантъ для его продовольствія. Тотъ годъ, они провели зиму въ урочищѣ *Хубахая*.

Братья *Ванъ ханя* и бояре, порицая его, говорили между собою: «У *Ванъ ханя* злое сердце; онъ перебилъ своихъ братьевъ и погубилъ собственный свой народъ. Надобно придумать, какъ отомстить ему. Прежде, когда ему было семь лѣтъ, онъ былъ въ плѣну у *Мэркя* и занимался толченіемъ [217]); тринадцати лѣтъ, онъ, вмѣстѣ съ матерью, схваченъ былъ *Татарами*, которые заставили его пасти скотъ. Въ-послѣдствіи, боясь быть убитымъ отъ *Найманей*, онъ бѣжалъ въ страну *Хойхой* [218]), къ рѣкѣ *Чуй* и прибѣгнулъ къ *Гуръхаханю*, рода *Харакита*; но меньше, чѣмъ черезъ годъ, онъ возмутился и

опять бѣжалъ оттуда, и проходя странами *Туу* [249]) и *Танъу*, терпѣлъ крайнее бѣдствіе. *Тэмучжинъ* помогъ ему; но теперь онъ забылъ прежнія благодѣянія и, напротивъ, питаетъ недобрыя мысли. Чтоже хорошаго мы можемъ сказать о немъ?» Нѣкто, по имени *Алтуньашухъ*, послѣ передалъ эти рѣчи *Ванъ ханю*; *Вань хань* схватилъ сговаривавшихся братьевъ своихъ и вельможъ: *Элхутура*, *Хулбари* и *Аринъгайцзы*; одинъ только братъ его, *Чжахашиньбу*, бѣжалъ къ *Найманямъ*. *Элхутуръ*, съ товарищами, были крѣпко связаны и помѣщены въ жильѣ. *Ванъ хань* говорилъ имъ: «Когда мы проходили *Туу* и *Танъу*, вы тогда что говорили? Если вы такъ поступаете, то я не буду подобенъ вамъ.» За тѣмъ, онъ велѣлъ присутствовавшимъ наплевать имъ въ лицо и потомъ отпустилъ ихъ.

Послѣ того, въ годъ пса, осенью, Чингисъ ратовалъ, въ урочищѣ *Даланьнъмурэсы*, съ четырьмя родами *Татаръ*, т. е. съ *Чаань Татаръ* и другими. Передъ сраженіемъ, онъ отдалъ приказъ своему войску: «Если одержимъ побѣду, то не гнаться за добычей; по окончаніи же всего, раздѣлить ее поровну. Когда ратники принуждены будутъ отступить къ первоначальному строю, то снова должны вернуться и биться усильно; кто, отступивъ къ первоначальному строю, не вернется, тому отрубить голову.» Тогда Чингисъ побѣдилъ *Татаръ*, дошелъ до рѣки *Улхуй*, въ урочищѣ *Шилугэлчжитъ*, и овладѣлъ всѣми *Аолу* [250]) четырехъ родовъ. Въ началѣ сраженія, *Алтань*, и другіе [251]), вопреки запрещенію, грабили вещи; Чингисъ приказалъ *Чжэбэ* и *Хубилаю* отнять у нихъ все награбленное.

Овладѣвъ четырмя родами *Татаръ*, Чингисъ тайно совѣщался со своими родичами и говорилъ: «*Татары* заслужили нашу месть, убивъ нашего отца; теперь предстоитъ удобный случай умертвить всѣхъ ихъ людей мужескаго пола, кто ростомъ будетъ не ниже колесной чеки [252]); остальныхъ раздѣлимъ и сдѣлаемъ рабами.» Когда такъ рѣшено было на совѣщаніи, и *Бѣлгутай* вышелъ, одинъ изъ *Татаръ*, по имени *Ѣкэчжэрянь*, спросилъ его: «О чемъ вы сегодня совѣщались?» *Бѣлгутай* отвѣчалъ: «Рѣшили умертвить всѣхъ вашихъ мущинъ, ростомъ не ниже колесной чеки [253])». *Ѣкэчжэрянь* передалъ эту вѣсть *Татарамъ*, которые немедленно заняли горное укрѣпленіе. Чингисъ велѣлъ разбить ихъ укрѣпленіе; войску много было труда; когда же разбили укрѣпленіе, то умертвили всѣхъ мущинъ, ростомъ не ниже колесной чеки. Передъ тѣмъ, *Ѣкэчжэрянь*, узнавъ о замыслѣ, говорилъ *Татарамъ*: «Спрячемъ въ рукава по ножу и когда они станутъ убивать насъ, каждый изъ насъ пусть убьетъ одного изъ нихъ; постелемъ [254]) и потомъ помремъ.» *Татары* дѣйствительно спрятали въ рукавахъ своихъ по ножу и умертвили много ратниковъ. Когда дѣло было кончено, Чингисъ сказалъ: «Благодаря *Бѣлгутаю*, который открылъ другимъ то, что мы порѣшили въ домашнемъ нашемъ совѣтѣ, у насъ убито весьма много ратниковъ. Съ сихъ поръ, въ случаѣ совѣщанія о важныхъ дѣлахъ, *Бѣлгутаю* воспрещается входить въ совѣтъ; пусть онъ будетъ внѣ и рѣшаетъ дѣла по спорамъ, дракамъ и воровству: позволяется же *Бѣлгутаю* и *Дайритою* [255]) входить

внутрь уже тогда, когда совѣщаніе будетъ кончено и совѣщавшіеся выпьютъ по чаркѣ вина».

Въ это время, Чингисъ взялъ себѣ въ жены дочь *Татара Бкэчжэряня*, по имени *Есуганъ*. *Есуганъ*, пріобрѣвшая особенную любовь Чингиса, сказала ему: «У меня есть старшая сестра, по имени *Есуй*, тоже красавица; она достойна быть супругою царя. Она только что вышла замужъ и неизвѣстно гдѣ находится.» Чингисъ сказалъ: «Если она дѣйствительно красавица, то я прикажу отыскать ее; но когда отыщутъ ее, захочешь ли ты уступить ей свое мѣсто [256])?» *Есуганъ* отвѣчала: «Только увижу ее, тотчасъ же уступлю.» Тогда Чингисъ послалъ людей отыскать *Есуй*; посланные встрѣтили ее въ лѣсу, куда скрылась она съ женихомъ, ища спасенія отъ смутъ; женихъ ея, увидѣвъ приближающихся людей, бѣжалъ, а посланные, нашедши *Есуй*, возвратились къ Чингису. *Есуганъ*, увидѣвъ *Есуй*, уступила ей свое мѣсто, на которомъ та и сѣла [257]).

Однажды Чингисъ сидѣлъ внѣ [258]) съ *Есуй* и *Есуганъ*, и пилъ вино. Въ это время *Есуй* глубоко вздохнула. Чингисъ возымѣлъ подозрѣніе; онъ приказалъ *Мухали* и другимъ приближеннымъ, всѣхъ бывшихъ въ собраніи людей размѣстить и поставить по своимъ улусамъ. Напослѣдокъ, остался одинъ молодой человѣкъ: не присоединившійся ни къ которому улусу: Чингисъ спросилъ его: «Ты что за человѣкъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Я женихъ *Есуй*; когда ее схватили, я бѣжалъ. Теперь же, какъ дѣло порѣшено, я вышелъ, надѣясь, что въ большой толпѣ народа меня не узнаютъ.» Чингисъ сказалъ: «Ты потомокъ моихъ враговъ и

пришелъ сюда подсматривать; я умертвилъ ихъ всѣхъ; такъ и о тебѣ нечего раздумывать.» Съ сими словами, Чингисъ отрубилъ ему голову.

Въ тотъ годъ иса, когда Чингисъ воевалъ *Татаръ*, *Ванъ хань* ходилъ раззорять *Мѣркитъ* и преслѣдовалъ *Тохтоа* до мѣста *Бархучжиньтокумъ* [259]); онъ убилъ старшаго сына *Тохтоа*, по имени *Тогусыбѣки*, взялъ двухъ дочерей его и женъ, потомъ полонилъ двухъ сыновей [260]) его и народъ. При этомъ, *Ванъ хань* не далъ Чингису изъ добычи ровно ничего.

Послѣ того, Чингисъ, вмѣстѣ съ *Ванъ ханемъ*, ходилъ войной на *Найманьскаго Гучугудуньбуируха*. *Буирухъ* въ то время находился въ странѣ, прилежащей къ *Улухтахъ* [261]), у рѣки *Сяохохъ*. Когда Чингисъ съ *Ванъ ханемъ* пришли, *Буирухъ*, не въ силахъ будучи противостоять имъ, поднялся и перешелъ за гору *Алтай* [262]); его преслѣдовали до страны [263]) *Хумшингиръ*, до рѣки *Урунгу* [264]). Одинъ бояринъ *Буируха*, по имени *Ѣдитублухъ*, выѣхавшій для дозора, встрѣтился съ дозорными Чингиса и преслѣдуемый ими, пустился на гору: въ ту пору, подпруга у сѣдла его коня лопнула и онъ былъ пойманъ. Потомъ преслѣдовали *Буируха* до озера *Кишилбаши* [265]), гдѣ онъ и доведенъ былъ до крайности [266]).

Когда Чингисъ съ *Ванъ ханемъ* возвращались, одинъ изъ *Найманьцевъ*, по имени *Кэкэусабрахъ*, искусный воинъ, выстроилъ войско въ урочищѣ *Баидарахбѣлчиръ*, въ намѣреніи сразиться съ ними. Чингисъ и *Ванъ хань* тоже выстроили свои войска; но, за позднимъ временемъ, остались на ночь противъ

непріятелей. Ночью, *Ванъ хань* нарочно развелъ въ своемъ станѣ огни, а самъ поднялся и ушелъ вверхъ по рѣкѣ *Нахарасыулъ*.

Въ то время, *Чжамуха*, поднявшійся вмѣстѣ съ *Ванъ ханемъ*, говорилъ ему: «*Тъмучжинъ аньда*, въ прежнее время, часто отправлялъ посланцевъ къ *Найманямъ*; сегодня онъ до сихъ поръ запоздалъ и не видать его; навѣрно, онъ поддался *Найманямъ*.» Потомъ, величая *Ванъ ханя* царемъ [267]), онъ говорилъ ему: «Царь! Я, что постоянно пребывающій жаворонокъ [268]), а *Тъмучжинъ* перелетная птица, кричащая въ поднебесьи [269]).» Въ это время, человѣкъ изъ *Убчихтай*, по имени *Гуринъбаатуръ*, замѣтилъ *Чжамуху*: «За чѣмъ ты льстишь и клевещешь на своего добраго брата?»

Чингисъ, переночевавши, съ разсвѣтомъ дня увидѣлъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоялъ *Ванъ хань*, нѣтъ никого, и сказалъ: «Онъ покинулъ меня, какъ будто заваривъ пищу [270]).» За тѣмъ, прошедши *Втьръалтайское* ущелье, онъ прямо пошелъ въ урочище *Саарикээръ* и здѣсь остановился. Сообразивъ также намѣренія *Найманьцевъ*, онъ не счелъ ихъ важными.

Кэкъусабрахъ, преслѣдуя *Ванъ ханя*, захватилъ женъ и народъ *Санкуня* [271]); также отнялъ у *Ванъ ханя* половину народа и скотъ въ ущельѣ *Тъльгэту* [272]). Передъ тѣмъ, два сына *Меркитскаго Тохтоа*, *Хуту* и *Чилаунь*, находились у *Ванъ-ханя*; пользуясь теперешнимъ случаемъ, они, вмѣстѣ съ народомъ своимъ, отстали отъ *Ванъ ханя* и ушли внизъ по рѣкѣ *Сьлянгэ*, чтобы соединиться съ отцемъ своимъ.

Когда *Найманьскій Кэксьусабрахъ* овладѣлъ женами и народомъ *Ванъ ханя*, послѣдній отправилъ посланца къ Чингису, съ такою просьбой: «Пришли ты ко мнѣ своихъ четырехъ витязей [273]), чтобы спасти меня.» Чингисъ тотчасъ отправилъ *Бёорчу* и другихъ трехъ витязей [274]), съ войскомъ, помочь *Ванъ ханю*. Передъ самымъ прибытіемъ витязей, *Санкунь* въ урочищѣ *Хулааньхутъ*, вступилъ въ битву съ *Найманьцами*; конь *Санкуня* былъ прострѣленъ въ ногу; *Санкуня* хотѣли уже схватить, какъ четыре витязя подоспѣли и спасли его; они освободили также и возвратили женъ и народъ. Тогда *Ванъ хань* сказалъ: «Въ прежнее время, добрый отецъ его освободилъ и возвратилъ мнѣ проигранный мною народъ; теперь сынъ прислалъ четырехъ витязей, которые освободили и отдали мнѣ потерянный мною народъ. Клянусь покровительствомъ и помощію неба [275]), что я постараюсь отплатить за такія благодѣянія!»

Ванъ хань говорилъ еще: «*Ѣсугай аньда* однажды уже возвратилъ мнѣ потерянный мною народъ; нынѣ сынъ его, *Тъмучжинь*, тоже возвратилъ мнѣ потерянный народъ; для кого такъ трудились и отецъ и сынъ? Теперь я уже старъ; въ-послѣдствіи, кому передамъ управленіе моимъ народомъ? Мои младшіе братья безъ достоинствъ; есть только сынъ *Санкунь*; но все равно, какъ бы и не было его [276]). Сдѣлаю *Тъмучжиня* старшимъ братомъ *Санкуня*, такъ, что у меня будетъ два сына; тогда я буду спокоенъ.» Вслѣдствіе чего, онъ сошелся съ Чингисомъ у Чернаго-Лѣса *Туулы* и усыно-

вилъ его себѣ. Прежде Чингисъ называлъ *Ванъ ханя* отцемъ, ради дружбы его съ *Есугаемъ*; въ этотъ разъ, они сами заключили союзъ отца съ сыномъ и такъ говорили между собой: «Въ войнѣ со врагами будемъ ратовать вмѣстѣ; въ облавахъ на звѣрей вмѣстѣ будемъ охотиться. Если люди будутъ ссорить насъ, не будемъ слушать и вѣрить имъ, и тогда только удостовѣримся, когда лично переговоримъ.» Такъ они порѣшили; тогда взаимная дружба ихъ была весьма полна.

Чингисъ, чтобъ еще болѣе скрѣпить дружбу съ *Ванъ ханемъ*, просилъ сестру *Санкуня*, *Чаурбыки*, за сына своего *Чжочи*, и въ замѣнъ, предложилъ дочь свою, по имени *Хочжинъ*, въ супруги сыну *Санкуня*, *Тусахъ*. *Санкунь*, величаясь своимъ достоинствомъ, отвѣтилъ на то: «Дѣвица нашего дома, переходя въ ихъ домъ, будетъ стоять только за дверми, лицемъ къ сѣверу [277]); а ихъ дѣвица, у насъ, будетъ сидѣть лицемъ на югъ [278]).» Поэтому *Санкунь* презрѣлъ и отвергъ предложеніе брака. Сердце Чингиса оттого охладѣло [279]).

Объ этомъ охлажденіи сердца Чингиса провѣдалъ *Чжамуха*. Въ годъ свиньи [280]), весной, по совѣщаніи съ *Алтанемъ* [281]), и другими, онъ поднялся и пришелъ къ *Санкуню*, въ урочище *Бьркээль*, что на сѣверной сторонѣ горы *Чжэчжээръ уньдуръ*. Клевеща *Санкуню* онъ говорилъ ему: «*Тъмучжинъ* постоянно пересылается посланцами и переговариваетъ съ *Найманьскимъ Таяномъ* [282]); онъ устами толкуетъ о связи отца съ сыномъ, а на дѣлѣ вогъ какъ поступаетъ! Неужели довѣрять ему послѣ этого? Коли не погубить его за-

благовременно, то онъ развѣ захочетъ подчиниться вамъ? Если же рѣшено будетъ уничтожить *Тъмучжиня*, то я самъ нападу на него съ боку.» *Алтань* и *Хучаръ* молвили: «Мы убьемъ для тебя всѣхъ дѣтей матери *Хоэлунъ*.» *Эбугечжиньхартаатъ* сказалъ: «Для тебя, я отниму у него руки и ноги.» *Торилъ* [283]) сказалъ: «Нѣтъ, лучше овладѣть его народомъ: тогда что ему останется дѣлать?» *Хачиунъбъки* сказалъ: «*Санкунь*! Что бы ты ни захотѣлъ дѣлать, я пойду съ тобой на самый верхъ и до глубокаго дна [284]).

Санкунь, внявши словамъ *Чжамухи* и его товарищей, послалъ *Саиханьтодпэ* къ отцу своему сообщить ему объ этомъ. *Ванъ хань* сказалъ: «За чѣмъ ты думаешь такъ о сынѣ моемъ *Тъмучжинѣ*? Мы теперь довѣрились ему; если будемъ питать къ нему дурныя мысли, то небо не возлюбитъ насъ и не будетъ покровительствовать намъ. Рѣчи *Чжамухи* лживы и не заслуживаютъ вѣры.» Такимъ образомъ, *Ванъ хань* не внялъ словамъ сына. *Санкунь* снова прислалъ человѣка съ такими словами: «Теперь имѣющіе ротъ и языкъ [285]) говорятъ такъ; почему же не вѣрить?» *Ванъ хань* снова отвѣтилъ, что онъ не соглашается. Тогда *Санкунь* самъ пришелъ къ отцу и говорилъ ему: «Ты теперь еще живъ и онъ не считаетъ насъ ни за что; когда же ты скончаешься [286]), неужели онъ позволитъ мнѣ управлять народомъ, собраннымъ, съ большими трудами, моимъ дѣдомъ и отцемъ?» *Ванъ хань* отвѣчалъ: «Сынъ мой! Какъ мнѣ отречься отъ собственнаго своего [287])? Мы теперь довѣрились ему; слѣдовательно зло думать о немъ не слѣ-

дуетъ; небо не возлюбитъ насъ и не будетъ покровительствовать намъ.» *Санкунь*, видя, что отецъ не соглашается, раздраженный хотѣлъ уйти; *Ванъ хань*, позвавъ его назадъ, сказалъ: «Вѣрно небо не возлюбило насъ. Какъ ты захочешь бросить сына моего, такъ ступай, дѣйствуй, а одолѣешь ли его, ты ужъ самъ вѣдай [288]).»

Тогда *Санкунь*, совѣщаясь съ собраніемъ, говорилъ: «*Тъмучжинь* сваталъ у насъ дѣвицу *Чаурбъки*; назначимъ ему день и пригласимъ его на сговорный пиръ; когда онъ пріѣдетъ къ намъ, мы здѣсь и схватимъ его.» Рѣшивши такимъ образомъ, онъ послалъ человѣка пригласить Чингиса. Чингисъ отправился съ десятью человѣками и на дорогѣ остановился переночевать въ жилищѣ старика *Мунлика*. *Мунликъ* говорилъ ему: «Когда мы [289]) сватали у нихъ дѣвицу, они, изъ гордости, презрѣли и не хотѣли выдать ее; съ какой же стати теперь они нарочно сами просятъ тебя на сговорный пиръ? Сынъ *Тъмучжинь* и не смѣкнетъ. Лучше, не ѣзди къ нимъ, и откажись подъ тѣмъ предлогомъ, что весной кони де тощи, и что теперь кони на корму.» Чингисъ послушался его словъ, и послалъ *Бухатая* и *Килатая* на пиръ, а самъ оттолѣ вернулся домой. *Санкунь* увидѣвъ пріѣхавшихъ *Бухатая* и *Килатая*, сказалъ: «Они догадались. Поѣдемъ пораньше, окружимъ и захватимъ *Тъмучжиня*.»

Когда на совѣщаніи рѣшено было такимъ образомъ, младшій братъ *Алтаня*, *Бкэчэрянь*, прибывши домой, говорилъ: «Сегодня сообща порѣшили, чтобы завтра ѣхать и схватить *Тъмучжиня*; если бы кто нибудь сегодня же извѣстилъ объ этомъ

Тъмучжиня, не знаю, какъ бы онъ наградилъ того.» Жена его, *Алахаитъ*, молвила: «Не говори лишнихъ словъ; услышатъ домашніе, такъ, пожалуй, примутъ твои слова за правду [290]).» Въ это время, конскій пастухъ, *Бадай*, принесъ кобылье молоко и слышалъ то; воротясь онъ разсказалъ объ этомъ товарищу своему *Кишлиху*. *Кишлихъ* сказалъ: «Я еще пойду и послушаю.» Вошедши въ жилище, онъ увидѣлъ сына *Ѣкэчэряня*, *Наринькэяня*, который, натачивая стрѣлы, говорилъ: «Да, кому-бы изъ нашихъ домашнихъ, отнять языкъ, загородить ротъ, чтобы онъ не говорилъ того, о чемъ мы только что толковали?» Потомъ, онъ сказалъ *Кишлиху*: «Поймай и привяжи бѣлую, да карію лошадь; завтра рано я ѣду.» *Кишлихъ*, выслушавъ эти слова, ушелъ и сказалъ *Бадаю*: «Сейчасъ я развѣдалъ; твои слова справедливы. Поѣдемъ увѣдомить о томъ *Тъмучжиня*.» Поймавъ и привязавъ двухъ лошадей, они вошли въ свою юрту, убили ягненка и сварили его на огнѣ, разведенномъ деревомъ *нары*; потомъ сѣли на пойманныхъ ими коней и въ ту же ночь пріѣхали къ жилищу *Тъмучжиня*, сзади. Они передали ему слова *Ѣкэчэряня* и его сына, и сказали: «Не сомнѣвайся! Тебя вправду хотятъ схватить». Чингисъ, узнавъ отъ *Бадая* и *Кишлиха* такую вѣсть, въ туже ночь сообщилъ ее ближайшимъ и довѣреннымъ сподвижникамъ своимъ, и покинувъ домашній скарбъ, бѣжалъ на сѣверную сторону горы *Маоуньдуръ* [291]); *Чжелъмъ* онъ велѣлъ итти назади, для наблюденія. На другой день, по полудни, онъ расположился, для отдыха, въ урочищѣ *Халахалчжитэлъмъ*. Во время от-

дыха, конскій пастухъ *Алчидай*, *Чигидай*, съ товарищами, пришелъ съ такимъ извѣстіемъ: «Отъ горы *Маоньудуръ* видна пыль, поднявшаяся въ урочищѣ *Хулааньбурахатъ*: враги пришли.» Чингисъ сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Въ это время, *Ванъ хань*, прибывшій вмѣстѣ съ *Чжамухой*, спросилъ его: «Кто бойцы у *Тѣмучжиня*?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Два рода, *Уруутъ* и *Манхутъ*, у него добрые ратники; они не разстроиваются въ нестройномъ бою и съ малолѣтства навыкли къ копьямъ и мечамъ; знамена у нихъ или цвѣтныя, или черныя: когда они появятся, то надобно остерегаться.» *Ванъ-хань* сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, пусть нападетъ на нихъ прежде нашъ *Чжиргинскій* храбрый *Хадахи*; за нимъ выступятъ храбрые *Ачихширунь* изъ рода *Тумянъ Тубѣгань*, и *Оманъ* и *Дунхаитъ*; имъ на подмогу *Хоришилѣмуньтайцзы*, во главѣ 1000 тѣлохранителей; подъ конецъ вступитъ въ дѣло наша ханская рать [292]).» *Ванъ хань* прибавилъ къ тому: «Братъ *Чжамуха*! Ты командуй моей ратью [293]).» *Чжамуха*, получивъ порученіе, вышелъ и говорилъ своимъ товарищамъ: «Въ прежнее время, я никогда не могъ одолѣть [294]) *Тѣмучжиня*; а теперь *Ванъ хань* поручилъ мнѣ командовать его войскомъ; кажется, что онъ еще хуже меня; увѣдомимъ о томъ *Тѣмучжинь аньду*.» Вслѣдъ за тѣмъ *Чжамуха* тайно послалъ къ Чингису человѣка передать ему вышесказанное, прибавивъ: «При такомъ положеніи дѣла, тебя не одолѣютъ; не бойся, и будь остороженъ.»

Чингисъ, узнавъ о семъ, сказалъ: «Дядя [295]) *Чжурчэдай*!

Я хочу поручить тебѣ быть передовымъ; что ты объ этомъ думаешь?» Только что *Чжурчэдай* хотѣлъ отвѣчать, *Хуилдаръ* сказалъ: «Я буду передовымъ, а ты послѣ позаботься о моихъ сиротахъ.» — *Чжурчэдай* сказалъ: «Мои *Уруутъ* и *Манхутъ* будутъ драться передъ царемъ впереди.» Съ сими словами, онъ выстроилъ оба рода передъ Чингисомъ. Только что они выстроились, какъ со стороны *Ванъ ханя* напалъ передовой отрядъ его, *Джиргинъ; Уруутъ* и *Манхутъ* выступили противъ нихъ и разбили ихъ; когда они преслѣдовали этотъ отрядъ, напалъ на нихъ Ванъ ханевъ вспомогательный отрядъ, подъ предводительствомъ *Ачихшилуня*, рода *Тумянь Тубъгань*, который прокололъ нашего *Хуилдара*, и свергнулъ его съ лошади; *Манхутскій* отрядъ обратился назадъ и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ *Хуилдаръ*. *Чжурчэдай*, во главѣ *Уруутъ*, напалъ на вспомогательный отрядъ и разбилъ его; преслѣдуя его, онъ встрѣтилъ *Оманъ* и *Дунхаитъ* и тоже одолѣлъ ихъ; потомъ напалъ на него *Шилъмыньтайцзы*, съ 1000 тѣлохранителей, но былъ также разбитъ *Джурчэдаемъ*. Тогда сынъ *Ванъ ханя*, *Санкунь*, безъ вѣдома отца своего, тоже бросился въ битву, но будучи раненъ въ щеку стрѣлой *Джурчэдая*, упалъ. Рать *Кэрѣитъ*, увидѣвъ, что *Санкунь* раненъ и упалъ, обратилась и стала около него [296]). Чингисъ, одержавъ побѣду [297]) надъ *Ванъ ханемъ*, и видя, что уже поздно, собралъ войско и велѣлъ отнести раненаго *Хуилдара*. Въ ту ночь, онъ поднялся и остановился на ночлегъ, вдали отъ мѣста побоища.

На другой день, съ разсвѣтомъ, Чингисъ осмотрѣлъ и

счелъ своихъ ратниковъ; не оказалось троихъ: *Окотая* [298]), *Борохула*, и *Бöорчу*. Чингисъ сказалъ: «*Окотай*, съ самыми вѣрными *Борохуломъ* и *Бöорчу*, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и умерли, не желая разлучаться.» — Въ ту ночь, Чингисъ, опасаясь нападенія отъ непріятелей, держалъ свое войско готовымъ къ битвѣ. Съ разсвѣтомъ, увидѣли одного человѣка, который приближался къ лагерю сзади [299]): то былъ *Бöорчу*; Чингисъ, ударяя себя въ грудь, воскликнулъ къ небу: «О!» [300]) *Бöорчу* говорилъ: «Конь мой, прострѣленный непріятелями, палъ; идя пѣшкомъ, я видѣлъ, какъ *Кэрѣитъ* вернулись и стали около *Санкуня*; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я подмѣтилъ одну ихъ вьючную лошадь, на которой вьюкъ покривился, и отрѣзавъ вьюкъ, сѣлъ на нее и по слѣдамъ пріѣхалъ сюда.»

Спустя немного времени, появился еще всадникъ; съ приближеніемъ его, увидѣли подъ нимъ еще двѣ висящія ноги; когда они подъѣхали, то узнали *Окотая* и *Борохула*, ѣхавшихъ на одной лошади; у *Борохула* ротъ былъ замаранъ кровью, потому что онъ высосалъ ссѣвшуюся кровь изъ раны отъ стрѣлы на шеѣ *Окотая*. Увидѣвъ это, Чингисъ заплакалъ и сердце его стѣснилось: онъ тотчасъ прижегъ рану огнемъ и далъ *Окотаю* съѣсть снадобья, утоляющаго жажду. *Борохулъ* сказалъ: «У непріятелей высоко поднялась пыль; кажется, что они пошли къ горѣ *Маоуньдуръ* [301]), въ урочище *Хулааньбурхатъ*». Чингисъ, выстроивъ войско, пошелъ вверхъ по рѣкѣ *Улхуйшилуэлжитъ* [302]), и ушелъ въ урочище *Даланьнмурэсы*.

Въ-послѣдствіи нѣкто *Хадааньдалдурхань* [303]), разлучив-

шійся съ женою [304]), пришелъ къ Чингису и разсказалъ ему: «Когда *Санкунъ* былъ раненъ стрѣлою, *Ванъ хань* сказалъ: «Мы начали драться съ человѣкомъ, котораго не слѣдовало задирать; за то жаль смотрѣть [305]) какъ вколотили гвоздь въ щеку моему сыну; остался сынъ мой живымъ, пусть-ка еще рипется [306])». *Ачихшилунъ* сказалъ: «Царь, царь! перестань. Когда у тебя еще не было сына, ты молился о дарованіи тебѣ наслѣдника; вотъ у тебя и есть сынъ, *Санкунъ*; позаботься же о немъ. У насъ еще болѣе половины нашихъ *Дада*; а ушедшій [307]) вмѣстѣ съ *Тъмучжинемъ* народъ, куда уйдетъ? У каждаго изъ нихъ по одной верховой лошади; ночь они непремѣнно проводятъ подъ деревьями; если они не придутъ къ намъ, то мы пойдемъ и подберемъ ихъ, какъ конскій пометъ.» *Ванъ хань* послушался и сказалъ: «Не трясите же моего сына и хорошенько позаботьтесь [308]) о немъ.» —Оттолѣ онъ вернулся.»

Чингисъ, поднявшись съ урочища *Даланьнъмургэсы*, пошелъ внизъ по рѣкѣ *Халха*. Передъ отправленіемъ, онъ осмотрѣлъ свое войско; оказалось всего 2600 человѣкъ; взявъ изъ нихъ 1300, онъ пошелъ по западному берегу рѣки, а *Урутъ* и *Манхутъ*, съ другими 1300, пошли по восточному ея берегу; по пути занимались облавой и тѣмъ добывали себѣ продовольствіе. Во время облавы, Чингисъ удерживалъ *Хуилдара*, у котораго рана еще не зажила; но тотъ не послушался. Когда онъ на конѣ гнался за звѣрьми, рана его снова открылась и онъ померъ. Прахъ его погребли на крутомъ полугорьѣ горы *Орнэу*, что у рѣки *Халха*.

При впаденіи рѣки *Халха* въ озеро *Буюйръ*, жили *Тьргэ* [309]) и другіе *Унгира*. Чингисъ отправилъ къ нимъ *Чжурчэдая*, во главѣ *Урутъ* и *Манхутъ*, объявить народу *Унгира*: «Вспомните наше старинное родство и покоритесь мнѣ. Если же не хотите покориться, такъ бейтесь [310]).» Послѣ сего объявленія, всѣ *Унгира* поддались. Чингисъ, за добровольное ихъ подданство, не тронулъ ихъ никоимъ образомъ.

Овладѣвши *Унгира*, Чингисъ перекочевалъ на восточный берегъ рѣчки *Тунэлы*. Отселѣ онъ отправилъ къ *Вань ханю* двухъ человѣкъ: *Архайхасара* и *Сюегэгайчжэуня*, передать [311]) ему слѣдующую рѣчь:

«Мы остановились на восточномъ берегу рѣчки *Тунэлы*; трава здѣсь тучная и кони въ тѣлѣ.»

«Отецъ! За что ты прогнѣвался на меня и навелъ на меня страхъ? Коли корить [312]) меня, то корить бы спокойно, а не губить моего достоянія [313]). Вѣрно были люди раздѣлившіе насъ съ тобою. Вѣдь мы съ тобой, у *Шорхэлкуньской* горы, *Хулаанэу* [314]), условились, что если люди станутъ наговаривать намъ другъ на друга, то не вѣрить имъ, пока лично не объяснимся; а теперь, отецъ, развѣ мы объяснились съ тобой лично? Хоть я и малъ, но стою многихъ; хоть я дуренъ, но стою хорошихъ. Притомъ, мы съ тобой, что̀ двѣ оглобли у кибитки; когда поломится одна, быку не свезти кибитки; мы съ тобой, что два колеса у кибитки; сломайся одно, ей не двинуться; развѣ мнѣ нельзя сравнить себя съ оглоблей и колесомъ?»

«Въ прежнее время, у отца твоего царя *Хурчахусы буи-*

руха было сорокъ сыновей; изъ нихъ ты былъ самымъ старшимъ, поэтому и поставили тебя царемъ. Послѣ, ты убилъ двухъ братьевъ *Тайтьмура* и *Бухуатьмура*; хотѣлъ также убить брата своего *Эркэхару*, но онъ бѣжалъ къ *Найманямъ*. Дядя твой *Гурхань*, мстя тебѣ за убіеніе братьевъ, пошелъ на тебя войною, и ты только съ сотнею человѣкъ бѣжалъ въ тѣснины горы *Хараунъ*. Въ то время, ты представилъ дочь свою *Хучжагуръ учжинъ* Мѣркитскому *Тохтоа* [315]), и отъ него пришелъ къ отцу моему, съ просьбою о помощи. Отецъ мой, съ войскомъ своимъ, прогналъ твоего дядю въ страну *Хашинъ* и возвратилъ тебѣ твой народъ. На берегу рѣки *Туулы*, въ Черномъ-Лѣсѣ, вы побратались съ отцемъ моимъ и сдѣлались *аньда*. Движимый чувствомъ благодарности, ты сказалъ: За такое благодѣяніе твое, я отплачу твоимъ дѣтямъ и внукамъ клянусь; въ томъ небомъ!»

«Послѣ того, братъ твой *Эркэхара*, занявъ у *Найманей* войско, снова пошелъ на тебя войной; ты бѣжалъ въ страну *Хойхой*, владѣніе *Гурхана*, рода *Кита* [316]). Меньше, чѣмъ черезъ годъ, ты возмутился и ушелъ оттуда; проходя странами *Уйу* и *Хэси*, былъ ты доведенъ до такой крайности, что питался молокомъ пяти овецъ и пилъ кровь, выпущенную изъ верблюда, и пріѣхалъ ко мнѣ на слѣпой каурой лошади; изъ за дружбы твоей къ отцу моему, я выслалъ на встрѣчу тебѣ людей, принялъ и привелъ тебя въ свое становище; кромѣ того, собравъ у моего народа, что могъ [317]), продовольствовалъ тебя. Потомъ, когда ты овладѣлъ народомъ *Мьрки*, скотъ и имущества его я уступилъ тебѣ.»

«Послѣ того, когда мы съ тобой преслѣдовали *Буируха* и бились съ *Кэксѣусабрахомъ* въ урочищѣ *Байдарахбѣлчиръ*, ты ночью, разведя нарочно огни, отступилъ и ушелъ. *Кэксѣусабрахъ*, преслѣдуя тебя, полонилъ женъ и народъ *Санкуня*, овладѣлъ также половиною твоего народа, жившаго въ *Тѣлѣгэту*. Ты опять просилъ у меня помощи и я послалъ четырехъ витязей, которые избавили и возвратили твоихъ и Санкуневыхъ женъ, народъ и скотъ. Ты тогда тоже благодарилъ меня. За что же, теперь, ты коришъ меня? [318])»

Когда посланные пересказали эти слова *Ванъ ханю*, *Ванъ хань*, вздохнувъ, сказалъ: «Я не долженъ былъ бы расходиться съ сыномъ моимъ *Тѣмучжинемъ*, а разошелся съ нимъ.»—Тогда, возскорбѣвъ сердцемъ, онъ порѣзалъ ножемъ мизинецъ на своей рукѣ, текшею изъ него кровью наполнилъ маленькій берестовый бурачекъ и сказалъ: «Коли я буду лиходѣить сыну моему *Тѣмучжиню*, то пусть буду такъ исколотъ!» Съ сими словами, онъ отдалъ эту кровь посланцамъ, которые и принесли ее къ Чингису.

Чингисъ велѣлъ передать *Чжамухѣ* такія слова: «Изъ зависти и ненависти, ты развелъ меня съ царемъ отцемъ моимъ. Въ прежнее время, каждый день, бывало, кто раньше вставалъ, тотъ пилъ изъ черной чаши [319]), кобылье молоко у отца; я всегда вставалъ рано; за то ты и возненавидѣлъ меня [320]). Теперь пей полной чорной чашей царя отца; немного будетъ убыли [320]).»

Потомъ Чингисъ велѣлъ сказать *Алтаню* и *Хучару*: «Не знаю, какъ вы рѣшились покинуть меня! *Хучаръ*! Тебя, какъ

сына *Нъкуньтайцзы* [322]), спачала у насъ хотѣли сдѣлать царемъ; но ты самъ не захотѣлъ. *Алтань*! Твой отецъ, царь *Хутула*, нѣкогда правилъ народами *Дада*, и потому хотѣли сдѣлать тебя царемъ [323]); но ты тоже не захотѣлъ. Изъ высшихъ [324]), были сыновья *Бартаня*, *Сача* и *Тайчу* [325]); оба они также отказались. Вы, цѣлымъ обществомъ, сдѣлали царемъ меня, противъ моей воли. Теперь, какъ отстали отъ меня, усердно помогайте *Ванъ ханю* и не начинайте того, чего не можете кончить, чтобы не навлечь на себя людской хулы. Довѣрьтесь вполнѣ *Тъмучжиню*; безъ *Тъмучжиня* нельзя обойтись. Охраняйте тщательно вершины трехъ рѣкъ, не позволяя другимъ становиться тамъ.»

Чингисъ велѣлъ еще передать брату *Тоорину* [326]): «Что я называю тебя братомъ, причина тому та: въ прежнее время, у *Тунъбиная* и *Чарахайлинху* былъ рабъ изъ плѣнныхъ, по имени *Охда*; у *Охды* былъ сынъ *Субъгай;* у *Субъгая* сынъ *Кокочукирсаань*; у сего сынъ *Бгайхуантохаръ*; сынъ же *Бгайхуантохара*—ты. Изъ за чьего народа ты льстишь *Ванъ ханю*? Управлять моимъ народомъ *Алтань* и *Хучаръ* никогда не позволятъ другимъ. Ты мой рабъ по наслѣдству отъ моихъ предковъ. Вотъ обстоятельство, почему я называлъ тебя братомъ [327]).»

Чингисъ велѣлъ передать *Санкуню*: «Я сынъ твоему отцу, родившійся въ одеждѣ, а ты сынъ ему, родившійся нагимъ. Отецъ нашъ нѣкогда лелѣялъ насъ обоихъ равно. Тебѣ запало подозрѣніе, и ты опасаясь, чтобъ я не опередилъ тебя, возненавидѣлъ и прогналъ меня. Теперь, перестань причинять отцу

скорбь и страданіе; постоянно навѣщай его и разсѣй его печаль и скуку. Если же ты не изгонишь изъ своего сердца старую зависть, то, вѣрно, тебѣ хочется еще при жизни своего отца сдѣлаться царемъ, когда заставляешь его страдать. Если пошлешь ко мнѣ людей, то посылай двухъ [328])».

Когда *Архайхасаръ* и *Сунэгайчжэунь*, по приказанію Чингиса, передали эти слова *Санкуню*, *Санкунь* отвѣчалъ: «Когда онъ называлъ отца моего царемъ отцемъ? Онъ называлъ его старымъ убійцей [329]) и меня когда онъ называлъ *Аньдой?* Онъ называлъ меня только *Тохтоашиунъ* [330]), которому бы плести бараньи вихры и хвосты [331]). Тайный смыслъ рѣчей его я разгадалъ; битва—это самое первое слово. Вы, *Билгэбъки* и *Тодоянь*! [332]) Поднимите большое знамя и откормите мереновъ на пастбищѣ. Нечего болѣе сомнѣваться [333]).»

Тогда *Архайхасаръ* возвратился отъ *Ванъ ханя*, а *Сунэгайчжэунь* остался тамъ, потому что жена его находилась у *Тоорин*. *Архайхайсаръ* передалъ Чингису полученные имъ отвѣты.

Вслѣдъ за тѣмъ, Чингисъ перекочевалъ къ озеру *Балчжуна*. Здѣсь онъ встрѣтилъ *Соосычаханя* и другихъ, изъ рода *Хоруласы*, которые безъ боя покорились ему. Пришелъ также сюда *Хойхой Асань* [334]), отъ *Алахушидингиттхури*, рода *Вангутъ* [335]); у него было 1000 кладеныхъ барановъ, да одинъ бѣлый верблюдъ; онъ переходилъ внизъ по рѣкѣ *Эргунь*, для вымѣна соболей и бѣлокъ и подошедши къ озеру *Балчжуна* поить овецъ, встрѣтился здѣсь съ Чингисомъ [336]).

Когда Чингисъ стоялъ у озера *Балчжуна*, братъ его *Хасаръ*, бросивъ свою жену и трехъ сыновей: *Бгу*, *Бэунгэ* и *Тухуу* у *Ванъ ханя*, самъ безо всего, съ нѣсколькими товарищами, бѣжалъ оттуда и искалъ Чингиса; онъ достигъ до горы *Харауны*, но нигдѣ по хребту не видѣлъ его; провіантъ у него вышелъ и онъ питался сыромъ коровьей кожей и жилами; такъ прибылъ онъ къ озеру *Балчжуна*, гдѣ и свидѣлся съ своимъ братомъ, Чингисомъ, который обрадовался ему. Посовѣтовавшись между собою, они послали *Хамиутара*, изъ рода *Чжаорьдай*, и *Чаурханя*, изъ рода *Урянхадай*, отъ имени *Хасара*, къ *Ванъ хану*, съ такими словами: «Я нигдѣ не видѣлъ тѣни моего брата; исходилъ дороги и не нашелъ его; звалъ его, но онъ не слышалъ меня. Ночью я сплю, смотря на звѣзды и головой на землѣ. Моя жена и дѣти теперь у тебя, отецъ царь! Если ты пришлешь ко мнѣ довѣреннаго человѣка, то я приду къ тебѣ.» Чингисъ потомъ сказалъ посланцамъ: «Вы ступайте, а мы тотчасъ поднимемся съ мѣста; когда воротитесь, то пріѣзжайте на рѣку *Кэрулянь*, въ урочищѣ *Архалгоуи*.» Условившись такимъ образомъ, Чингисъ велѣлъ *Чжурчэдаю* и *Архаю* быть передовыми и перекочевалъ съ *Хасаромъ* въ урочище *Архалгоуи*, что у рѣки *Кэрулянь*[337]).

Хамиутаръ и *Чахурханъ*, прибывъ къ *Ванъ хану*, передали ему вышесказанныя слова. *Ванъ хань* въ это время только что поставилъ золотой шатеръ[338]) и устроилъ пиршество. Выслушавъ *Хамиутара*, онъ сказалъ: «Если дѣйствительно такъ, то пусть *Хасаръ* пріѣдетъ.» И затѣмъ послалъ съ *Ха-*

хамутаромъ и его товарищемъ одного изъ вѣрнѣйшихъ людей своихъ, *Итургяня*. Приближаясь къ условленному мѣсту, *Итургянь* издали замѣтилъ весьма много признаковъ [339]) становищъ, поворотилъ назадъ и поскакалъ; *Хамутаръ*, у котораго конь былъ бойче, обогналъ его, но не смѣя схватить, загородилъ ему спереди дорогу; а *Чахурхань*, сидѣвшій на тяжелой лошади, прицѣлившись сзади, съ того мѣста, откуда могла долетѣть стрѣла, вонзилъ стрѣлу въ крестецъ лошади *Итургяня*; лошадь осѣла; тогда они схватили *Итургяня* и привели его къ Чингису, а Чингисъ отправилъ его къ *Хасару*, приказавъ убить *Итургяня*.

Хамутаръ и *Чахурхань* донесли Чингису: «*Ванъ хань* не принимаетъ мѣръ осторожности; теперь онъ поставилъ золотой шатеръ и устроилъ званый пиръ; поѣдемъ день и ночь и нападемъ на него въ расплохъ.»—Чингисъ сказалъ: «Хорошо!» и тотчасъ велѣлъ *Чжурчэдаю* и *Архаю* быть передовыми. Войско шло день и ночь и прибывши къ ущелью въ урочище *Чжэрхабучихай*, что̀ у горы *Чжэчжээръуньдуръ*, окружило *Ванъ хана*. Бились трое сутокъ; на третій день, не могши долѣе противиться, *Кэрыи* покорились; *Ванъ хань* и сынъ его бѣжали неизвѣстно какимъ путемъ. Бывшій въ этой битвѣ, нѣкто изъ *Кэрыитъ*, по имени *Хадахъ Баатуръ*, сказалъ Чингису: «Мнѣ тяжело было дозволить Вамъ схватить и убить моего законнаго господина; поэтому я бился три дня, чтобы дать *Ванъ хану* время уйти дальше. Теперь, велишь мнѣ умереть, умру; а если даруешъ мнѣ жизнь, то поусердствую те-

бѣ.» —Чингисъ сказалъ: «Кто не захотѣлъ покинуть своего господина, и чтобы дать ему время убѣжать дальше, одинъ сражался со мной, тотъ молодецъ. Будь моимъ товарищемъ [340].» И такъ Чингисъ не убилъ его, а сдѣлавъ сотникомъ, отдалъ вдовѣ *Хуилдара*, на вѣчныя времена, въ рабы и прислужники. Такъ какъ прежде *Хуилдаръ* первый сказалъ, что онъ хочетъ биться, то потомкамъ его навсегда дано право просить наградъ, слѣдующихъ сиротамъ и вдовамъ.

Сокрушивъ народъ *Кэрьитъ*, Чингисъ роздалъ его своимъ сподвижникамъ. *Тахайбаатуру*, рода *Сулдудай*, который оказалъ Чингису услугу, Чингисъ далъ сто домовъ *Чжирнинь*. У брата *Ванъ ханя*, *Чжахаганьбу*, были двѣ дочери; старшая называлась *Ибаха*; Чингисъ взялъ ее себѣ; а младшую, по имени *Сорхахтани*, отдалъ *Толую* [341]; по этой причинѣ, онъ не позволилъ другимъ овладѣть народомъ *Чжахаганьбу*. | *Бадаю* и *Кишлиху* Чингисъ отдалъ Ванъ ханевъ золотой шатеръ, съ разставленными въ немъ золотыми сосудами, равно и людей, завѣдывавшихъ сосудами; отдалъ имъ фамилію *Ваньхочжинь* [342], рода *Кэрьитъ*, чтобы быть тѣлохранителями [343]), приказалъ имъ носить лукъ и стрѣлы и во время питья вина [344]) и имъ выпивать по чаркѣ; сдѣлалъ такъ, чтобъ ихъ дѣти и внуки благоденствовали, давъ имъ право добытую ими въ бояхъ добычу и въ облавахъ пойманныхъ звѣрей не отдавать въ раздѣлъ, а все брать себѣ [345]). Чингисъ сказалъ при этомъ: «Во-первыхъ, эти два человѣка спасли мнѣ жизнь; а потомъ покровительствомъ и помощію Вѣчнаго Неба [346]), я сокрушилъ родъ *Кэрьитъ* и

достигъ великаго сана [317]); да вѣдаютъ всѣ мои потомки всегда мѣру такой услуги [318]).» Затѣмъ, онъ роздалъ всѣ дома *Кэрѣитъ* своимъ сподвижникамъ. Ту зиму онъ и провелъ въ урочищѣ *Абучжишкодиэръ*.

Ванъ хань и *Санкунь*, бѣжавшіе безо всего, достигли урочища *Дидиксахалъ*, къ рѣкѣ *Нькунь* [319]); *Ванъ хань*, томимый отъ дороги жаждою, подошелъ къ рѣкѣ и сталъ пить воду; въ это время дозорный со стороны *Найманей*, по имени *Хорисубэчи*, схватилъ его, и хотя *Ванъ хань* назвалъ себя, но тотъ не повѣривъ, убилъ его; *Санкунь* же, бывшій въ это время поодаль, и не подходилъ, а уѣхалъ послѣ того въ *Чуалгъ* [320]). Здѣсь, когда онъ, со спутникомъ своимъ *Кокочу* и женой его, искали воды напиться, *Санкунь* завидѣлъ дикую лошадь, кусаемую мухами; онъ сошелъ съ коня и отдавъ его *Кокочу*, самъ сталъ подкрадываться къ лошади, намѣреваясь застрѣлить ее. Тѣмъ временемъ, *Кокочу*, съ лошадью, хотѣлъ уѣхать; жена его сказала: «Онъ одѣвалъ тебя въ хорошее платье и кормилъ хорошею пищею; за что же ты такъ покидаешь своего законнаго господина?» Съ этими словами она стала и не хотѣла ѣхать. *Кокочу* сказалъ ей: «Ты не ѣдешь: ужъ не хочешь ли выйти за *Санкуня*?»—Жена его отвѣчала: «Пусть говорятъ, что у женщинъ на лицѣ собачья кожа [321]); но [322]) ты оставь хоть эту золотую чашку, чтобы *Санкуню* было изъ чего напиться воды.» — *Кокочу* бросилъ золотую чашку и, вмѣстѣ съ женой, прибылъ къ Чингису. Когда онъ расказалъ Чингису о томъ, какъ онъ покинулъ *Санкуня*, Чингисъ сказалъ: «Какъ можно принимать

въ товарищи такихъ людей?» Жену *Кокочу* онъ наградилъ [333]), а *Кокочу* вывелъ и убилъ [334]).

Гурбѣсу, мать Найманьскаго царя *Таяна*, сказала: «*Ванъ хань* былъ маститый царь; принесите мнѣ его голову, я посмотрю; если то его голова, то принесемъ ей жертву.» Она послала людей къ *Хорисубычи*, которые, отрѣзавъ голову *Ванъ ханя*, принесли ее къ ней. Когда удостовѣрились, что это Ванъ ханева голова, то начали играть музыку [335]) и принесли головѣ жертву. Во время жертвоприношенія, голова *Ванъ ханя* улыбнулась; *Таянъ* замѣтивъ эту улыбку и считая ее дурнымъ предзнаменованіемъ, растопталъ голову въ куски. Въ это время, нѣкто, по имени *Кэксѣусабрахъ*, сказалъ *Таяну*: «Вы отрѣзали голову мертваго человѣка и потомъ растоптали ее. Вотъ и вой собакъ предвѣщаетъ недоброе. Прежде, отецъ твой, царь *Инаньчабиллэ*, говаривалъ: «Я состарѣлъ; жена моя молода; сынъ *Таянъ* тоже слабъ; онъ родился мнѣ по молитвамъ моимъ къ духамъ; боюсь, что въ-послѣдствіи онъ не сохранитъ моего многочисленнаго народа.» Такъ онъ говорилъ. Теперь и вой собакъ предвѣщаетъ пораженіе. Правила у *Гурбѣсу* весьма строги [336]), а нашъ царь *Таянъ* слабъ; кромѣ, какъ на соколиную охоту, да на облавы, у него нѣтъ другихъ талантовъ». Такъ говорилъ *Кэксѣусабрахъ*.

Впослѣдствіи *Таянъ* сказалъ: «Въ этой восточной сторонѣ есть нѣсколько *Дада* [337]); они напугали и выгнали стараго *Ванъ ханя* колчанами и стрѣлами [338]), и довели его до смерти. Ужъ не возмечталъ ли онъ сдѣлаться царемъ? На небѣ

одно только солнце [359]): какъ же на землѣ быть двумъ господамъ [360])? Пойду и захвачу этихъ *Дада.*» Мать его *Гурбѣсу* сказала: «Отъ этихъ *Дада* воняетъ [361]); платье у нихъ черное, къ чему ихъ ловить и приводить сюда? Пусть будутъ подальше отъ насъ. Если же есть у нихъ красивыя жены и дочери, такъ пусть онѣ напередъ омоются, а потомъ доятъ коровъ и овецъ; на это онѣ годны» *Таянъ* сказалъ: «Это не трудно. Мы пойдемъ и отнимемъ у нихъ луки и стрѣлы.»

Кэксѣусабрахъ, услышавъ слова *Таяна*, вздохнулъ и молвилъ: «Не говори надмѣнныхъ рѣчей; подобныхъ словъ вдругорядъ не произноси». *Таянъ* не послушалъ его и, вслѣдъ за тѣмъ, отправилъ *Торбиташи* посломъ къ *Алахушидиштхури*, рода *Вангутъ*, съ такими словами: «На восточной сторонѣ есть сколько-то *Дада*; ты будь правою рукою, а я двинусь отсюдѣ; отнимемъ у нихъ луки и стрѣлы». *Алахушидиштхури* въ отвѣтъ сказалъ: «Не могу быть твоею правою рукою». Вмѣсто того, онъ послалъ человѣка къ Чингису сказать: «Найманьскій *Таянъ* собирается отнять у тебя луки и стрѣлы; онъ хотѣлъ, чтобъ я былъ его правою рукою, но я не согласился. Теперь я предостерегаю тебя; если не примешь мѣръ, то *Найманы*, пожалуй, отнимутъ у тебя луки и стрѣлы». Въ это самое время, Чингисъ занимался облавой въ урочищѣ *Тъмъянькээръ*. Получивъ это извѣстіе, онъ на мѣстѣ же облавы совѣщался со своими; многіе говорили: «Кони тощи: что дѣлать?» *Отчигинь* [362]) сказалъ на это: «За чѣмъ вы отзываетесь тѣмъ что кони-де тощи? За то у меня кони въ тѣлѣ. Какъ можно

оставаться спокойнымъ, слыша подобныя рѣчи?» *Бѣлгутай* тоже сказалъ: «Коли у насъ живыхъ отнимутъ луки и стрѣлы, что будетъ пользы? Молодцы умираютъ вмѣстѣ съ лукомъ и стрѣлами; развѣ такъ не славно? *Наймани* осмѣлились говорить надмѣнныя рѣчи, надѣясь на обширность царства и многочисленность жителей; намъ не трудно, пользуясь настоящимъ временемъ, отнять у нихъ самихъ луки и стрѣлы; если мы пойдемъ на нихъ, они спокойно покинутъ многочисленные свои табуны коней; жилища опустѣютъ и весь народъ убѣжитъ въ горы и лѣса. И такъ на коней!»

Чингисъ одобрилъ мнѣніе *Бѣлгутая*; возвращаясь съ облавы, онъ прошелъ чрезъ урочище *Абчихакотырэ*, къ рѣкѣ *Халхъ*, и остановился въ *Кэлтыгайхада*, близъ *Орнау*. Пересчитавъ свое войско, онъ поставилъ тысячниковъ, сотниковъ, и десятниковъ [363]); учредилъ шесть *Чжерби* [364]) и всѣмъ распредѣлилъ должности. Потомъ опредѣлилъ 80 человѣкъ для ночной стражи [365]) и 70 человѣкъ *Саньбань* [366]). Для охранной стражи [367]) избраны молодые люди, ловкіе и статные, изъ домовъ тысячниковъ и сотниковъ, равно люди свободнаго состоянія [368]). Онъ приказалъ *Архайхасару* набрать 1000 человѣкъ храбрыхъ и начальствовать надъ ними; въ битвахъ этотъ отрядъ долженствовалъ быть впереди; въ спокойное же время составлять охранную стражу. Надъ 70 *Саньбань* поставлены начальниками вмѣстѣ *Оэльчэрби* и *Худусыхалчань*.

Чингисъ говорилъ еще: «Стрѣльцы [369]) *Саньбань*, тѣлохранители, кравчіе [370]) и дверники, днемъ должны быть на мѣ-

стѣ своей службы, а съ захожденіемъ солнца, завѣдываемыя ими дѣла и вещи они должны отдавать ночной стражѣ и ночевать внѣ; завѣдывающіе конями, пусть берегутъ коней; ночная стража должна стоять кругомъ юрты [371]); дверники [372]) по очереди, стоять у дверей. На другой день, когда принесутъ горячую воду [373]), пусть всѣ входятъ внутрь и исполняютъ свои обязанности. Очередь смѣняется черезъ каждые три дня.» Распредѣлены были также должности тысячникамъ, сотникамъ, *Чжерби* и другимъ.

Въ годъ мыши [374]), четвертой луны 16-го числа, Чингисъ принесъ жертву знамени [375]) и пошелъ войной на *Найманей*, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ *Кэрулянь*; онъ отправилъ *Чжэбѣ* и *Хубилая* передовыми. Достигши урочища *Саарикээръ*, наши передовые встрѣтились съ Найманьскими дозорными, которые стерегли съ горы *Канхарха*; во время взаимныхъ стычекъ, *Найманы* поймали одного изъ нашихъ всадниковъ, который сидѣлъ на бѣлой лошади съ потертой спиной и говорили: «Такъ у *Дада* кони тощи». Когда войско Чингиса прибыло въ урочище *Саарикээръ* и здѣсь остановилось, *Додайчэрби* сказалъ Чингису: «У насъ людей немного и пришли мы издалека; откормимъ здѣсь нашихъ коней, а чтобы обмануть непріятелей, разставимъ ратниковъ [376]) по всему протяженію урочища *Саарикээръ*; ночью же велимъ разводить каждому по пяти огней; хоть непріятелей и много, но государь ихъ слабъ и никогда не бывалъ внѣ; онъ навѣрно испугается и усумнится [377]); такимъ образомъ, мы откормимъ лошадей и потомъ,

преслѣдуя ихъ дозорныхъ, нападемъ въ-расплохъ на главный лагерь и несомнѣнно одержимъ побѣду». Чингисъ послѣдовалъ совѣту *Додая*. Дѣйствительно, Найманскіе дозорные, смотря съ вершины горы, говорили: «Слышно было, что *Дада* не много; откуда же у нихъ огней столько, какъ звѣздъ?» Они тотчасъ проводили плѣннаго съ лошадью къ *Таяну* и донесли ему: «Рать *Дада* запрудила все *Сааракээръ*; должно быть, что съ каждымъ днемъ она прибываетъ; по крайней мѣрѣ, ночью у нихъ огней столько какъ звѣздъ».

Таянъ находился въ то время на берегу рѣки *Хачиръ*, что̀ въ *Канхаѣ* [378]). Услышавъ такое извѣстіе, онъ послалъ человѣка къ сыну своему *Гучулуку*, съ такими словами: «У *Дада* кони тощи; но огней у нихъ столько, какъ звѣздъ; навѣрно, рать ихъ весьма велика; я слышалъ прежде, что *Дада* такъ тверды, что колѝ имъ въ глазъ, они не мигнутъ; въ щеку, они не посторонятся; поэтому, если теперь же вступить съ ними въ битву, то послѣ трудно будетъ справиться; теперь увѣдомляютъ, что у *Дада* кони тощи; мы поднимемъ народъ, перейдемъ за Золотыя-Горы [379]) и выстроивъ тамъ войско, заманимъ ихъ туда; когда они прибудутъ къ Золотымъ-Горамъ, тощіе кони ихъ будутъ утомлены, а наши, на ту пору, въ тѣлѣ; мы вернемся, вступимъ съ ними въ бой и побѣдимъ». *Гучулукъ*, выслушавъ это, сказалъ: «Эта баба [380]) *Таянъ*! опять испугался. *Дада* много! Откуда они пришли? Бо̀льшая часть ихъ, вмѣстѣ съ *Чжамухой*, находятся здѣсь у насъ. Отецъ мой, *Таянъ*, не хаживалъ и на столько, сколько беременная

женщина проходитъ до удобнаго мѣста [381]), или теленокъ до корыта съ кормомъ; оттого онъ теперь и испугался». Эти слова велѣлъ онъ передать *Таяну*. *Таянъ*, услышавъ, что сынъ сравнилъ его съ женщиной [380]), воскликнулъ: «О сильный и храбрый *Гучулукъ!* Смотри, чтобы въ бою такая храбрость твоя не похирѣла!» Одинъ изъ его сановниковъ, *Хорисубьчи*, сказалъ ему: «Отецъ твой, *Инаньчабилэ*, когда, бывало, ратовалъ съ равными врагами, никогда не показывалъ имъ своей молодецкой спины и зада лошади. Теперь, для чего ты заранѣе испугался? Если бы прежде знать такой нравъ твой, то пусть бы управляла войскомъ мать твоя, *Гурбьсу*; хоть она и женщина, но было бы лучше. Жаль, что *Кэксъусабрахъ* состарѣлся [383]) и дисциплина нашихъ войскъ чрезвычайно ослабѣла. Вѣрно, настала счастливая судьба [384]) для *Дада.*» Кончивъ вздохи, онъ, сидя на конѣ, ударилъ по колчану [385]) и уѣхалъ особь [386]).

Таянъ, слыша такія рѣчи, со гнѣвомъ сказалъ: «Жизнь мертваго человѣка и тѣло обреченное страданіямъ—одно и тоже. Будь по вашему; встрѣтимъ враговъ и будемъ биться.» Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отправился внизъ по рѣкѣ *Тамирѣ* [387]) и переправившись черезъ рѣку *Орхо* [388]), прибылъ къ восточному склону горы *Наху*, въ урочище *Чакирмаутъ*. Когда дозорные Чингиса завидѣли Найманьское войско, Чингисъ выстроилъ свою рать; самъ онъ взялся быть передовымъ; брату своему *Хасару* поручилъ начальство надъ среднимъ полкомъ, а *Отчигину* команду надъ заводными конями [389]). Тогда Най-

маньскія войска [390]) отступили къ яру горы *Наху* и расположился по горѣ [391]). Чингисовы дозорные преслѣдовали Найманьскихъ дозорныхъ до самой горы.

Въ то время, *Чжамуха* былъ тоже у *Найманей*. *Таянъ* спросилъ его: «Кто эти, преслѣдующіе нашихъ, какъ волки, когда они гонятся за стадомъ овецъ до самой овчарни?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это четыре пса моего *Тѣмучжина*, вскормленные человѣчьимъ мясомъ; онъ привязалъ ихъ на желѣзную цѣпь; у этихъ псовъ мѣдные лбы, высѣченные зубы, шилообразные языки, желѣзныя сердца. Вмѣсто конской плетки, у нихъ кривыя сабли. Они пьютъ росу, ѣздятъ по вѣтру; въ бояхъ, пожираютъ человѣческое мясо. Теперь они спущены съ цѣпи; у нихъ текутъ слюны; они радуются. Эти четыре пса: *Чжэбэ*, *Хубилай*, *Чжэлмэ* и *Субѣэтай*.» *Таянъ* сказалъ: «Коли такъ, то подальше отъ этихъ презрѣнныхъ [392]) людей.» Онъ отступилъ и поднявшись по горѣ, остановился. Потомъ, онъ опять спросилъ: «Кто эти, слѣдующіе за тѣмъ отряды, похожіе на жеребятъ, когда они, насосавшись молока, рѣзвятся и бѣгаютъ кругомъ своей матки?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это два рода: *Уруутъ* и *Манхутъ*, которые убиваютъ всѣхъ мущинъ съ копьемъ и мечемъ [393]) и снимаютъ съ нихъ платье.» *Таянъ* сказалъ: «Такъ удалимся еще подальше отъ этихъ презрѣнныхъ людей»; и онъ приказалъ еще подняться на гору и, остановившись, опять спросилъ *Чжамуху*: «Кто это позади, какъ голодный коршунъ, порывающійся впередъ.» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это мой *Тѣмучжинъ* аньда, одѣтый съ ногъ

до головы въ желѣзную броню; онъ прилетѣлъ сюда словно голодный коршунъ. Видишь ли его? Вы говорили прежде, что только *Дада* появится, такъ отъ него, какъ отъ барашка, не останется и копытъ съ кожей. Посмотри же теперь». *Таянъ* только проговорилъ: «Страшно!» и приказалъ еще подняться на гору. Онъ опять спросилъ: «Кто это позади, со множествомъ ратниковъ?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это сынъ матери-*Хоэлунъ*, воспитанный человѣчьимъ мясомъ. Тѣло его въ три человѣческихъ роста; онъ съѣдаетъ заразъ трехгодовалаго барана; одѣтъ въ три желѣзныя брони и пріѣхалъ на трехъ сильныхъ быкахъ. Онъ проглотитъ цѣлаго человѣка, съ лукомъ и стрѣлами, такъ, что не засядетъ у него въ горлѣ; съѣстъ цѣлаго человѣка, да еще не сытъ. Когда онъ разгнѣвается, то стрѣлою *Анхуа* [394]), черезъ гору, пронзитъ десять, или двадцать человѣкъ; когда съ нимъ станутъ драться, онъ метнетъ стрѣлу *Коибуръ* и хоть черезъ широкую степь пронижетъ человѣка вмѣстѣ съ латами. Изъ большаго лука онъ попадаетъ за 900 шаговъ, изъ малаго лука [395]) за 500 шаговъ. Онъ не похожъ на обыкновенныхъ людей, словно большой удавъ. Называется онъ *Чжочихасаръ*». *Таянъ* сказалъ: «Если такъ, то вмѣстѣ поднимемся на высокую гору.» Потомъ опять спросилъ: «Кто тотъ, что позади всѣхъ?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это самый младшій сынъ *Хоэлунъ*, по имени *Отчигинъ*. Онъ лѣнивъ; любитъ рано ложиться и поздно вставать; но въ дружинѣ ратниковъ онъ никогда не опаздывалъ.» Тогда *Таянъ* поднялся на вершину горы.

Чжамуха, отставши отъ *Найманей*, велѣлъ передать Чингису [396]) то, что онъ говорилъ *Таяну*, прибавивъ: «*Таянъ*, наслушавшись моихъ словъ, уже отуманенъ страхомъ. Всѣ наперерывъ спѣшатъ подняться на вершину горы: ни у кого нѣтъ духа сражаться. Я самъ уже отсталъ отъ нихъ. *Аньда!* будь остороженъ.»

Въ тотъ день, Чингисъ, замѣтивъ, что уже поздно, остановился на ночлегъ, окруживъ гору *Наху*. Ночью, *Найманы* рѣшились бѣжать; люди и лошади падали съ горнаго утеса; убитыхъ отъ давки было множество. На другой день схватили *Таяна*; сынъ его, *Гучулукъ*, не будучи вмѣстѣ съ нимъ, успѣлъ спастись бѣгствомъ, съ нѣсколькими всадниками; видя, что преслѣдовавшіе его настигали, онъ, ставя лагерь у рѣки *Тамиръ*, не поставилъ его, опять бѣжалъ и былъ преслѣдуемъ до горы *Алтай*, гдѣ и доведенъ былъ до крайности [397]); послѣ чего весь народъ его былъ полоненъ. Въ тоже время, бывшіе вмѣстѣ съ *Чжамухой*, *Дада*, именно роды *Чжадаланъ*, *Хатагинъ*, и другіе, поддались Чингису. Чингисъ приказалъ привести къ себѣ мать *Таяна*, *Гурбѣсу*, и сказалъ ей: «Ты говорила, что *Дада* вонючи; какъ же ты пришла сюда?» Затѣмъ, онъ оставилъ ее у себя [398]).

Въ тотъ годъ мыши, осенью, Чингисъ вступилъ въ битву съ Мѣркитскимъ *Тохтоа*, въ урочищѣ *Харадалхучжаура*; разбивъ *Тохтоа*, онъ преслѣдовалъ его до *Саарикээръ* и овладѣлъ его народомъ. *Тохтоа* бѣжалъ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями своими, *Худу* и *Чилаунемъ*, и нѣсколькими спутниками.

Въ началѣ покоренія *Мэркитовъ*, нѣкто изъ рода *Хоасымэрки*, по имени *Даиръусунь*, представилъ Чингису дочь свою, *Хулань*. Когда онъ везъ ее къ Чингису, дорога была непроѣздною отъ безпорядковъ военщины; встрѣтивъ одного благороднаго изъ рода *Бааринъ*, по имени *Ная*, онъ сказалъ ему: «Эту дѣвицу я хочу представить Чингису.» *Ная* сказалъ: «Мы вмѣстѣ поѣдемъ и доставимъ эту дѣвицу; если ты поѣдешь напередъ, то возмутившіеся воины тебя убьютъ, а дѣвицу обезпокоятъ [399])». Поэтому, онъ оставилъ *Даиръусуня* прожить у него три дня и потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, доставилъ *Хулань* къ Чингису. Чингисъ, узнавъ, что *Ная* оставлялъ эту дѣвицу у себя три дня, съ гнѣвомъ сказалъ: «Строго допросивъ [400]) его, казнить [401])». Когда его пытали, *Хулань* сказала: «*Ная* говорилъ намъ, что онъ вельможа царскій, и что онъ вмѣстѣ доставитъ меня. Какъ на пути были возмутившіеся ратники, то онъ и оставилъ насъ у себя. Если бы мы не встрѣтили *Ная*, и онъ не оставилъ насъ у себя, то не знаю, что̀ сдѣлалось бы съ нами. Не пытай его; а, если будетъ твоя царская милость ко мнѣ, лучше освидѣтельствуй мою невинность [402]).» *Ная* говорилъ также: «Я искренно служу своему господину и считаю долгомъ представлять ему добытыхъ въ чужихъ земляхъ прекрасныхъ дѣвъ и добрыхъ коней [403]); кромѣ же сего, если есть у меня другія какія либо мысли, то пусть умру.» Чингисъ сказалъ: «*Хулань* говоритъ дѣло.» Въ тотъ же день, освидѣтельствовавъ *Хулань*, онъ удостовѣрился, что она дѣйствительно не обезчещена. За то Чингисъ еще болѣе полю-

билъ ее; *Наю* же отпустилъ, сказавъ: «Это человѣкъ не притворный; послѣ можно поручать ему важныя дѣла [404]).»

По покореніи *Мѣркіи*, жена *Худу*, сына *Тохтоа*, отдана была *Огэтаю*. Половина народа *Мѣркіи*, возмутившись, отошла и заняла горное укрѣпленіе *Тайхалъ*. Чингисъ велѣлъ *Чиньбо*, сыну *Сорханьширы*, съ ратью правой руки, идти и аттаковать ихъ, а самъ отправился преслѣдовать *Тохтоа*; прибывши къ Золотымъ-Горамъ, онъ провелъ тутъ зиму.

Въ слѣдующемъ году, весной, онъ перешелъ хребетъ *Арай*; въ то самое время, Найманьскій *Гучулукъ* соединился съ *Тохтоа*; они выстроили войско въ урочищѣ *Эрдишибухдурма*, у самыхъ истоковъ [406]). Чингисъ, прибывши туда, вступилъ съ ними въ бой. *Тохтоа* палъ подъ стрѣлами; дѣти его не могши взять труна отца, отрѣзали только голову и увезли ее съ собой. Пораженные ратники бѣжали; болѣе половины ихъ потонули при переправѣ чрезъ *Эрдиши*; остальные также всѣ разбѣжались и пропали. Найманьскій *Гучулукъ* бѣжалъ черезъ родъ *Вейухарлу* [407]), въ страну *Хойхой*, къ рѣкѣ *Чуй*, и соединился тамъ съ *Гурханомъ*, рода *Харакита* [408]). Мѣркитскій *Худу* и *Чилаунъ* бѣжали черезъ *Канли* и *Кинча* [409]). Чингисъ также вернулся въ свое старое становище [410]). Въ это время, *Чиньбо* разбилъ Тайхалское укрѣпленіе и убилъ или полонилъ Мѣркитскій народъ. Прежде поддавшіеся *Мѣрки* также возмутились было, въ старомъ становищѣ [411]); но были одолѣны находившимися въ становищѣ прислужниками [412]). Чингисъ сказалъ: «Если позволить имъ жить въ одномъ мѣстѣ,

то они опять возмутятся.» Поэтому, онъ раздѣлилъ ихъ всѣхъ до одного.

Въ тотъ годъ тельца [113]), Чингисъ устроилъ желѣзную кибитку для *Субьэтая* и отправилъ его преслѣдовать дѣтей *Тохтоа*: *Худу* и другихъ; онъ говорилъ ему: «Они, потерпѣвъ пораженіе въ битвѣ съ нами, вырвались у насъ какъ дикія лошади, съ укрюками на шеѣ, или какъ подстрѣленные олени. Коли они на крыльяхъ улетятъ на небо, ты будь соколомъ и поймай ихъ; коли они, какъ мыши, зароются въ землю, ты будь желѣзной мотыкой и откопай ихъ; коли они, какъ рыбы, скроются въ море, ты будь сѣтью и вытащи ихъ.» Потомъ еще говорилъ: «Для перехода черезъ высокія горы, и переправы черезъ широкія рѣки, пользуйся тѣмъ временемъ, когда кони у ратниковъ еще не отощали. Если провіантъ еще не вышелъ, то прежде всего жалѣй (воиновъ). По дорогѣ, не занимайся облавой, безъ нужды; когда же нужно будетъ добыть продовольствіе охотой, то дѣйствуй тоже осмотрительно и по обстоятельствамъ. Не позволяй ратникамъ надѣвать на коней подхвостныхъ шлей и взнуздывать удила; отъ этого всадники не посмѣютъ пускать коней своихъ вскачь. Кто ослушается приказовъ, того, если онъ извѣстенъ мнѣ, приведи сюда, если же нѣтъ, то казни на мѣстѣ. Будь остороженъ. Если покровительствомъ и помощію неба, поймаешь дѣтей *Тохтоа*, то тамъ же и убей ихъ.» Потомъ говорилъ еще: «Когда я былъ молодъ, три рода *Мэркитъ* ловили меня и три раза объѣхали гору *Бурхань*. Этотъ вражескій народъ теперь ушелъ,

говоря громкія рѣчи [414]); поручая тебѣ преслѣдовать его до крайнихъ предѣловъ, я сдѣлалъ для тебя желѣзную кибитку; хоть ты и далеко будешь отъ меня, но тоже, что близъ меня. Въ пути, небо конечно сохранитъ тебя и поможетъ тебѣ.»

Когда *Наймани* и *Мѣркиты* были взяты и полонены Чингисомъ, *Чжамуха*, находившійся у *Найманей*, и лишившійся своего народа, остался только съ пятью товарищами, съ которыми и составилъ шайку разбойниковъ. Разъ, отправившись въ гору *Танлу* [415]), они убили одного большерогаго барана [416]), и зажаривъ его, ѣли; во время ѣды, *Чжамуха* сказалъ: «Чей сынъ сегодня, убивъ большерогаго барана, изжарилъ и ѣстъ его?» [417]) Когда онъ сказалъ это, пять товарищей схватили и препроводили его къ Чингису [418]). *Чжамуха* поручилъ человѣку передать Чингису: «Черныя галки съумѣли поймать селезня; рабы осмѣлились схватить своего господина; царь *аньда!* ты знаешь что дѣлать [419])». Чингисъ сказалъ: «Возможно ли оставить людей, схватившихъ собственнаго своего господина? Предать ихъ, съ дѣтьми и внуками, смерти!» Тогда онъ приказалъ казнить ихъ въ присутствіи *Чжамухи*. Потомъ, онъ послалъ человѣка къ *Чжамухѣ*, съ такими словами: «Прежде я сдѣлалъ тебя одной изъ оглоблей кибитки; но ты отсталъ отъ меня; теперь ты опять соединился со мной; будь же моимъ товарищемъ; что забудемъ, то будемъ напоминать другъ другу; когда заснемся, будемъ будить другъ друга. Хотя ты шелъ одиночкой, но все таки былъ моимъ счастливымъ и благовѣщимъ *аньда*. Когда случалось намъ на самомъ дѣлѣ биться,

ты въ сердцѣ своемъ скорбѣлъ о томъ. Когда я ратовалъ съ *Ванъ ханемъ*, ты передалъ мнѣ его слова; это первая твоя услуга. Потомъ, когда я сражался съ *Найманями*, ты настращалъ ихъ; это еще услуга мнѣ». Когда эти слова переданы были *Чжамухѣ*, онъ отвѣчалъ: «Съ тѣхъ раннихъ поръ, какъ мы съ тобой сдѣлались *аньда*, мы вмѣстѣ наѣдались пищи неудобосваримой, наговаривали другъ другу рѣчей незабвенныхъ; но люди поссорили насъ и мы разошлись. Припоминая прежнія рѣчи, я краснѣю и не смѣю видѣться съ *аньдой*. Ты хочешь, чтобъ я былъ тебѣ товарищемъ; но называясь товарищемъ, я не буду имъ на самомъ дѣлѣ. Теперь ты собралъ народы и престолъ свой утвердилъ: нѣтъ возможности сдѣлаться тебѣ товарищемъ. Если ты не умертвишь меня, то я буду для тебя, какъ вошь на воротникѣ, или какъ колючка на внутреннемъ воротѣ. Изъ за меня, днемъ ты будешь неспокоенъ, ночью будешь спать тревожно. Мать твоя разумна; ты самъ герой; братья твои съ талантами; товарищи у тебя славные витязи: есть у тебя также 73 мерена [120]), а я съ малолѣтства лишился родителей и не имѣю братьевъ; жена моя болтунья [121]); товарищи люди невѣрные. Потому-то *аньда*, надъ которымъ воля Неба, превзошелъ меня. Теперь даруй мнѣ поскорѣе умереть, чтобы сердце *аньды* было спокойно; если, притомъ, позволишь мнѣ умереть безъ крови [122]), то я, по смерти, на вѣчныя времена, буду покровителемъ и помощникомъ твоихъ потомковъ» [123]). Чингисъ, выслушавъ эти слова, сказалъ: «Хоть *Чжамуха аньда* шелъ особо, но никогда не говорилъ рѣчей,

которыя причинили бы мнѣ дѣйствительный вредъ. Это человѣкъ, который могъ бы еще исправиться [424]); но онъ не хочетъ жить; чтобы заставить его умереть, гадалъ я, но не выходитъ [425]); притомъ онъ человѣкъ именитый и безъ причины нельзя погубить его. Но вотъ причина [426]). Ты [427]) скажи ему: «По поводу взаимной кражи въ конскихъ табунахъ *Сочжидармала* и *Тайчара*, ты съ намѣреніемъ возсталъ [428]) на меня и бился со мной въ урочищѣ *Балчжуна*; загнавъ меня въ тѣснины *Чжерань*, ты тогда жестоко напугалъ меня. Нынѣ я хотѣлъ сдѣлать тебя моимъ товарищемъ, но ты не хочешь того; хоть я и жалѣю твою жизнь, но не могу сохранить ее: Пусть будетъ по твоему желанію: умри, не пуская крови». Онъ велѣлъ *Чжамухѣ* умереть не выпуская крови и похоронилъ его съ большою почестію [429]).

Когда Чингисъ собралъ подъ свою власть народы разныхъ улусовъ, то въ годъ тигра [430]), на вершинѣ рѣки *Онань*, онъ водрузилъ знамя съ девятью бѣлыми хвостами [431]), и возсѣлъ царемъ [432]). Доблестнаго витязя *Мухали* онъ пожаловалъ княземъ [433]); *Чжэбѣ* онъ повелѣлъ преслѣдовать *Гучулука*; управилъ [434]) народами *Дада*; кромѣ царскихъ зятьевъ, пожаловалъ тысячниками девяносто пять человѣкъ, трудившихся вмѣстѣ съ нимъ въ созиданіи царства [435]).

Чингисъ сказалъ: «Раздавъ должности царскимъ зятьямъ и 95 тысячникамъ, я награжду еще тѣхъ изъ нихъ, которые отличились особенными заслугами.» Онъ велѣлъ *Шишихутухѣ* позвать *Бёорчу*, *Мухали* и другихъ. *Шишихутухѣ* сказалъ:

«Заслуги *Бёорчу* и *Мухали* больше чьихъ, что еще хочешь наградить ихъ? Я, съ малолѣтства принятый къ тебѣ въ домъ, до полнаго возраста, не отлучался отъ тебя; мои заслуги меньше чьихъ заслугъ? Теперь, чѣмъ ты наградишь меня?» Чингисъ сказалъ ему: «Ты сдѣлался моимъ шестымъ братомъ и имѣешь право на удѣлъ, равный удѣламъ братьевъ. Избавляю тебя отъ наказанія за девять преступленій [436]). Теперь, когда я только что утвердилъ за собою всѣ народы, ты будь моими ушами и очами [437]). Никто да не противится тому, что ты скажешь [438]). Тебѣ поручаю судить и карать по дѣламъ воровства и обмановъ [439]); кто заслужитъ смерть, того казни смертію; кто заслужитъ наказаніе, съ того взыскивай; дѣла по раздѣлу имѣнія у народа ты рѣшай [440]). Рѣшенныя дѣла записывай на черныя дощицы [441]), дабы послѣ другіе не измѣняли». *Шихихутуху* сказалъ: «Я самый младшій изъ братьевъ; какъ же осмѣлюсь имѣть одинакій съ ними удѣлъ? Если будетъ твоя милость ко мнѣ, то дай мнѣ народъ, обитающій внутри земляного вала [442]). Чингисъ сказалъ: «Будь по твоему собственному выбору.» *Шихихутуху*, получивъ награду, позвалъ *Бёорчу*, *Мухали*, *Мунлика*, и другихъ для полученія наградъ.

Чингисъ сказалъ *Мунлику:* «Ты былъ моимъ товарищемъ съ малолѣтства моего доселѣ, и много было случаевъ, когда ты охранялъ меня и помогалъ мнѣ; въ особенности же тогда, когда *Ванъ хань* съ сыномъ заманили меня къ себѣ и я ѣхалъ къ нимъ; если бы ты тогда не остановилъ меня, то я попалъ бы въ глубокую воду и большой огонь [443]). Вспоминая теперь

эту услугу твою, я не позволю, чтобы и мои потомки забыли ее. Отселѣ впредъ ты будешь сидѣть на краю [445]), и какъ я присужу награждать тебя, погодно, или помѣсячно, такъ будетъ непрерывно и твоимъ потомкамъ.»

Чингисъ сказалъ *Бёорчу:* «Въ малолѣтствѣ моемъ, однажды воры украли у меня восемь сивыхъ мереновъ; гонясь за ними трое сутокъ, я встрѣтился съ тобой; ты тогда сдѣлался моимъ товарищемъ, вмѣстѣ со мной ѣздилъ трое сутокъ и со мной воротилъ коней. Почему отецъ твой, *Нахубоянь*, человѣкъ богатый и имѣвшій только одного сына, тебя, рѣшился отдать тебя мнѣ въ товарищи? Потому, что въ тебѣ замѣтны были черты высокой справедливости [445]). Послѣ того, когда я позвалъ тебя въ товарищи, ты не отказался. Когда три рода *Мэркитъ* загнали меня въ гору *Бурхань*, ты не отсталъ отъ меня и вмѣстѣ со мной раздѣлилъ бѣдствіе. Когда я ночевалъ противъ рядовъ *Татаръ*, въ урочищѣ *Таланьтьмургэсы*, и пошелъ проливной дождь, ты, чтобы дать мнѣ отдохнуть, растянувъ войлочный плащъ, стоялъ надо мной и не позволилъ дождевой водѣ литься на меня; такъ ты простоялъ до разсвѣта, однажды только переступивъ съ ноги на ногу [446]); вотъ примѣръ твоего доблестнаго поведенія. Другихъ твоихъ дѣлъ нельзя изчислить. Кромѣ того, ты съ *Мухали* помогалъ мнѣ и заставлялъ дѣлать то, что слѣдовало дѣлать, порицалъ меня и останавливалъ въ томъ, чего не слѣдовало дѣлать; черезъ то я и достигъ этого великаго сана. Теперь, ты въ ряду другихъ, садись выше всѣхъ. Избавляю тебя отъ наказанія за девять преступленій. Будь тем-

никомъ, и управляй [447]) этой западной страной до Золотыхъ-Горъ.»

Чингисъ сказалъ *Мухали:* «Когда мы были въ урочищѣ *Хорхоначжубуръ*, подъ густымъ развѣсистымъ деревомъ, подъ которымъ царь *Хутула* веселился и плясалъ, Небо объявило тебѣ слова; онѣ объяснились; памятуя, съ тѣхъ поръ, слова, сказанныя тебѣ отцемъ твоимъ, *Гууньхуа* [448]), я теперь за то дѣлаю тебя княземъ. Въ обществѣ садись выше другихъ. Будь темникомъ лѣвой руки и управляй восточной стороной, до горъ *Хараунь*; твои потомки будутъ наслѣдственны въ этомъ достоинствѣ.»

Чингисъ сказалъ *Хорчи:* «Въ юности моей, ты произнесъ о мнѣ пророческія рѣчи, дѣлилъ со мной труды и былъ мнѣ товарищемъ. Въ то время, ты сказалъ: коли сбудутся мои пророческія слова, то дай мнѣ 30 женъ. Теперь онѣ сбылись. Даю тебѣ волю выбрать 30 прекрасныхъ женъ и дѣвицъ въ покорившихся народахъ. Кромѣ того, соединивъ 3,000 рода *Баали*, съ родами *Адарки* и другими, управляемыми *Тагаемъ* и *Ашихомъ*, и составивъ изъ нихъ 10,000, будь ихъ темникомъ и управляй ими. Ставь свое становище, по твоему выбору, среди лѣсныхъ народовъ [449]), по рѣкѣ *Эрдиши* и охраняй [450]) тамошнюю страну; всѣ дѣла тамошнихъ народовъ пусть будутъ въ твоемъ вѣдѣніи; противящихся наказывай.»

Чингисъ сказалъ *Чжурчэдаю:* «Самая важная услуга твоя мнѣ оказана тобою во время битвы съ *Ванъ ханемъ*, въ урочищѣ *Халахалчжиэлътъ:* хотя въ минуту нашего раздумья,

Хулдаръ первый сказалъ, что онъ желаетъ биться, но успѣхъ дѣла принадлежитъ тебѣ: ты разбилъ и отбросилъ самый сильный непріятельскій отрядъ изъ *Чжиргинь* и другихъ; вторгнувшись въ строй и ряды Ханскаго корпуса [431]), ты ранилъ стрѣлою *Санкуня* въ щеку. Если бы ты въ то время не попалъ въ щеку *Санкуня*, то неизвѣстно еще, что было бы. Это твоя важнѣйшая заслуга. Потомъ, когда мы шли внизъ по рѣкѣ *Халхь*, я надѣялся на тебя, какъ на защиту высокой горы. По прибытіи къ озеру *Балжуна*, въ войнѣ съ *Ванъ ханемъ*, ты былъ передовымъ; съ помощію неба, мы покорили важнѣйшее царство *Кэрьитъ*, и потому роды *Наймань* и *Мьркитъ*, не могли съ нами ратовать и разсѣялись [432]). Когда *Наймань* и *Мьрки* разсѣялись, *Чжахаганьбу* представилъ мнѣ двухъ дочерей своихъ и чрезъ то сохранилъ народъ свой; но потомъ онъ снова возмутился и отложился отъ насъ; тогда ты, придумавъ планъ, схватилъ его и народъ его полонилъ [433]). Это вторая твоя заслуга.»—Съ этими словами, Чингисъ пожаловалъ *Чжурчэдаю* супругу свою, *Ибаху* [434]). Чингисъ сказалъ *Ибахь:* «Я не то, что не возлюбилъ тебя за дурной нравъ, или недостатокъ красоты, и не говорилъ, что ты тѣломъ нечиста, когда помѣстилъ тебя въ число супругъ своихъ. Я дарю тебя *Чжурчэдаю* за то, что онъ оказалъ доблестныя заслуги, въ битвахъ рисковалъ жизнію и умѣлъ собрать отдѣлившіеся народы. Завѣщаю моимъ потомкамъ, которые будутъ возсѣдать на моемъ престолѣ, въ память этихъ заслугъ, не прерывать сана *Ибахи* [435]). Потомъ онъ сказалъ *Ибахь:* «Отецъ твой,

Чжахаганьбу, отдалъ за тобой повара *Аштъмура*, съ 200 человѣкъ; теперь, уходя отъ меня, оставь мнѣ на память, *Аштъмура*, съ сотнею человѣкъ.» Чингисъ сказалъ еще *Чжурчэдаю*: «Тебѣ поручаю управлять 4000-ми рода *Урутъ*.»

Чингисъ сказалъ *Хубилаю*: «Ты усмирялъ крутыхъ и непокорныхъ; ты, да *Чжэлмэ*, *Чэгэбэ* и *Субѣэтай*, словно четыре свирѣпыхъ пса у меня; куда бы я ни посылалъ васъ, вы крѣпкіе камни разбивали въ куски, скалы низвергали; глубокую воду останавливали; потому-то въ битвахъ я велѣлъ вамъ быть впереди; четыремъ витязямъ: *Бёорчу*, *Мухали*, *Бёроулу* и *Чилаую* [436]), быть за мной; а *Чжурчэдаю* и *Хуилдару* стоять передо мной, для того, чтобы сердце мое было спокойно [437]). Теперь, ты, *Хубилаи*, во всѣхъ ратныхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ будь старшимъ.» Потомъ прибавилъ: «Выговаривай *Бъдуую* за его непокорство; я не дѣлаю его особымъ тысячникомъ и счелъ за лучшее присоединить его къ тебѣ; дѣйствуйте по взаимному согласію; посмотри, что будетъ дальше.»

Чингисъ сказалъ *Бёорчу*, *Мухали* и другимъ: «Этотъ *Хунань*, ночью у меня, словно дерзкій волкъ; днемъ, что̀ черный воронъ. Онъ присталъ ко мнѣ и никогда не хотѣлъ слѣдовать за людьми дурными. Во всякомъ дѣлѣ, совѣтуйтесь съ *Хунанемъ* да съ *Кокососы*. *Чжочи* мой старшій сынъ; пусть *Хунань* управляетъ *Гэшэсы* и, подъ вѣдѣніемъ *Чжочи*, будетъ темникомъ.»—Еще сказалъ: *Хунань*, *Кокососы*, *Дъгай* и *Усунъэбуганъ*, что̀ ни слышали и ни видѣли, никогда не таили отъ меня и все мнѣ сказывали.»

Чингисъ сказалъ *Чжэлмэ*: «Когда я родился у рѣки *Онань*, въ урочищѣ *Дьлиунъболда*, отецъ твой, старикъ *Чжаргиудай*, пришелъ отъ горы *Бурхань*, съ кузнечнымъ мѣхомъ за плечами, и далъ для меня соболью пеленку. Въ это время, *Чжэлмэ* былъ еще въ пеленкахъ; съ тѣхъ поръ онъ уступилъ его мнѣ въ неотлучные рабы. Онъ вмѣстѣ со мною взросъ, былъ мнѣ товарищемъ до сихъ поръ и много оказалъ заслугъ; это мой счастливый товарищъ Избавляю его отъ наказанія за девять преступленій.

Чингисъ сказалъ *Тулую*: «За что тебѣ и отцу твоему дано управлять тысячами? За то, что ты помогалъ своему отцу собирать народъ, я далъ тебѣ санъ *Чэрби*. Теперь будь тысячникомъ у собраннаго тобою самимъ народа и дѣйствуй по совѣщанію съ *Тулуханемъ*.»

Чингисъ сказалъ кравчему *Вангуру*, сыну *Мунэтукияня*: «Въ прежнее время, ты, вмѣстѣ съ тремя домами *Тохураутъ*, пятью домами *Тархутъ* и съ двумя родами: *Чаншикитъ* [458]) и *Баяу*, составилъ со мной одно становище. Во мракѣ и туманѣ, ты не заблуждался; въ безпорядкахъ и разбросѣ ты со мной не разлучался; холодъ и сырость ты терпѣлъ вмѣстѣ со мной. Теперь ты какой награды хочешь?» *Вангуръ* отвѣчалъ: «Если ты, по милости своей, мнѣ самому велишь выбирать, то я хотѣлъ бы собрать воедино братьевъ рода *Баяутъ*, разсѣянныхъ теперь по разнымъ улусамъ.»—Чингисъ согласился и сказалъ: «Собравъ ихъ, будь тысячникомъ и управляй ими.»—Еще сказалъ: «*Вангуръ* и *Бёроулъ*! Оба вы, распоряжаясь по

правую и лѣвую сторону, раздавали явства и питье всѣмъ поровну, и угодили моему сердцу. Съ сихъ поръ, въ большихъ собраніяхъ раздавайте явства и питье, сидя на коняхъ [459]); во время же сидѣнья, сидите по лѣвую и правую сторону винницы [460]), вмѣстѣ съ *Толунемъ* и другими, лицемъ на сѣверъ и распоряжайтесь явствами и питьемъ.»

Чингисъ сказалъ *Бёроулу*: «Мать моя, взявъ тебя, да *Шигихутуху*, *Гучу* и *Кокочу*, въ оставленныхъ станахъ, сдѣлала васъ дѣтьми своими, питала, лелѣяла и готовила васъ въ люди и въ товарищи намъ, ея дѣтямъ. Вы уже не мало отплатили за это благодѣяніе воспитанія моей матери. *Бороулъ*, будучи моимъ товарищемъ, въ мѣстахъ самыхъ опасныхъ битвъ, хотя бы въ дождливыя ночи, во время стоянія противъ враговъ, никогда не позволялъ мнѣ чувствовать недостатокъ въ питьѣ и пищѣ и провести ночь голоднымъ. Потомъ, когда мы истребили *Татаръ*, одинъ изъ нихъ, *Харгилгила*, спасшійся бѣгствомъ, не имѣя пропитанія, вернулся и пришелъ въ юрту моей матери; онъ сказалъ, что проситъ одежи и пищи; на это мать моя сказала: «Коли ищешь одежи и пищи, то сядь вотъ тамъ.» Онъ и сѣлъ на западѣ, за дверью. Въ это время, вошелъ въ юрту пятилѣтній *Толуй* и потомъ опять вышелъ; при выходѣ, *Харгилъ* схватилъ его и стиснувъ подъ мышками, вышелъ [461]) и вытащилъ ножъ. Мать завопила: «Погубитъ онъ дитя!» Въ то время, жена *Бёроула*, *Алтани*, сидѣвшая на восточной сторонѣ, тотчасъ выбѣжала, схватила того человѣка за волосы и руку съ ножемъ дернула такъ, что она вмѣстѣ

съ ножемъ опала; въ тоже время *Чжэдай* и *Чжэлмь*, убивавшіе корову у сѣверной стороны юрты, услышавъ крикъ *Алтани*, прибѣжали съ ножемъ и топоромъ, и убили того человѣка. Послѣ того, *Алтани* и *Чжэдай* съ *Чжэлмь* спорили о томъ, кто въ этомъ дѣлѣ болѣе оказалъ заслуги. *Чжэдай* и *Чжэлмь* говорили: «Если бы мы не подбѣжали скоро, то ты, женщина и одна, не справилась бы съ нимъ, и онъ погубилъ бы *Толуя*.» *Алтани* же говорила: «Не закричи я, вы не пришли бы, и если бы я не схватила его за волосы и не вырвала у него ножа, то когда вы бы пришли, *Толуй* уже погибъ бы.» Въ этомъ спорѣ, *Алтани* одержала верхъ. Чингисъ сказалъ еще: «Во время битвы съ *Ванъ ханемъ*, въ урочищѣ *Халхалчжитъ*, *Огэдай* былъ раненъ стрѣлою въ шею; *Бѣроулъ* высосалъ изъ раны запекшуюся кровь и спасъ *Огэдаю* жизнь. Такимъ образомъ, въ отплату за благодѣяніе воспитанія матери моей, онъ спасъ жизнь двумъ сыновьямъ моимъ. Въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, онъ никогда не былъ лѣнивъ. Отселѣ впредь, избавляю его отъ наказанія за девять преступленій.»

Чингисъ еще сказалъ: «я награжу и женщинъ» [462]).

Чингисъ сказалъ старику *Усуню*: «*Усунь*, *Хунань*, *Кокососы* и *Дыгай*, что слышали и видѣли, и что приходило имъ на сердце, никогда не таили отъ меня и все мнѣ сказывали. Нынѣ, по постановленіямъ *Дада* [463]), *Бъки* [464]) есть чинъ важный; *Усунь!* ты старшій потомокъ *Баалиня:* тебѣ слѣдуетъ быть *Бъки* [465]); будучи *Бъки*, ѣзди на бѣлой лошади [466]), одѣвайся въ бѣлое

платье [467]) и въ обществѣ садись на высшее мѣсто; выбирай добрый годъ и луну [468]), и по разсужденіи [469]), да чтутъ и уважаютъ» [470]).

Чингисъ сказалъ еще: «*Хуилдаръ аньда*, передъ битвой, первый открылъ уста и сказалъ, что онъ желаетъ биться; за эту его доблесть, пусть потомки его пользуются милостями, оказываемыми вдовамъ и сиротамъ.»

Чингисъ сказалъ *Налиньтаолиню*, сыну *Чаханьхоа*: «Отецъ твой усердно служилъ мнѣ; онъ погибъ отъ *Чжамухи*, въ битвѣ на урочищѣ *Таланьбалчжутъ*. Теперь проси милости, слѣдующей сиротамъ.» *Тоолинь* сказалъ: «Братья мои, *Ньгусы*, разсѣяны по разнымъ улусамъ; мнѣ хотѣлось бы пособрать ихъ.» Чингисъ позволилъ ему собрать ихъ и повелѣлъ ему и его потомкамъ наслѣдственно править ими.

Чингисъ сказалъ *Сорханьширъ*: «Въ малолѣтствѣ моемъ, когда *Тархутай кириллухъ*, съ братьями рода *Дайчжу*, изловили меня, ты, съ сыномъ своимъ, скрылъ меня у себя, велѣлъ дочери своей, *Хадаань*, прислуживать мнѣ и отпустилъ меня; эту услугу вашу я день и ночь помнилъ; а вы поздно пришли ко мнѣ отъ *Дайчжу* и я теперь только могу наградить васъ. Какой награды вы хотите?» *Сорханьшира* и сынъ его отвѣчали: «Намъ хотѣлось бы, по волѣ ставить становища въ Мѣркитской странѣ *Сьлянъгэ*; а еще чѣмъ наградить насъ, то самъ, царь, придумай.» Чингисъ сказалъ: «Будь по вашему; ставьте, по волѣ, становища въ той странѣ; кромѣ того, пусть потомки ваши носятъ луки со стрѣлами, пьютъ по чашкѣ вина и

прощены будутъ за девять преступленій.» Потомъ сказалъ его дѣтямъ, *Чилауню* и *Чиньбо*: «Какъ мнѣ забыть нѣкогда произнесенныя вами слова. Когда будетъ чего либо не доставать душѣ вашей, то приходите ко мнѣ сами и просите.» —Еще говорилъ: «*Сорханьшира*, *Бадай* и *Кишлихъ*! Будьте свободны. Добытую въ походахъ добычу и пойманныхъ въ облавахъ звѣрей, берите себѣ однимъ. *Сорханьшира* былъ прежде домашнимъ у *Тодьгань*, рода *Дайичіу*; а *Бадай* и *Кишлихъ* были конскими пастухами у *Бкэчэрянь*. Теперь, вы у меня живите, благоденствуя.»

Чингисъ сказалъ *Нань*: «Когда ты, съ отцемъ своимъ, схватилъ *Тархутай Кирилтуха*, то сказалъ: «Какъ намъ, презрѣвъ собственнаго своего господина, схватить его? Вы тотчасъ отпустили его на волю, а сами пришли ко мнѣ въ подданство. За то я тогда сказалъ: «Эти люди понимаютъ высокій долгъ; послѣ я поручу имъ что нибудь. Теперь *Бёорчу* сдѣланъ темникомъ правой руки, князь *Мухали* темникомъ лѣвой руки; ты будь темникомъ средней рати [471]).»

Чингисъ сказалъ еще *Чжэбѣ* и *Субьэтаю* [472]): «Собранными вами народами вы и управляйте въ качествѣ тысячниковъ.»

Потомъ Чингисъ велѣлъ пастуху овецъ, *Дьгаю*, собрать бездомный народъ и быть его тысячникомъ.

По распредѣленіи управленія народами, народа управляемаго плотникомъ *Гучугуромъ* оказалось мало. Для пополненія его, Чингисъ приказалъ отдѣлить изъ народа каждаго правителя, по

нѣскольку человѣкъ и сдѣлалъ *Гучугура*, вмѣстѣ съ *Мулхалху*, рода *Чжадара*, его тысячниками.

Когда люди, трудившіеся въ созиданіи царства, сдѣланы темниками, тысячниками и сотниками и получили награды, Чингисъ сказалъ: «Прежде у меня было только восемьдесятъ человѣкъ ночной стражи и семьдесятъ охранной стражи, *Саньбань*. Нынѣ, когда небо повелѣло мнѣ править всѣми народами, для моей охранной стражи, *Саньбань*, и другихъ, пусть наберутъ десять тысячь человѣкъ изъ темъ, тысячь и сотенъ. Этихъ людей, которые будутъ находиться при моей особѣ, должно избрать изъ дѣтей чиновныхъ и свободнаго состоянія лицъ, и избрать ловкихъ, статныхъ и крѣпкихъ. Сынъ тысячника приведетъ съ собой одного брата [473]), да десять человѣкъ товарищей; сынъ сотника возьметъ съ собой одного брата, да пятерыхъ товарищей; дѣти десятниковъ и людей свободныхъ, возьмутъ по одному брату, да по три товарища. Кони для десятерыхъ товарищей сына тысячника будутъ собраны въ его тысячѣ и сотняхъ, вмѣстѣ съ конскою сбруею; при семъ должно снабжать ихъ, по вновь утвержденному постановленію [474]), кромѣ имущества отдѣленнаго отцемъ, равно имущества и людей, самими пріобрѣтенныхъ [475]). Для пяти товарищей сына сотника и трехъ товарищей сына десятника и сына свободныхъ людей кони снаряжаемы будутъ все по прежнему постановленію [476]). Кто изъ тысячниковъ, сотниковъ, десятниковъ и людей свободныхъ воспротивится, тотъ какъ виновный подвергнется наказанію. Если избранный уклонится и не явится на ночную стражу, то на мѣсто его избрать другаго, а его сослать въ от-

даленное мѣсто. Кто пожелаетъ вступить въ гвардію, тому никто не долженъ препятствовать.»

Тысячники и сотники, согласно волѣ Чингиса, произвели наборъ и увеличили прежнее число 80 ночной стражи до 800 человѣкъ. Чингисъ велѣлъ увеличить до тысячи, и поставилъ надъ ними *Вкэньуршя* первымъ тысячникомъ. Начальство надъ прежними 400 стрѣлками [477]) поручено было *Чжэлмь* и *Бсуньтьэ*, вмѣстѣ съ *Бугидаемъ*. *Саньбань* со стрѣлками, вступая въ должность, раздѣлены были на четыре очереди; старшиной первой очереди сдѣланъ былъ *Бсуньтьэ*; старшиною второй очереди *Бугидай*; третьей очереди *Хорхуда;* четвертой *Лаблаха* [478]); теперь, въ этомъ отрядѣ, увеличенномъ до 1000, старшиной назначенъ *Бсуньтьэ*.

Охранной стражей, *Саньбань*, управлялъ прежде ближній[479]) *Бюрчіевъ*, *Оэлмэрби*; этимъ отрядомъ, увеличеннымъ теперь до 1000, повелѣно начальствовать ему же; второю тысячею повелѣно управлять ближнему *Мухаліеву*, *Бухь*; третьей тысячей ближнему *Илпаеву*, *Алчидаю*: четвертою тысячею *Дьдайчербн*; пятою тысячею *Дохолху*; шестою тысячею ближнему *Чжурчэдаеву*, *Чанаю*; седьмою тысячею ближнему *Алчи*, *Ахутаю*; осьмою тысячею отборныхъ храбрыхъ *Архайхасару*: въ спокойное время, эти [480]) были *Саньбань*, а въ походахъ передовыми храбрыми.

Изъ тысячь набрано 8000 человѣкъ для ночной стражи [481]); съ 2000 стрѣлковъ [482]), полное число охранной стражи было 10,000 человѣкъ. Чингисъ сказалъ: «Всѣ эти охранные отря-

ды мои; на будущее время, будутъ составлять большой средній корпусъ [483]).»

Чингисъ говорилъ еще: «Охранная стража будетъ раздѣлена на четыре очереди; одной будетъ управлять *Буха*; другой *Алчидай*; третьей *Додайчэрби*, четвертою *Дохолху*.»—Назначивъ четыре старшины, онъ опредѣлилъ порядокъ очередей и говорилъ: «Вступивъ въ дежурство, очередной старшина долженъ стоять на ночной стражѣ, начальствуя надъ тѣлохранителями *Саньбань*. Очередь смѣняется черезъ три ночи. Кто долженъ быть на очереди и неявится, тому 30 палокъ; за вторичную неявку, 70 палокъ; если онъ въ третій разъ, безъ причины, не явится, то дать ему 37 палокъ и сослать его въ отдаленное мѣсто. Начальствующіе надъ охранной стражей, при смѣнѣ очереди, должны напоминать о томъ; кто не объявитъ о томъ, тотъ подвергается наказанію; послѣ же объявленія, нарушившій приказъ, будетъ наказанъ по вышеизложенному постановленію. Начальствующіе надъ охранной стражей, не получивъ отъ меня словеснаго разрѣшенія, не должны самовольно наказывать своихъ подчиненныхъ. Въ случаѣ преступленія кого либо изъ нихъ, непремѣнно должны докладывать мнѣ, и тогда, кому слѣдуетъ отрубить голову, тому отрубятъ; кого слѣдуетъ бить, тотъ будетъ битъ. Кто же, вопреки моему повелѣнію, будетъ самовольно наказывать своихъ подчиненныхъ прутьями, того самого наказать прутьями; кто будетъ бить кулаками, того тоже кулаками.»

Чингисъ говорилъ еще: «Тѣлохранитель моей охранной

стражи *Саньбань* выше внѣшнихъ [484]) тысячниковъ; домашніе ихъ выше внѣшнихъ сотниковъ и десятниковъ. Если внѣшній тысячникъ, считая себя равнымъ *Саньбаню* охранной стражи, заспоритъ и будетъ драться съ нимъ, то подвергается наказанію.»

Чингисъ говорилъ еще начальникамъ очередей: «*Саньбань* изъ стрѣлковъ и повара, вступая на дежурство, днемъ занимаются своимъ дѣломъ, а съ захожденіемъ солнца, выходятъ и ночуютъ внѣ, отдавъ ночной стражѣ, стрѣлки—свои луки и стрѣлы, повара—свою посуду. На другой день, когда подадутъ теплую воду, всѣ входятъ и по-прежнему занимаются своимъ. Когда смеркнется, ночная стража должна брать подъ арестъ людей, которые въ это время будутъ ходить кругомъ ставки, или взадъ и впередъ, и допрашивать ихъ на слѣдующій день. При смѣнѣ ночной стражи, новый караулъ предъявляетъ марки и потомъ уже допускается. Ночная стража, ночью обходитъ ставку, и стоитъ у дверей. Если кто либо ночью войдетъ, тому должны разбить голову и рубить плечо. Кто придетъ по спѣшному дѣлу, тотъ долженъ напередъ видѣться съ ночной стражей, съ ней вмѣстѣ войти въ ставку и потомъ говорить. Не позволяется никому ни ходить, ни сидѣть передъ ночной стражей и между нею. Никто также не долженъ спрашивать о числѣ и днѣ стражи; кто станетъ спрашивать, у того взять осѣдланную лошадь и платье. Передъ симъ, одинъ изъ вѣрныхъ людей, *Элжигидай*, вошелъ въ среду ночной стражи и былъ ею взятъ подъ арестъ.»

Чингисъ сказалъ: «Вы, тѣлохранители ночной стражи [485]),

для спокойствія моего тѣла и души, оберегали кругомъ мою ставку, въ ночи дождливыя и снѣжныя, равно какъ и въ ясныя ночи тревогъ и битвъ со врагами. Ни въ какомъ важномъ случаѣ вы не были лѣнивы и небрежны. Черезъ то, я и достигъ великаго сана. Теперь, я назову эту благовѣщую и вѣрную ночную стражу, старою ночною стражею; семьдесять *Саньбань*, вступавшихъ въ очередь подъ начальствомъ *Огэльчэрби*, назову великими *Саньбань*; храбрыхъ *Архайхасара* назову старыми храбрыми; стрѣлковъ *Бсуньтьэ* и другихъ, великими стрѣлками. Выбранные изъ 95 тысячь составляютъ мою ближайшую охранную стражу. Завѣщаю моимъ потомкамъ смотрѣть на этихъ тѣлохранителей, какъ на памятникъ обо мнѣ, тщательно заботиться о нихъ, не возбуждать въ нихъ неудовольствія и считать ихъ благодѣтельными духами [486]).»

Чингисъ сказалъ еще: «Внутренніе [487]) *Чжэрби* и пастухи должны быть въ вѣдѣніи ночныхъ тѣлохранителей; они также должны завѣдывать внутренними юртами, кибитками, знаменами, съѣстными припасами, готовой пищей и посудой. Въ случаѣ недостатка чего либо, пусть обращаются къ ночнымъ тѣлохранителямъ; безъ разрѣшенія ихъ, не должно выдавать ни одежды, ни пищи; при выдачѣ же, должно начинать съ нихъ. Тѣлохранители должны строго смотрѣть за входящими въ ставку и выходящими изъ нея. Дверники должны находиться безотлучно близъ дверей. Внутри дверей, двое должны завѣдывать вишницей. Завѣдывающіе становищемъ должны быть избираемы изъ ночныхъ тѣлохранителей. Во время облавы,

они вмѣстѣ облавятъ; половина ихъ оставляется у охотничьихъ кибитокъ».

Чингисъ сказалъ еще: «Когда я не отправляюсь въ походъ, то и ночные тѣлохранители должны оставаться; въ случаѣ нарушенія, главы, поднявшія войско, подвергаются наказанію. Не позволяю же я имъ выступать въ походъ потому, что они постоянно оберегаютъ меня; во время облавъ слѣдуютъ за мной; въ обычное время завѣдываютъ уборкою кибитокъ и другими дѣлами; подобныя занятія не легки; поэтому, опасаясь слишкомъ утруждать ихъ, я не позволяю имъ ходить на войну [488]).»

Чингисъ говорилъ еще: «Пусть одинъ изъ тѣлохранителей, вмѣстѣ съ *Шихутуху*, рѣшаютъ дѣла. Они должны убирать и раздавать платье, латы, луки, стрѣлы и военное оружіе. Изъ завѣдывающихъ меренами, пусть одинъ завѣдываетъ вьючными сѣтями и веревками. Тѣлохранители, вмѣстѣ съ *Чжерби*, должны выдавать ткани. Во время устроенія становища, *Саньбань* изъ стрѣлковъ, вмѣстѣ съ стрѣлками *Бсунътъэ*, должны быть по правую сторону ставки; *Саньбань Бухи* и другихъ, по лѣвую сторону ставки; храбрые *Архая* впереди ставки; ночные тѣлохранители, завѣдывающіе ставкою и кибитками, должны быть близъ ставки, по обѣ ея стороны; всѣ *Саньбань* охранной стражи и внутренніе домашніе, подъ управленіемъ *Додайчжэрби*, должны находиться постоянно при ставкѣ».

Чингисъ повелѣлъ *Хубилаю* воевать на родъ *Харлуутъ* [489]).

Владѣтель его, *Арсылань*, покорился и самъ явился къ Чингису. Чингисъ пожаловалъ ему дочь въ замужество [490]).

Чингисъ повелѣлъ также *Субѣэтаю* преслѣдовать дѣтей *Тохтоа: Хуту* и *Чилауна*. *Субѣэтай* преслѣдовалъ ихъ до рѣки *Чуй*, настигъ ихъ здѣсь, истребилъ и вернулся [491]).

По прежнему повелѣнію Чингиса, *Чжэбѣ* преслѣдовалъ *Гучулука* до страны *Салихкунь* и погубивши его, возвратился [492]).

Владѣтель рода *Уйу*, *Идуутъ*, прислалъ пословъ, *Атмилаха* и другихъ, къ Чингису, съ такими словами: «Слыша о славѣ твоей, царь! мы возрадовались, какъ бы узрѣли солнце, по разсѣяніи облаковъ, или воду, послѣ растаянія льда. Если я удостоюсь твоей милости, то желаю быть твоимъ пятымъ сыномъ, и усердно служить тебѣ.» Чингисъ отвѣчалъ: «Приходи, и дочь дамъ тебѣ, и сдѣлаю тебя пятымъ сыномъ своимъ.» Тогда *Идуутъ*, взявъ съ собой золота, серебра, жемчуга и тканей, пришелъ поклониться Чингису. Чингисъ отдалъ за него дочь, по имени *Алмалтунь* [493]).

Въ годъ зайца [494]), Чингисъ приказалъ *Чжочи*, съ ратью правой руки, идти войной на народъ, что̀ въ лѣсахъ [495]), а *Бухѣ* прокладывать дорогу. *Худухабьки*, рода *Оира*, поддался прежде *Вань Оира* [496]), и повелъ *Чжочи* противъ *Вань Оира*. Когда *Чжочи* дошелъ до мѣста *Шихшитъ*, то *Оира*, *Тубасы*, и всѣ другіе роды [497]), покорились ему. По прибытіи къ мѣстопребыванію родовъ *Вань-Кэрисы* [498]), правитель ихъ, *Ѣдиналъ*, съ другими, тоже покорился и явился къ *Чжочи* съ

бѣлымъ соколомъ, бѣлымъ мереномъ и черными соболями. — *Чжочи* овладѣлъ всѣми народами, обитающими въ лѣсахъ [499]), отъ рода *Шибиръ* на югъ [500]), потомъ, взявъ съ собой Кэргизскихъ темниковъ и тысячниковъ, равно князьковъ лѣсныхъ народовъ, также сокола, мерена и соболей, возвратился и представился Чингису. Такъ какъ *Худухабьки*, рода *Ойра*, покорился прежде другихъ, то Чингисъ отдалъ дочь свою *Чэчэгянь*, за его сына, *Инанчи*; дочь *Чжочи*, *Холуйхань*, выдалъ за старшаго брата *Инанчи*; а дочь свою, по имени *Алаха*, отдалъ въ родъ *Ванту* [501]); потомъ сказалъ *Чжочи:* «Изъ дѣтей моихъ, ты самый старшій; теперь ты, въ первый разъ, ходилъ на войну и, не утруждая войска, покорилъ всѣ народы, живущіе въ лѣсахъ; эти народы я дарю тебѣ.»

За тѣмъ, Чингисъ послалъ *Бороула* воевать народъ *Холитумать* [502]); князекъ его, *Дайдутулъ*, умеръ прежде; народомъ управляла жена его, *Бётохуйтархунь*. *Бороулъ*, прибывъ туда, отправился впереди войска, съ тремя человѣками. Къ вечеру, когда они шли густымъ лѣсомъ, по тропѣ, непріятельскіе дозорные скрытно обошли *Бороула*, перерѣзали ему путь и убили его. Чингисъ, извѣстившись объ этомъ, сильно разгнѣвался и хотѣлъ самъ идти воевать, но по совѣту *Бёорчу* и *Мухали*, остановился и отправилъ туда *Дорбодохшиня*. Приведя войско въ строгій порядокъ, *Дорбодохшинь* сдѣлалъ ложное движеніе на то мѣсто, гдѣ, передъ тѣмъ, отрѣзали *Бороулу* дорогу, а самъ пошелъ чрезъ *Хулаанъбуха*, по тропинкѣ, протоптанной звѣрями; опасаясь же, что ратники, изъ боязни, не пой-

дутъ по такому пути, онъ велѣлъ каждому изъ нихъ нести по десяти прутьевъ, которыми онъ велѣлъ бить тѣхъ, кто не шелъ. Ратники запаслись также топорами, пилами и долотами, которыми срубали лѣсъ, загораждавшій дорогу. Достигши вершины горы, ратники смотрѣли внизъ, на народъ *Тумать*, словно чрезъ верхнее отверстіе юрты. Рать двинулась и напавъ на *Тумать* въ расплохъ, когда они пировали, овладѣли ими.

Передъ тѣмъ, благородный *Хорчи* и *Худухабьки*, были схвачены *Туматами* и находились въ плѣну у *Бетохуйтархунь*. Попались же они въ плѣнъ по слѣдующему случаю: *Хорчи*, пользуясь позволеніемъ Чингиса избрать для себя 30 женъ, и узнавъ, что у *Туматовъ* дѣвицы прекрасны, хотѣлъ взять изъ нихъ себѣ тридцать; возмущенные тѣмъ *Туматы* схватили его. Узнавъ объ этомъ, Чингисъ отправилъ къ *Туматамъ Худухабьки*, какъ хорошо знавшаго лѣсной народъ; но и онъ былъ схваченъ. По покореніи *Туматовъ*, Чингисъ далъ *Бороулу* [503]) сто Туматскихъ домовъ; *Хорчи* тридцать Туматскихъ дѣвицъ, а *Худухабьки* отдалъ *Бетохуйтархунь*.

Чингисъ удѣлилъ изъ покоренныхъ народовъ часть матери, братьямъ и дѣтямъ своимъ, и говорилъ: «Моя мать, вмѣстѣ со мной, воздвигала царство; изъ дѣтей моихъ старшій есть *Чжочи*; изъ братьевъ, младшій *Отчигинь*.»—Матери своей, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, *Отчигинемъ*, онъ далъ десять тысячь домовъ [504]); мать его осталась недовольна такимъ числомъ и не сказала ни слова. Сыну своему *Чжочи*, Чингисъ далъ 9,000 домовъ; *Чаадаю* 8,000; *Огэдаю* 5,000 [505]); *Толую*

5,000 [506]); брату своему, *Хасару*, 4,000 [507]); *Алчидаю* 2,000 [508]); *Бѣлутаю* 1.500 [509]).—Былъ у него дядя, *Даартай*; Чингисъ хотѣлъ погубить его за то, что онъ прежде слѣдовалъ за *Ванъ ханемъ*; но *Бёорчу* и другіе двое говорили ему: «Губить своихъ родныхъ тоже, что гасить свой огонь; у тебя, въ память объ отцѣ твоемъ, только и остался этотъ дядя, неужели ты рѣшишься погубить его? Правда, онъ не разуменъ; но ты, въ память объ отцѣ твоемъ, не губи его.» Чингисъ былъ глубоко тронутъ и согласился съ ними; съ тѣмъ вмѣстѣ гнѣвъ его стихъ.

Чингисъ, давъ матери своей *Хоэлунь*, съ братомъ *Отчигинемъ*, 10,000 домовъ, приписалъ [510]) къ ней четырехъ благородныхъ: *Гучу*, и другихъ; *Чжочи* онъ приписалъ трехъ благородныхъ: *Хунаня*, и другихъ; *Чаадаю* трехъ благородныхъ *Харачара*, и другихъ; причемъ сказалъ: «*Чаадай* права крутаго»; поэтому, подробно наставилъ *Кокососы*, почаще говорить ему.—*Огэдаю* приписалъ *Илу* и еще другаго: *Толую*—*Чжэдая* и еще другаго; *Хасару* — *Чжэбкэ*; *Алчидаю* — *Чаурѣхая*.

У *Мунлика*, рода *Хуанхотадай*, было семеро сыновей; четвертый изъ нихъ, *Кокочу*, былъ волхвъ [511]), и прозывался *Тѣбтэнгэри* [512]); эти семеро братьевъ были одинъ другаго злѣе и однажды прибили брата Чингисова, *Хасара*. *Хасаръ* пожаловался Чингису; но Чингисъ, разгнѣвавшись на него самаго за этотъ случай, сказалъ ему: «Въ другое время, ты хвалился, что никто не можетъ состязаться съ тобой; какъ же ты позволилъ имъ прибить себя?» *Хасаръ*, проливая слезы, поднялся

и ушелъ, и три дня не видѣлся съ Чингисомъ. *Тѣбтэнгэри*, пришедши къ Чингису, сказалъ ему: «Духъ [513]), объявилъ мнѣ святое велѣніе Вѣчнаго Неба: сначала *Тѣмучжину* царствовать надъ народами, потомъ *Хасару* [514]). Если ты не устранишь *Хасара*, то дѣло еще сомнительно [515]).» Чингисъ, выслушавъ эти слова, въ туже ночь отправился къ *Хасару*, что бы схватить его. *Гучу* и другіе, немедленно извѣстили о томъ мать Чингиса, *Хоэлунь*; *Хоэлунь*, запрягши бѣлаго верблюда въ кибитку, въ ночь отправилась и при восходѣ солнца, прибыла къ *Хасару*, въ то самое время, какъ Чингисъ, связавъ рукава *Хасару*, и снявъ съ него шапку и поясъ, допрашивалъ его; увидѣвъ свою мать, Чингисъ чрезвычайно изумился и испугался. Мать, гнѣвная, сошла съ кибитки, развязала *Хасара* и отдала ему шапку съ поясомъ; потомъ, съ усплившимся гнѣвомъ, сѣла, поджавъ ноги, выложила груди на колѣна и спросила: «Видите ли? это груди, которыя вы сосали. Какое преступленіе совершилъ *Хасаръ*, что ты губишь родную плоть [516])? Когда ты былъ младенцемъ, то ссасывалъ вотъ эту грудь; *Хачиунъ* и *Отчигинъ*, оба не могли сосать вотъ этой груди; только *Хасаръ* высасывалъ обѣ груди мои и облегчалъ мнѣ грудь. Потому-то въ душѣ *Тѣмучжина* таланты, а у *Хасара* сила и искуство стрѣлянія. Всякій разъ, когда народы возмущались, онъ усмирялъ ихъ своимъ лукомъ и стрѣлами; теперь враги истреблены въ конецъ и *Хасаръ* уже не нуженъ!» Чингисъ замѣтивъ, что гнѣвъ матери его стихъ, сказалъ: — «И испугался я, и стыдно мнѣ!» [517]) Съ сими словами, онъ ушелъ.

Послѣ Чингисъ, тайно отъ матери, отнялъ у *Хасара* его народъ, оставивъ ему только 1400 домовъ. *Хоэлунь*, узнавъ о томъ, сильно скорбѣла и оттого скоро скончалась [518]). Приставленный къ *Хасару*, *Чжэбкэ*, ушелъ въ страну *Бархучжинь*.

Впослѣдствіи, у *Тъбтэнгэри* собралось людей девяти нарѣчій [519]) столь же много, какъ у самаго Чингиса [520]). Изъ народа *Отчигиня* тоже были передавшіеся ему. *Отчигинь* послалъ за ними *Сохора;* но *Тъбтэнгэри* прибилъ его и надѣвъ на него конское сѣдло, отослалъ назадъ. На другой день, *Отчигинь* самъ прибылъ къ *Тъбтэнгэри*; семеро братьевъ, обступивъ его, говорили: «Какъ ты смѣлъ посылать людей брать у насъ народъ?» и хотѣли бить его. *Отчигинь*, въ испугѣ, сказалъ: «Мнѣ не слѣдовало посылать къ вамъ людей.»—Они сказали: «Такъ какъ ты виноватъ, то проси прощенія»; и заставили его назади стать на колѣна [521]). На другой день, рано утромъ, когда Чингисъ не всталъ еще съ постели, *Отчигинь* вошелъ къ нему, и ставъ на колѣна, разсказалъ, какъ съ нимъ поступили, и расказавъ, заплакалъ. Чингисъ не молвилъ еще ни слова, какъ *Бортыучжинь*, привставъ съ постели и прикрывши груди одѣяломъ, проливая слезы, сказала: «Что это такое? *Хуанхотань*, передъ этимъ, прибили *Хасара*, а теперь заставили *Отчигиня* стать на колѣна. Что это за порядокъ? Если они, еще при жизни твоей, губятъ твоихъ братьевъ, величественныхъ, какъ кедры, то когда ты скончаешься, народъ похожій на взволнованную траву [522]), или на стадо птицъ, подавно не захочетъ подчиниться твоимъ дѣтямъ, малымъ и дур-

нымъ» [523]). Сказавъ это, она заплакала. Чингисъ сказалъ *Отчигину*: «Когда *Тѣбтэнгэри* сегодня придетъ сюда, дѣлай съ нимъ, что хочешь [524]).» *Отчигинъ*, поднявшись, вышелъ и подговорилъ трехъ силачей.

Спустя немного времени, пришелъ и *Мунликъ* съ семью сыновьями своими; только что *Тѣбтэнгэри* сѣлъ на западную сторону винницы, какъ *Отчигинъ*, схвативъ его за воротъ, сказалъ: «Вчера ты заставилъ меня просить прощенія; сегодня я попытаю свою силу съ тобой.» Пока *Отчигинъ* тащилъ его вонъ, шапка упала съ головы *Тѣбтэнгэри* и легла близь жаровни; отецъ его поднялъ шапку и обнюхавъ ее [525]), положилъ за пазуху. Чингисъ сказалъ: «Вы ступайте, боритесь внѣ.» — Когда *Отчигинъ* и *Тѣбтэнгэри*, схватившись, вышли, поставленные за порогомъ двери три силача, подхватили *Тѣбтэнгэри*, переломили ему спинную кость и бросили его въ сторону, на лѣво, къ кибиткѣ [526]). *Отчигинъ*, воротившись, говорилъ: «*Тѣбтэнгэри* вчера заставилъ меня просить прощенія; сегодня, только что я хотѣлъ извѣдать силу съ нимъ, какъ онъ легъ, отказывается и не хочетъ вставать. Видно, что это товарищъ изъ обыкновенныхъ [527]).» Отецъ его, *Мунликъ*, понялъ и проливая слезы, сказалъ: «Царь! я сдѣлался тебѣ сподвижникомъ прежде, чѣмъ ты началъ возвышаться, и пребылъ имъ до сего дня.» — Пока онъ говорилъ, шестеро сыновей его загородили [528]) дверь и ставъ кругомъ жаровни [529]), стали засучивать рукава. Чингисъ, въ испугѣ, всталъ и кликнулъ: „Прочь! я выду.» — Сказавъ это, онъ вышелъ и тотчасъ окруженъ былъ *Саньбаня-*

ми изъ стрѣлковъ. Увидѣвъ, что *Тьбтэнгэри* уже мертвъ, Чингисъ приказалъ поставить надъ трупомъ его юрту, а самъ поднялся и перекочевалъ.

Въ юртѣ, поставленной надъ трупомъ *Тьбтэнгэри*, дверь и верхнее отверзтіе съ самаго начала были закрыты; при юртѣ поставлена была стража. Въ третій день, на разсвѣтѣ, верхнее отверзтіе открылось и трупъ ушелъ чрезъ него. Когда освидѣтельствовали, то убѣдились, что въ самомъ дѣлѣ было такъ. Чингисъ сказалъ: «*Тьбтэнгэри* билъ монхъ братьевъ и неправедно клеветалъ на нихъ; за то небо не возлюбило его и отняло вмѣстѣ и жизнь и тѣло его» [530]). Потомъ, выговаривая *Мунлику*, говорилъ: «Ты не могъ научить собственныхъ сыновей своихъ; онъ хотѣлъ быть равнымъ мнѣ [531]); за то я и погубилъ его [532]). Еслибъ я заранѣе зналъ такія качества ваши, то давно бы погубилъ васъ, какъ *Чжамуху*, *Алтаня* и *Хучара.*»—Потомъ сказалъ: «Но, если, давши слово утромъ, къ вечеру измѣнять ему; или вечеромъ давши, утромъ измѣнять ему, то стыдно будетъ людскаго суда; я уже прежде обѣщалъ избавить тебя отъ смерти [533]). Кончимъ.» Послѣ сихъ словъ, гнѣвъ его стихъ. По смерти *Тьбтэнгэри*, самонадѣянность [534]) *Мунлика* и дѣтей его уменьшилась.

Впослѣдствіи, въ годъ овна [535]), Чингисъ пошелъ войной на Гиньское царство [536]). Взявъ *Фучжоу* [537]), онъ перешелъ *Ихулинъ* [538]): потомъ овладѣлъ *Сюаньдэфу* [539]). Онъ отправилъ *Чжэбя* и *Гушунька* передовыми [540]); *Чжэбя*, по прибытіи къ *Цзюйюнгуани* [541]), замѣтивъ, что гарнизонъ хорошо укрѣпился

въ крѣпости, сказалъ: «Надобно выманить ихъ». Съ этою цѣлію, онъ притворно повелъ свое войско назадъ. *Гиньцы*, увидѣвъ его отступленіе, дѣйствительно вывели изъ крѣпости свои войска и преслѣдовали *Чжэбѣ*; *Чжэбѣ*, заманилъ ихъ къ *Сюаньдэфу*, въ горную распадину [342]), и повернувшись, напалъ и разбилъ подходившія постепенно Гиньскія войска; вслѣдъ за тѣмъ, прибыла средняя рать Чингиса и одержала побѣду надъ самыми сильными полками *Гиньцевъ*, состоявшими изъ *Киданъ* и *Нюйчжинъ* [343]). Когда Чингисъ дошелъ до *Цзюйюна*, дороги завалены были грудами труповъ убитыхъ, какъ гнилыми деревьями. *Чжэбѣ* овладѣлъ *Цзюйюнъ гуанемъ* и Чингисъ, пройдя ущелье, остановился лагеремъ на *Лунъхутаѣ* [344]). Отсюда онъ отправилъ войска, для овладѣнія *Бэйпиномъ* [345]) и другими областями, а *Чжебѣ* приказалъ взять *Дунъчанъ* [346]). *Чжэбѣ*, не могши взять этого города, вернулся и переночевавъ шесть ночей [347]), опять отправился; онъ велѣлъ своимъ ратникамъ взять съ собой по одной заводной лошади [348]), ѣхалъ днемъ и ночью, и явившись у *Дунъчана*, когда *Гиньцы* не ждали, овладѣлъ имъ. Овладѣвши *Дунъчаномъ*, *Чжэбѣ* вернулся и соединился съ Чингисомъ.

Въ то время, какъ осаждали *Бэйпинъ*, Гиньскій министръ, *Ванъ гинъ*, сказалъ Гиньскому государю: «По опредѣленію Неба [349]), кажется, наступило время передать престолъ другимъ. *Дада* чрезвычайно усилились; они истребили наши самыя храбрыя войска и овладѣли самою надежною крѣпостію, *Цзюйюнъ гуань*. Если мы снова вступимъ съ ними въ битву и по-

теряемъ сраженіе, то войска могутъ разбѣжаться. Лучше покориться царю *Дада*; пусть онъ уведетъ свое войско; когда онъ уведетъ его, тогда мы снова подумаемъ. Притомъ, слышно, что въ войскахъ *Дада*, по непривычкѣ ихъ къ здѣшнему климату, открылась заразительная болѣзнь. Теперь, отдай царю *Дада* свою дочь, золота, серебра и тканей, и посмотри, согласится ли онъ, или нѣтъ?» Гиньскій государь сказалъ: «*Ванъ гинъ* говоритъ правду». Поэтому, онъ покорился Чингису и отправилъ къ нему съ *Ванъ гиномъ* царевну, да золота, серебра и тканей. Вслѣдъ за тѣмъ, осаждавшія городъ войска, отступили. *Ванъ гинъ* лично проводилъ Чингиса до горной губы, что̀ между *Мочжоу* и *Фучжоу*, и простившись съ нимъ, оттолѣ вернулся. Ратники увязали золото, серебро и другія вещи въ крѣпкія ткани и съ усиліемъ навьючивши ихъ, уѣхали.

Оттолѣ, Чингисъ пошелъ войной на владѣніе *Хашинъ* [530]). Владѣтель его, *Бурханъ*, покорился и представивъ Чингису дочь свою, по имени *Чахади*, говорилъ: «Слыша о славѣ твоей, царь, мы еще прежде убоялись. Теперь, мы будемъ тебѣ правою рукою и поусердствуемъ. Мы, собственно, народъ осѣдлый, живущій въ городахъ; потому, въ случаѣ немедленнаго похода, мы не можемъ прибыть скоро. Если же будетъ твоя милость къ намъ, то мы будемъ постоянно представлять тебѣ въ дань произведенія нашей страны: верблюдовъ, шерстяныя ткани и кречетовъ». Вслѣдъ за тѣмъ, собравъ у сво-

его народа верблюдовъ столько, что нельзя было гнать ихъ прямо, онъ доставилъ ихъ къ Чингису.

Въ этотъ походъ, Чингисъ, покоривъ Гиньскаго государя, добылъ множество кусковъ тканей; а по покореніи владѣтеля *Хашинь* пріобрѣлъ множество верблюдовъ Потомъ, онъ возвратился до *Саарикээръ* и тамъ остановился лагеремъ.

Послѣ того, Чингисъ отправилъ *Чжубханя* съ товарищами, посломъ къ *Сунамъ*, для заключенія съ ними дружбы; но *Гиньцы* воспрепятствовали тому [551]). Тогда Чингисъ, въ годъ пса [552]), снова пошелъ войной на Гиньское царство. Чингисъ самъ рѣшился взять *Тунъ-гуань*, а *Чжэбь* велѣлъ напасть на *Цзюйюнъ гуань*. Гиньскій государь, узнавъ о томъ, приказалъ *Ирь* и другимъ двумъ военачальникамъ, занять крѣпость [553]), а отряду *Хулаандыэль* [554]) быть авангардомъ и охранять ее [555]). Чингисъ, по прибытіи къ крѣпости, увидѣвъ, что все войско *Гиньцевъ* пришло, вступилъ съ ними въ бой; Гиньскія войска нѣсколько отступили; тогда *Тулуй* и *Чугу*, съ фланговъ вторглись въ ряды непріятелей; Гиньскій полкъ *Хулаандыэль* и войско *Ирь* были совершенно разбиты; трупы убитыхъ покрыли все поле. Гиньскій государь, получивъ о томъ извѣстіе, перенесъ столицу въ *Бяньлянъ*. Остальные ратники *Гиньцевъ* въ крѣпости, томимые голодомъ, ѣли другъ друга. Чингисъ возвратился [556]) и наградилъ *Толуя* и *Чугу* за ихъ доблести.

Когда Чингисъ прибылъ въ Бэйтинское мѣсто *Шилакээръ* [557]), *Чжэбь* уже взялъ *Цзюйюнъ гуань* и привелъ сюда свои войска и соединился.

Гиньскій государь, перенося столицу, оставилъ въ *Яньцзинѣ* намѣстникомъ вельможу своего, *Хада*. Чингисъ отправилъ *Вангура* и другихъ двухъ въ эту столицу, чтобы отобрать кладовыя и сосчитать хранившіяся въ нихъ золото и ткани. Гиньскій *Хада* поднесъ имъ золота и тканей; *Шигихутуху* сказалъ: «Въ прежнее время, золото и ткани средней столицы принадлежали Гиньскому государю; а теперь онѣ принадлежатъ Чингису; какъ же можно самовольно брать ихъ.» —Поэтому онъ отвергъ подарокъ; но *Вангуръ* и *Архай Хасаръ* приняли. Когда они, окончивъ дѣло, возвратились, Чингисъ спросилъ ихъ: «Приняли ли вы поднесенное вамъ?» *Шигихутуху* разсказалъ то, что онъ говорилъ. Чингисъ сдѣлалъ выговоръ [358]) *Вангуру* и *Архайхасару*, а *Шигихутуху* наградилъ и сказалъ ему: «Будь у меня очами и ушами.»

Гиньскій государь, прибывши въ *Бяньлянъ*, покорно подчинился Чингису и Чингисъ принялъ сына его *Тэнгэри*, съ сотней человѣкъ, къ себѣ на службу.

Чингисъ отъ *Бэйпина* отправился обратно чрезъ *Цзюйюнъгуанъ*, а *Хасару* приказалъ, съ ратью правой руки, идти по поморью, чрезъ *Данинъ*, и пройти черезъ *Нюйчжинь* [359]). Если они покорятся, то онъ долженъ былъ слѣдовать черезъ находящіяся у нихъ пограничныя области, перейти рѣки *Ула* и *Нау* [360]), и вверхъ по рѣкѣ *Таоуръ* [361]) воротиться въ станъ. Если же *Нюйчжинь* не покорятся, то пустить войска и опустошить. *Хасаръ*, вмѣстѣ съ *Чжурчэдаемъ* и *Толунемъ*, дошли до *Данина*; этотъ городъ сдался; когда пришли къ *Нюйчжинь*,

владѣтель [562]) ихъ покорился; всѣ другіе города тоже сдались; поэтому *Хасаръ*, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ *Таоуръ*, возвратился въ главный станъ [563]).

Послѣ того, Чингисъ предпринялъ войну противъ *Хойхой* за то, что они убили посла его *Ухуна* и другихъ, всего сто человѣкъ. Передъ отправленіемъ въ походъ, супруга его, *Ѣсуй*, сказала ему: «Царь! ты идешь за горы и рѣки, въ далекія страны, на битвы; если случится тебѣ оставить по себѣ непроизносимое имя [564]), то которому изъ четырехъ сыновей своихъ повелишь быть господиномъ? Объяви о томъ напередъ всѣмъ». Чингисъ сказалъ: «*Ѣсуй* говоритъ дѣло. Объ этомъ не напомнили мнѣ ни братья, ни дѣти, ни *Бёорчу*, никто другой; я тоже забылъ». Тогда онъ спросилъ *Чжочи*: «Ты старшій изъ моихъ сыновей; что скажешь»? *Чжочи* еще не отвѣчалъ, какъ *Чаадай* сказалъ: «Отецъ! Ты спрашиваешь *Чжочи*; не ему ли ты хочешь передать наслѣдство? Но онъ принесенъ отъ рода *Мѣрки* [565]); не ужели мы позволимъ ему управлять нами»? Только что онъ кончилъ, какъ *Чжочи*, вставъ съ мѣста, схватилъ *Чаадая* за воротъ и сказалъ: «Отецъ еще не избралъ меня; а ты осмѣлился говорить такія рѣчи; у тебя кромѣ крутаго нрава, какіе есть таланты? Я еще поспорю съ тобой въ томъ, кто дальше стрѣляетъ, и если ты побѣдишь меня въ этомъ, то дамъ тебѣ мой большой палецъ на отсѣченіе [566]); я поборюсь съ тобой, и коли ты одолѣешь меня, то тамъ, гдѣ упаду, лягу и не встану». Послѣ сихъ словъ, братья схватили другъ друга за вороты. *Бёорчу* и *Мухали* ста-

рались разнять и уговорить ихъ; а Чингисъ сидѣлъ и молчалъ. Въ это время, *Кокососы* [567]), сказалъ: «*Чаадай*! Къ чему ты такъ торопишься? Царь теперь надѣется на тебя [568]). Когда вы еще не родились, вселенная наполнена была смутами; люди бились и грабили другъ друга и никому нельзя было жить спокойно; поэтому твоя мудрая и свѣтлая мать, къ несчастію, была похищена. Когда ты такъ говоришь, развѣ не поражаешь сердца матери? Отецъ твой, созидая царство, дѣлилъ труды вмѣстѣ съ твоей матерью. Они воспитали васъ, дѣтей, и возрастили, надѣясь, что вы будете людьми. Твоя мать свѣтла, какъ солнце, глубока [569]), какъ море; какъ же ты рѣшился, при такихъ ея качествахъ, говорить о ней подобнымъ образомъ?» Чингисъ сказалъ: «Какъ можно говорить о *Чжочи* такія рѣчи? Изъ моихъ дѣтей, онъ самый старшій; впередъ не говорить этого». *Чаадай*, слегка улыбнувшись, сказалъ: «Не нужно оспаривать у *Чжочи* его силы и талантовъ. Изъ сыновей твоихъ, мы съ нимъ старшіе; позволь намъ обоимъ вмѣстѣ показать свое усердіе къ тебѣ; коли кто изъ насъ будетъ уклоняться, убей того. *Огэдай* человѣкъ великодушный [570]), пусть онъ приметъ твои наставленія» [571]). Чингисъ опять спросилъ *Чжочи*, что онъ скажетъ? *Чжочи* отвѣчалъ: «*Чаадай* уже сказалъ; мы оба вмѣстѣ будемъ подвизаться, а *Огэдай* пусть наслѣдуетъ тебѣ». Чингисъ сказалъ: «Вы оба вмѣстѣ не ходите; вселенная велика; пусть каждый изъ васъ займетъ особое государство. Исполните же ваше слово и не дайте людямъ посмѣяться надъ вами, подобно *Алтаню* и *Хучару*, которые не

исполнили даннаго ими обѣщанія; что̀ съ ними послѣ случилось? Дѣти и внуки ихъ здѣсь; пусть они пойдутъ съ вами, чтобы быть для васъ урокомъ [572])». Потомъ Чингисъ спросилъ *Огэдая*, что̀ онъ скажетъ? — *Огэдай* отвѣчалъ: «Отецъ! ты благоволилъ приказать мнѣ говорить; мнѣ нельзя сказать, что не могу наслѣдовать тебѣ; буду дѣйствовать усердно и благоразумно; только боюсь, что мои дѣти и внуки будутъ люди безъ достоинствъ и не могутъ наслѣдовать престола. Вотъ, что я могу сказать!» Чингисъ сказалъ: «Такія рѣчи *Огэдая* справедливы [573])». Потомъ, онъ спросилъ *Толуя*, что̀ онъ скажетъ? *Толуй* отвѣчалъ: «Отецъ! ты мнѣ самому говорилъ, чтобы я забытое братомъ моимъ напоминалъ ему; когда онъ заснится, будилъ бы его; когда пошлетъ на битву, шелъ бы». Чингисъ сказалъ: «Хорошо!» Потомъ сказалъ: «Въ фамиліяхъ братьевъ моихъ: *Хасара*, *Алчидая*, *Отчигиня* и *Бѣлгутая* потомки ихъ пусть будутъ наслѣдовать санъ отцевъ своихъ по одному человѣку [574]); мой санъ пусть одинъ сынъ наслѣдуетъ [575]). Слова мои неизмѣнны; не позволяю нарушать ихъ. Если всѣ дѣти и внуки *Огэдая* будутъ люди неспособные, то неужели изъ моихъ потомковъ не найдется ни одного порядочнаго [576])?»

Чингисъ отправилъ человѣка къ владѣтелю *Тангу*, *Бурханю*, съ такими словами: «Ты обѣщался быть у меня правою рукою. Теперь народъ *Хойхой* убилъ моихъ пословъ и я иду требовать у него удовлетворенія; ты будь моей правой рукой [577]).» *Бурхань* еще не отвѣчалъ, какъ сановникъ его, *Ашаганьбу* сказалъ: «Если силы у тебя не достаетъ, такъ не будь

и царемъ». Такимъ образомъ, ему отказано было въ войскѣ. Чингисъ, услышавъ это, сказалъ: «Какъ смѣлъ *Ашаганьбу* говорить такъ? Развѣ мнѣ трудно двинуть мою рать прямо на нихъ? Но, согласно моему плану, не стану воевать на нихъ; а если небо поможетъ мнѣ и сохранитъ меня, то пойду на нихъ, по возвращеніи отъ *Хойхой*».

Въ годъ зайца [578]), Чингисъ пошелъ войной на *Хойхой* [579]), повелѣвъ брату своему, *Отчигину*, быть намѣстникомъ, и взявъ съ собой супругу свою *Хулань*. *Чжэбъ* онъ велѣлъ быть въ авангардѣ, *Субээтаю* назади, для вспоможенія *Чжэбъ*, а *Тохучару* идти за *Субээтаемъ*, для его вспоможенія. Онъ приказалъ имъ обходить города, населенные *Хойхой*, и не трогать тамошняго народа, пока самъ онъ не прибудетъ туда; тогда напасть на *Хойхой* съ двухъ сторонъ. *Чжэбъ*, согласно приказанію Чингиса, прошелъ мимо города князя *Мъликъ* [580]), и не трогалъ его народа; но съ третьей партіей, *Тохучаръ*, проходя той страной, снялъ хлѣбъ на колосьяхъ. Князь *Мъликъ* бѣжалъ и соединился съ владѣтелемъ *Хойхой*, *Чжалалдиномъ*; они повели войска противъ Чингиса и встрѣтивъ его вступили съ нимъ въ бой. Чингисъ велѣлъ *Шигихутуху* командовать передовымъ отрядомъ; *Шигихутуху*, вступивши въ бой съ *Чжалалдиномъ*, потерпѣлъ пораженіе и былъ преслѣдуемъ до самаго мѣстопребыванія Чингиса. *Чжэбъ*, *Субъэтай* и *Тохучаръ* подоспѣли, напали на *Чжалалдина* съ тыла и разбили его; онъ хотѣлъ было вступить въ городъ *Бухаръ*, но не могъ, и былъ преслѣдуемъ до рѣки

Шинь [381]), въ которой почти все войско его потонуло; *Чжалалдинъ* и *Мьликъ* успѣли спастись и бѣжали вверхъ по рѣкѣ *Шинь*. Чингисъ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ *Шинь*, взялъ городъ *Баткэсь* и прибывши къ рѣкѣ *Цзыму* [382]), остановился лагеремъ въ урочищѣ *Баруанькээръ*. Онъ отправилъ *Балу* преслѣдовать *Чжалалдина* и *Мьлика*; *Чжэбь* и *Субьэтая* наградилъ за храбрость, а *Тохучара*, за нарушеніе его приказа, хотѣлъ казнить смертію, но не казнилъ, а только выговорилъ ему, наказалъ его и отставилъ отъ начальства надъ войскомъ.

Чингисъ, возвращаясь [383]) отъ *Хойхой*, приказалъ *Чжочи*, *Чаадаю* и *Огэдаю*, съ ратью правой руки, перейти рѣку *Амуй* [384]) и достигши города *Урунгэчи* [385]), осадить его, а *Толую* осадить городъ *Илу* [386]) и другіе. *Чжочи* и его братья, прибывши къ городу *Урунгэчи*, стали тамъ лагеремъ, и оттуда прислали спросить Чингиса: «Кому изъ насъ троихъ повелишь быть главнымъ начальникомъ?» Чингисъ приказалъ слушаться распоряженій *Огэдая*.

Когда Чингисъ взялъ *Удуларъ* [387]), и другіе города, то провелъ лѣто въ горномъ хребтѣ *Алтаньхорхуань*, гдѣ обыкновенно проводилъ лѣто государь *Хойхой*, и здѣсь ожидалъ *Балу*. Онъ послалъ человѣка къ *Толую* сказать: «Время теперь жаркое; приди ко мнѣ сюда.» Въ то время *Толуй* уже взялъ *Илу* и другіе города и осаждалъ городъ *Чухчэлянь*; когда городъ былъ взятъ, онъ возвратился и соединился съ Чингисомъ.

Чжочи, *Чаадай* и *Огэдай*, взявши городъ *Ургэнчи*, раздѣлили его жителей между собою и не оставили части Чингису; за то, когда они возвратились, Чингисъ три дня не хотѣлъ видѣть ихъ. *Мухали* [588]) и другіе приближенные говорили ему: «Непокорные *Хойхой* уже усмирены и покорены; раздѣленные города и раздѣлившія оные дѣти,—все это твое царь. Помощію и покровительствомъ Неба, мы сокрушили *Хойхой*, и всѣ мы радуемся; за чѣмъ же ты, царь, такъ гнѣваешься? Дѣти твои, сознавая свою вину, уже набрались страху; прикажи имъ быть впредь осторожнѣе, и позови ихъ къ себѣ.» Гнѣвъ Чингиса оттого нѣсколько утихъ; онъ велѣлъ *Чжочи* съ братьями явиться къ себѣ. Когда они явились, онъ, по прежнему, сталъ упрекать ихъ; трое сыновей его испугались до того, что на нихъ выступилъ потъ; тогда стрѣлки: *Хуанхай*, *Хуантахоръ* и *Сормахань*, выступивъ впередъ, говорили: «Три сына твои, что̀ соколиные птенцы, въ первый разъ пріучаемые, впервы́е вышли въ походъ. Такіе строгіе выговоры могутъ произвести то, что сердце ихъ послѣ къ наученію облѣнится. Теперь, отъ восхода солнца до запада, всюду враги намъ. Пошли насъ, какъ лютыхъ псовъ [589]); если Небо поможетъ намъ и мы побѣдимъ враговъ, то золото, серебро, ткани, все принесемъ тебѣ.» —Еще говорили: «Тамъ, на западѣ, есть *Халибо* [590]), государь народа *Бахтатъ* [591]); прикажи идти на него войной.» Чингисъ молвилъ: «Хорошо!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, гнѣвъ его стихъ. Онъ оставилъ *Хуаньхая* и *Хуантахара*, а *Сормаханю* приказалъ итти на *Халибо*.

Кромѣ того, между двумя народами, *Хиндусъ* [592]) и *Бахтатъ*,

есть народъ *Алу* [593]) и другіе; на нихъ Чингисъ отправилъ *Дорбодохшиня*.

Потомъ, приказалъ храброму *Субѣэтаю* итти войной на сѣверъ, противъ *Канлинъ* и другихъ улусовъ, въ числѣ одиннадцати [594]), переплыть двѣ рѣки, *Идилъ* [595]) и *Чжаяхъ* [596]), и прямо идти на города *Кивамянь* [597]) и *Кэрмянь* [598]).

Чингисъ, овладѣвъ еще городами *Хойхой*, поставилъ въ нихъ людей, для храненія. Къ нему явился изъ *Урунэчи* одинъ *Хойхой*, по фамиліи *Хурумши*, по имени *Ялавачи*, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; такъ какъ они хорошо знали состояніе городовъ, то онъ приказалъ сыну его, *Масхуту*, управлять, вмѣстѣ съ воеводами, городомъ *Бухаръ* и другими, а *Ялавачи* поручилъ управленіе *Бэйшиномъ*.

Чингисъ ратовалъ съ *Хойхой* семь лѣтъ. *Бала*, отправленный Чингисомъ въ погоню за Хойхойскимъ государемъ, *Чжалалдиномъ*, и за *Мъликомъ*, преслѣдуя ихъ, переплылъ рѣку *Шинь* и доходилъ до страны *Хиньдусъ*; но, потерявъ слѣды ихъ, захватилъ верблюдовъ и овецъ у пограничныхъ городовъ *Хиньдусъ* и вернулся назадъ. Послѣ того, Чингисъ возвратился на *Эрдиши* и тамъ провелъ лѣто. На седьмой годъ, въ годъ курицы [599]), осенью, онъ возвратился въ главный станъ свой, въ Черномъ-Лѣсѣ, при рѣкѣ *Тула* [600]).

Проведши зиму, Чингисъ рѣшился итти войной на *Танъгу* и вновь сдѣлалъ смотръ и счетъ своему войску. Въ годъ пса [601]), осенью, онъ двинулся на *Танъгу* [602]), взявъ съ собой супругу *Ѣсуй*. Зимой, когда, въ урочищѣ *Арбуха* [603]), онъ занимался

облавой, красно-песчаная лошадь, на которой онъ сидѣлъ, испугавшись дикой лошади, сбросила его съ себя; Чингисъ упалъ и споткнувшись ушибся; тотчасъ остановились въ урочищѣ *Соорхатъ*. На другой день, супруга его, *Ѣсуй*, говорила великимъ князьямъ и боярамъ: «Сегодняшнюю ночь царь былъ въ сильной горячкѣ; вы посовѣтуйтесь.» — Великіе князья и бояре собрались; одинъ изъ нихъ, *Толунь*, сказалъ: «*Таньгу* народъ осѣдлый, живущій въ городахъ; онъ не можетъ переходить [604]); мы теперь воротимся и когда царь выздоровѣетъ, снова придемъ сюда.» — Всѣ бояре согласились и доложили о томъ Чингису. Чингисъ сказалъ: «Когда мы уйдемъ, *Тангуты* непремѣнно подумаютъ, что я убоялся ихъ. Я здѣсь буду лечиться; напередъ пошлемъ къ нимъ человѣка; посмотримъ что они скажутъ.» — Онъ отправилъ человѣка къ владѣтелю *Тангутовъ*, *Бурханю*, съ такими словами: «Ты прежде обѣщался быть у насъ правою рукою, а когда я шелъ на *Хойхой*, ты не послѣдовалъ за мной; кромѣ того, еще поносилъ меня. Теперь, покоривъ *Хойхой*, я требую отъ тебя удовлетворенія за прежнія слова твои.» *Бурханъ* отвѣчалъ: «Я не говорилъ поносительныхъ о тебѣ словъ; это *Ашаганбу* сказалъ, будто я произнесъ ихъ. Если ты хочешь биться со мной, то приходи въ *Холаньшань* [605]), для боя; если же желаешь золота, серебра и тканей, то приходи за ними въ *Силянъ* [606]).» Когда посланный вернулся и передалъ эти слова Чингису, Чингисъ сказалъ: «Слыша такія надменныя рѣчи, возможно ли намъ уйти отсюда? Умру, но потребую у него отчета; клянусь въ томъ Вѣчнымъ Небомъ!» Онъ отправился въ

Холанышань и разбилъ *Ашаганьбу*, который бѣжалъ въ горное укрѣпленіе. Наши войска убили всѣхъ его способныхъ ратниковъ и всѣ вьюки захватили, а остальной народъ раздѣлили и взяли, сколько кому хотѣлось.

Чингисъ, проводя лѣто [607]) въ Снѣжныхъ-Горахъ [608]), отправилъ войско, которое полонило *Ашаганьбу* и весь народъ, удалившійся на гору. Чингисъ пожаловалъ *Бёорчу* и *Мухали* сокровищъ, позволивъ имъ взять столько, сколько они смогли; потомъ сказалъ имъ: «Я еще не удѣлялъ вамъ Гиньскаго народа теперь вы двое раздѣлите по-ровну родовое поколѣніе [609]) Гиньскаго владѣтеля; пусть добрые юноши его будутъ у васъ сокольниками, а красивыя дѣвицы прислужницами вашихъ женъ. Прежніе Гиньскіе государи довѣряли имъ и сдѣлали ихъ своими ближайшими; они губили нашихъ предковъ *Дада*; вы оба мои ближайшіе: такъ пусть они будутъ служить вамъ.»

Чингисъ, поднявшись отъ Снѣжныхъ-Горъ, прошелъ чрезъ городъ *Урахай* [610]) и потомъ осадилъ городъ *Линъчжоу* [161]). Тогда Тангутскій государь, *Бурхань*, явился къ Чингису и поднесъ ему золотые кумиры, золотые и серебряные сосуды, мальчиковъ, дѣвочекъ, лошадей и верблюдовъ, всего по девяти девятинъ [612]). Чингисъ позволилъ ему сдѣлать поклоненіе только за дверьми. Во время поклоненія, Чингиса схватило [613]). На третій день, онъ переименовалъ *Бурхана* въ *Шидурху* [614]) и приказалъ *Толую* убить его. Онъ говорилъ *Толую:* «Когда, въ началѣ войны съ *Тангутами*, я, на облавѣ, упалъ съ лошади, ты, заботясь о моемъ здоровьѣ, напомнилъ о возвращеніи; но за гру-

быя рѣчи враговъ, я воевалъ на нихъ и, съ помощію Неба, овладѣлъ ими. Возьми себѣ принесенный *Бурханемъ* походный дворецъ, вмѣстѣ съ сосудами.»

Чингисъ, овладѣвъ народомъ *Таньгутъ*, убивъ государя его, *Бурханя*, и истребивъ его родителей, дѣтей и внуковъ [615]), приказалъ, чтобы всякій разъ, какъ будутъ подавать ему пищу, напоминали ему, говоря: «*Таньгу* истребленъ.» Такимъ образомъ, воевавъ на *Таньгу* два раза, за неисполненіе имъ даннаго ему обѣщанія, онъ возвратился [616]). Въ годъ свиньи [617]), по смерти Чингиса, большая часть народа *Таньгу* отдѣлена была супругѣ Чингиса, *Ѣсуй* [618]).

Когда Чингисъ скончался [619]), то въ годъ мыши [620]), великіе князья правой руки [621]), *Чаадай* и *Бату* [622]), великій князь лѣвой руки, *Отчигинъ*, вмѣстѣ со внутренними [623]), *Толуемъ* и другими князьями и зятьями, равно темники и тысячники, устроили на рѣкѣ *Кэрулянъ*, въ урочищѣ *Кодъуаралъ*, великое собраніе. Согласно завѣщанію Чингиса, они провозгласили царемъ *Огэдая* и объявили о томъ Чингисовой десятитысячной гвардіи и всѣмъ народамъ.

Огэдай, вступивши на престолъ, такъ совѣщался съ братомъ своимъ, *Чаадаемъ*: «Отецъ нашъ, царь Чингисъ, оставилъ народы еще не завоеванные [624]); есть Бахтатскаго рода государь *Халибо*; противъ него уже отправленъ былъ *Чормахань*; теперь, я отправлю туда же, на помощь *Чормаханю*, *Охотура* съ *Мунгэту*. Есть также одиннадцать осѣдлыхъ [625]) народовъ: *Канли*, *Кибча* и другіе [626]); противъ нихъ отправ-

ленъ былъ *Субѣэтай*; но такъ какъ тамошніе города трудно аттаковать и брать, то теперь я прикажу старшимъ сыновьямъ княжескимъ, *Бату*, *Бури* [627]), *Гуюйку* и *Мунгэ*, идти туда, на подмогу *Субѣэтаю*; изъ этихъ князьевъ старшимъ пусть будетъ *Бату*, а изъ внутреннихъ, отправившихся, *Гуюйкъ* [628]). Съ ними пусть отправятся на войну старшіе сыновья князей, зятьевъ, темниковъ и тысячниковъ; повелѣваю же я отправиться на войну старшимъ сыновямъ ихъ потому, что мой братъ *Чаадай* говорилъ: коли-де пойдутъ на войну старшіе сыновья, то ратниковъ будетъ много и сила грозная. Слышно, что тамъ непріятели чрезвычайно круты. Такъ какъ мой братъ благоразуменъ и остороженъ, то я приказалъ старшимъ сыновьямъ отправиться туда на войну [629]).»

Царь *Огэдай*, совѣщаясь съ братомъ своимъ *Чаадаемъ*, говорилъ еще: «Теперь, когда я возсѣлъ на готовый престолъ царя отца моего, какія есть у меня доблести? Нынѣ, Гиньское царство еще не покорено; я хочу самъ итти на него; какъ ты думаешь?» *Чаадай* сказалъ: «Хорошо! Только ты поручи старый лагерь [630]) хорошему человѣку; я отселѣ [631]) помогу тебѣ войскомъ.» Рѣшившись такимъ образомъ, *Огэдай* поручилъ управленіе главнымъ станомъ стрѣлку *Олдахару*.

Въ годъ зайца [632]), царь *Огэдай* пошелъ войной на Гиньское царство, приказавъ *Чжэбѣ* быть передовымъ. Онъ [633]) разбилъ Гиньское войско и прошелъ *Цзюйюнъ гуань*; *Огэдай* сталъ лагеремъ на *Лунъхутаѣ* и отсюда разослалъ военачальниковъ брать города. Вдругъ *Огэдай* занемогъ, впалъ въ забытье

и лишился голоса. [634]) Повелѣно было волхву погадать; волхвъ объявилъ, что эта болѣзнь есть навожденіе духовъ, горъ и рѣкъ Гиньскаго царства [635]), за полоненіе жителей его и разрушеніе городовъ отъ войскъ; волхвъ обѣщалъ духамъ людей и сокровищъ [636]), но по гаданію выходило безуспѣшно: болѣзнь усилилась пуще прежняго; только когда волхвъ предложилъ одного изъ родственниковъ *Огэдая*, духи умилостивились и болѣзнь *Огэдая* нѣсколько утихла. *Огэдай* открылъ глаза, потребовалъ воды напиться, и спросилъ: «Что со мной?» Волхвъ отвѣчалъ: «Это навожденіе духовъ горъ и рѣкъ Гиньскаго царства; обѣщаны были имъ, для умилостивленія, разныя вещи; но они не принимаютъ и требуютъ, чтобы тебя замѣнилъ одинъ изъ твоихъ родныхъ.» *Огэдай* спросилъ: «Теперь кто со мной?» Въ это время случился тутъ великій князь *Толуй*; онъ сказалъ: «Блаженный отецъ нашъ избралъ насъ, двухъ братьевъ; тебѣ повелѣлъ царствовать, а мнѣ быть при тебѣ; забытое тобою напоминать тебѣ; отъ сна будить тебя; если же я лишусь царя-брата, то кому буду напоминать, кого пробуждать? Кто будетъ управлять многими народами *Дада*? Этому обрадуется сердце *Гиньцевъ*. Теперь, я замѣню тебя; принимаю на себя всѣ грѣхи твои; притомъ, я красивъ и могу быть жертвой духамъ [637]). Волхвъ! произнеси молитву.» Волхвъ, взявъ воды, наговорилъ надъ нею, а *Толуй* выпилъ ее; посидѣвъ немного, онъ почувствовалъ опьяненіе и сказалъ: «Когда я очнусь [638]), призри моихъ сиротъ и вдовъ, возрасти и устрой ихъ; тебѣ за-

вѣщаю это, царь-братъ.» Сказавъ это, онъ ушелъ и вскорѣ померъ.—Такъ было это дѣло [639]).

Огэдай, сокрушивъ Гиньское царство до конца, назвалъ государя его служкой [640]), захватилъ золото, ткани, скотъ и людей, и возвратился. Для охраненія *Бяньляна* и *Бэйпина*, поставилъ въ нихъ *таньмачи* [641]), и потомъ, перейдя за хребетъ [642]) на сѣверъ, сталъ лагеремъ.

Чормахань воевалъ на родъ *Бахтатъ*; этотъ родъ покорился. Такъ какъ страна та добра и богата хорошими произведеніями, то *Огэдай* оставилъ тамъ *Чормаханя* и другихъ, въ качествѣ *таньмачи*, для храненія, съ тѣмъ чтобы онъ ежегодно доставлялъ къ нему дань золотомъ, тканями, верблюдами и конями.

Также отправившійся по слѣдамъ *Субьэтая*, великій князь *Бату*, съ другими князьями, покорилъ роды *Канъли*, *Кибча* и еще третій [643]), разбилъ города рода *Орусы* [644]) и людей ихъ всѣхъ или убилъ или плѣнилъ; только народы *Асутъ* и другихъ городовъ [645]), частію полонены, частію сами поддались. Поставивъ тамъ *дарухачинь* [646]) и *таньмачи*, для храненія, онъ возвратился.

Противъ *Нюйчжинь Гаоли*, отправленъ былъ прежде *Чжалайтай*; теперь, на подмогу ему, *Огэдай* послалъ *Ёсудыра*, который, завоевавъ тамошнюю страну, сдѣланъ былъ въ ней *таньмачи*.

Бату, изъ *Кибча*, прислалъ къ *Огэдаю* посла съ такимъ донесеніемъ: «Силою Вѣчнаго Неба и счастіемъ [647]) царя-дяди

народы всѣхъ одиннадцати государствъ покорены. При возвращеніи войскъ, на разставаньѣ, устроенъ былъ пиръ, на который съѣхались всѣ князья; я, будучи между ними постарше, прежде другихъ выпилъ одну или двѣ чары вина; *Бури* и *Гуюйкъ* за то прогнѣвались, оставили пиръ и сѣвъ на коней, уѣхали. *Бури* сказалъ: «*Бату* равенъ мнѣ; за чѣмъ онъ пьетъ прежде меня? Онъ не больше какъ баба съ бородой, и я пятой толкнувъ, свалю его и растопчу.» *Гуюйкъ* сказалъ: «Онъ баба со стрѣлами и съ лукомъ; я велю полѣномъ бить его по груди.»—Сынъ *Элчжигитая*, *Хархасунъ* сказалъ: «Вотъ я придѣлаю ему сзади деревянный хвостъ.»—Такія рѣчи произнесли *Бури* и *Гуюйкъ*, когда мы, послѣ войны съ различными народами, разсуждали о томъ, что полезно, и что не нужно [648]) и, не совѣщавшись, разъѣхались. О чемъ и доношу тебѣ, царь-дядя.»

Когда посланный *Бату* доложилъ все это *Огэдаю*, *Огэдай* сильно разгнѣвался и не позволилъ *Гуюйку* видѣться съ собой, говоря: «По внушенію какого низкаго человѣка онъ осмѣлился ругать своего старшаго брата? Брошу тебя, какъ птичье яйцо. Пусть онъ отправится на отдаленныя границы, въ качествѣ *таньмачи*, беретъ крѣпкіе города и переноситъ тяжкіе труды.» Еще говорилъ: «У кого *Хархасунъ* научился поносить такъ нашего родственника? За такое преступленіе его слѣдовало бы казнить смертью; но если я казню его, то люди непремѣнно укорятъ меня въ пристрастіи. Пусть онъ идетъ вмѣстѣ съ *Гуюйкомъ*. *Бури* сынъ моего брата, *Чаадая*; пусть *Бату* переговоритъ съ *Чаадаемъ*».

Великій князь *Мангай* и боярин *Алчидай* представили: «Отъ Чингиса есть святое повеленіе: дѣла запольныя рѣшать за полемъ, дѣла семейныя рѣшать дома. Дѣло *Гуюйка* есть дѣло запольное; лучше предоставить самому *Бату* вѣдаться съ нимъ». Тогда гнѣвъ *Огэдая* укротился; онъ позвалъ *Гуюйка* къ себѣ и такъ выговаривалъ ему и поучалъ его: «Когда ты отправился въ походъ, то, на дорогѣ, перебилъ всѣхъ ратниковъ и охладилъ ихъ рвеніе. Не думаешь ли ты, что народъ *Орусы*, устрашившись одного тебя, покорился, и потому ты осмѣлился оскорбить своего старшаго брата, какъ врагъ? Нашъ Чингисъ царь говаривалъ: когда людей много, такъ люди боятся; когда вода глубока, люди тонутъ. *Субѣэтай*, напереди, защищалъ и заслонялъ тебя, и ты, съ большой ратью, взялъ эти нѣсколько родовъ *Орусы*; самъ же по себѣ ты не показалъ доблестей ни на копытце козленка. Хорошъ молодецъ! Въ первый разъ изъ дверей, и уже заводитъ раздоръ. Но *Мангай* и *Алчидай* упросили меня; довольно. Это дѣло запольное; ты вмѣстѣ съ *Хархасуномъ* ступай къ *Бату*: пусть онъ рѣшитъ; а о *Бури* пусть онъ увѣдомитъ *Чаадая.*»

Огэдай царь снова объявилъ прежнія постановленія Чингиса относительно обязанностей тѣлохранителей и *Саньбаней*, въ прежнемъ видѣ.

Огэдай царь говорилъ: «Нашъ царь Чингисъ, съ большими трудами, созидалъ царскій домъ. Теперь пора доставить народамъ миръ и довольство и не отягощать ихъ». Посему онъ совѣщался съ братомъ своимъ, *Чаадаемъ*, о полезныхъ пред-

пріятіяхъ: «1) Со стадъ народа [649]), каждый годъ брать только по одному двухгодовалому кладеному барану и обваривать его [650]); въ каждомъ улусѣ, съ сотни барановъ, брать по одному барану, для вспоможенія бѣднымъ того улуса; 2) Князья и зятья, во время собранія [651]), обыкновенно сбираютъ съ народа провіантъ; это неудобно; пусть изъ каждой тысячи ежегодно отдѣляютъ кобылу и приставляютъ къ ней человѣка для пастьбы ея и доенья; эта лошадь и человѣкъ будутъ навсегда смѣнными; 3) Въ званіе смотрителей наградныхъ: золота, матерій, орудій, оружія, кладовыхъ и магазиновъ, пусть присылаютъ людей изъ разныхъ мѣстъ; 4) Для отведенія народу участковъ земель на кочевья, пусть командируютъ людей, выбранныхъ изъ каждой тысячи; 5) Въ странѣ *Чуалъ* [652]), по неимѣнію воды, доселѣ водились только дикіе звѣри и не было жилищъ человѣческихъ. Теперь надобно разселить тамъ народъ; пусть *Чанай* и *Уйуртай* объѣздятъ и освидѣтельствуютъ тѣ мѣста, гдѣ удобно ставить становища, и тамъ выкопаютъ колодцы; 6) Посланцы проѣзжаютъ взадъ и впередъ чрезъ кочевья; оттого и дѣла замедляются, и народъ терпитъ. Теперь пусть каждая тысяча снарядитъ людей и коней и учредитъ *чжаньчи* [653]). Если дѣло не крайней важности, то посланцы должны ѣхать на станціонныхъ коняхъ, отнюдь не проѣзжая по жилымъ кочевьямъ [654]). Объ этихъ мѣрахъ напомнилъ мнѣ *Чанай болхадаръ*: я тоже нашелъ ихъ удобными. Сообщаю ихъ тебѣ, братъ *Чаадай*». *Чаадай*, выслушавъ эти слова, на все отвѣчалъ: «Хорошо! надобно такъ и поступить». Потомъ при-

бавилъ: «Что касается до почтовыхъ станцій, то я отсюда [655]) начну учреждать ихъ, такъ чтобы онѣ встрѣтились съ учрежденными тобой; а *Бату* пусть отъ себя [656]) начнетъ и соединитъ свои съ моими».

Когда царь *Огэдай* объявилъ объ этихъ статьяхъ князьямъ, зятьямъ и боярамъ, всѣ сказали: «Полезно! Чрезвычайно хорошо». Потомъ отправили людей въ разныя мѣста, собрать, по вышесказанному постановленію, барановъ и лошадей, равно избрали людей для храненія кладовыхъ и магазиновъ, и для станцій. Устройство учреждаемыхъ станцій возложено было на *Арацяня* и *Тохучара*. На каждой станціи поставили по двадцати вершниковъ. Постановлены были правила относительно числа лошадей на внутреннихъ ямахъ [657]), равно овецъ для прокорма и лошадей для посланцевъ, и числа телѣгъ и быковъ; если окажется неполное число, то у виновныхъ постановлено отбирать въ казну половину имущества.

Царь *Огэдай* говорилъ: «Со времени возшествія моего на престолъ отца моего, я совершилъ четыре новыхъ дѣла: 1) Покорилъ Гиньское царство; 2) Учредилъ почтовыя станціи; 3) На мѣстахъ безводныхъ велѣлъ выкопать колодцы; 4) Во всѣхъ городахъ, для храненія ихъ, поставилъ *таньмачи*. Проступился я въ четырехъ вещахъ: 1) Наслѣдовавъ престолъ, преданъ былъ винѣ; 2) Слушался рѣчей женщинъ и взялъ себѣ дѣвицъ изъ народа дяди моего *Отчигиня* [658]); 3) Изъ личной мести, тайно умертвилъ вѣрнаго и преданнаго *Дохолху*; 4) Построилъ стѣну, чтобы Небомъ даруемые намъ дикіе звѣри не перебѣгали во

владѣнія моихъ братьевъ; чѣмъ и возбудилъ противъ себя ропотъ и неудовольствіе».

Сія книга, въ большомъ собраніи [639]), въ годъ мыши [660]), въ седьмой лунѣ, во время пребыванія на рѣкѣ *Кэрулянь*, въ урочищѣ *Кодьэаралъ*, писаніемъ кончена.

ПРИМѢЧАНІЯ

СОКРАЩЕНІЯ

Бцз.—*Бэнь цзи*, описаніе царствованій въ *Юань ши*.

Бчж.—*Бэнь чжуань*, біографіи знаменитыхъ мужей въ *Юань ши*.

Вгд.—*Ванъ гуань дай*, сократитель *Юань чао ми ши*.

Сс.—*Сюй сунъ*.

Цчл.—*Цинь чжэнъ лу*, старинная Китайская біографія Чингисхана.

Юш.—*Юань ши*, исторія Монгольской династіи въ Китаѣ.

Дтбц.—*Дэнъ тань би цзю*, сочиненіе военнаго содержанія, временъ династіи *Минъ*; въ немъ есть каталогъ нѣкоторыхъ Монгольскихъ выраженій и названій, съ переводомъ на Китайскій языкъ.

Цдс.—*Цянь да синь*: извѣстный писатель, авторъ *Нянь эрръ као и* (критическихъ замѣчаній на Китайскую исторію) и другихъ сочиненій.

ПРИМѢЧАНІЯ

1. *Юань чао ди жень цзу*: предками людей династіи *Юань*; это, по моему мнѣнію, перифразъ переводчиковъ; далѣе названіе *Юань* болѣе не повторяется.

2. *Тянь шенъ*: небомъ рожденный; самъ собою явившійся; неизвѣстнаго происхожденія. Таковъ Китайскій смыслъ фразы.

3. *Цанъ сэ ди:* темноголубаго цвѣта, какъ глубина неба; *Цань бо сэ ди*: угрюмо-бѣлаго цвѣта.

4. *Тэнисы шуй: шуй*, вода, названіе, прилагаемое преимущественно къ рѣкамъ. Но *тэнисъ* собственно значитъ озеро.

5. У горы, *Шань цянь*: собственно передъ горой; по смыслу-же Китайскаго выраженія, передъ южной ея стороной.

6. *Бурханъ*: по опредѣленію СС., въ хребтѣ *Гэнтэй*, гора *Тэлэрги*, изъ которой вытекаетъ рѣка *Ононъ*.

7. *Батачиханъ*. Вся эта статья, въ сокращенномъ видѣ, выписана Клапротомъ изъ Китай[illegible] источниковъ и помѣщена въ его *Mém. rél. à l'Asie*, t. 1; но, за незнаніемъ старин-

по-простонароднаго языка Китайскаго, не вполнѣ понята имъ. Отъ *Батачиханя* до Чингисхана считается 25 поколѣній; слѣдовательно V-й вѣкъ по Р. Х. есть крайній пунктъ преданій Монголовъ по Ючши. По этнографическому сродству Монголовъ съ другими племенами сѣверовосточной Азіи, и по географическому сближенію, естественно отнести переселеніе Монгольскихъ предковъ къ истокамъ Онона, съ востока. Вода *Тэнисы* можетъ быть озеро *Кулонъ*, иначе называемое *Далай*; *Эргэнэкумъ* Магометанскихъ сказаній можно видѣть въ *Эргунѣ*, какъ Монголы называютъ рѣку *Аргунь*, и въ *Токумъ*, словѣ, которое, по сличеніи указаній, означало тѣснину. Это тождество *Эргэнэкума* съ *Аргунью* уже указано въ путешествіи въ Китай Е. П. Ковалевскаго. *Батачи* должно означать: изъ *Бата*, или принадлежащій *Бата*. Не было ли это названіе особаго племени, отъ котораго отдѣлились предки Чингисхана? *Бата*, у Сананъ Сэцэна, *Беде*, по Шмидту, а въ Китайскомъ переводѣ—*Бита*.

8. *Тамача*. Отселѣ начинается подробная родословная Чингисхана и его племени. Въ Юш. есть также генеалогическая таблица, но весьма краткая и сбивчивая.

9. *Хоу шенъ:* собственно, послѣ родившійся; Китайское названіе мальчиковъ.

10. *Таиръ, Боро*: должно быть масти лошадей. Вѣроятно, эти кони играли какую нибудь роль въ народныхъ преданіяхъ Монголовъ.

11. *Одинъ только глазъ*: по Сан. Сэц., промежъ бровей; отчего и названъ *Дувасохоръ*.

12. *Тунэли*: по Цдс. *Тунэликъ холоханъ* (*голхонъ*, рѣчка). СС. полагаетъ, что эта рѣчка впадала въ р. *Оршунъ*.

13. *Напереди ея*: т. е. чтобы погонять воловъ.

14. *Цзя жень 'а*: это *'а*, есть раздѣлительная частица, исключительно употребляемая въ Монголо-Китайскомъ нарѣчіи.

15. Урочище, *ди мянь*: это неопредѣленное слово означаетъ и будетъ означать: мѣсто, урочище, страну.

16. *Гуань жень*: боярин, благородный; такъ въ Китайскомъ текстѣ переведено Монгольское названіе *ноинъ*.

17. *Було*: часто употребляемое Китайскими писателями общее названіе частныхъ народовъ и ордъ. По Дтбц. оно соотвѣтствуетъ (старинному) Монгольскому *улусъ*.

18. *Цзы хо ли*: собственно, своимъ огневищемъ.

19. Фраза оканчивается словомъ *шанъ тоу*, означающимъ причину. *Шанъ тоу* собственно значитъ: *вверху*; въ смыслѣ причины оно употребляется только въ памятникахъ Монголо-Китайской словесности. Авторъ сочиненія *Тунъ су бянь* несправедливо полагаетъ, что оно означало: *во время*.

20. *Владѣтелю горы*. Значитъ, что въ тѣ времена, по преданію, были въ Монголіи частные владѣльцы земель, и что

предки Чингисхана не владѣли землями, смежными съ ихъ кочевьями.

21. *Четыре сына*: они поименованы у Сан. Сэц.

22. *Дорбянъ*. У Сан. Сэц. перечисляются четыре фамиліи *Уйратъ*. Вгд. неправильно перефразируетъ: «вошли въ родъ *Дорбянъ*».

23. *Урянха*: названіе будетъ упоминаться и далѣе. *Урянха*, по сличеніи указаній, не было какимъ либо особымъ родомъ, или племенемъ; *Урянха* были въ юговосточной Монголіи, въ Алтайскихъ (Китайскихъ) горахъ, и въ верховьяхъ Амура (*Урянха Бурятъ*—лѣсные люди). Это имя, какъ кажется, означало лѣсныхъ жителей вообще, безъ различія племенъ.

24. *Братьевъ мужа*: указывается на обычай Монголовъ брать за себя вдовъ своихъ братьевъ.

25. Фраза оканчивается словами: *Мо дао*; они замѣняютъ наши вносные знаки « » и употребляются исключительно въ Монголо-Китайской письменности; въ ханскихъ ярлыкахъ этотъ монголизмъ выражается словами: *тако молвя*; на Монгольскомъ языкѣ, по свидѣтельству о. Архим. Аввакума, *эинъ кэмэнъ*.

26. *Ла янъ*: особый способъ приготовленія въ прокъ бараньей туши замораживаньемъ.

27. Тоже разсказывается о Тугухуньскомъ владѣтелѣ, *Ачанъ*, который, этимъ сравненіемъ, наставилъ своихъ 20 сыновей.

28. *Гдѣ сопитъ:* гдѣ просвѣчиваетъ, черезъ скважины верхняго отверстія и дверей юрты.

29. *Уходя: ши цзи,* во время (ухожденія); это тоже особенность выраженія.

30. *Жи юе ди гуанъ:* по свѣту солнца и луны; *жи юе,* какъ плеоназмъ Китайскій, часто показываетъ одно свѣтило; но здѣсь можно подразумѣвать день и ночь.

31. *Ди ванъ:* разумѣется, вѣроятно, и о потомкахъ; будутъ царями: говорится о старшей линіи; князьями: т. е. братьями царей.

32. *Чжидао ъ чжэ: ъ чжэ,* ставимое на концѣ фразы, даетъ ей особенную силу. Авторъ, разсказывая эту басню, искусно слагаетъ съ себя отвѣтственность за нее, влагая ее въ уста самой *Аланьхоа.* Сс. несправедливо открываетъ преданіе объ этомъ событіи въ непристойныхъ кумирахъ *Махагала,* чествуемыхъ Монгольскими ламами; эти изображенія имѣютъ свое особое значеніе въ теургіи Тибетскаго Буддизма.

33. *У горныхъ утесовъ:* этотъ способъ охоты въ Монголіи упоминается и въ другихъ сказаніяхъ.

34. *Гдѣ оно и гнило;* «такъ было много дичи». Сс.

35. У Сан. Сэц. этотъ простой разсказъ измѣнился въ чудесный. «Когда онъ приходитъ сюда, то всякій разъ идетъ дождь. Только что они сказали это, какъ вдругъ, при совершенно безоблачномъ небѣ, пошелъ проливень». Кит. переводъ.

36. *Чжаршиутъ*: вѣроятно, особая фамилія, или домъ; *Ланханьурянхачжинь*—родъ или племя.

37. Скотъ *тоу коу*: числительное существительное для означенія домашняго, въ особенности, рогатаго скота.

38. *Чжамуха*, современникъ и другъ Чингисхана. Трудно согласить неравенство въ числѣ поколѣній той и другой линіи.

39. *Борчжигинъ*, самая извѣстная отрасль Монгольскаго племени; Чингисханъ прозывался также *Борчжигинемъ*. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ Монгольскихъ домовъ сохранили за собой эту фамилію.

40. Т. е. въ фамильныхъ, или домашнихъ, жертвоприношеніяхъ душамъ предковъ; эти жертвоприношенія и чествованіе тѣней предковъ, составляютъ существенный элементъ древняго шаманства восточной Азіи. Оказывается, что только дѣти законные, или отъ главной жены, имѣли участіе въ сихъ обрядахъ.

41. Фраза оканчивается словами: *юлай*: было, было такъ; т. е. было, что приходилъ. Это особенность выраженія.

42. *Большой.... Малый....* у Цдс.: *Ѣкэ* и *Учуланъ*.

43. *Адардай*: варіантъ *Адакидай*. Вгд.

44. *Хабтурхаху:* варіантъ *Хэтурхэсы*. Вгд.

45. Объ этомъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

46. *Таларханъ*: свободными изъ рабовъ. О нихъ еще будетъ сказано.

47. *Дада*: повтореніе одного знака, который имѣетъ одно чтеніе: *да*. Въ памятникахъ до-Монгольскихъ временъ это названіе писалось разными знаками, которые читались большею частію *Дада*, иногда *Дадань*. См. старинные Китайскіе словари: *Юйпянь* (674 г.) и *Лунъ канъ шоу цзянь* (997 г.); грамоту *Юань хао* къ Сунскому двору; древнюю карту Тангутскаго владѣнія *Сися*; исторію династіи *Ляо* (*Ляо ши*); каталогъ библіотеки *Юнъ лэ дадянь*; манифестъ одного изъ монгольскихъ государей, въ *Юанъ ши*; примѣчанія къ *Тунъ Цзянъ Сымагуана* и друг. Это названіе, до Монголовъ, несомнѣнно было общимъ для кочевыхъ племенъ Монгольскихъ степей и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, о которыхъ Китайцы не могли имѣть точныхъ свѣденій. *Дада* обитали и въ сѣверныхъ областяхъ нынѣшней губерніи *Шаньси*, внутри Великой Стѣны (см. старую *Ву дай ши*), и въ *Иньшаньскихъ*, нынѣ Кукухотонскихъ, горахъ (ib.), и по всей сѣверной границѣ *Сися* (см. древнюю карту Тангутскаго владѣнія), и по сѣверную сторону степи *Шамо*, въ нынѣшней сѣверной Монголіи (см. *Ляо ши*). Писатели династіи *Сунъ* знали или, лучше сказать, слышали преимущественно объ Иньшанскихъ *Дада*. *Сунъ бо*, авторъ X вѣка, говоритъ (выдержка изъ его сочиненія приведена въ примѣчаніи къ тексту *Тунъ цзянъ Сымагуана*), что они суть варвары сѣверовосточныхъ странъ, особый отдъ племени *Мохэ*; тѣснимые отъ *Хикиданей*, одни разсѣялись;

одни поддались Киданямъ, другіе основались въ *Бохаѣ*; постепенно переходя, они (которые?) дошли до *Иньшань*; нарѣчіе или языкъ ихъ, былъ извращенный (*'э*; грубый и страшный), поэтому ихъ назвали *Дада*. Слѣд. слова *Дада* по *Сунъ бо*, есть не болѣе, какъ прозвище. Въ подтвержденіе словъ *Сунь бо*, можно привести одно указаніе, которое доказываетъ, что обычай давать подобныя наименованія, былъ не въ одной восточной Азіи. Ренанъ (*Hist. génér. des langues Sémitiques. p.* 291) замѣчаетъ, что арабское слово طمطم *est employé généralement pour designer un parler barbare et inintelligible. Оуянъ сю*, авторъ XI вѣка, составитель новой *Вудай ши*, говоритъ, что *Мохэ*, обитавшіе на С.В. отъ *Хикиданей*, будучи притѣсняемы отъ Киданей, раздѣлялись; обитавшіе въ *Иньшани* сами назвали себя *Дада*. Извѣстный писатель *Сымауанъ*, жившій въ томъ же вѣкѣ, но послѣ *Оуянъ сю*, говоритъ только, что *Дада*, собственно, есть особый родъ *Мохэ*, обитавшій въ *Инъ шанъ*. Таковы главныя сказанія, послужившія основаніемъ для послѣдующихъ писателей Китайскихъ. Иногда *Дада* сопоставляются вмѣстѣ съ *Кита*, или Кидань; такъ Уйгурскій владѣтель, во времена Киданей, хвалился Сунскому посланнику, что нѣкогда Кидани пасли у Уйгуровъ коней, а *Дада* коровъ (см. *Ляо ши и ши*). Съ приближеніемъ къ Монгольскому періоду, свѣденія о *Дада* дѣлаются болѣе опредѣленными. *Мынъ хунъ*, въ запискахъ своихъ *Мынъ да бэй лань*, говоритъ о трехъ родахъ *Дада*: Бѣлыхъ, Черныхъ и Дикихъ. Придавая этнографическое значеніе этому распредѣленію, можно понимать его такъ: Бѣлые *Дада*,

Ванъ гу, или *Онноты*, суть племя Тюркское, изъ *Шато ту кю е*, т. е. степныхъ Тюрковъ, переселившееся къ Инышаньскимъ горамъ, во времена династіи *Танъ* (*Вэнь сянь тунь као*, въ главѣ о *Шатотукюе*); названы они бѣлыми, какъ кажется, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ авторъ *Чэгэнъ лу* называетъ ихъ окитаившимися; такихъ племенъ, обитавшихъ по сѣверной границѣ Китая, онъ насчитываетъ восемь, включая въ то число и Корею. Черные *Дада*, сохранившіе кочевой бытъ, суть племя Монгольское. *Дада* дикіе суть племена охотничьи, лѣсные и рыболовные, какъ *Урянха*, *Шуй дада* (рѣчныя) и *Хэшуй дада* (Амурскіе); эти племена можно назвать Тунгузскими, если предположить подобную племенную классификацію во времена Мынъ хуна. Очевидно, что *Дада* есть названіе неопредѣленное и общее, утвердившееся главнымъ образомъ въ Китаѣ. Трудно сказать, откуда оно произошло и образовалось, если не принять во вниманіе показанія *Сунъ бо*. Можно допустить одно предположеніе, что племя *Татаръ*, которое въ Ючжи. вовсе не то, что *Дада* обитавшее въ восточной части Монголіи, было сильно и обширно, и что Китайцы привыкли подъ ихъ именемъ разумѣть и другія, не столь извѣстныя, племена; Кидани, переселившіеся въ Туркестанъ, могли сообщить это названіе и западу, гдѣ оно воспріняло свою настоящую форму *Татаръ*, а не *Дада*. Какъ бы то ни было, Монголы оставили за собой названіе *Дада*, и не только за собой, но и за сродственными имъ племенами *Кэрыитъ* и *Мыркитъ*, какъ оказывается изъ Ючжи. Но здѣсь надобно сдѣлать оговорку. Въ оффиціальныхъ

документахъ и актахъ династіи *Юань*, на Монголо-китайскомъ нарѣчіи, Монголы и слившіеся съ ними, какъ съ династійнымъ племенемъ, *Кэрыты*, *Мыркиты* и Татары, въ Китаѣ называются Монголами, а обитавшіе въ Монголіи—*Дада*; вѣроятно это отличіе имѣло основаніемъ то, что въ Монголіи было болѣе раздѣленія между помянутыми выше племенами, и притомъ тамъ были племена не входившія въ Китай и носившія общее наименованіе *Дада*; въ Китаѣ же долженствовала быть одна господствующая нація, Монголы. Послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая, названіе *Дада* было равносильно слову Монголъ, или, какъ говоритъ Дтбц., то, что называлось по китайски *Дада*, на Монгольскомъ языкѣ писалось и говорилось *Монголъ*. Когда отъ Монголовъ отдѣлились *Ойраты*, Китайцы оставили названіе *Дада*, или Монголъ, за прежними Монголами, а *Ойратовъ* назвали особымъ, собственнымъ ихъ именемъ, *Ола*, изъ котораго, современемъ, образовалось неправильное *Вала* и нынѣшнее *Элютъ*. Таково историческое значеніе названія *Дада*, изъ котораго Пекинская Коммиссія прошедшаго вѣка сдѣлала двѣ небывалыя націи: *Татань* и *Далда*. Историческое сочиненіе *Сань чао бэй мынъ хой бянь*, или о сношеніяхъ Сунovъ съ Гиньцами, сообщаетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о племени собственно Монгольскомъ. Въ 1122 году, по словамъ Гиньскихъ посланцевъ, *Шамо* (вообще Монгольская степь) раздѣлена была между *Дада* и *Мынгуцзы*; главы того и другаго владѣнія признали надъ собою власть Гиньцевъ (цз. 9). Въ то время учреждено было Гиньцами, для сѣвера *Шамо*,

особое военное коммиссарство, съ цѣлію удержанія въ повиновеніи, или страхѣ, владѣній *Дада*, *Мынгу* и *Дьми* (цз. 21). Начиная съ 1150 года, Монголы возстали противъ Гиньскаго владычества; Гиньскій дворъ отправилъ противъ нихъ извѣстнаго полководца *Вучжу*; было особое описаніе этого похода, составленное *Лидаляномъ* (цз. 137). Къ 1160 году, военная дорога отъ Пекина на сѣверъ, до *Мынъ го сы*, была снабжена войсками, на случай ихъ вторженія (цз. 230); великій князь *Лунъ ху* квартировалъ на этомъ пути съ 50-тысячнымъ корпусомъ (цз. 243). Въ 1161 году, новый Гиньскій государь, намѣреваясь идти войной на Суновъ, гласно объявилъ, что онъ идетъ на *Мынгу дада*; манифестъ его, имѣвшій цѣлію отклонить вниманіе Сунскаго двора, между прочимъ говоритъ: «*Мынгу дада*, при моемъ предшественникѣ, нѣсколько разъ нападали на наши границы; когда же я вступилъ на престолъ, то границы успокоились. Нынѣ доносятъ, что они снова провинились (*цзого*) и собрались еще въ бо́льшемъ, чѣмъ прежде, числѣ, до нѣсколькихъ сотъ тысячъ; говорятъ, что они вступили въ связь съ *Сися*, возобладали *Тукюе*, *Хи* и *Кидань*, которые не могли бороться съ ними и потерпѣли пораженіе. Это тѣмъ болѣе важно, что могилы всѣхъ нашихъ предковъ находятся на сѣверозападъ отъ Пекина, близко къ ихъ границамъ». Очевидно, что содержаніе манифеста, главнымъ образомъ, выдумка. Одно вѣрно, что Монголы, съ перваго появленія своего въ исторіи, представляются враждебными Гиньцамъ. Въ арміи Гиньской были всѣ извѣстныя сѣверныя

племена, перечисляемыя въ *Бэй мынъ хой бянь*; но между ними нѣтъ имени Монголовъ.

48. Цдс., безъ основанія полагаетъ, что съ сихъ поръ начинаются у Монголовъ *ханы*. *Хабулъ* былъ потомокъ *Бодуанъчара* въ прямой линіи. Царь, въ Монголо-Китайскомъ текстѣ *Хахань* или *Кэхань* (*ъ кэ-ханъ*); Монгольское *ханъ* взято вѣроятно съ Китайскаго *хуанъ*: царь.

49. Своему троюродному брату.

50. *Буюйръ* и *Колянь*: нынѣ *Буюръ* и *Кулонъ*, озера въ низовьѣ Кэрулуна; въ Китайскихъ географическихъ сочиненіяхъ онѣ называются общимъ именемъ *Хулунъ бэйръ*.

51. *Уршунь*: по Сс. нынѣшняя рѣка *Оршунь*.

52. *Татаръ и чжунъ жень*: здѣсь *и чжунъ* не въ смыслѣ особаго народа, или племени; можно перевести: особые люди.

53. Это обстоятельство показываетъ, что въ то время Монголы были въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Гиньцамъ. На основаніи указаній *Бэй мынъ хой бянь*, можно считать вѣроятнымъ, что разсказываемое происходило въ половинѣ XII вѣка.

54. *Хадаань тайцзы. Аньбахай*, глава рода *Дайичиу*, имѣлъ двухъ сыновей, которые далѣе упоминаются: ни тотъ, ни другой не назывался *Хадаань*; это былъ шестой сынъ *Хабула*. По объясненію Сс., *Аньбахай* называетъ своихъ племянниковъ дѣтьми, по родству и тѣсной дружбѣ съ домомъ *Хабула*; дѣйствительно, есть примѣры, которые доказываютъ, что таковъ былъ

общій обычай у Монголовъ сближать родство и свойство. Подобные сыновья называются въ Юш. *цунь цзы*, дѣти совмѣстные.

55. Подразумѣвается: отъ стрѣлянія изъ луковъ.

56. *Олхунэ*. Сан. Сэц. говоритъ: изъ страны *Олхонодъ*, изъ рода *Татаръ*. Срави. разсказъ его о похищеніи *Хоэлуни*.

57. *Хаошенъ*: письменно-простонародное выраженіе, для означенія понятія чрезвычайно.

58. У Сан. Сэц., какъ въ преданіи, это событіе разсказано съ другими особенностями.

59. *Шань гань*: невысокій хребетъ; рядъ холмовъ.

60. Вѣроятно, сидя верхомъ на лошади, по Монгольскому способу.

61. Т. е. до сихъ поръ я заботилась о тебѣ.

62. *Хорхона чуань*. *Чуань*, значитъ и рѣка и долина; это мѣсто тоже самое, которое послѣ называется *Хорхона чжубуръ*. Урочище было въ низовьѣ Онона, но гдѣ именно, трудно опредѣлить.

63. *Дайичиу* возвратили этимъ управленіе старшей линіи *Борчжигинъ*.

64. Народы *Дада*: т. е. Монголы, не одни *Дайичиу*.

65. *Дьлиунь болтахъ*. По изысканію покойнаго Банзарова, Чингисханъ родился на р. Ононѣ, немного выше крѣпости

Чиндантъ, на правомъ берегу, противъ селенія *Ыхэ аралъ*, въ урочищѣ *Дылюнъ болдокъ*, около 50° с. ш. и 132° в. д. *Дылюнъ болдокъ* (урочище или улусъ), значитъ: кочковатая мѣстность, а *Ыхэ аралъ*: большой островъ (Сѣв. Пчела 1854, № 258. Письмо изъ Нерч. И. Абрамова). Если полагать, что рожденіе Чингисхана было тамъ же, гдѣ былъ избранъ *Хутула*, то мнѣніе Банзарова весьма вѣроятно. Одно можно замѣтить, что *Дылюнъ-болдокъ* есть наименованіе общее, которое могли носить и другія урочища, притомъ, названія мѣстъ въ Монголіи нынѣ совершенно измѣнились.

66. По Юш. и Цчл. Чингисханъ родился въ 1161 году; но Сс., неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что онъ родился въ 1154 году.

67. *Ни ши*: собственно, желудочный, или пузырный камень, находимый во внутренностяхъ животныхъ: это должно быть *Чжада*, описываемое въ *Бэньцао ганъ му* и отличаемое отъ безоара, *нюхуанъ*. Въ Бцз. онъ названъ *чиши*, краснымъ камнемъ. *Чжада*, по описанію, бѣлаго цвѣта; въ текстѣ говорится не о цвѣтѣ, а о фигурѣ и величинѣ камня.

68 По обычаю Монголовъ брать женъ въ родъ, или семейство, изъ одного и того же рода.

69. По біографіи *Дэсѣчаня*, *Хунгира* обитали въ мѣстахъ называемыхъ *Кулѣръундургинь* и *Дѣлемуръ*, у рѣки *Ѣлигуна*. *Дэсѣчань* называется въ Бчж. *Тэсѣчань*, по фамиліи

Босыхуръ; собственное имя его было *Тэинь*, но за отличіе въ походахъ (?), дано ему названіе *Сычань*.

70. *Разгадалъ мой сонъ*: потому что первый попался на встрѣчу.

71. *Киянь*: происхожденіе этого названія не объясняется. У Сан. Сэц. *Кіотъ*.

72. *Хоу фэй*: императрицами и второстепенными супругами; выраженіе по Китайскому обычаю; у Сан. Сэц. просто: *хатунь*.

73. У Китайцевъ есть такая же поговорка.

74. *Бортъ*: у Сан. Сэц. *Бурдэ* и *Буртэ*.

75. Эту поговорку трудно передать буквально; она выражена такъ: неужели послѣ многихъ просьбъ дать, значитъ важно, послѣ немногихъ просьбъ дать, значитъ не важно?

76. Эта поговорка есть и у Китайцевъ.

77. *Ни чжи чжэ*! Ты знай; форма завѣщанія. *Ѣсугай* завѣщаетъ *Мунлику* передать роднымъ о смерти его отъ отравы.

78. *Мунликъ* умолчалъ объ отравѣ *Ѣсугая*, вѣроятно, чтобы не разгласить о томъ, прежде увѣдомленія родныхъ *Ѣсугая*.

79. *Въ тотъ годъ*: говорится неопредѣленно и не означаетъ года смерти *Ѣсугая*.

80. *Приносили жертву*: по праву старшинства. Неиз-

вѣстно, почему не говорится о *Хутула хаханъ*; кажется, что въ это время его уже не было въ живыхъ.

81. *Цзо жоу*: мясо, освященное вкушеніемъ отъ душъ предковъ. Значитъ, былъ общій раздѣлъ жертвенныхъ яствъ въ фамиліи; жертвоприношенія предкамъ были узы соединявшія членовъ семейства и рода.

82 Выраженіе двусмысленно; оно можетъ значить также: «мои дѣти еще не подросли де»; *чжанъ бу да мо дао.*

83. Если не удѣлили части жертвъ общимъ предкамъ, то, значитъ, отлучили отъ своего родственнаго общества.

84. *Лунъ лай 'а*: потолковать, такъ лучше...

85. Именуются два сына *Аньбахая.*

86. *Минъ*: свѣтлый, въ смыслѣ знатнаго, виднаго.

87. Вгд. прибавляетъ: «къ чему жъ быть соединеннымъ?»

88. *Шоуди*: пріобрѣтенные, покоренные; *янь... ди*: свои, родовые.

89. *Инъ цянъ*: древки съ кистями, употреблявшіяся, кажется, для распознаванія, какъ значки. По указанію Юш. (цз. 139, 2), въ арміи Чингисхана, темники, тысячники и сотники, носили при себѣ древки, или копья, съ извѣстнымъ числомъ кистей, для показанія ихъ степени.

90. *Остановила.* Вгд. прибавляетъ: и *возвратила*; но изъ текста этого не видно.

91. *Бѣктѣръ* и *Бѣлгутай*: дѣти *Ѣсугая*, прижитые съ другой женой. Мать ихъ жила при *Хоэлуни*, какъ ниже окажется.

92. *Цза мэй*: особенность Монголо-Китайскаго выраженія; нынѣ употребляется *цзи мынь*: мы, т. е. мы съ вами, или съ тобою.

93. Пословица понятная; у Сан. Сэц. и въ *Алтанъ тобчи* смыслъ ея потерянъ и дѣлается непонятенъ.

94. *Алань:* это *Аланьхоа*, жена *Добэнь мѣрганя.*

95. *Занавѣску*: замѣняющую дверь у юрты; кромѣ того бываютъ еще дверцы.

96. *Львы*: Монголы получили понятіе объ этомъ звѣрѣ, вѣроятно, изъ Китая.

97. *Манъ шэ*: самый большой змѣй.

98. *Бѣшеные верблюды*: они бываютъ бѣшеными зимой.

99. *Юаньянъ:* порода небольшихъ утокъ у Китайцевъ служащая символомъ супружеской вѣрности и вообще супружества.

100. *Чайланъ*: по Монгольски *дзубери-чино.* Перевожу шакаломъ, по догадкѣ.

101. *4-ой луны 16-го числа*: на другой день средняго пол-

полунія, въ первый день ветхаго мѣсяца; это было празднество у Монголовъ.

102. Однакожъ ночь, какъ выше сказано, была свѣтлая.

103. *Съ колодкой*: которая надѣвалась на шею, какъ нынѣ въ Китаѣ.

104. Приготовленіе кумыса, или вина, было, можетъ быть, повинностью дома Сорханьширы.

105. *Лундоръ*: должно быть хищная птица, ястребъ или коршунъ.

106. *Канъ:* Китайское названіе подмостокъ, устроиваемыхъ въ юртѣ для сидѣнья и лежанья. По Дтбц., по-монгольски *исэчи*.

107. *Дуань сунъ*: прекратить и отправить; Китайское выраженіе, означающее погубить, умертвить.

108. Степное выраженіе означающее погибель дома.

109. Вгд. выражается: «далъ ему добрую лошадь».

110. Можетъ быть, для того, чтобъ онъ дорогой не разводилъ огня и тѣмъ не далъ знать о себѣ врагамъ.

111. Сс. полагаетъ, что это рѣчка *Цимуркэ*, впадающая въ рѣку Ононъ, при ея истокѣ.

112. *Сангуръ*: по предположенію Сс. р. *Сэнкуръ*.

113. Ниже оно названо будетъ *Кукуноръ*. Сс. замѣчаетъ: «Не озеро ли *Кукучэръ*? только оно довольно далеко».

114. *Тубошу*: мышь, поднимающая землю; кротъ; *ъ шу*: дикая мышь; вѣроятно, тоже, что *хуанъ шу*: суслікъ.

115. *Воры*: по Сан. Сэц. *Дайчжу*; по Юш. (біограф. *Борчжу*) *Яоргинъ*, т. е. *Чжурки* текста Ючмш., также родичи Чингисхана.

116. *Нань цзы*: собственно, значитъ мущина; въ разсказахъ употребляется въ смыслѣ молодца.

117. По Бчж. рода *Арла*, или *Арула*, сосѣдственнаго съ кочевьемъ Чингисхана. У Сан. Сэц. рода *Арлатъ*, или *Аруладъ*.

118. *Бöорчу*: по Бчж. ему было тогда 13 лѣтъ.

119. *Цюаньцзы*: кругъ; круговое становище.

120. *Шо ли чжу ляо*: говоря, остановился; *шо*, говорить, въ теченіи рѣчи употребляется иногда, какъ здѣсь, безъ всякаго значенія.

121. *Бортъ вучжинъ*: *учжинъ* взято съ Китайскаго *фужинъ*: супруга. Въ исторіи она извѣстна также подъ именемъ ханьши большой, или первой орды; этихъ ордъ, впослѣдствіи, было у Чингисхана четыре; всѣ онѣ были не переносимы; о положеніи этихъ ордъ въ Монголіи нѣтъ ясныхъ указаній и изслѣдованій.

122. *Урахиуэлъ*: должно быть, какая нибудь особенная мѣстность, или кряжъ горъ, близъ Кэрулуна.

123. Сс. поясняетъ: «По обычаю Монголовъ, во время выдачи дочери въ замужество, всѣ родственники провожаютъ ее до дома жениха; но отецъ не провожаетъ ея.»

124. *Бури*: берегъ?

125. Говорится какъ о неизбѣжномъ обрядѣ или обычаѣ.

126. *Царъ Есугай*: Тѣмучжинъ называетъ отца своего *хаханемъ*, изъ уваженія; *Есугай* не былъ владѣтелемъ, или княземъ рода.

127. *Ванъ хань*: собственное имя его было *Тоорилъ*, какъ онъ послѣ называется; здѣсь авторъ назвалъ его титуломъ Вана, полученнымъ имъ послѣ. У Сан. Сэц. *Унь хань* и *Онъ хань*.

128. *Кэрѣитъ*: вар. *Кэрѣи* и *Кѣрѣ*. У Сан. Сэц. *Кэруитъ*, *Кэриѣтъ* и *Кэрайтъ*.

129. *Туула*: нынѣшняя *Тола*, рѣка, по которой кочевали *Кэрѣи*.

130. *Въ Черномъ Лѣсѣ*: *Хэлинъ цзы*; прибавленіе слова *цзы* къ *Хэлинъ*, показываетъ, что *Хэлинъ* есть Китайское названіе; правильнѣе сказать: въ Синемъ-Бору; потому что горы, сопровождающія *Толу*, преимущественно покрыты сосновыми лѣсами.

131. Чингисханъ, очевидно, хотѣлъ имѣть опору въ *Ванъ ханѣ*. Въ одномъ мѣстѣ Ючиш. есть намекъ на то, что онъ, въ дѣтствѣ, жилъ у *Ванъ ханя*, вмѣстѣ съ *Чжамухою*.

132. *Фынъ ся*: вѣтряный ящикъ; разумѣется мѣхъ, состоящій изъ квадратнаго ящика, съ клапанами; стержень, которымъ производится раздуваніе, движется съ боку, взадъ и впередъ; таковъ Китайскій *фынъ ся*.

133. Ниже она называется *Хоахчинь*.

134. *Матери Хоэлунъ*: въ продолженіе разсказа, *Хоэлунъ* часто носитъ названіе матери безотносительно и по преимуществу.

135. *Тъмугэ отчигинъ*: или просто *Тъмугэ*; братья Чингисхана имѣли особыя придаточныя наименованія.

136. *Цунъ ма:* думаю, что надобно понимать: одну на-готовѣ.

137. *Ихо цзюнь:* ратники огневища; община; компанія.

138. Т. е. въ свой домъ, а не къ *Тъмучжину*, которому она принадлежала.

139. Изъ этого видно, что гора стоитъ особнякомъ.

140. *Чуй сюнъ*: ударяя въ грудь. Этотъ пріемъ, для выраженія сильныхъ чувствъ, упоминается въ разсказѣ не однажды; очевидно, онъ замѣнялъ воздѣяніе рукъ, которое приписываютъ Чингисхану другія сказанія.

141. *Сяо синъ минъ:* малую, ничтожную жизнь.

142. Замѣчательно, что обратился къ солнцу, а не къ горѣ

143. Повѣсилъ шапку на руку, вѣроятно, за подвязку.

144. *Манайцзы цзю*: собственно вино изъ кобыльяго молока. Разсказъ указываетъ на древній религіозный обрядъ и пріемъ Монголовъ, равно на чествованіе свѣтилъ и обожаніе вообще природы—второй элементъ древней религіи восточной Азіи. Поясъ и шапка были принадлежностями личной свободы у Монголовъ. Ниже будетъ разсказано, что Чингисханъ, арестуя *Хасара*, снялъ съ него шапку и поясъ; по замѣчанію автора *Цаому цзы*, Монголы въ Китаѣ приняли Китайскій костюмъ, но сохранили свою шапку и поясъ, или кушакъ. Слѣдовательно снятіе шапки и пояса показывало въ Чингисханѣ преданность волѣ неба, благодарность своей свободой за спасеніе. Онъ обратился къ солнцу, которое чествуемо было Монголами, какъ высокое божество, и преклонилъ колѣна девять разъ, по священному во всей Азіи числу, какимъ оно считалось и въ глубокой древности, по Китайскимъ сказаніямъ (уваженіе къ девятеричному числу, по моему мнѣнію, имѣетъ основаніе въ астрономическихъ понятіяхъ древности); сдѣлалъ возліяніе виномъ, непремѣнно броженымъ, также по обычаю древности. Сс. при этомъ дѣлаетъ выписку изъ сочиненія *Дао юань лэй гао*: «*Тайцзу* (Чингисханъ), въ молодости, застигнутъ былъ однажды, съ семью спутниками, бурною ночью; достигши одной скалы, онъ снялъ съ себя поясъ и повѣсивъ его, по обряду, на шею, такъ молился: «Если воля неба на мнѣ, то явятся люди для моего избавленія». Немедленно показались 19 человѣкъ, которые шли къ нему и помогли». Сс. не совсѣмъ правдоподно полагаетъ, что этотъ разсказъ, или преданіе, от-

носится къ настоящему событію; еще менѣе достовѣрно его предположеніе, что изъ этого же сложилась, какъ онъ называетъ, басня Юн. о томъ, какъ Чингисханъ пилъ мутную воду съ 19 сподвижниками, о чемъ Ючмш. вовсе не упоминаетъ.

145. *Брата Чжамуху*: называетъ братомъ, какъ дружественнаго сосѣда, а не какъ родича. *Чжамуха* былъ родичъ Чингисхана и происходилъ также отъ *Бодуанъчара*, но въ побочной линіи; онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Чингисханомъ, и, какъ видно, съ *Ванъ ханемъ*, у котораго онъ въ дѣтствѣ жилъ, вмѣстѣ съ Чингисханомъ.

146. Двѣ тьмы, *эрръ вань*: двадцать тысячъ.

147. *Правой рукой*: правымъ флангомъ; въ Ючмш., слово *правый* означаетъ западную сторону, какъ *лѣвый* — восточную; также точно и у Китайцевъ; но здѣсь нельзя положительно допустить этого распредѣленія.

148. *Аньда*: другъ; ниже, въ текстѣ, будетъ объяснено значеніе этого названія.

149. *Буула кээръ*: *кээръ* можно читать и *кээлъ*; оно часто прибавляется къ Монгольскимъ названіямъ; кажется, тоже, что нынѣ *Голъ*, горная рѣка; означаетъ и долину, по которой протекаетъ рѣка, какъ Китайское *чуань*. *Кээръ* несомнѣнно тоже, что *Кигаръ* магометанскихъ писателей о Монголахъ, означающее, по Д'оссону, долину.

150. *Орхуань* (въ другомъ мѣстѣ *Орхань*) и *Сьлянгэ*: *Орхонъ* и *Селенга*, рѣки, при которыхъ обитали *Мьркиты*.

151. *Свиная щетина*: нынѣ, на Монгольскомъ языкѣ, свиная щетина, въ буквальномъ переводѣ—*гахай ширкэгъ*; этимъ именемъ означается растеніе, употребляющееся для чистки раковинъ; хвощъ; но то ли растеніе разумѣется въ текстѣ Ючмп., неизвѣстно.

152. *Ванъ хань гэгэ*: *гэгэ* есть Китайское простонародное названіе старшаго брата, употребляемое и въ дружеской рѣчи; *Чжамуха* такъ называетъ *Ванъ ханя*, по его старшинству.

153. Монголы свободно переходили отъ одного владѣтеля къ другому, какъ видно и изъ другихъ указаній.

154. *У насъ, Дада*: *Чжамуха* разумѣетъ здѣсь и *Ванъ ханя*.

155. *Соединенныя войска*: ихъ было 40,000; у Чингисхана, по-видимому, было мало войска, или вовсе не было. Столько воинской силы, для освобожденія Монгольской Елены!

156. *Бархучжинь*: страна, о которой будетъ не разъ упомянуто въ разсказѣ; вѣроятно, она была при впаденіи Селенги въ Байкалъ.

157. *Цы лао*: по описанію *Бэнь цао ганъ му*, дрохва, птица, уважавшаяся Монголами, въ-особенности при Монгольскомъ дворѣ въ Китаѣ; частнымъ лицамъ не позволено было

употреблять ее въ пищу и ловить. См. старинную *Шунь тянь фу чжи.*

158. *Тянь ди*: небо и земля; выраженіе чисто Китайское.

159. *Шуй дяо цзу*: вѣроятно, *шуй та*: выдра.

160. *Жень ши*: дѣло человѣческое; подарокъ.

161. *Мыркитъ-дада*: это выраженіе рѣшаетъ общее значеніе слова *Дада*, которое прилагалось не къ однимъ Монголамъ. Несомнѣнно, что въ Монгольскомъ текстѣ стоитъ также *Дада.*

162. Упоминаемыя въ Ючмш. мѣста Монголіи трудно опредѣлить географически. Бо̀льшая часть урочищъ нынѣ носятъ другія, новыя названія.

163. Обмѣнъ подарковъ былъ необходимъ, для заключенія союза *аньда*. Ср. Цчл. Послѣ того, заключившіе дружбу хранили ее на жизнь и на смерть.

164. *Цинь ай цза*: полюбимъ еще крѣпче. Слово *цза*, которое значитъ мы, ставимое на концѣ, какъ частица, даетъ выраженію смыслъ будущаго времени; наприм. *цзо*: спжу, *цзо-цза*: поспжу; *цзоу*: хожу, *цзоу цза*: похожу. Въ семъ смыслѣ слово *цза* нынѣ весьма рѣдко употребляется, и попадается иногда только въ драматическихъ сочиненіяхъ.

165. *Пао цзы*: на Монгольскомъ языкѣ, по Дтбц. *чжунъ-эрръ* (*Цзэренъ*?). По *Бэнь цао ганъ му, пао цзы* есть дѣтеныш

особаго, малаго рода оленей, безъ роговъ, съ выходящими изо рта клыками.

166. *Бо му*: дерево *бо*; названіе прилагается къ Китайскому роду кипариса, котораго, сколько извѣстно, нѣтъ въ сѣверной Монголіи.

167. *Съ чолками*; по Китайски: съ рогами.

168. Эти загадочныя слова трудно понять. По Вгд. *Чжамуха* задалъ Чингисхану загадку. Онъ такъ перифразируетъ слова Чжамухи: «Если подлѣ горы пасти коней, то есть юрты и хижины, въ которыхъ можно пріютиться; если пасти овецъ подлѣ горнаго потока, то можно доставать ягнятъ и сливокъ. Понимаешь ли, другъ?» Но текстъ не допускаетъ такого перифраза. Чингисханъ также не понялъ словъ *Чжамухи*.

169. Вгд., безъ основанія, прибавляетъ: на другой годъ.

170. *Изъ рода*, или точнѣе: люди рода... Вгд. измѣняетъ въ слово: отъ рода, т. е. со стороны рода...

171. *Тохураунь*: въ Ючмш. еще будетъ упомянуто о трехъ фамиліяхъ *Тохураутъ*; вѣроятно, это есть фамильное прозваніе особаго рода племени *Чжалаиръ*.

172. *Огэлянь, братъ Бёорчу*: выше было сказано, что у него не было братьевъ; надобно разумѣть родичи.

173. *Имѣющій быть*, или *бывшій* (равно переводимо) *зя-*

темъ: т. е. зятемъ Чингисхана. По Юн. (цз. 118, 7) «*Боту* былъ отличный конный стрѣлокъ, преданный Чингисхану. Чингисханъ выдалъ за́ него сестру свою, *Тъмулунь*; по смерти *Тъмулуни*, онъ отдалъ за *Боту* дочь свою, *Хочинь бъки*».

174. *Чжачжирадай*, предокъ *Чжамухи*, и *Бааридай*, предокъ *Хорчи*; оба рождены одною изъ женъ *Бодуанъчара*.

175. *Шень минъ*: общее названіе небесныхъ духовъ, у Китайцевъ.

176. *Ся данъ*: нижніе колья; къ которымъ, вѣроятно, прикрѣплялись юрты.

177. *Тянь ди*: небо и земля; думаю, что это Китайскій плеоназмъ.

178. *Шанъ лянъ чжо: шанъ лянъ*, толковать, совѣтоваться, судить.

179. *Куай хо*: жить въ наслажденіи.

180. *Ваньху*: десять тысячъ домовъ, т. е. владѣтель, или правитель ихъ; теминкъ; учрежденіе, вѣроятно, заимствованное отъ Киданей и Гинцевъ.

181. Т. е. исполняй все, о чемъ я ни попросилъ бы тебя.

182. *Сачабъки*, вар. *Съчжэбеки*. Названія лицъ въ Ючмш. не вездѣ одинаковы.

183. *Ли ни цзо хуанъ ди*: поставить тебя царемъ, т. е. на-

шимъ. Вѣрно, послѣ *Хутулы*, еще не было избрано ему преемника.

184. *Хао Чингисы*: *хао*, нарекли, именовали, какъ въ Китаѣ даютъ особое наименованіе царствованію каждаго государя. Этотъ обычай, думаю, заимствованъ изъ Китая. Государи не называются собственнымъ именемъ потому, что оно есть имя семейное, не выступающее изъ круга фамиліи; таково общее обыкновеніе въ Китаѣ, гдѣ и частныя лица извѣстны въ обществѣ не столько подъ собственными ихъ именами, сколько подъ особыми, принятыми для того, наименованіями. Что касается до значенія названія *Чингисъ*, покойный Банзаровъ, какъ я помню, измѣнилъ свое мнѣніе, выраженное въ статьѣ *о Черной Вѣрѣ* и склонялся къ той мысли, что *Чингисъ* есть выраженіе слова *шаньюй*, ханскаго титула у древнихъ *Хюнну*. Для того, кто знаетъ, какъ неправильно Китайскіе историки перелагали иностранныя названія на свой языкъ, не будетъ удивительно сродство словъ *Шаньюй* и *Чингисъ*. Замѣчу также, что *Хубилай* именовалъ (въ храмѣ царей) Гиньскаго *Тайцзу—Чингисомъ*, а сына его, *Тайцзуна—Бкэноянемъ* (симъ именемъ назывался отецъ *Хубилая*, *Толуй*); объ этомъ упоминаетъ авторъ сокращенія *Юаньши* (*Юаньши лэй бянь*); но я не знаю, откуда онъ заимствовалъ этотъ фактъ. Чингисъ провозглашенъ былъ ханомъ собственно Монгольскаго рода, родовымъ владѣльцемъ, какимъ былъ *Ванъ хань* у *Кэрыитовъ*, и другіе. Въ-послѣдствіи онъ сдѣлается монархомъ степной имперіи.

185. Выше, онъ названъ былъ *Огэлянь*.

186. *Дай ляо гунъ цзянь*: носить лукъ и стрѣлы, несомнѣнно при особѣ Чингисхана; по Юш. (цз. 119, 25) эти луконосцы назывались *хорчи*; они носили колчаны и постоянно пребывали подлѣ особы-хана. Вгд. неправильно перифразируетъ: «завѣдывать луками и стрѣлами».

187. *Чэ лянъ*: телѣги, въ которыхъ ѣздили женщины, съ дѣтьми и съ домашнимъ скарбомъ.

188. *И чу дай дао*: въ одномъ мѣстѣ носить мечи; т. е. при Чингисханѣ.

189. *Юйма*: управлять конями; думаю, что значитъ: завѣдывать выправкой, обученьемъ и присмотромъ за верховыми конями Чингиса. Но біографіи *Бьмутая* въ Юш. (цз. 107, 1), ему поручено было управлять заводными лошадьми (*цунъ ма*: слѣдовавшими, т. е. за Чингисомъ); въ случаѣ пораженія (при отступленіи), онъ велъ (для Чингисхана) заводныхъ лошадей.

190. *Юань цзянь, цзинь цзянь*: какъ дальнія и ближнія стрѣлы; на исполненіе порученій и приказаній; на посылкахъ; какъ вѣстовыя стрѣлы, бывшія въ обыкновеніи у Гиньцевъ. Вгд. ошибочно поясняетъ: «завѣдывать дальнимъ и близкимъ».

191. *Шоу ши*: прибирать и убирать, т. е. для Чингисхана.

192 *Чжанъ чжо*: можно перевести также: старѣйшинствуйте.

193. *Цзи цинъ ди*: благовѣщими и счастливыми, т. е. которые принесли съ собою счастье для Чингисхана.

194. *Шо ляо, дуй вэй фу ляо*: сказавъ, поручилъ всѣмъ, т. е. исправлять должности, о коихъ выше было сказано; здѣсь только повтореніе.

195. *Вы, Дада*: разумѣетъ Монголовъ.

196. Здѣсь открывается новая причина раздѣленія между Чингисханомъ и *Чжамухою*, а не одна поговорка *Чжамухи*.

197. Вгд. прибавляетъ: (коней) принадлежавшихъ Чингисхану.

198. Въ Юш., въ біографіи *Боту* (цз. 118, 7), между прочимъ, разсказывается: «*Чжачжирадай*, *Чжамуха* и *Тоть* (?), съ 30,000 воиновъ, наступали (на Чингисхана); *Боту*, узнавъ это, послалъ *Болуаньдая* и *Молитуту* извѣстить о томъ Чингисхана, а самъ напалъ на *Тоть*, и другихъ, захватилъ ихъ обозъ и покорилъ ихъ народъ». По Ючмш., Боту, кажется, находился съ Чингисомъ.

199. По Вгд. *Чинасы* князей. *Великихъ князей*: т. е., по объясненію Сс., родичей Чингисхана, считавшихся братьями. *Чинасы*, по-видимому, было названіемъ многихъ мѣстъ; въ одномъ была *Да ордо*, большая орда, какъ видно изъ примѣчанія къ стихотворенію одного Юаньскаго поэта, гдѣ говорится также, что *Чинасы* была гора. Ср. ошибочный разсказъ Цчл., въ которомъ *Чинасы* принято за волковъ (*чино*, волкъ).

200. *Ма вэй шанъ*: собств. на хвостѣ лошади; не привязавъ ли къ хвосту?

201. *Чжурчжэдай* и *Хуюлдаръ*: правильнѣе, главы родовъ *Уруутъ* и *Манху*.

202. *Съ семью сыновьями*: у Сан. Сэц. они называются *Долонъ хонхотанъ*.

203. Вгд. говоритъ, напротивъ, что Чингисханъ забылъ послать имъ молока.

204. Вгд.: «прибили палками управлявшаго яствами». Срав. Цчл.

205. *Нѣкуньтайцзы*: братъ *Ѣсугая*; можетъ быть, онъ славился чѣмъ нибудь въ народѣ.

206. *Цзай вай на ма*: *на*, значитъ ловить, поймать и водить, но преимущественно употребляется въ первомъ значеніи; понятно было бы, если бы говорилось о стойлѣ, или мѣстѣ, гдѣ привязывали коней. Цчл. также не уясняетъ этой статьи.

207. По Вгд., онъ былъ связанъ.

208. Въ біографіи *Бѣлгутая* (цз. 107, 1) говорится: «Его (*Бѣлгутая*) злоумышленно (?) ранили и онъ отговорилъ Чингисхана казнить виновнаго».

209. Вѣроятно, между Чингисханомъ и *Чжурки*. Срав. Цчл.

210. *Да гинъ*: великіе Гинь; Чингисханъ называетъ ихъ великими, или признавая ихъ власть, или по привычкѣ.

211. *Ванъ гинъ чэнъ сянъ*. По Сс., это не согласно съ показаніями Китайской исторіи, по которой отправленъ былъ *Ванъ янъ сянъ*. *Чэнъ сянъ*: министръ, почетный титулъ.

212. Разумѣются четыре орды *Татаръ*, о которыхъ ниже упомянуто.

213. *Бу цунъ та минъ*: не повиновались, какъ прежде сами Монголы. Военныя мѣры Гиньцевъ и устроеніе вала за Великой Стѣной, въ концѣ XII вѣка, должны быть объясняемы этимъ возстаніемъ Татаръ. Срав. изслѣдованія *Шеньло* о валѣ въ Монголіи.

214. *Съ двухъ сторонъ*: Чингисханъ съ одной, Гиньцы съ другой. По Вгд.: «Я (Чингисханъ) нападу на нихъ изнутри, Гиньцы совнѣ».

215. *Помоги ратовать*: вѣрно не могъ, и вмѣстѣ съ Гиньцами, ратовать; это доказываетъ силу *Татаръ*.

216. *Чжаухури*: по нынѣшнимъ объясненіямъ, *чжао тао ши*; это былъ полномочный военный коммиссаръ Гиньцевъ на границѣ; Чингисханъ получилъ только наименованіе, но не власть.

217. *Ванъ*: князь, какъ титулъ, *хао*, а не *цзіô*, или въ смыслѣ князя Гиньской имперіи.

218. *Чжао тао гуань:* но *чжао тао гуань* было тоже, что *чжаухури*. Это мѣсто требуетъ поясненія. Можетъ быть, что *чжаухури* имѣло другое значеніе. Срав. разсказъ Цчл.

219. *Гэнь цзяо*: собств. ноги; корень; происхожденіе.

220. Когда возвели Чингисхана во владѣтели.

221. Т. е. увелъ съ собой.

222. Выше онъ былъ названъ *Окиньбархахъ*.

223. *Синъ минъ сунъ ляо*: проводилъ жизнь; умертвилъ.

224. *Барха*: должно быть *Окиньбархахъ* или *Олбарха*.

225. Намекаетъ на тождественное воздаяніе за отступленіе отъ своихъ ближайшихъ родителей.

226. *Цзи эрръ нянь*: въ годъ курицы, 1201 года. Отсетѣ въ Ючмш. начинается счетъ годовъ по циклическимъ животнымъ. Монголы или заимствовали этотъ способъ счисленія отъ Китайцевъ, къ которымъ онъ, однакожъ, перешелъ изъ другихъ странъ, или слѣдовали ему по давнему обычаю въ Монгольскихъ странахъ. Счисленіе по животнымъ было въ употребленіи у Хагасовъ.

227. *Въ числѣ одиннадцати.* Въ переводномъ текстѣ улусы, или роды, не перечисляются; Вгд. выписываетъ ихъ изъ Монголо-Китайскаго текста въ такомъ порядкѣ: *Хатагинь, Сачжиу, Дорбянь-Татаръ, Таталунь, Икильсунь, Унгила, Холола, Найма, Мѣрки, Оила* и *Дайичиу*. Вгд. не соблю-

дастъ полной транскрипціи. Изъ этихъ родовъ, только *Хатагинъ*, *Салчжиу* (Салчжиутъ) и *Дайчиу* были Монгольскаго племени; другіе восемь были народы, обитавшіе въ то время въ Монголіи, или вообще народы кочевые; изъ нихъ неизвѣстны *Таталунъ* и *Холола* (Харлу?); трудно допустить, чтобы всѣ они принимали участіе въ заговорѣ; надобно разумѣть нѣкоторые роды ихъ, привлеченные *Чжамухою*. *Дорбянъ-татаръ* — это четыре орды *Татаръ*, о которыхъ не однажды упоминается въ Ючиш.; въ другихъ источникахъ, гдѣ упоминается о *Дорбянъ Татаръ*, *Дорбянъ* ставится отдѣльно, какъ названіе особаго рода; но, во-первыхъ, здѣсь было бы, въ такомъ случаѣ, не 11, а 12 родовъ, или народовъ; потомъ *Хатагинъ* и *Салчжиу* также принадлежали къ роду *Дорбянъ*; слѣдовательно натуральнѣе было бы слово *Дорбянъ* отнести къ предшествующему названію *Салчжиутъ*, чѣмъ ставить его отдѣльно.

228. Главою, *цзюнь;* ниже сказано: *хуанъ ди*, царемъ. Союзники хотѣли поставить *Чжамуху*, вмѣсто Чингисхана, надъ его родовымъ владѣніемъ.

229. *Эргунь*: рѣка *Аргунь*, составляющая низовье Кэрулуна.

230. *Канъ мурянь*: Сс. замѣчаетъ: «Это должна быть нынѣшняя рѣка *Иму*, которая течетъ на сѣверъ и впадаетъ въ р. Аргунь; устье ея называется *Чжоу* (островъ), какъ урочище.» Но Юш. (цз. 123, 2), заговоръ происходилъ на рѣкѣ *Гянь*, въ урочищѣ *Хуланьюрги* (красный яръ?). Срав. варіантъ и разсказъ Цчл.

231. Вгд. дополняетъ: *Хучара* и *Даритая.*

232. *Санкунь: Санкунь* было имя сына *Вань ханева.*

233. *Чэксаль:* въ рукописномъ экземплярѣ *Сюйсуна: Чэкчудь.*

234. *Укитъя: Уткия,* въ рукописномъ экземплярѣ.

235. По пріятельски; можетъ быть по обычаю дозорныхъ.

236. *Ю ло и тунь: ло,* по описанію *Бэнь цао ганъ му,* походитъ болѣе на творогъ, или сметану.

237. *Чу ци ли:* собственно выкажу силу духа; выраженіе, часто повторяющееся въ Ючмш.

238. Можетъ быть, Монгольская поговорка.

239. *Тархутай-Киримту* кажется придумалъ эту услугу, чтобы устрашить взявшихъ его.

240. *Чжахаганьбу,* братъ *Вань хана,* удалившійся отъ него по несогласіямъ, которыя часто возникали между его родичами.

241. У Вгд. полнѣе и нѣсколько иначе: «Тоже (поддались) многіе *Кэрьи, Тумянь тубъгань, Олуань* и *Дунъха».* Эти роды принадлежали *Вань ханю.*

242 *Гурхань:* не собственное имя, а титулъ. Это названіе будетъ встрѣчаться и послѣ, въ смыслѣ владѣтельнаго лица. Извѣстно, что *Тамерланъ* величалъ себя *Гурханомъ,* а въ Кп-

тайской исторіи (династіи *Минъ*, въ отдѣленіи *Сыи*) сообщается, на основаніи слуховъ, что *Тамерланъ* считалъ себя *фума*, зятемъ, или свойственникомъ Китайскаго двора. Основываясь на этомъ Клапротъ заключилъ, что *Гурханъ* есть не что иное, какъ *фума*. Дѣйствительно, въ тоническомъ текстѣ Ючмш., какъ видно по выпискѣ Вгд., которая будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ, зятья Чингисханова дома называются общимъ именемъ *Гулыянь* (*Гурлянь*), что̀ довольно близко къ слову *Гурханъ*; это могутъ рѣшить Монголисты. *Гурханы* Уйгурскій и Харакитайскій могли носить это названіе, имѣя родственныя связи съ Китайскимъ дворомъ. Надобно замѣтить, что въ Китаѣ родство съ царствующимъ домомъ двоякое: *фума*, зять, и *го цзю*, тотъ, изъ дома котораго берутъ дѣвицъ въ замужество для государя (тесть). Въ Монголіи такого различія, въ строгомъ смыслѣ, не было; родъ *Хунгира* доставлялъ дѣвицъ въ домъ Чингисхана и бралъ изъ него къ себѣ женъ. Былъ ли дядя *Ванъ ханя—фумою* Китайскаго двора, на это нѣтъ указаній.

243. *Хашинъ*: названіе передѣланное Монголами изъ *Хэ си*. *Хэ си* называемое иначе *Си ся*, было Тангутское владѣніе, въ сѣверо-западной части Китая; *Хэ си* значитъ *западъ рѣки*; такъ называлось *Си ся* потому, что лежало на западъ отъ поворота Желтой Рѣки на сѣверъ. *Си ся*, западное *ся*, иначе *Да ся*, или великое *ся*, было названіемъ, болѣе употребительнымъ въ Китаѣ; владѣтели этой страны назвали свое владѣніе *Ся*, въ во-

споминаніе древняго государя *Юй*, который, по преданію, много трудился въ этой странѣ, надъ проведеніемъ Желтой Рѣки и основалъ династію *Ся*. Владѣтели *Сися* были изъ племени *Дань хянъ*; изъ этого слова, вѣроятно, и образовалось племенное названіе *Тангу*, во множественномъ числѣ *Тангутъ*. Страна заселена была преимущественно Китайцами, и частію Уйгурами и родами *Фань*, которыхъ надобно отличать отъ *Дань хянъ*, господствовавшаго народа. *Дань хянъ*, *Фань* и Тибетцы (*Туботъ*) были одного общаго племени; но каждые изъ нихъ жили своеобразно; послѣдніе, т. е. *Фань* и Тибетцы, питали вражду къ владѣтельному дому *Сися*. *Сисяшуши*, или историческія записки о *Сися* (сочиненіе появившееся недавно), упоминаютъ о бѣгствѣ *Гурханя* отъ *Ёсугая*, и помѣчаютъ это событіе подъ годомъ 1171; впрочемъ, хронологическія указанія *Сисяшуши* требуютъ повѣрки. Владѣтели *Сися*, вѣроятно, имѣли частыя сношенія съ народами, обитавшими въ Монголіи; *Гурханъ* былъ принятъ въ *Сися* милостиво; ему отведено мѣсто для жительства.

244. *Харакита:* владѣнія ихъ простирались на востокъ до *Хотана*. О переселеніи Киданей въ Туркестанъ изъ Китая, кромѣ разсказа въ *Цзиньши*, есть нѣсколько новыхъ указаній въ описаніи путешествія *Чанъ чуня* на Западъ, въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ *Ёлюйчуцая* и въ *Бэй мынъ хоу бянь*. По Китайскимъ указаніямъ, резиденціею Харакитайскихъ *Гурхановъ* былъ городъ *Самаркандъ*; но по дальнѣйшему разсказу

Ючмш., *Ванъ хань* бѣжалъ къ Харакитайскому *Гурхану*, на рѣку *Чуй*. По указанію *Си юй ту чжи*, отъ *Тузкюла*, или *Тэмуртунора*, на с. з. 200 ли до *Салэкиту*; далѣе на с. з. 500 слишкомъ ли до страны вообще называемой *Чуй*; страна богата водой и травой и весьма удобна для пастбищъ. Сс.—*Сисяшуши* упоминаетъ о бѣгствѣ *Ванъ ханя* и полагаетъ его подъ годомъ 1173.

245. *Уйу* и *Таньу*: владѣніями *Уйгуръ* и *Сися*; *Вань хань* обходилъ владѣнія *Наймань* съ юга. *Сисяшуши* помѣчаетъ и это событіе, подъ годомъ 1174.

246. Въ текстѣ: *гули*, по *Бэнь цао ганъ му*, кажется коза; по Дтбц., по Монгольски *ухуна*; но ниже, вмѣсто *гули* стоитъ *янъ*, овца, по Монгольски, *хони*.

247. *Чжунъ дуй*: толочь крупу, или другое зерно.

248. *Хойхой*: вообще Туркестанцы; по Дтбц., по Монгольски они называются *Сартолъ*; слово это, вѣроятно, составлено изъ *Сартъ*, названія кореннаго народа въ Туркестанѣ, и *аулъ*, въ смыслѣ страны, особаго владѣнія.

249. *Туу*: несомнѣнно ошибка, вмѣсто *Уйу*. Срав. разсказъ Цчл.

250. *Сы чжунъ ао лу*: *аолу*, переложенное въ Дтбц. въ *аинь эрръ*, по Китайски *чжайцзы*, укрѣпленіе; это *аулъ*; вѣроятно, что Татары, будучи постоянно въ войнахъ, жили большею частію въ укрѣпленіяхъ, или, что слово *аулъ* надобно

принимать въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ значеніи орды, или отдѣльнаго улуса. По водвореніи Монголовъ въ Китаѣ, *аолу* назывались лагери въ разныхъ мѣстахъ Китая, гдѣ помѣщались семейства солдатъ, отправляющихся на войну. См. введеніе въ *Цзинъ шидадянь*. Сраженіе происходило въ *Далань ньмургэсы*; это мѣсто, по Сс., должно находиться у истоковъ р. *Халха*, впадающей въ озеро *Буюйръ*.

251. По Вгд. *Алтанъ*, *Хучаръ* и *Даритай*.

252. *Чэся*: по колесную чеку. Въ 1140 году, Гиньскій полководецъ, осаждая *Шуньчанъ*, приказалъ, въ случаѣ взятія города, убивать всѣхъ жителей его, которые будутъ выше телѣжной оси; по другому извѣстію, онъ объявилъ, что предастъ смерти всѣхъ жителей мужескаго пола, свыше трехъ лѣтъ (см. *Бэймынъ хойбянь*). Такъ, думаю, надобно понимать и слова Чингисхана.

253. *Бьмутай* разсказалъ, вѣрно, по дружбѣ, или чтобы похвастать.

254. *Цзи бэй*: постлать подъ спину.

255. *Даритай*: дядя Чингисхана, державшійся, впослѣдствіи, стороны *Ванъ ханя*.

256. Какъ старшей сестрѣ, а самой занять низшее мѣсто.

257. Въ Юш. *Ёсуй* называется ханьшею третьей орды; *Ёсугань* ханьшею четвертой, или послѣдней орды.

258. *Вай мянь*: внѣ, т. е. внѣ своей ставки.

259. *Бархучжинь токумъ*: *токумъ*, вѣроятно, тѣснина другихъ сказаній (см. Цчл.); можетъ быть здѣсь говорится о широкомъ ущельи въ низовьѣ Селенги.

260. По Вгд., двухъ малолѣтнихъ дѣтей.

261. *Улухтахъ*: вѣроятно, отрогъ Алтая; называется онъ *димянь*, т. е. мѣстомъ или урочищемъ.

262. *Алтай*: разумѣется Китайскій или восточный Алтай.

263. *Димянь*: страна, мѣсто, или урочище.

264. *Уруну*: не старинное ли названіе рѣки *Урумци*?

265. *Кишилъ баши:* одно изъ озеръ нынѣшней Чжунгаріи.

266. Т. е. погибъ.

267. Прежде онъ называлъ его братомъ.

268. *Байлинъ цяо*: жаворонки водятся на Монгольскихъ степяхъ во множествѣ; они вьютъ гнѣзда въ травѣ и весь годъ не улетаютъ въ другія мѣста.

269. *Сань гуйди гао тянь цяо эрръ:* разсѣянно возвращающаяся (къ зимѣ на югъ), кричащая на небо птичка; это ласточка. *Чжамуха* хочетъ сказать, что Чингисъ непостояненъ, а онъ, *Чжамуха*, крѣпко привязанъ къ *Ванъ ханю*. Срав. сбивчивый и превратный разсказъ Цчл.

270. *Шао фань*: жарить кашу; указываетъ на огни, ночью

разведенные *Ванъ ханемъ*. *Шао фань* былъ у Киданей, какъ и у Монголовъ, обрядъ жарить, или варить, мясо на дворѣ, въ ямѣ, въ жертву предкамъ. См. Юш. въ статьѣ о древнихъ обрядахъ.

271. *Санкуня*, сына *Ванъ ханева*; по обычаю въ Монголіи, какъ видно, дѣти и братья хановъ имѣли собственные свои удѣлы.

272. На границѣ *Кэрьитовъ* и *Найманей*.

273. *Сы цзъ*: четыре героя, витязя. Въ рукописномъ экземплярѣ Ючмш., Сс. замѣтилъ, что въ Монгольскомъ текстѣ четыре героя названы *Дорбянь кюй лууди*.

274. Т. е. *Мухали*, *Бороула* и *Чилаоунь*.

275. *Ху цзу чжи ъ чжэ*: да вѣдаетъ покровительство и помощь; *да вьдаетъ*: монголизмъ, въ смыслѣ: *клянусь*.

276. *Санкунъ* представляется Монгольскимъ, авторомъ съ невыгодной стороны; по преданію-же Юш., *Санкунъ* былъ мудрый и храбрый; другіе роды боялись его (цз. 120, 9).

277. *Лицемъ къ съверу*: т. е. въ положеніи прислуги.

278. *Лицемъ на югъ*: въ положеніи госпожи. *Санкунъ* хотѣлъ сказать, что Чингисханъ рода низкаго, и что ему далеко до Ванъ ханя. Срав. разсказъ Марко-Поло (ch. 63, p. 62): *Ванъ хань* отвѣчаетъ посланнымъ Чингисхана: «*Comant a grant vergoingne Cinghiscan de demander ma File â Feme?*» Посланные, вернувшись, пересказали Чингисхану «*tout por ordre*».

279. *Ло хоу ляо*: собственно, отстало назади.

280. Въ годъ 1202.

281. *Алтанъ* и другіе родичи Чингисхана, какъ видно, отстали отъ него.

282. «Опасность у боку» поясняетъ Вгд. *Таянъ*, Найманьскій владѣтель, заступилъ мѣсто отца своего *Буируха*.

283 *Тоорилъ*: не *Ванъ хань*; онъ перешелъ отъ Чингисхана.

284. *Чанъ ди шао тоу, шень ди шуй ди*: въ длину на самую вершину, въ глубину до самаго дна. Это поговорка; въ соотвѣтствіе ей есть другая: «длинное имѣетъ верхъ, глубокое — дно».

285. *Ю коу, ю шэ ди*: т. е. всѣ имѣющіе ротъ и языкъ; всѣмъ вѣдомо. Эта поговорка есть и въ Китайскомъ языкѣ.

286. *Лао ляо*: состарѣешься; такъ выражаются иногда Китайцы, когда говорятъ о смерти старшихъ; чаще же употребляютъ выраженіе: *бо нянь хоу*: послѣ ста лѣтъ.

287. *Собственнаго своего*: роднаго, по усыновленію.

288. Вгд. неправильно перифразируетъ: «*Ванъ хань* отвѣчалъ: «Если можешь побѣдить его, то почему не дѣйствовать?»

289. *Цза*: мы; *Мунликъ* присоединяетъ себя къ дому Чингисхана, какъ домочадецъ. Въ Юш. (біографія *Бопара*) также разсказывается, что когда *Ванъ хань* хитростію хотѣлъ зама-

нить Чингисхана къ себѣ, обѣщаясь дать дочь свою въ замужество брату его, *Хасару*, и Чингисханъ уже хотѣлъ ѣхать, *Минъ ли ъ чи гэ* (*Минъли*—Мунликъ, *ъ чи гэ*—старикъ), подозрѣвая измѣну, отсовѣтовалъ Чингисхану ѣхать.

290. Изъ рѣчи не видно, что̀ именно могутъ принять за правду: то ли, что завтра отправятся на Чингисхана, или, что онъ наградитъ вѣстника.

291. Вгд. неправильно объясняетъ: «предварилъ занятіемъ горы *Маоунъдуръ* и ожидалъ.» По Сс. эта гора должна находиться на югъ отъ Хинганскаго хребта, въ хребтѣ *Якэлинъ*. Въ Юш. (біографія *Халахасуня*) тоже говорится: «Когда Чингисханъ пріобрѣлъ народъ, то *Ванъ хань*, опасаясь его, замышлялъ убить его. *Кисили* (*Кишлихъ*) тайно передалъ эту вѣсть Чингисхану; Чингисханъ, въ одинъ вечеръ, бѣжалъ съ 20-ю слишкомъ человѣками. Когда роды услышали о томъ, то большая часть ихъ поддалась Чингисхану.» Срав. во всемъ Цчл.

292. *Да чжунъ цзюнь*: большое среднее войско, ханское, которое находилось въ срединѣ арміи, какъ у Китайцевъ.

293. *Во чжэ цзюнь ма*: этой моею ратью; разумѣетъ всю армію; Вгд. неопредѣленно выражается: большой ратью.

294. *Не моѣ одольть*; Вгд. не точно выражается: боялся...

295. Дядя, *бофу*: названіе по родству племенному и изъ уваженія къ старшинству.

296. Вгд. прибавляетъ: «*Ванъ хань* утёкъ.» Эта битва, по

Сан. Сэц., происходила въ низовьѣ Онона (?), въ *Хулунь-бэйръ*. О дѣйствіяхъ *Чжурчжэдая* и *Хуилдара*, въ Юш. есть два показанія. Вотъ они, для образца: «*Кэлъи*, *Халахачжинь* и *Шато* (?), во главѣ другихъ, напали и разбили (войско Чингисхана); ближній Чингисхана, *Хуиньтаръ* (*Хуилдаръ*), тотчасъ увѣдомилъ его, сказавъ: «дѣло не терпитъ отлагательства; въ войскѣ *Чжучитай* (*Чжурчжэдай*) есть самый храбрый и вѣрный; скорѣе пошли его»... *Чжучитай* одинъ бросился (на враговъ), застрѣлилъ *Сянкуня*, покорилъ вождя *Шилъмынь* и другихъ». Такъ въ біографіи *Чжучитая* (цз. 120, 9). Но вотъ отрывокъ изъ біографіи *Уитара* (*Хуиньтара*, *Хуилдара*): «Въ битвѣ съ *Ванъ ханемъ* въ *Халачжинь*, повелѣно было войску *Улу* (*Урууть*) двинуться впередъ; но вождь его, *Чжучэтай* (*Чжурчжэдай*), положивъ плетку поперегъ гривы лошади, не отвѣчалъ. *Уитаръ* вызвался, поручивъ Чингисхану трехъ желтоголовыхъ (*хуанъ-тоу*: такъ называются малютки); разбилъ; получилъ въ голову раны отъ стрѣлъ и черезъ мѣсяцъ слишкомъ померъ.»

297. Это была побѣда случайная, не рѣшительная.

298. *Окотай;* вар. *Огэдай;* третій сынъ Чингисхана.

299. Т. е. съ мѣста побоища.

300. *Ба!* восклицаніе; собственно значитъ: *Кончено!*

301. Къ горѣ, отъ которой пришли; слѣд. отступали.

302. *Улхуйшилугэ́лчжитъ*: по Сс. *Ярноръ*, или *Нумынь*.

303. Это имя одного изъ завѣдывавшихъ столомъ Чингисхана. Вѣроятно, онъ былъ въ плѣну у *Ванъ ханя*.

304. *Ли ляо та ци цзы:* можно перевести также: оставивъ жену, т. е. оставивъ ее у *Кэрѣитовъ*.

305. *Жаль смотрѣть:* *Ванъ хань* говоритъ съ насмѣшкой.

306. Въ смыслѣ: попытайся-ко еще!

307. *Фань чуди:* отошедшій, т. е. отъ *Ванъ ханя*.

308. *Тай цзюй:* собств. значитъ: нести, поддерживать.

309. Вгд. говоритъ о *Тѣрѣнъ*, *Алтъ*, и другихъ родахъ племени *Хунгира*.

310. Сс. говоритъ: «*Унгира* были родственны Чингисхану по его супругѣ; могъ ли онъ воевать на нихъ? Но они прежде пристали къ Чжамухѣ и сражались противъ Чингисхана; за то онъ и заставилъ ихъ покориться.»

311. *Передать:* на словахъ; какъ было въ обычаѣ у Монголовъ, не знавшихъ письменности. Китайскіе писатели удивляются точности, съ какою Монголы передавали рѣчи другихъ «по пальцамъ».

312 *Шенъ гуай:* съ гнѣвомъ попрекать.

313. *Цзя нъ:* т. е. людей, имущество и скотъ.

314. Это было на р. *Толъ*, гдѣ должна находиться и гора *Хулаанэу*.

315. *Представилъ дочь свою*: чтобы дойти, чрезъ владѣнія *Меркитъ*, до *Есугая*. Вгд. неправильно понимаетъ: «просилъ *Тохтоа* передать твою просьбу.»

316. Т. е. черныхъ *Кита*; Харакита.

317. Въ то время Чингисъ не былъ богатъ.

318. Срав. разсказъ Цчл. о рѣчи посланцевъ Чингисхана.

319. *Цинъ чжунъ: цинъ* собств. значитъ зеленый и темный цвѣтъ.

320. Это указаніе намекаетъ на то, что Чингисханъ, въ молодости своей, жилъ у *Ванъ ханя*.

321. *Фэй дэ щао*: много будетъ убыли; въ смыслѣ вопросительномъ. Вѣроятно, эти слова Чингисхана къ *Чжамухѣ* иносказательны; не предоставляетъ ли онъ *Чжамухѣ* одному пользоваться расположеніемъ *Ванъ ханя?*

322. *Нъкунь тайцзы* былъ старшій братъ *Есугая*; слѣд. сынъ его, *Хучаръ*, имѣлъ болѣе правъ, чѣмъ Чингисханъ.

323. *Алтанъ* былъ двоюроднымъ дядей Чингисхана; но линія Чингисхана была старшею; поэтому *Алтанъ*, собственно, не имѣлъ фамильнаго преимущества передъ Чингисханомъ.

324. *Цзай щанъ бэй*: изъ старшихъ; изъ линіи, которая была старше линіи Чингисхана. Слѣдовательно у Монголовъ ханы избираемы были по наслѣдству и по старшинству фамильному; однакожъ ханство было и въ младшей линіи, *Дайичіу*.

325. *Сача* и *Тайчу*: троюродные братья Чингисхана; *Сача*, въ другихъ мѣстахъ, *Сачабьки*. Всѣ отказались: пугались ли безпорядковъ, или боялись Чингисхана.

326. Выше онъ названъ *Тоорилъ*.

327. Называлъ братомъ, какъ освоившагося домочадца.

328. Вѣроятно, для большей вѣрности въ передачѣ словъ.

329. *Хао ша жень ди лао цзы*: старикомъ, охотникомъ убивать людей.

330. Что такое *шиунъ*, неизвѣстно; выраженіе указываетъ на связь съ *Меркитами*.

331. Должно быть, пословица. Съ натяжкой можно перевести такъ: «ставилъ меня наравнѣ съ бараньими вихрями и хвостами». Шерсть вихрей и хвостовъ была негодною и ни на что не употреблялась. Въ запискахъ о приключеніяхъ государя изъ дома *Сунъ*, попавшагося въ руки Гиньцевъ, для выраженія крайней степени его униженія, разсказывается, что добрые люди, изъ состраданія, сдѣлали ему тулупъ изъ бараньихъ хвостовъ. Срав. Цчл.

332. Имена вождей *Санкуня*.

333. *Ву ю и ху*: нѣтъ сомнѣнія или, нѣтъ колебанія.

334. Туркестанецъ, *Хассанъ*.

335. Жилъ во владѣніи *Ваншутъ* (*Онотъ*) временно, для

торговли; такъ, думаю, надобно понимать. Народъ, которымъ владѣлъ *Алахушидиштхури* были *Шато тужюе*, переселившіеся сюда съ запада. Одинъ изъ князей ихъ, во времена династіи *Танъ*, за услуги въ усмиреніи мятежей въ Китаѣ, пожалованъ отъ царствовавшаго дома, его фамиліею, *Ли*, какъ и Тангутскій владѣтель, и по праву такого сродства, послѣ паденія дома *Танъ*, возвелъ себя на степень императора и продолжилъ, въ сѣверномъ Китаѣ, династію *Танъ*, подъ именемъ *Хоу танъ*, т. е. послѣдующій *Танъ*; впрочемъ царствованія *Хоу танъ* было кратковременно (см. *Вудайши* и *Танъшу*). *Алахушидиштхури* производилъ свой родъ отъ царствующей линіи *Хоу танъ*. Юш. говоритъ (Цз. 118, 10), что онъ съ войскомъ своимъ, сторожилъ самые важные пункты сѣверной границы Гиньцевъ. Юш. замѣчаетъ также, что одинъ изъ *Юнъ гу* (*Ванъ гу*), по имени *Дагунъ*, былъ у Гиньцевъ смотрителемъ табуновъ, съ которыми и поддался Чингисхану (цз. 121, 9).

338. По исторіи, онъ остался на службѣ у Чингисхана.

337. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Сс., Чингисханъ не пилъ, съ своими сподвижниками, мутной воды *Балчжуна*. Сс. называетъ этотъ разсказъ исторіи ложнымъ и старается опровергнуть его. Исторія говоритъ, что съ Чингисханомъ пили воду девятнадцать человѣкъ; Сс. отыскалъ имена четырнадцати изъ нихъ, упоминаемыя въ сказаніяхъ. Онъ допускаетъ только, впрочемъ не безъ оговорокъ, разсказъ въ біографіи *Чжабаръ*-

Хочжэ (Цз. 120, 6 и 7): «Чингисъ бѣжалъ отъ *Ванъ ханя*; по прибытіи къ рѣки *Баньчжуни*, провіантъ у него вышелъ; случилось, что съ сѣвера прибѣжала дикая лошадь; *Хасаръ* подстрѣлилъ ее; изъ кожи ея сдѣлали котелъ, камнемъ достали огня, изъ рѣки воды, сварили мясо лошади и ѣли его. Чингисханъ, поднявъ руку къ небу, такъ поклялся: «Если я кончу великое дѣло, то буду раздѣлять съ ними (сподвижниками) сладкое и горькое; если нарушу слова свои, то пусть буду, какъ вода рѣки.» Вожди были тронуты и плакали. Сс. замѣчаетъ справедливо, что Чингисханъ, одержавъ верхъ надъ *Ванъ ханемъ*, не былъ доведенъ до послѣдней крайности. Впрочемъ, это обстоятельство, какъ и многія другія, принадлежатъ къ особому источнику преданій, разнящемуся отъ Ючмш. «Питье мутной воды», служитъ похвальнымъ титломъ въ жизнеописаніяхъ сподвижниковъ Чингисхана; о немъ упоминаетъ *Хубилай* (см. Бцз.); Сс. приводитъ стихи одного поэта, сочиненные на сей случай: «Нѣкогда были подвижники, воздвигавшіе престолъ; съ великимъ трудомъ пролагали они путь сквозь терніи; кляпясь, пили изъ грязной рѣки (воду).» *Балчжуна*, по Сс., есть Кэрулунъ, какъ говорится въ біографіи *Сюебутая* (цз. 122, 10); тамъ Чингисханъ учредилъ резиденцію, т. е. орду (тамъ-же). Сс. полагаетъ, что она была на сѣверномъ берегу Кэрулуна, отъ *Горцинъноръ* на востокъ, въ Чэчэнхановомъ владѣніи, въ урочищѣ *Чжалакноръ гинъ чжабу*; тамъ и нынѣ есть валъ, называемый *Баласыкутулъ мяо* (*мяо*: слово Китайское, означаетъ кумирню). Восточную орду Чингисхана, по мо-

ему мнѣнію, надобно искать въ низовьѣ Кэрулуна, на южной сторонѣ его, тамъ гдѣ пребывалъ намѣстникъ Чингисхана, во время его похода на западъ, братъ его *Отчигинъ* (см. путешествіе *Чанъ чуня*).

338. *Сачжанъ*: *са* разсѣевать, сѣять; *чжанъ* шатеръ; по старинному обычаю Китайцевъ, это были шатры свадебные; въ нихъ впервые видѣлись женихъ и невѣста; гости бросали на нихъ цвѣты и плоды; отчего эти шатры такъ и названы; впослѣдствіи, этотъ обычай замѣнился разсыпаніемъ хлѣбныхъ зеренъ въ залѣ, что̀ нынѣ также вывелось; *сачжанъ* осталось названіемъ шатровъ праздничныхъ, устроиваемыхъ для пиршествъ; у Монгольскихъ государей устроивались великолѣпные *сачжанъ* въ резиденціи *Шанъду*; въ нихъ помѣщалось нѣсколько тысячъ пирующихъ (см. *Юанъ ши сю ань*, гдѣ есть стихи на пиръ въ *Шира ордо*, съ поясненіемъ).

339. *Синъ инъ*: фигуры и тѣни; признаки.

340. Этотъ анекдотъ разсказывается и о другихъ лицахъ, нѣсколько иначе (см. Юш. цз. 130 и *Шунь тянь фу чжи*, въ біографическомъ отдѣлѣ).

341. *Сорхахтани*: мать *Хубилая*; по указаніямъ Юш., она была христіанка.

342. *Ванъ хо чжинъ*: родъ *Ванъ ханя*, состоявшій изъ ближайшихъ его родичей; т. е. домъ *Ванъ ханя* составилъ особый родъ.

343. При особѣ Чингисхана; т. е. *Батаю* и *Кишлиху*. Вгд. неправильно объясняетъ: «сдѣлалъ ихъ главами двухъ родовъ: *Кэрѣи* и *Ванъ хо чжинь*, и постоянными тѣлохранителями.»

344. Т. е. въ собраніяхъ и на пирахъ.

345. Это было однимъ изъ правъ звавія *талахань*, пожалованнаго *Батаю* и *Кишлиху*.

346. *Чанъ щенъ тянь*: вѣчно живущаго, безсмертнаго Неба.

347. *Да вэй цзы*: великаго мѣста, т. е. трона Монгольской имперіи.

348. Сс. выписываетъ, при семъ, слова изъ одного памятника: «*Талахань* значитъ старѣйшину въ цѣломъ государствѣ. Государь (Чингисханъ) сказалъ приближеннымъ: «Тѣ (враги), не вѣдая воли неба, хотѣли погубить меня; этотъ человѣкъ (*Кишлихъ*), извѣстившій меня, почти тоже, что посланецъ самого неба; я обѣщался даровать ему свободу и *талахань*. По сему пожаловалъ ему царскій шатеръ, посуду и музыку при угощеніи, какъ фамильному князю.»

349. Это граница *Найманей*; должно быть рѣка служила межею.

350. *Чуалъ*: объ этомъ будетъ упомянуто послѣ; онъ долженъ быть на пути отъ *Кэрѣитовъ*, или *Найманей* къ *Сися*. Срав. Цчл.

351. Это выраженіе означаетъ безстыдство.

352. Т. е. «Но я все таки прошу тебя.»

353. Вгд.: «Отдалъ ее одному изъ офицеровъ.»

354. О дальнѣйшей судьбѣ *Санъ куня* есть разныя сказанія. Срав. Цчл. и *Сися шуши*, цз. 38, 6; тамъ неправильно отнесено это событіе къ 1178 г. Есть сказаніе, что *Санъ кунъ* былъ принятъ въ *Сися*, и что за то Чингисханъ и воевалъ на это владѣніе. *Сися*, какъ видно, служило убѣжищемъ для *Дада*, во время невзгоды.

355. Чтобы привлечь и утѣшить душу *Ванъ ханя*; таково религіозное значеніе музыки у восточныхъ язычниковъ.

356. Это похвала *Гурбѣсу*. *Таянъ* ставится ниже женщины.

357. Говоритъ съ презрѣніемъ. Онъ отдѣляетъ себя отъ *Дада*.

358. *Тунъ цзянь*: полагаю, что здѣсь ошибочно переставлены слова; надобно бы *цзянь тунъ*: колчанъ; мысль будетъ такая: напугали и прогнали *Ванъ ханя*, показавъ свои колчаны и не испытавъ боя.

359. *Жи юе*: солнце и луна; плеопазмъ.

360. У Китайцевъ есть подобное выраженіе:

Тянь ву эрръ жи,
Минь ву эрръ ванъ.

«На небѣ нѣтъ двухъ солнцевъ; у народа нѣтъ двухъ владыкъ.»

361. *Дай ци сы*: дурное дыханіе и запахъ.

362. *Отчигинъ*: *Тьмугэ*, братъ Чингисхана.

363 *Пайцзы тоу*: слово перешедшее отъ Китайцевъ и, кажется, такъ и оставшееся на Монгольскомъ языкѣ; *пайцзы*: жеребеекъ, или дощечка; *тоу* голова, старшина; названіе десятниковъ.

364. *Чжэрби*: значеніе не объясняется; повидимому, они управляли хозяйствомъ въ ордѣ, или служителями и домашними.

365. *Су вэй ди:* ночные тѣлохранители, охранявшіе ставку ночью.

366. *Сань бань*: названіе Китайское, которое трудно передать кратко; *Сань*: разсѣянно, для разныхъ назначеній; *бань*: компанія, отдѣлъ, очередь. Это были тоже тѣлохранители, занимавшіеся разными дѣлами въ ордѣ.

367. *Хувэй*: охранные; общее наименованіе гвардіи, какъ *Сувэй*, такъ и *Саньбань*.

368. *Бай шень*: бѣлотѣлые; по смыслу Китайскаго выраженія, люди не занимающіе никакихъ должностей, не изъ благородныхъ; здѣсь не должно понимать въ смыслѣ фразы Монгольской, по которой слово бѣлый имѣло бы значеніе благородныхъ, какъ напримѣръ названіе *бѣлокостныхъ* присвоено дворянамъ, въ противоположность *чернокостнымъ*, не дворянамъ.

369. *Дайгунь цзянь ди*: носящіе луки и стрѣлы; вѣроятно, особый отъ стражи, или гвардіи, отрядъ.

370. *Чу цзы*: повара; распоряжавшіеся угощеніемъ хозяевъ и гостей внутри ставки.

371. *Фанъ цзы*: помѣщеніе, жилье, комната; такъ, въ текстѣ, принято называть вообще юрты.

372. Выше, дневные дверники названы *Бамыньди*; они вѣроятно отворяли дверь юрты Чингисхана; здѣсь дверники названы *Шоу мынь ди*: хранящіе дверь.

373. *Тай танъ ши*: выраженіе, указывающее на Китайскій обычай утромъ отпрать лице теплой и горячей водой; это значитъ: когда Чингисханъ встанетъ съ постели.

374. Въ годъ 1204.

375. *Цзи ляо ци ду*: жертвоприношеніе знамени; обычай, общій съ Китайцами; есть особая молитва на сей случай, которую обязанъ читать главнокомандующій.

376. *Ибинъ*: войска̀ сомнѣнія; стратагема состоитъ въ томъ, чтобы показывать присутствіе войскъ тамъ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, ихъ нѣтъ, или показывать въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ сколько ихъ есть.

377. По Вгд. «не выйдетъ», т. е. изъ своего стана на сраженіе.

378. *Канхай*: названіе извѣстнаго хребта горъ въ западной части Монголіи.

379. *Цзинъ*: *шань*; Алтай, гдѣ пребывали *Найманы*.

380. *На фу жень*: та женщина! Китайская фраза.

381. *Бэнъ и чу*: мѣсто перемѣны платья; такъ изъ приличія Китайцы называютъ отхожее мѣсто.

382. Сравненіе съ женщиной болѣе оскорбило *Таяна*, чѣмъ сравненіе съ теленкомъ.

383. *Кэси... лао цзы*: жаль старика...

384. *Ци юнь*: Китайская фраза; собственно значитъ движеніе эѳира; судьба.

385. *Ударилъ по колчану*: воинскій пріемъ.

386. *Уѣхалъ особь*: покинулъ службу *Таяну*.

387 *Тамиръ*, рѣка соединяющаяся, съ запада, съ *Орхономъ*.

388. *Орхо: Орхонъ*, рѣка, впадающая въ Селенгу.

389. *Цунъ ма*: можетъ быть, аріергардъ; *ма*, кони; въ военномъ смыслѣ, означаетъ войско.

390. «Убоявшись», прибавляетъ Вгд.

391. *По горъ*: вар. Вгд.: у горы.

392. *Ся дэнъ*: низшаго разряда; низкихъ, подлыхъ; *Таянъ* этимъ, какъ будто, оправдываетъ свое отступленіе на гору.

393. Всѣхъ имѣющихъ, или носящихъ, копья и мечи; ратниковъ.

394. *Анхуа*, какъ ниже *Коибуръ*, неизвѣстно, что̀ за баснословныя стрѣлы.

395. *Да гунъ; сяо гунъ*: большой и малый лукъ; сила луковъ измѣряется по упругости ихъ.

396. Вгд. ошибается, полагая, что *Чжамуха* пришелъ къ Чингисхану.

397. *Ши юй цюнъ цзу*: сила его доведена была до крайности. Не говорится, куда онъ скрылся. Юш. (цз. 121, 21), говоритъ, что у *Кучлука* былъ сынъ, по имени *Чанъ унь*, который бѣжалъ къ (Хара) Киданямъ и тамъ померъ; жена его, изъ рода *Канъ ли*, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ *Чао сы*, поддалась Чингисхану.

398. *Суй на ляо*: принялъ; поялъ, включивъ въ свой гаремъ. Весь разсказъ о войнѣ съ *Найманями* имѣетъ видъ народнаго преданія и изукрашенъ кистію автора.

399. *Луань ляо*: возмутятъ; обезчестятъ.

400. *Вэнь ляо:* спрашивать; пытать.

401. *Хао линъ та:* приказъ ему! Означаетъ судить короткимъ, военнымъ судомъ; казнить.

402. Въ подлинникѣ: *Coeli voluntate a parentibus nata epiderma tota conservata est; interroga potius epidermam.*

403. *Мэй нюй, хао ма*: красавицъ и добрыхъ коней; жизнеописатель не скрываетъ этой слабости Чингисхана, впрочемъ общей въ Монголіи. Между тѣмъ ему же историки приписываютъ такую поговорку: «Красоту и знатныхъ коней всѣ лю-

бятъ; но коль скоро сердце будетъ привязано къ нимъ, то легко погубить имя и потерять достоинства. Юш. цз. 31, 5.

404. *Хулань* была ханьшею второй орды.

405. По имени *Долыгэнъ*. Цдс.

406. *У самыхъ истоковъ Эрдиши-бухдурма*: можетъ быть у истоковъ нынѣшней р. *Бухтармы*; не считалась ли она также верховьемъ Иртыша? Далѣе говорится объ одномъ Иртышѣ.

407. *Вэйу харлу*, или *Уйу-харлу:* поставлено за одно имя; можетъ быть, племя *Харлу* имѣло сродство съ Уйгурами.

408. Значитъ, каракитайскій *Гурханъ* дѣйствительно имѣлъ резиденцію на р. *Чуй*. *Гучулукъ*, по этому разсказу, соединился съ нимъ, а не овладѣлъ его престоломъ.

409. Объ этихъ владѣніяхъ еще будетъ упомянуто.

410. *Лао инъ:* старый, или главный лагерь, становище; послѣ говорится, что онъ возвращался въ становище на берегу р. *Толы*, можетъ быть тамъ, гдѣ кочевалъ *Ванъ хань*.

411. Въ отсутствіи Чингисхана.

412. *Цзя женъ*: домашними людьми.

413. Въ годъ 1205.

414. *Фаянь юй*: съ рѣчами; презорливо.

415. *Танъ лу:* у Вгд. *шанъ танъ лу;* можетъ быть, нынѣшнія горы *Танъ ну.*

416. *Юанъ янъ:* особый родъ дикихъ барановъ, со вьющимися рогами; вѣсомъ бываютъ до семи пудовъ. См. *Хоу чу сайлу.* стр. 15.

417. *Чжамуха* выражаетъ печаль о томъ, что онъ, бывшій главою рода, доведенъ до крайности.

418. Почему они воспользовались этимъ случаемъ, неизвѣстно. Вгд. разсказываетъ иначе: «Однажды пять человѣкъ сварили его (т. е. *Чжамухи*) большерогаго барана; *Чжамуха* заспорилъ; тогда они, связавъ его, выдали Чингисхану». Но текстъ не допускаетъ такого смысла.

419. *Би бу цо ляо*: непремѣнно не ошибешься.

420. Не разумѣетъ ли *Чжамуха* вождей Чингисхана?

421. *Шо чанъ хуа:* говоритъ длинныя рѣчи.

422. *Бу чу сюѣ*: не выпуская крови, въ которой заключается душа.

423. Т. е. тогда душа сохранитъ свою цѣлость и будетъ геніемъ хранителемъ твоихъ потомковъ.

424. *Кэ сіо ди жень:* человѣкъ, который способенъ научиться.

425. *Чжань бу, бу жу: чжань бу,* гадать, прилагается къ гаданіямъ посредствомъ накалыванія спины черепахи (въ

древности) у китайцевъ, и жженіемъ, или нажженіемъ кости у Монголовъ. *Бу жу*: не выходитъ; гаданіе не удается, не позволяетъ задуманнаго предпріятія.

423. Чингисханъ, наконецъ, нашелъ предлогъ. Вѣрно эти понятія справедливости были священны у Монголовъ.

427. *Ты*: посланный, который ходилъ къ Чжамухѣ.

423. *Тэди моу фань:* возсталъ, возмутился; говорится только о возмутившихся подданныхъ.

429. Вгд. прибавляетъ: «и взялъ себѣ родъ *Чжадалань* (*Чжамухи*); *Алтань* и *Хучаръ* тоже убиты».

430. Въ годъ 1206.

431. *Цзю цзяо бо маоду*: девятиножное бѣлое висящее знамя; *Цзяо*, нога, какъ числительное существительное, можетъ быть прилагаемо только къ древкамъ; но въ *Бэй мынъ хой бянь* есть примѣръ употребленія этого слова въ смыслѣ колѣнца на знамени, по Китайскому обычаю; *Мао:* кисть висящая на знамени, или хвостъ лошади и яка. Вгд. также переламаетъ: *цзю цзы*, о девяти колѣнцахъ, равносильно *цзю лю*, о девяти кистяхъ, или хвостахъ, висящихъ, одинъ за другимъ, сверху внизъ. Юн. разсказываетъ, что Чингисханъ пожаловалъ *Мухуали* императорское большое знамя о девяти *лю*, и приказалъ вождямъ повиноваться *Мухуали*, какъ самому Императору, когда онъ подниметъ пожалованное знамя (цз. 119, 4). Бѣлый цвѣтъ, какъ извѣстно, уважаемъ былъ Монголами.

Девятичное число было знàкомъ высшаго достоинства. Это знамя напоминаетъ *я*, которое становилось въ ордахъ хановъ *Хюнну* и *Тукюе*.

432. *Цзо Хуàнъ ди:* собственно, сдѣлалъ себя царемъ. Не видно, чтобы при этомъ происходили особенныя церемоніи. Въ первый разъ, Чингисханъ провозглашенъ былъ родовымъ главою; теперь самъ показалъ себя главою всей степной Монархіи.

433. *Го ванъ:* названіе Китайское; какъ должно быть въ Монгольскомъ текстѣ, неизвѣстно. *Го ванъ* есть владѣтельный князь; вѣроятно, имѣлось въ виду вассальное владѣніе Китаемъ.

434. *Чжэнъ чжи*: управилъ, привелъ въ порядокъ; въ текстѣ эта фраза не отдѣляется отъ предыдущей, такъ, что она имѣетъ отношеніе къ *Чжэбъ;* думаю, что это ошибка.

435. Статья о награжденіяхъ, или повышеніяхъ воинскихъ, сокращена противъ Монголо-китайскаго текста, въ которомъ прописаны всѣ имена награжденныхъ. Вгд. сдѣлалъ выписку этихъ именъ, но, кажется, также не полную. Изъ этой выписки оказывается, что подъ именемъ тысячниковъ разумѣются также двухтысячники, трехтысячники и пятитысячники. Не приводя здѣсь всей выписки, упомяну только о свойственникахъ, или сватахъ Чингисхана. Пожалованъ двухтысячникомъ рода *Икильсы, Буту гулыгянь*; трехтысячниками (кромѣ другихъ, не зятьевъ), рода *Унгира*: *Бухэгулъ гянь, Хулинь аши гуль-*

гянь, *Хэдай гулыянь*, *Чигу гулыянь* и *Ачи гулыянь*; пятитысячникомъ, рода *Ванъ гу*, *Алахушидигитхури гулыянь*. *Гулыянь* должно означать, или зятя (*фума*), или свата (*гоцзю*, правильнѣе *гою*, такъ назывались *Унгира*); это слово довольно близко къ слову *Гурханъ*. Вангутскій владѣтель рано названъ зятемъ; онъ породнился съ Чингисханомъ, по Ючши., позже.

436. *Цзю цы фанъ цзуй*: не взыскивать, не наказывать за девятикратное преступленіе. У Вгд. *мянь цзю сы*: избавить отъ девяти смертей, т. е. девять разъ отъ смертной казни. По Юш. разумѣется также прощеніе потомкамъ девяти смертныхъ наказаній (цз. 138, 15).

437. *Цзо эрръ му*: ушами и очами; по смыслу Китайской фразы, это названіе прилагается совѣтникамъ государя, въ особенности государственнымъ цензорамъ и прокурорамъ.

438. Вѣроятно, въ смыслѣ: какъ ты присудишь.

439. *Дао, цзэ, чжа, вэй:* принятая въ судебномъ кодексѣ фраза: воровство и грабительство, обманы и подлоги.

440. Всѣ эти обязанности, въ-послѣдствіи лежали на Великомъ Судьѣ, *Ѣкэ чжархучи*.

441. *Цинъ цэ*: темныя дщицы; вообще записи, какъ на прим. *ху коу цинъ цэ*, записи о жителяхъ; иногда жалованныя государемъ грамоты. Впрочемъ, у Монголовъ дѣйствительно ведутся и нынѣ деревянныя таблицы, или записныя книжки;

онѣ состоятъ изъ дощечекъ, пропитанныхъ коровьимъ масломъ и натертыхъ золою аргала; сшиты, или скрѣплены ремнемъ; на дощечкахъ пишутъ тростинкой, или желѣзнымъ грифелемъ; буквы выходятъ черныя и долго сохраняются; эти книжки называются *самбаръ*. Можетъ быть на подобныя книжки указываетъ выраженіе однихъ старинныхъ стиховъ: «Монголы разсѣкая дщицы, писали (на нихъ) исторію».

442. *Ту чэнъ*: земляной валъ, или валы; что̀ былъ за народъ, жившій въ окопахъ и вѣроятно осѣдло, и гдѣ, неизвѣстно. Всѣ родные братья Чингисхана получили удѣлы на востокѣ Монголіи; пріемные братья его не имѣли удѣловъ; *Шихутуху* отказался отъ удѣла; онъ могъ жительствовать, или гдѣ либо на С. В., можетъ быть въ Нерчинскомъ краю, гдѣ, какъ разсказываютъ, и нынѣ существуютъ земляные валы; или въ странѣ *Мэркитовъ*, объ осѣдлости которыхъ есть указаніе въ другихъ сказаніяхъ (ср. Цчл.).

443. Вѣроятно, поговорка.

444. *Цзай цзю шанъ цзо:* на углу, на краю; можетъ быть въ началѣ одного изъ рядовъ сидящихъ въ обществѣ; съ него начинался особый рядъ.

445. *Ю и ци:* духъ справедливости; разумѣется вѣрность и преданность законному господину, или государю.

446. Въ Юш. это разсказывается о двухъ лицахъ: *Бёорчу* и *Мухали*. «Чингисханъ однажды проигралъ сраженіе; слу-

чился большой снѣгъ; потеряли дорогу къ ставкѣ и ночевали на травянистомъ болотѣ; *Мухали* и *Боржжу*, растянувъ войлокъ, стояли въ снѣгу и прикрывали Чингисхана; до самаго разсвѣта, они оставались неподвижно на одномъ мѣстѣ (цз. 119, 1).

447. *Цзо вань ху гуань чжо*: «въ качествѣ темника, управляй». Несомнѣнно, что темникъ управлялъ, а не владѣлъ.

448. Это одно изъ трудныхъ мѣстъ текста Ючмш.; Вгд. упростилъ переводъ такъ: «Небо объявило тебѣ слова; нынѣ, воспоминая слова, сказанныя отцемъ твоимъ *Гууньхуа*», и проч.; но это изложеніе не точно. Общій смыслъ долженъ быть тотъ, что Небо объявило *Мухали* о возвышеніи Чингисхана, что теперь и сбылось; въ то время, отецъ *Мухали*, вѣроятно, говорилъ своему сыну, что и онъ долженъ сдѣлаться княземъ; или припоминаются слова *Гууньхуа*, когда онъ представлялъ своего сына Чингисхану. Юш. разсказываетъ, что отецъ *Мухали* оказалъ важныя услуги Чингисхану, и что Чингисханъ, въ 1217 (?) году, въ 8-й лунѣ, пожаловалъ *Мухали* санъ *Тайши гована* и сдѣлалъ его намѣстникомъ своимъ для покоренія Китая; далъ ему клятвенную грамоту и золотую печать, сказавъ: пусть потомки его непрерывно наслѣдуютъ это званіе *гованъ* (цз. 119).

449. *Линь му нэй бо синъ*: народъ въ лѣсахъ; это общее наименованіе лѣсныхъ жителей, которые назывались *Урянха*.

450. *Чжень шоу*: принятое въ исторіи выраженіе: хранить внѣшнюю страну, или владѣніе.

451. *Тянь мынъ юй мынъ ху: тянь мынъ*—небесныя ворота, лагерный входъ къ ставкѣ Хана; *мынъ ху*—двери, входы въ другіе отряды.

452. Вгд: «*Наймань* и *Мэркн*, покорившись, снова возмутились; ты опять усмирилъ ихъ».

453. Объ этомъ обстоятельствѣ есть сбивчивое указаніе въ Юш. (біографія *Чжучитая*): «*Наймань* и *Мэркитай*, соединивъ войска, напали; другіе роды тайно присоединились къ нимъ. Чингисханъ внезапно напалъ на нихъ и разбилъ. *Чжучитай* полонилъ главу (?) ихъ, *Чжахаганьбу*, и двухъ дочерей его; съ нимъ заключили союзъ и отпустили его. Вскорѣ, *Наймани* (?) опять возстали; *Чжучитай* хитростію заманилъ *Чжахаганьбу* и убилъ его; послѣ чего, владѣніе сіе усмирено».

454. *Ибаха*, дочь *Чжахаганьбу*. По объясненію Сс., Чингисханъ удалилъ ее отъ себя, за возмущеніе отца ея.

455. Т. е., по обычаю монгольскому, каждый государь изъ главной линіи дома Чингисханова долженъ былъ имѣть супругу изъ фамиліи *Ибахи*, или *Кэрэитъ*. Вгд. несправедливо объясняетъ слова Чингисхана такъ: «Смотрѣть на ея потомковъ, какъ на монхъ». Впрочемъ, по вступленіи Монголовъ въ Китай, правило родства съ извѣстными фамиліями не строго соблюдалось.

456. *Четыре витязя:* они извѣстны въ исторіи подъ именемъ четырехъ *Кюй люй.* Потомки ихъ, въ Китаѣ, управляли по очереди дворцовою стражею и назывались *Кьсп;* каждый дежурилъ по три дня; званіе это было такъ важно, что многіе акты и повелѣнія монгольскихъ государей, кромѣ года, мѣсяца и дня, носили также имя чередпаго *Кьсп.* Фамиліи ихъ составляли сильную аристократію въ Пекинѣ.

457. Такимъ образомъ, было десять, или, за исключеніемъ умершаго *Хуилдара,* девять главныхъ вождей у Чингисхана. Срав. Исторію Сибири Миллера, стр. 4, гдѣ перечисляются *девять знатнѣйшихъ служителей Чингисхана.*

458. Вар. Вгд.: *Чанъ ши у.*

459. Подразумѣвается: на пирахъ въ открытомъ полѣ.

460. *Да цзю цзюй*: она, кажется, была подлѣ дверей. Срав. Руйсбрука.

461. *Вышелъ:* не было ли двухъ дверей въ юртѣ? или, быть можетъ, *Харилъ* спдѣлъ за половинкою двери, внутри юрты.

462. *Нюй цзы мэй ханъ шанъ цза*: *шанъ цза*: попагражу. Вѣроятно, въ тоническомъ текстѣ Ючмш. эти награды исчисляются, а здѣсь опущены. Вгд. перифразируетъ: потомъ повелѣлъ женщинамъ, оказавшимъ услуги, получить награды.

463. *Да да ти ли:* можетъ быть, *яса* или *чжаса*: повелѣнія, распоряженія. См. примѣч. 576.

464. *Бьки гуань*: чинъ, или санъ *бьки*. Это почетное званіе было извѣстно задолго до Чингисхана и не у однихъ Монголовъ. *Бэй мынъ хой бянь* доставляетъ нѣсколько свѣдѣній по сему предмету. Авторъ его приводитъ сказаніе записокъ *Шень ли цзи*, что правнукъ родоначальника Чжурчжитскаго племени и одинъ изъ предковъ *Угуды* (*Агуды*), по имени *Суйко*, былъ знаменитымъ преобразователемъ своего народа и потому назвался *Бэкинь* (цз. 18). *Бэкинь* значило у нихъ *гуань жень*, т. е. благородный, дворянинъ (цз. 20). Оно прилагалось ко многимъ лицамъ, которые упоминаются въ разсказѣ *Бэй мынъ хой бянь*, какъ у Монголовъ *бьки*. Въ XII вѣкѣ является, кромѣ *бэкинь*, названіе *бэги.ть*, которое означало *да гуань жень:* великаго благороднаго, и, кажется, усвоено было только членамъ царствующаго дома, тогда какъ *бэкинь* осталось титуломъ простыхъ благородныхъ. Происхожденіе слова *бэкинь* и *бэки*, думаю, надобно искать въ Китаѣ, именно, въ словѣ *бо*, одномъ изъ наслѣдственныхъ почетныхъ титуловъ; нѣкогда, оно было важнѣе чѣмъ нынѣ и означало, вообще, старѣйшину, или главу въ обществахъ; такъ глава сейма, въ удѣльныя времена Китая, носилъ названіе *бо*. Видоизмѣненіе формы сего слова въ другихъ націяхъ зависѣло конечно отъ свойства языка каждой изъ нихъ; можетъ быть и значеніе его, въ приложеніи къ лицамъ, нѣсколько было измѣнено, сообразно народнымъ обычаямъ, но значеніе старѣйшинства оставалось неизмѣннымъ. Въ Юш. пишется неточно, *бьги*; *бьги* по Ючмш. прилагается только къ именамъ царевенъ.

465. Старшій въ родѣ имѣлъ право на званіе *бьки*; не въ этомъ ли смыслѣ образовалось слово *Бьк-аулъ?*

466. *На бѣлой лошади*: бѣлый цвѣтъ, вообще, былъ уважаемъ Монголами, какъ и другими сѣверными племенами. Бѣлая лошадь приносима была въ жертву Небу. Молоко отъ бѣлой кобылицы имѣли право употреблять только члены ханскаго дома.

467. *Бѣлое платье:* въ-послѣдствіи, придворные шаманы, во время дѣйствій своихъ, также носили бѣлое платье, какъ было и при Киданяхъ. Надобно думать, что парадное, или праздничное платье Монголовъ, жалуемое отъ государей и называвшееся *чжи сунь* (въ переводѣ *и сэ:* одноцвѣтное, и *сучи:* простое, безъ узоровъ), было также бѣлаго цвѣта. Оно было иногда горностаевое. См. въ Юш., въ отдѣленіи народныхъ обычаевъ; въ *Юаншы сюань*, въ примѣчаніяхъ. Постановленіе *Огэдая* объ этомъ платьѣ для женщинъ, неправильно переведено въ «Исторіи четырехъ хановъ».

468. *Хао нянь юе*: вообще доброе, и счастливое время, вѣроятно для предпріятій и начинаній.

469. *И лунь ляо:* т. е. по твоемъ разсужденіи; какъ ты присудишь и порѣшишь, относительно начинаній.

470. Т. е. твое рѣшеніе. Такъ я понимаю всю эту, довольно неопредѣленную фразу. Можно, съ натяжкой, перевести ее и такъ: «выбери счастливое время, и, по (общемъ) совѣщаніи я заставлю чтить и уважать тебя».

471. *Чжунъ цзюнь вань ху:* вѣроятно управленіе среднею ратью было не такъ важно, какъ другими; иначе награда слишкомъ превышала бы заслуги *Ная.*

472. Но обоихъ, въ это время, не было при Чингисханѣ; можетъ быть, они произведены въ тысячники предъ отправленіемъ ихъ въ походъ, или надобно предположить, что разсказываемое здѣсь было далеко послѣ 1206 года.

473. *Ди:* младшаго брата, или вообще родича.

474. *Юань динъ ли:* собственно постановленія начинающіяся, а не прежнія, давнія, какъ можетъ также означать слово *юань.* Это фраза употребляется въ актахъ.

475. Фраза неопредѣленная; разумѣніе ея зависитъ отъ значенія, которое надобно давать исключающему выраженію *чу... вай*; оно значитъ, и *кромѣ* или *сверхъ*, и *не принимая въ счетъ.* Въ первомъ случаѣ, будетъ значить: снабжать не только собственнымъ имуществомъ и имуществомъ пріобрѣтеннымъ, но (въ случаѣ недостатка?) также по установляемому правилу (неизвѣстнаго значенія). Въ другомъ случаѣ, значитъ: снабжать, не принимая въ счетъ того и другаго имущества; какимъ же имуществомъ, неизвѣстно.

476. *Чжи и цянь ли*: только по прежнему постановленію; новая двусмысленность; слово *прежній* означаетъ и предшествующее по тексту, т. е. постановленное для тысячниковъ, и прежнее, или старинное; впрочемъ, въ семъ-послѣднемъ слу-

чаѣ, должно бы быть употреблено слово *цзю*, старый. Соображая сущность дѣла, темно изложеннаго въ Китайскомъ переводѣ, можно думать, что постановленія эти касаются тысячниковъ, сотниковъ и десятниковъ, поставлявшихъ людей на службу, въ томъ, что освобождаютъ ихъ отъ снаряженія рекрутовъ, которое должно лежать на подчиненныхъ имъ.

477. *400*: число, составившееся послѣ покоренія *Кэрѣитовъ*.

478. Говорится о прежнемъ распредѣленіи.

479. *Цинь женъ*: ближній; собственно родственникъ по женской линіи; сватъ.

480. Т. е. 1000 храбрыхъ Архайхасара.

481. *Су вэй*: ночная стража. Должно бы сказать: *ху вэй*, вообще, охранная стража; гвардія.

482. 1000 стрѣлковъ и 1000 ночной стражи; можетъ быть и ночная стража состояла изъ стрѣлковъ.

483. *Да чжунъ цзюнь*: ханскій корпусъ; въ сраженіяхъ, онъ рѣшалъ битву.

484. *Внѣшнихъ*: не гвардейскихъ; принадлежавшихъ темникамъ и вѣроятно удѣльнымъ князьямъ.

485. Относится къ старой стражѣ.

486. *Фу шень*: духи, дарующіе счастье.

487. *Внутренніе*: принадлежащіе дому Чингисхана.

488. Т. е. когда самъ Чингисханъ не идетъ на войну.

489. *Воевать на родъ Харлуутъ*: за что, не говорится. Объ этомъ владѣніи, какъ и о другихъ, отдаленныхъ отъ Монголіи, мало свѣдѣній въ Китайскихъ источникахъ.

490. По выпискѣ Сс. изъ памятника одному магометанину въ Китаѣ, *Арслань* представлялся Чингисхану на р. *Лунъ гюй* (Кэрулунъ) въ 1211 году. По Юш., когда Чингисханъ взялъ сѣверозападныя страны, *Арслань*, со всѣми своими подданными, покорился; онъ пожалованъ былъ владѣтельнымъ княземъ (*цзюнь ванъ*) и ему поручено было управленіе его родомъ (см. *Шунь цзунъ цзи*). Въ цз. 133, 3, упоминается о *Хятармили*, рода *Халалу*, который, съ 3000 *Халалу*, находившихся во владѣніи *Осыянь* (*Узкендъ*), поддался Чингисхану и представилъ ему множество коровъ и овецъ. Это было, очевидно, во время похода Чингисхана въ Туркестанъ. О сродствѣ Чингисханова дома съ домомъ *Арсылань* упоминается въ Юш., въ *Гунъ чжу бяо*, или таблицѣ Монгольскихъ царевенъ. На рукописной картѣ 1331 года, *Харлуутъ*, подъ именемъ *Кэрлунъ*, показаны въ границахъ Джагатайскаго владѣнія, на сѣверовостокъ отъ города *Алмалэкъ*, стоявшаго на рѣкѣ *Или*.

491. Темное и сбивчивое сказаніе объ этомъ преслѣдованіи приводится въ Юш., въ двухъ біографіяхъ *Субъэтая*: «Сильные *Мълиги* (*Меркиты*) не покорялись; Чингисханъ, въ 1216 (?) году, находясь въ Черномъ Лѣсѣ р. *Туула*, послалъ на нихъ *Субутая*; напередъ отправился *Аличу*, со ста чело-

вѣками, притворясь бѣгущимъ. Въ 1219 (?) году, армія (Монгольская) пришла къ рѣкѣ *Чжань* (Чуй?) и разбила *Мьлиш*; два вождя ихъ полонены: глава ихъ, *Ходу*, бѣжалъ въ *Киньча* (Кипчакъ). *Субутай* преслѣдовалъ и разбилъ *Киньча* въ *Юйгу.*» Цз. 121, 1—4. Такъ говоритъ первая біографія; другая, какъ варіантъ, гласитъ: «Въ 1216 году *Сюньбутай* (все тотъ же *Субъэтай*), разбилъ *Мьлиги* у рѣки *Чжань* и преслѣдовалъ главу ихъ *Юйгу* (?). Цз. 122, 10—11.

492 Юш. относитъ это событіе ко времени похода Чингисхана на западъ: «*Хэсымайли* (*Измаилъ*), человѣкъ западныхъ странъ, изъ *Гуцзэ ордо*, былъ приближеннымъ *Корханя* (*Гурханя*) *Силяо* (западныхъ Ляо, Харакитайцевъ) и управлялъ зависимыми отъ *Гуцзэ ордо* городами *Кэсань* и *Басыха*. Когда Чингисханъ воевалъ на западѣ, *Хэсымайли*, со старѣйшинами тѣхъ городовъ, вышелъ и поддался. *Чжэбо* донесъ о томъ Чингисхану, который велѣлъ быть *Хэсымайли* у *Чжэбо* въ авангардѣ. *Хэсымайли* воевалъ на *Найманей* и убилъ главу ихъ *Кюйчулюй*. *Чжэбо* послалъ его съ головой *Кюйчулюй* обойти владѣніе Найманей; тогда *Кэшихаръ*, *Яркянь* и *Одуань* (Хотань), одинъ за другимъ сдались.» Цз. 120, 10. Показанія Юш., вообще, трудно соглашать съ разсказомъ Ючмш.

493. Неопредѣленныя указанія о сношеніяхъ Уйгуровъ съ Чингисханомъ находятся въ Юш., цзз. 122, 124, 125, 130, 133 и 134.

494. Въ годъ 1207.

495. Сс. полагаетъ, что дѣло идетъ о народахъ, обитавшихъ по Иртышу, о которыхъ было уже упомянуто. Впрочемъ, названіе лѣсныхъ народовъ есть общее.

496. *Вань Оира*: десятитысячные *Оира*; чѣмъ они отличались отъ другихъ *Оира*, неизвѣстно.

497. Вгд. выписываетъ всѣ: *Оира*, *Булия* (*Бурия*), *Бархунь*, *Урсу*, *Хаханасы*, *Канхасы* и *Туба* (*Тубасы*). У Сан. Сэц. есть *Ойрадъ-бурядъ*. Эти племена должны быть упомянуты у Рашидъ-эддина.

498. *Вань Кэргисы*: десятитысячные Киргизы. Сс., безъ основанія, полагаетъ слово *Вань* лишнимъ въ текстѣ. *Вань* напоминаетъ *Онъ*, или *Онъсомъ*, хана Ногайской породы, коему подвластны были Татаре на Турѣ и Тоболѣ, равно Остяки и Вогуличи, и который имѣлъ городъ при устьѣ Ишима въ Иртышъ. См. сказаніе Ремезова, въ Изс. Спб. Миллера; стр. 30-31. Срав. сказаніе, собранное Годуновымъ (тамъ же, стр. 33), если не относить его къ *Харлуутъ*. Царевичь Киргисъ-Кайсаковъ, по имени *Тайбуга*, сынъ *Мамыкъ-хана*, просилъ и получилъ отъ Чингисхана мѣста, лежащія по Иртышу, Тоболу, Ишиму и Турѣ. Въ *Цзинши да дянь* (въ отдѣл. объ учрежденіи станцій) упоминается, что отъ *Оира* до *Кэргисы* было пять переѣздовъ; по Юш. *Килигисы* обитали по Енисею (цз. 128, 17): «Тутуха, двинувшись изъ *Хэлиня* (Каракорума), весной дошелъ до рѣки *Кянь* (Кемъ); по ней нѣсколько дней

шелъ до *Килписы* и овладѣлъ всѣми пятью родами ихъ.» Показанія неодинаковы.

499. *Чжой* овладѣлъ ими послѣ Киргизовъ; слѣд. эти народы обитали западнѣе, или на сѣверозападъ отъ Киргизовъ.

500. Вгд. перечисляетъ эти народы: *Шибиръ*, *Кэсыдинъ*, *Бачи*, *Тухэсы*, *Тяньлъ*, *Тоэлъсы*, *Тасы* и *Бачжии*. Срав. Цчл. Транскрипція Вгд. не можетъ быть вполнѣ точная. Вгд., по ошибкѣ, или согласно тоническому тексту, называетъ *Шибиръ* южною; это несомнѣнно Сибирь, положеніе которой, по тексту Ючмш., трудно уяснить; можно догадываться, что *Шибиръ* не есть родъ, или племя, а страна; можетъ быть такъ называлась сѣверная окраина Барабинской плоскости, между Обью и Иртышемъ. Въ Юш. (цз. 132, 5) упоминается *Ибиръ шибиръ*, до которой доходили войска Хубилая.

501. По Юш., за сына *Алахушидиштхури*, именемъ *Бояохэ*, который слѣдовалъ за Чингисханомъ въ походъ на западъ; выданная за него дочь Чингисхана, называлась *Алахай бъки*: она была мудрая и оставалась правительницею дѣлъ во время походовъ Чингисхана; всѣ дѣла ей докладывались (цз. 118, 10). Это подтверждаютъ также *Мынъ хунъ*, въ *Мынъ да бэй лань*, и другое указаніе Юш., гдѣ она называется управлявшею государствомъ (цз. 119, 6). Но намѣстникомъ Чингисхана и правителемъ дѣлъ былъ братъ его, *Отчигинъ*. Она, вѣроятно, управляла дѣлами рода своего мужа, во время его отсутствія, и за смертію *Алахушидиштхури*.

502. *Хоритумать:* названіе это было разъ упомянуто; гдѣ находилось это владѣніе, неизвѣстно. Ниже будетъ замѣчено, что и оно также принадлежало къ лѣснымъ народамъ; слѣдовательно было смѣжно съ *Оира*.

503. Надобно сказать: семейству *Бороула*.

504. Удѣлы братьевъ Чингисхана были на востокѣ Монголіи; удѣлъ *Отчигиня*, называвшагося *Тъмугэ*, былъ по Кэрулуну; озера *Буюйръ* и *Кулунъ* также принадлежали ему; см. изслѣдованія *Шень яо*, въ поясненіи путешествія *Чанъ чуня*.

505. Удѣлы *Чжочи* и *Чаадая* были на западѣ. Объ удѣлѣ *Огэдая* ничего неизвѣстно; вѣроятно, онъ какъ наслѣдникъ Чингисхана, не имѣлъ удѣла.

506. Удѣла у *Талуя*, какъ у князя внутренняго, не было.

507. *Шень яо* не находитъ указаній на удѣлъ Хасаровъ; но въ Юш. (цз. 118, 5—6), разсказывается, что Чингисханъ постановилъ *нунту*, т. е. границею владѣній, или кочевьевъ *Аньчиня* и *Хасара*, урочище *Кульръ ундуринь*. *Анчинь* былъ братъ *Борты*, жены Чингисхана; родъ его, *Хунгира*, обиталъ въ нынѣшней области *Жо хэ;* удѣлъ *Хасара*, какъ смѣжный съ кочевьемъ *Хунгира*, былъ, вѣроятно, на С. В. отъ него.

508. Удѣлъ *Алчидая*, иначе *Хачиуня*, былъ, по изысканію *Шень яо*, въ низовьяхъ Онона и на *Хэлунъ цзянь* (Амурѣ).

509. Удѣлъ *Бългутая* былъ, по словамъ Юш., «въ странѣ *Онань* и *Кълу*»; т. е. Онона и Кэрулуна, между этими рѣ-

ками, на Ю. З. отъ удѣла *Алчидая*. Кромѣ этихъ удѣловъ, по завоеваніи Китая Монголами, князьямъ и ихъ потомкамъ удѣлены были области и города въ Китаѣ; эти удѣлы въ Китаѣ назывались, неизвѣстно почему, *тоуся*—поддавшимися.

510. *Вэй фу ляо:* прикомандировалъ; вѣроятно, для управленія улусомъ, или удѣломъ.

511. *Ву:* тотъ, кто имѣетъ сношенія съ духами. Въ древности, въ Китаѣ, такъ назывались дѣвицы-шаманки, чествовавшіе духовъ пляскою (см. *Чжоу ли* и *Чуцы*); въ-послѣдствіи, это имя осталось за шаманами. У Монголовъ были *ву* обоихъ родовъ, мущины и женщины; по Дтбц. первые назывались *бо*, другія *идуань*. У Чжурчжитовъ, еще въ XII вѣкѣ по Р. Х., были шаманки, называвшіяся *шаньмань (шамань)*. См. *Бэй мынь хой бянь*, цз. 3. Нынѣ, у Маньчжуровъ, шаманство называется, по-Китайски, *тяо шень*, уплясываніемъ духовъ. Шаманство, какъ сношеніе съ духами и чествованіе ихъ пляскою, было третьимъ элементомъ древней религіи восточной Азіи.

512. *Тѣбтэнгэри:* слово это, по видимому, значитъ: восходящій, или восходившій на небо. У магометанскихъ писателей *Бютъ тэнгри*.

513. *Шень*: духъ, геній.

514. *И цы цзяо:* разъ царствовать *Тѣмучжину*, разъ *Хасару*.

515. Вгд. перелагаетъ: «Небо скоро повелитъ *Хасару* гос-

подствовать надъ народами, должно заранѣе погубить его, чтобы прекратить его надежды и замыслы». Несовсѣмъ точно.

516. *Гу жоу:* кости и плоть; кровное родство; это Китайское выраженіе.

517. Китайскій идіотизмъ: испугавшись, испугался; устыдившись, устыдился.

518. *Цзао лао ляо:* рано состарѣлась; по Вгд: «съ печали померла».

519. *Цзю дэнъ янь юй: цзю дэнъ,* девять, есть выраженіе многаго и разнообразнаго.

520. Замѣчательное усиленіе человѣка, домъ котораго былъ въ услуженіи у Чингисхана.

521. Вгд: «*Отчигинъ* сталъ на колѣна и такъ выползъ вонъ». Выраженіе *юй хоу мянь:* назади, или назадъ, неопредѣленно.

522. *Луань ма:* взволнованная и безъ порядка конопель; Китайская поговорка.

523. *Сяо ди, дай ди: Бортэ* называетъ такъ своихъ дѣтей, изъ скромности.

524. Въ текстѣ поставлено: *юни,* отъ тебя; т. е. отъ тебя зависитъ.

525. *Обнюхавъ;* одно изъ двухъ: или, чтобы узнать, не затлѣлась ли шапка отъ жаровни, или изъ любви къ сыну; по-

нюхать, у Монголовъ, какъ и у Китайцевъ, тоже, что поцѣловать.

526. *На мьво:* т. е. на востокъ отъ юрты, гдѣ стояли кибитки. Срав. Руйсбрука.

527. *Пйнъ дэнъ:* обыкновенный, дюжинный.

528. *Сай чжо:* заградить, завалить.

529. Т. е. среди юрты, чтобы не дать Чингисхану выйти.

530. Все приписывается волѣ неба. Судьба и законъ воздаяній суть двѣ идеи, которыя часто проявляются въ религіозныхъ вѣрованіяхъ восточной Азіи.

531. *Равенъ мнѣ:* можетъ быть и было такое стремленіе, относительно вліянія въ народѣ.

532. *Цзянъ та, сунъ ляо:* взявъ его, проводилъ; *взявъ его*: Китайскій идіотизмъ: по нашему сказать: взялъ да спровадилъ.

533. Выше не упомянуто объ этомъ обѣщаніи.

534. *Цишн:* сила, напряженіе духа; дерзость.

535. Въ годъ 1211.

536. Юш. говоритъ: «Передавшіеся отъ Гиньцевъ говорили, что государь ихъ убиваетъ своихъ родичей и безчинствуетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Чингисханъ сказалъ: «У меня, такимъ образомъ, есть поводъ двинуть войско» (цз. 119, 2). Но Китайскія сказанія слишкомъ сомнительны. Причиной вой-

ны была месть за убіеніе предковъ Чингисхана, который не прощалъ ни одной обиды. Кромѣ того, ему желательно было поживиться въ богатой странѣ и сдѣлать ее своею данницею. Китайскіе документы объ этой войнѣ (Юш., въ біографіи Чингисхана и въ особомъ біографическомъ отдѣлѣ; *Цзинь ши*, Исторія Гиньцевъ, и Цчл.), не только не согласны съ разсказомъ Ючмш., но разнорѣчатъ и между собою. Ючмш. вообще сообщаетъ мало свѣдѣній о походахъ Чингисхана внѣ Монголіи, хотя имѣетъ свои особенности.

537. *Фучжоу:* нынѣ отъ него остался городской валъ, извѣстный подъ именемъ *Хара балгасуна*, въ Монголіи, близъ Великой Стѣны.

538. *Ѣхулинъ:* пограничный, между Китаемъ и Монголіей, хребетъ, по которому проведена Великая Стѣна.

539. Нынѣ *Сюань хуа фу.*

540. *Передовыми:* авангардомъ.

541. Ущелье, которое ведетъ на Пекинскую равнину.

542. Къ хребту Ѣхулину; *шань цзуй:* горныя губы; распадина.

543. *Нюй чжинъ*: въ монгольскомъ текстѣ *Чжурчжитъ*; т. е. племянныя, или династійныя войска. Кидани составляли цѣлые полки на службѣ у Гиньцевъ, и квартировали по границѣ Китая съ Монголіей (*Бэй мынъ хой бянь*).

544. *Лунъ хутай*: возвышеніе дракона и тигра; оно находится вблизи южнаго устья ущелья.

545. *Бэй пинъ*: такъ переводчики Ючмш. назвали Пекинскую область.

546. *Дунъ чанъ* (городъ въ губерніи *Шаньдунъ*): несомнѣнно ошибка, вмѣсто *Дунъ цзинъ*, т. е. восточная столица Гинъцевъ, бывшая въ Маньчжуріи, въ городѣ *Ляо янъ*.

547. *Шесть ночей*: въ рукописномъ экземплярѣ сказано только: переночевавъ; т. е. проведши не шесть ночей, а одну.

548. *Взять по одной заводной лошади*; Вгд., вмѣсто *взять*, употребилъ слово: *прибавить*.

549. *Тянь ди ци юнь*: по движенію эоира неба земли.

550. *Хашинь:* это *Сися*. См. подробности въ *Сиящуши*, которая описываетъ вторженія (вѣроятно, частныя) Монголовъ въ *Сися*, подъ годами 1205, 1206, 1207, 1208, 1209 и 1210; подъ другими годами также есть общія извѣстія о войнахъ Чингисхана.

551. Надобно думать, что объ этомъ посольствѣ Чингисхана къ Сунамъ сохранилось сказаніе въ *Цзянь янь и лай чао пъ цза цзи*: «Въ 7 годъ правленія *Цзядинъ* (1214), въ 1-ую луну 9-го числа, ночью, въ 3-ю стражу, въ Бочжоускомъ *Чжунъ мисянь*, на сѣверномъ берегу рѣки *Хуай*, въ мѣстечкѣ *Ву вэй пу*, появились три всадника; они переправились черезъ рѣку съ границы Суновъ) и направлялись на югъ. Дозорный спро-

силъ ихъ: зачѣмъ они пріѣхали? Они вынули сумку съ письмомъ и рисованную на шелковой ткани карту, и сказали: «Даданьскій *Ванъ цзы* (князь, владѣтель) *Чингисы* послалъ насъ предложить (Сунамъ) земли и просить (вспомогательнаго) войска». На другой день, дозорный начальникъ, узнавъ о томъ, послалъ нѣсколько человѣкъ, съ такимъ отвѣтомъ, что начальникъ округа теперь при Дворѣ, и что онъ, не получивъ разрѣшенія отъ своего государя, не смѣетъ принять ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ отправить ихъ (обратно). На слѣдующій день, онъ встрѣтилъ ихъ на горѣ *Мяо ганъ*, и тотчасъ переправилъ ихъ черезъ рѣку, на плоту. Съ прекращеніемъ сообщеній (по времени года, или отъ внутреннихъ безпорядковъ), не имѣя возможности возвратиться (на сѣверъ), они скрывались на озерѣ *Болуху*, въ уѣздѣ *Хунъ сянь*; потомъ, на третій день, начальникъ уѣзда послалъ людей изловить ихъ и отправилъ ихъ въ *Сычжоу* (дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ ихъ нѣтъ). Говорятъ, что одинъ изъ нихъ былъ Даданьскій переводчикъ, другой плѣнный Гинецъ, третій сѣверный Китаецъ. Когда *Дада* осаждали Пекинъ и не могли взять его, то послали особый отрядъ въ *Шаньдунъ*; достигши *Цзинань*, они командировали 37 всадниковъ, для сопровожденія трехъ человѣкъ; потомъ, еще послали 300 солдатъ; эти посланцы проѣхали *Вэй-чжоу*, гдѣ, захвативъ суда, переправились черезъ Желтую Рѣку, и потомъ поѣхали на западъ къ *Бочжоу*, гдѣ и получили отказъ. Строго приказано было (Сунскимъ Дворомъ), впредь не принимать посланцевъ; принявшіе ихъ, под-

вергались военному суду. Цз. 20, 4 и слѣд. Авторъ думаетъ, что Монголы желали получить помощь, для взятія Пекина.

552. Въ годъ 1214.

553. Т. е. крѣпость *Тунъ-гуанъ*.

554. Названіе особаго полка.

555. Охранять крѣпость извнѣ.

556. Къ Пекину; не могши взять *Тунъ-гуанъ*.

557. *Шилакээръ:* должно быть, *Шараолъ*, желтая рѣка; это *Хунъ хэ*, протекающая близь Пекина.

558. *Цзэ жанъ*: выговаривать съ крикомъ; бранить.

559. Т. е. для покоренія *Нюй чжинъ*, или Чжурчжитовъ, обитавшихъ въ Маньчжуріи, родичей Гиньцевъ.

560. *Ула* и *Нау*: вѣроятно, Сунгари ула и Нонни ула; по направленію къ Хинганскому хребту.

561. *Таоуръ*: это рѣка, называвшаяся, при Киданяхъ, *Далу*; нынѣ *Таоэръ* или *Талу*, притокъ Нонни улы съ запада. По *И тунъ чжи*, она находится на западъ отъ передняго знамени праваго крыла аймака *Корцинъ*.

562. Владѣтель, по имени *Фухэна*. Вгд.

563. О походѣ Монголовъ въ Маньчжурію есть упоминаніе въ *Дунъ го ши мо* (исторія Кореи), цз. 4, 2, стр. 3 и слѣд.

Монголы были на границѣ Кореи и имѣли сношенія съ Корейскимъ главнокомандующимъ.

564. *Ю хой:* говорится, изъ почтенія, о смерти императора.

565. *Бортэ*, мать ихъ, была въ плѣну у *Меркитовъ*.

566. Лишусь возможности стрѣлять изъ лука.

567. Приставленный къ *Чаадаю*.

568. *Чживанъ ни*: надѣется, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ достойнымъ сыномъ, а не въ томъ, что могъ быть наслѣдникомъ.

569. Т. е. мудрость ея глубока, какъ море.

570. *Дунь хоу*: души великой, характера мягкаго.

571. Т. е. пусть наслѣдуетъ тебѣ.

572. *Цзянь цзэ*: зеркаломъ и заповѣдью.

573. *Чжунъ ъ чжэ*: по нашему сказать: вотъ дѣло, такъ дѣло!

574. Основаніе удѣловъ, безъ старшинства сыновей въ наслѣдованіи и одинъ удѣлъ независимо отъ другаго.

575. Мысль, какъ будто, та, что въ фамиліи Чингисхана удѣлы его дѣтей должны быть въ зависимости отъ главной линіи.

576. Предполагается возможность перемѣны царствующей линіи. «Чингисханъ оставилъ наставленіе, чтобы заблаговременно избирать и утверждать наслѣдника изъ законныхъ сы-

новей того, который достоинъ наслѣдовать и которому можно ввѣрить управленіе.» Это слова грамоты *Хубилая*, на утвержденіе сына его наслѣдникомъ престола (Юш. цз. 115, 5). Кстати о наставленіяхъ Чингисхана, вообще. Несомнѣнно, что они собраны, а можетъ быть и составлены, самимъ Чингисханомъ. Такъ въ Юш. разсказывается: «*Инъ цзунъ*, по восшествіи на престолъ (1321), когда всѣ князья собрались въ залу *Дамингъ дянь*, повелѣлъ *Байчжу* прочесть во всеуслышаніе драгоцѣнныя наставленія *Тайцзу* (Чингисхана), хранившіяся въ золотомъ ящикѣ (*Тайцзу цзинь гуй бао сюнь*).» Цз. 136, 12. *Золотой ящикъ въ желѣзной комнатѣ*: это напменованіе дворцоваго архива. Въ примѣчаніи къ однимъ изъ стиховъ *Гунъ цы* (въ *Юань ши сюань*), говорится, что при дворѣ Монгольскихъ государей, въ Пекинѣ, при всякомъ шествіѣ, предварительно читаемы были, завѣдывавшими дворцовымъ архивомъ, великіе *чжаса* прежнихъ государей, въ видѣ наставленій. *Чжаса* тоже, что *яса*, повелѣнія; вѣроятно, *Сили* (обряды, или церемоніи *Са*) Чингисхана, упоминаемыя въ *Юань чао дянь чжанъ*, суть *чжаса* его.

577. *Правой рукой*: по географическому положенію, *Сися* нельзя было назвать правымъ при походѣ на западъ; можетъ быть, разумѣется о расположеніи арміи.

578. Въ годъ 1219.

579. Свѣдѣнія, сообщаемыя Ючмш. о войнѣ Чингисхана на Западѣ, кратки и недостаточны; ихъ трудно пополнить вы-

писками изъ біографій, которыя разнорѣчатъ и наполнены ошибками. Впрочемъ Магометанскіе историки съ избыткомъ вознаграждаютъ скудость этихъ свѣдѣній, а Ючмш. имѣетъ свою особенность въ разсказѣ о Монгольскомъ героѣ.

580. *Мъликъ ванъ чэнъ*: у Вгд. городъ *Мърванъ*.

581. *Рѣка Шинь*: *Синдъ*, или *Индъ*.

582. *Цзы му:* вѣроятно, *Сыръ-дарья*.

583. Возвращаясь въ обратный путь, въ Монголію.

584. *Амуй*: *Аму-дарья*.

585. *Урунгэчи*: *Ургэнчжъ*, въ Хоразмѣ. Китайскіе писатели, не имѣя понятія о географіи Запада, вздумали искать *Урунгэчи* въ незначительномъ мѣстечкѣ *Юрунхашъ*, не вдалекѣ отъ Хотана, на востокъ.

586. *Илу*: можетъ быть Гератъ, который, какъ извѣстно, осаждаемъ былъ *Толуемъ*.

587. *Удуларъ*: Отраръ.

588. *Мухали*: сказано заурядъ; онъ дѣйствовалъ, по Юш., въ то время, въ Китаѣ.

589. *Си фань гоу*: Тибетскія собаки; извѣстныя своею лютостію; выраженіе на Китайскомъ языкѣ обратилось въ поговорку.

590. *Халибо*: Халифъ; въ Монгольскомъ языкѣ нѣтъ звука *ф*; онъ замѣняется звукомъ *б*.

591. *Бахтатъ*: очевидно, Багдадъ.

592. *Хиндусы*: Индія.

593. *Алу*: Иранъ?

594. Вгд. перечисляетъ всѣ: *Канъ линь* (Канклы), *Кипча* (Кипчакъ), *Убачжиш, Олусу* (Россія), *Мачжала* (Мачжаръ), *Асу* (Язы), *Сасу, Сыркэсу, Кэшимиръ, Нуларъ* (Булгаръ) и *Лала*. Ниже, въ другомъ исчисленіи, вмѣсто *Лала*, поставлено *Кэлъ*. На картѣ 1331 года помѣчены, на сѣверозападѣ, слѣдующія владѣнія: *Булгаръ* (Булгаръ), *Саркэсы* (Черкесы), *Аланьасы* (Аланы Азы), *Киньча* (Кипчакъ), *Алосы* (Россія) и *Сагила*, самое западное. *Кэшимиръ* въ Ючмш. не Индѣйскій Кашмиръ; это должно быть другое владѣніе на сѣверозападѣ. О многихъ изъ этихъ странъ упоминается въ Юш. (въ біографіяхъ *Субутая, Хэсымайли, Ашабухуа* и другихъ), но весьма неопредѣленно; свѣдѣнія, доставляемыя ею, не заслуживаютъ вѣры, пока не очищены критикою. *Алосы* и *Асу* (Россія и Аланы) чаще другихъ упоминаются въ исторіи; о нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ: «Новые слѣды христіанства въ Китаѣ». Кипчакъ также не неизвѣстенъ, по Юш.; Кипчаки, по этой исторіи, первоначально обитали въ *Чжэляньчуанъ* (?), въ горѣ *Тахань*. Съ переселеніемъ *Кюйчу* (авторъ разумѣетъ, кажется Кучлука; анахронизмъ, обыкновенный въ Юш.) на С. З., къ горѣ *Юйли боли*, по ней фамилія *Кюйчу* и получила названіе, и владѣніе наименовано *Киньча* (Кипчакъ). Эта страна въ 30,000 слишкомъ ли отъ Срединной Имперіи; лѣтомъ,

тамъ ночи бываютъ чрезвычайно коротки; солнце едва успѣетъ зайти, какъ уже снова восходитъ. *Кюйчу* родилъ *Сомона*, сей *Инасы*; оба наслѣдственно были государями *Киньча*. *Инасы* принялъ къ себѣ врага Чингисханова, Мѣркитскаго *Ходу*; на требованіе Чингисхана *Инасы* отвѣчалъ тѣми же самыми словами, какими дѣти *Сорханьширы* заступились за *Тъмучжина*, когда онъ прибѣжалъ къ нимъ съ колодкой на шеѣ. Чингисханъ велѣлъ воевать на него; *Инасы* уже состарѣлся; въ государствѣ были волненія; сынъ *Инасы*, *Хулусуманъ*, послалъ людей къ Чингисхану, съ подданствомъ. *Ману* получилъ повелѣніе вступить въ ихъ предѣлы. Сынъ *Хулусумана*, *Баньдуча*, со всѣмъ родомъ, поддался ему; съ нимъ воевалъ *Мокисы* (Мокша?). *Киньча* доставляли ко Двору (въ Пекинъ) кобылье молоко темнаго цвѣта, но превкусное; оттого ихъ названіе *Халачи* (хара — черный). Цз. 128, 14. Но если привести другія сказанія изъ той же Юш., то откроются несогласимые варіанты. *Канъ ли* (Канклы) не точно называются въ Юш. *Дада Канъ ли*. Они считаются потомками *Гаочэ* династіи Хань (цз. 130, 1). Когда Чингисханъ сокрушилъ *Канъ ли*, вдова владѣтеля, происходившая изъ рода *Шаньюй гумали*, долго не могла, за разстройствомъ своихъ дѣлъ, покинуть *Канъ ли*, погруженное въ неустройства; наконецъ, на помощь къ ней чудесно являются верблюды съ дорогими вьюками; взявъ съ собой двухъ сыновей своихъ, *Кюйлюй* и *Ля*, она едва добралась до столицы (?) къ *Огэдаю*; черезъ два года, когда *Канъ ли* успокоилось, она вернулась домой, оставивъ у

Огэдая обоихъ сыновей. Черезъ 13 лѣтъ, она снова отправилась въ Китай, гдѣ отыскала и узнала дѣтей своихъ (цз. 136). Похожденія ея составили основу одного драматическаго сочиненія. Другихъ упоминаній о западныхъ племенахъ не привожу.

595. *Идиль*: Волга.

596. *Чжаяхъ*, или *Яяхъ* (*Чж* и *Я* равносильны): Яикъ.

597. *Кивамянь*: можетъ быть, *Куява*, *Куя*, магометанскихъ писателей: Кіевъ.

598. *Кэрмянь*: неизвѣстное мѣсто (Коломна?), или городъ въ Россіи.

599. Въ годъ 1225.

600. По показанію *Сися шуши*, въ отсутствіе Чингисхана, въ Монголіи былъ заговоръ противъ него отъ Чернотелѣжныхъ *Дада*, которые предлагали и *Сися* принять въ томъ участіе. Заговоръ, по-видимому, не удался. Эти *Дада*, вѣроятно, *Мыркиты*, называемые въ одномъ мѣстѣ Юш., *Коко*, синіе, или темные. Юш. разсказываетъ также, что во время войны Чингисхана на западѣ, государь *Сися* тайно замышлялъ противъ него и искалъ помощи внѣ, т. е. въ Монголіи. Вслѣдствіе чего, тайно повелѣно *Болу*, сыну *Мухуали*, воевать на него. Цз. 119, 8. Юш. и *Сися шуши* дѣлаютъ частые хронологическіе промахи; легко можетъ быть, что эти факты случились въ разное время, и при другихъ обстоятельствахъ. Та-

ково же сказаніе *Сися шуши*, будто въ то время, когда Чингисханъ грозилъ вторженіемъ Туркестану, Харакитайцы просили у *Сися* пропуска своей арміи, которую они хотѣли двинуть на Гиньцевъ, для овладѣнія Китаемъ.

601. Въ годъ 1226.

602. Объ этой экспедиціи разсказывается въ *Сися шуши*.

603. По дальнѣйшему тексту видно, что это мѣсто было близъ *Сися*.

604. Т. е. онъ не уйдетъ отъ насъ.

605. Горный хребетъ, по западную сторону Желтой Рѣки, вблизи котораго была столица *Сися*.

606. *Си лянъ*: далѣе на западъ; вдали отъ столицы.

607. Лѣто 1227 года.

608. Эти снѣжныя горы должны быть въ Алтаѣ.

609. *Инъ чжунъ*: родъ причинный; родичи, какъ нынѣ *цзунъ женъ*, родственники императорскаго дома, которыхъ числомъ будетъ не менѣе 30,000 душъ.

610. *Урахай:* на сѣверной границѣ *Сися*; называется также, въ Юш., *Эгрихая* (сравн. Марко-Поло) и другими именами.

611. *Линъ чжоу*: нынѣ, на восточной сторонѣ Желтой Рѣки; но въ то время, по послѣднимъ изысканіямъ, этотъ городъ былъ гораздо западнѣе.

612. Т. е. 81; девять девятинъ, число священное.

613. *Э синь ляо*: въ просторѣчіи, значитъ: стошнило.

614. *Шидурху*: сова; зловѣщая птица.

615. *Фу му цзы сунь*: общая фраза, для означенія всей родни.

616. *Возвратился*: вѣроятно, по-прежнему, въ становище на рѣкѣ *Туула*.

617. Т. е. въ этотъ самый, 1227, годъ, въ который Чингисханъ померъ.

618. По Вгд. *Ёсуй* управляла Тангутскимъ народомъ.

619. Авторъ ничего не говоритъ о подробностяхъ кончины Чингисхана и даже прямо не упоминаетъ о его смерти. Смерть хановъ у Монголовъ считалась какою-то тайною. Погребеніе ихъ также совершалось тайно. «Когда ханъ умиралъ, то для гроба его употребляли два куска душистаго дерева (*сянъ нань му*) и выдолбивъ ихъ, по росту тѣла покойника, полагали его въ этотъ гробъ; покойника одѣвали въ мѣховое платье и мѣховую шапку; сапоги, чулки, поясъ и поясная чашка, при немъ, были дѣлаемы изъ выбѣленной кожи; съ нимъ клали также въ гробъ золотые сосуды: чайникъ, вазу, глубокую тарелку, чарку, мелкую тарелку, ложку и пару столовыхъ палочекъ. Когда все было кончено, гробъ сколачивался четырмя золотыми обручами. Катафалкъ состоялъ изъ бѣлыхъ войлоковъ и темныхъ и зеленыхъ *нашиш* (парча или коверъ);

гробъ накрывался также *нашишемъ*. На третій день по смерти, гробъ отправлялся на сѣверъ, къ мѣсту погребенія; впереди его ѣхала Монгольская шаманка верхомъ на конѣ, одѣтая въ новое платье, и вела за собой лошадь съ золотоубраннымъ сѣдломъ, съ уздой и поводьями изъ *нашиша*; каждый день три раза покойнику приносили въ жертву по барану. По прибытіи на мѣсто погребенія, гробъ глубоко зарывали въ землю; потомъ прогоняли по могильной насыпи нѣсколько тысячь лошадей, или уносили лишнюю землю въ другое мѣсто. Когда всходила трава, все было кончено; могила представляла ровное мѣсто, гдѣ нельзя было ничего распознать. При кладбищѣ оставались трое чиновниковъ, въ пяти *ли* отъ могилы; каждый день совершали они однажды *шао фань*, т. е. сожигали жертвы въ ямѣ; это продолжалось три года.» Такъ разсказываютъ Юш., *Чэ гэнъ лу*, *Цао му цзы*, и другія сочиненія, о погребеніи Монгольскихъ государей, царствовавшихъ въ Китаѣ. Могила Чингисхана и его потомковъ въ Китаѣ находится, по преданію Монголовъ, у горы *Тасъ*, на сѣверъ отъ Долоннора, къ Кэрулуну; сюда, какъ разсказываютъ, они стекаются ежегодно, для поклоненія, 7-ой луны, 7-го числа, въ предполагаемый день смерти Чингисхана. Вѣроятно, объ этомъ мѣстѣ упоминается, между прочимъ, въ походныхъ запискахъ *Юнъ лэ*, государя династіи *Минъ*, въ началѣ XV вѣка, и въ одномъ изъ путевыхъ журналовъ Жербильона. По древнему Монгольскому обычаю, для душъ покойныхъ хановъ устраивали особые шатры (въ Китаѣ, по осѣдлости Монголовъ, устро-

лись для душъ палаты), въ которыхъ по временамъ совершалось служеніе шамановъ и приносимы были жертвы. При подобныхъ шатрахъ и палатахъ была особая стража, по нѣскольку сотъ человѣкъ; служили тѣнямъ, какъ бы живымъ (Юн. цз. 33, 15; 35, 2). Руйсбрюкъ счелъ эти шатры въ ордѣ кладбищами. По Китайскому обычаю, въ столицѣ Китая есть особый храмъ, посвященный знаменитымъ государямъ прежнихъ временъ; въ этомъ храмѣ нынѣ чествуется также и Чингисханъ; въ честь его и *Хубилая* установлено приносить жертву, состоящую изъ одного барана и одной свиньи, на сѣверъ отъ Пекина, за рѣчкой *Цинъ хэ* (*Хой дянь*).

620. Въ 1228-й годъ.

621. Т. е. западные.

622. *Бату:* сынъ *Чжочи*, уже умершаго.

623. *Внутренніе князья*: бывшіе при особѣ государя и не имѣвшіе удѣловъ.

624. *Вэй вань ди*: собственно, недоконченные.

625. *Чэнъ чи бо синъ*: народы живущіе въ городахъ.

626. Вгд.: *Канъ ли*, *Кича*, *Убачжини*, *Олусу*, *Асу*, *Сьсу*, *Мачжаръ*, *Кэшимиръ*, *Сьрису*, *Буларъ* и *Кэлъ*.

627. *Бури:* сынъ *Чаадая*.

628. Какъ старшій сынъ *Огэдая*.

629. Вѣроятно, также, изъ опасенія крамолъ.

630. *Лао инъ:* т. е. главная орда.

631. *Отсель*: т. е. изъ своего удѣла въ Туркестанѣ.

632. Въ годъ 1231.

633. *Онъ*: т. е. Чжэбѣ.

634. Болѣзнь, часто встрѣчающаяся въ Китаѣ; по-просту называется *чоу фынъ*; это обмороки.

635. Духи горъ и рѣкъ, по Китайскому суевѣрію, весьма сильны; они производятъ наводненія, причиняютъ засухи и моровыя язвы (см. *Чунь цю*); навожденіемъ, *суй*, называется овладѣніе душою человѣка какимъ либо духомъ.

636. Какъ жертву, вмѣсто *Огэдая*.

637. Замѣчательны условія жертвы: замѣна другимъ лицемъ, принятіе на себя грѣховъ искупаемаго, и красота.

638. *Синъ ши*: когда отрезвлюсь; мнѣ въ первый разъ встрѣчается такое выраженіе, для означенія смерти.

639. Біографія *Толуя*, въ Юш. (цз. 115, 3) разсказываетъ: «1232 года, онъ съ *Огэдаемъ* вернулся изъ похода, прошелъ Пекинъ, вышелъ изъ сѣвернаго устья (ущелья *Цзюй юнъ гуанъ*) и остановился, на лѣто, въ горѣ *Гуань шанъ*. Въ 5-ой лунѣ, *Огэдай* заболѣлъ; въ 6-ой болѣзнь усилилась. *Толуй* молился Небу и землѣ, желая собой замѣнить брата; онъ выпилъ также наговоренной волхвомъ очистительной воды. Чрезъ нѣсколько дней, *Огэдай* выздоровѣлъ. *Толуй* возвратился съ нимъ

на сѣверъ и, достигши *Алаходисы*, заболѣлъ и умеръ.» Наговариваніе воды и нынѣ въ частомъ употребленіи въ Китаѣ у жрецовъ Даосской секты; оно имѣетъ цѣлію изцѣлять недуги и отгонять зловредныхъ духовъ.

640. *Сяо сы*: простонародное выраженіе въ слогѣ повѣстей; собственно значитъ: малый слуга.

641. Названіе учрежденія, заведеннаго *Огэдаемъ; таньмачи* были Монгольскіе воеводы, командовавшіе полками изъ иноплеменныхъ народовъ, на-примѣръ Киданей, Тюрковъ, и другихъ. Собственно, названіе воеводъ происходило отъ названія иностранныхъ полковъ, которые носили, должно быть, имя *таньма*. По Юш., *таньмачи* встрѣчаются ранѣе *Огэдая*, вѣроятно по анахронизму. Такъ (цз. 123, 2) разсказывается, что у Чингисхана было войско *таньмачи*, которое онъ, двинувшись на Китай, раздѣлилъ на пять отрядовъ. Назначеніе полковъ *таньмачи* было замѣнять, въ войнахъ и сраженіяхъ, войска Монгольскія, и держать въ повиновеніи покоренные народы. У насъ въ Россіи, *таньмачи* назывались *баскаками*.

642. *Линъ бэй*: за пограничный Китайскій хребетъ.

643. Этотъ третій у Вгд. называется *Убачжиги*.

644. Вгд. называетъ эти города: *Эчжи* (,) *Чжая* (и) *Мънъ*; не знаю, какъ распредѣлить эти звуки правильно.

645. По Вгд. городовъ: *Сысу, Палармань, Кэрмань* и *Кива*.

646. *Дарухачинъ*: въ текстѣ поставлено нераздѣльно съ сло-

вомъ *таньмачи*, за одно названіе; думаю, по ошибкѣ. *Дарухачи* было учрежденіе Чингисхана. Китайскіе историки обыкновенно переводятъ это названіе Китайскимъ *чжанъ инъ гуань*: завѣдывающій печатью чиновникъ, или сановникъ. По объясненію автора *Цао му цзы*, Дарухачи означаетъ снурокъ, которымъ замыкаются, или стягиваются, носимые на поясахъ мѣшечки; а въ переносномъ смыслѣ, употребляется какъ символъ власти, которая связываетъ и держитъ; но это объясненіе не заслуживаетъ вѣроятія. *Дарухачи*, въ Китаѣ, дѣйствительно имѣли печать, прикладываніемъ которой они завѣряли всѣ акты и документы тамъ, гдѣ были поставлены. Но они не вступали въ подробности административныхъ занятій, которыя возложены были на особыхъ правителей областей и уѣздовъ, большею частію изъ Китайцевъ, какъ знакомыхъ со страною. Въ 1268 году воспрещено было производить въ *дарухачи* Нюйчжи, Киданей и Китайцевъ; это право осталось за Магометанами, переселившимися съ запада, Уйгурами, Найманями и Тангутами (Юш. цз. 6, 15); но главнымъ образомъ, *дарухачи* были изъ Монголовъ. Кромѣ общаго надзора за ходомъ дѣлъ, по праву хранителя печати, *дарухачи*, въ провинціи, имѣлъ еще другія обязанности или права, упоминаемыя въ Юш. (цз. 7, 16), а именно: 1) перепись жителей; 2) наборъ войска изъ туземцевъ; 3) устройство почтовыхъ сообщеній; 4) собираніе податей, и 5) доставленіе ко Двору дани (говорится о *дарухачи* въ Аннамѣ, какъ внѣшнемъ владѣніи.)

647. *Фу инъ*: покровеніемъ счастья.

648. Т. е. что полезно, или чего не нужно устроить, по случаю пріобрѣтенія сѣверозападныхъ владѣній.

649. Вѣроятно, съ каждаго дыма; или это фраза общая, имѣющая отношеніе къ слѣдующей фразѣ; иначе не видно цѣли сбора.

650. Т. е. заготовить въ прокъ.

651. Говорится о собраніяхъ, или съѣздахъ, повторявшихся ежегодно, пока ханы жили въ Монголіи.

652. *Чуалъ*: думаю, что въ семъ словѣ есть значеніе камня, *чоло*; не разумѣется ли подъ этимъ названіемъ каменистая полоса, которая проходитъ посреди Монголіи, съ востока на западъ.

653. *Чжанъ чи*: слово, введенное въ Китайскій языкъ Монголами; станція; *чжанъ*:ямъ. По водвореніи Монголовъ въ Китаѣ, они приложили стараніе объ устройствѣ сообщеній. Многіе акты, по сему предмету, временъ династіи *Юанъ* доселѣ сохранились въ рукописяхъ.

654. Значитъ, проѣзжать по жилымъ кочевьямъ дозволено было, для сокращенія пути; потому что почтовая дорога имѣла не много линій, т. е. лежала только на пункты, болѣе или менѣе важные, какъ и нынѣ.

655. *Отсюда*: т. е. отъ резиденціи *Чаадая*; можетъ быть, отъ *Алмалэка*.

656. Отъ Золотой Орды.

657. *На внутреннихъ ямахъ*: т. е. во владѣніяхъ Огэдая.

658. Слѣдовательно ханъ Монгольскій не имѣлъ властительныхъ правъ по отношенію къ удѣламъ своихъ родичей.

659. *Да цзюй хой чжо:* когда собрались во множествѣ; во время большаго съѣзда князей и чиновъ.

660. Въ 1240 году. См. стр. 16 предисловія.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КЪ СКАЗАНІЮ О ЧИНГИСХАНѢ.

Дувасохоръ; у него четыре сына составили родъ *Дорбянь*

- Добэнь мѣргань
  - Бѣлгунэтай (р. *Бѣлгунэтъ*).
  - Бугунэтай (р. *Бугунэутъ*).
  - Бухухатаги (р. *Хатагинь*).
  - Бухутусалчжи (р. *Салчжиутъ*).
  - Болуаньчаръ (р. *Борчжигинь*).
  - Чжачжирадай (р. *Чжадара*).
    - Тугуудай
      - Бурибулчжиру
        - Харахадаань
          - Чжамуха (р. *Чжадалань*).
  - Бааридай (р. *Бааринь*)
    - Чидухулбоко (р. *Мѣняньбааринь*).
  - Бааринь шиирату хабичи.
    - Мѣнянь тудунь
      - Хачикюйлукъ
        - Хайду
          - Бошинь хордохшинь
            - Тунбинай сѣчань
              - Хабулъ хахань
                - Окинь бархахъ
                - Хутухту-чжурки
                - Сѣчэбѣки
                - Тайчу (р. *Чжурки*).
                - Мангэту киянь.
                - Нѣкуньтай цзы
                - Хучаръ.
                - Бартань баатуръ
                - Ѣсугай баатуръ
                - Тѣмучжинъ.
                - Хасаръ.
                - Хачиунь.
                - Тѣмугэ.
                - Бѣктѣръ.
                - Бѣлгутай.
                - Даритай очигинь.
                - Хутухтумунгуръ
                - Бурибоко.
                - Хутулахахань
                - Чжочи.
                - Гирмау.
                - Алтань.
                - Хулань
                - Ѣкэчжэрянь.
                - Хадаань
                - Тодоянь отчигинь.
                - Синьсѣчилѣ
                - Бултѣчу баатуръ.
              - Чарахай липху
                - Сянкунь билгэ
                - Аньбахай (р. *Дайчиутъ*); у него три сына.
                - Бѣсутай (р. *Бѣсутъ*).
              - Чаочжинь ортѣгай
                - Оронаръ (р. того же имени).
                - Хуанхотань (р. id.).
                - Алулатъ (р. id.).
                - Сюѣнитъ (р. id.).
                - Хабтурхаху (р. id.).
                - Гэнигэсы (р. id.).
      - Хачинь
        - Наягидай (р. *Наялъ*).
      - Хачиу
        - Барулатай (р. *Баруласъ*).
      - Хачула
        - Ѣкэбарула (р. того же имени).
        - Учугань барула (р. id.).
        - Эрдяньту барула (р. id.).
        - Тодоянь барула (р. id.).
      - Хачиунь
        - Адардай (р. *Адаргинь*).
      - Хараньдай
        - Будааньтъ (р. id.).
      - Начинь баатуръ
        - Уруудай (р. *Уруутъ*).
        - Манхутай (р. *Манхутъ*).
        - Шичжуудай.
        - Дохоладай.
  - Чжаоурѣдай (р. *Чжаурѣитъ*).

Прим. Дувасохоръ и Добэнь мѣргань происходили отъ родоначальника Монгольскаго народа, Батачихана, въ такой линіи:

Батачиханъ.
|
Тамача.
|
Хоричаръ мѣргань.
|
Аучжань болоунь.
|
Салихэчау.
|
Ѣкэ нидунь.
|
Сюнь сочи.
|
Харчу.
|
Борчжигидай мѣргань.
|
Торохолчжинь боянь.
|
Дувасохоръ Добень мѣргань.

СИ Ю ЦЗИ,

или

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ЗАПАДЪ.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ДАОССКАГО МОНАХА ЧАНЪ ЧУНЯ НА ЗАПАДЪ.

Даосскій монахъ *Чанъ чунь*, жившій во времена успленія Монголовъ, пользовался, въ свое время, большою славою въ сѣверномъ Китаѣ и почетомъ при дворахъ Сунскомъ и Гиньскомъ. Онъ принадлежалъ къ сѣверной Даосской школѣ, къ сектѣ *Цзинь лянь*, или Золотаго Ненюфара, послѣдователи которой носили названіе *Цюань чжень*, т. е. вполнѣ истинныхъ, святыхъ и были адептами внутренней, или духовной алхиміи; они искали въ психическомъ мірѣ вожделѣннаго *Дань* (философскаго камня), тайны безсмертія, долголѣтія и другихъ даровъ, нѣсколько вѣковъ безуспѣшно преслѣдуемыхъ матеріальною алхиміею. *Чанъ чунь*, во мнѣніи своихъ современниковъ, достигъ цѣли этой науки, проведя всю жизнь свою въ созерцаніи.

Чингисханъ, послѣ вторженія въ Китай, узналъ объ имени *Чанъ чуня*, вѣроятно отъ передавшихся Китайцевъ и вызвалъ его въ свою орду, чтобы воспользоваться его секретами, по примѣру Китайскихъ государей, увлекавшихся тщетными на-

деждами на чудотворную силу Даосовъ. *Чанъ чунь*, не смотря на преклонныя лѣта свои, долженъ былъ отправиться въ далекое путешествіе; не заставъ Чингисхана въ Монголіи, онъ совершилъ путь въ Туркестанъ, къ границамъ Индіи, гдѣ и представлялся Чингисхану. Одинъ изъ спутниковъ-учениковъ его велъ путевой журналъ, въ которомъ изображена вся жизнь его. Это сочиненіе отпечатано и поступило въ общее собраніе даосскихъ книгъ.

Достовѣрность путешествія *Чанъ чуня* къ Чингисхану подтверждается современными писателями. Сами враги его религіи, Буддисты, ратовавшіе съ Даосами при первыхъ Монгольскихъ ханахъ, не отвергаютъ этого факта, столь лестнаго для Даосизма. Указанія о *Чанъ чунь* и его путешествіи находятся въ біографическомъ отдѣлѣ *Юанъ ши*, въ *Чэгэнъ лу*, или запискахъ одного ученаго китайца позднѣйшихъ временъ династіи *Юанъ* и во многихъ даосскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ, о лицѣ *Чанъ чуня* достаточно свѣдѣній въ предлагаемомъ путешествіи.

Нельзя опустить безъ вниманія нѣкоторыхъ недостатковъ *Си ю цзи*, свойственныхъ запискамъ всѣхъ Китайскихъ монаховъ, путешествовавшихъ за границы Китая; эти недостатки сами собою выказываются и не требуютъ особыхъ замѣчаній. Можно также оподозрить достовѣрность нѣкоторыхъ письменныхъ актовъ, происшедшихъ вслѣдствіе сношеній *Чанъ чуня* съ Чингисханомъ; о чемъ указано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Си ю цзи хранилось въ сводѣ даосскихъ книгъ; издатели

28-томнаго сборника отборныхъ даосскихъ сочиненій, извѣстнаго подъ именемъ *Дао цзанъ цзи яо*, включили его въ свое изданіе. Наконецъ, *Цянь дасинъ* указалъ на него Китайскимъ ученымъ, какъ на любопытный и важный памятникъ старины. *Сюй сунъ* обратилъ на него вниманіе и сдѣлалъ къ нему краткое географическое поясненіе; за нимъ послѣдовали другіе, въ особенности *Шень цзы дунь*, иначе называемый *Шень яо*, домашній учитель и другъ *Сюй суна*, который, на основаніи сего путешествія и записокъ другаго путешественника *Чжанъ дэ хоя*, сдѣлалъ нѣсколько изслѣдованій о географіи древней Монголіи. Со всѣми этими прибавленіями, *Си ю цзи* поступило въ сборникъ *Яна* и отпечатано.

Экземпляръ *Си ю цзи*, изданный *Яномъ*, списанъ съ оригинала, находящагося въ *Дао цзанѣ*, и благодаря переписчикамъ, отличается многими, хотя незначительными варіантами, отъ экземпляра, вошедшаго въ составъ *Дао цзанъ цзи яо*. Неточности открываются въ томъ и другомъ, но такъ, что, по сличеніи обѣихъ редакцій, легко распознать настоящій текстъ. Удивительно, что ученые Китайскіе послѣднихъ временъ, столь усердно отыскивающіе старинныя сочиненія, не обратили вниманія на изданіе *Дао цзанъ цзи яо*; даосская и буддійская литературы въ Китаѣ досель остаются неприкосновенными для конфуціанца; до такой степени не обобщилась еще Китайская ученость.

Переводъ *Си ю цзи* на русскій языкъ потребовалъ частыхъ поясненій; *Чанъ чунь* не только былъ путешественникъ, но,

вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнутъ духомъ своей секты и въ добавокъ поэтъ, какъ большая часть ученыхъ Даосовъ, и вообще образованныхъ Китайцевъ. Все, что я могъ найти въ Китайской литературѣ, для уразумѣнія текста *Сию цзи* и его особенностей, помѣщено въ примѣчаніяхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КИТАЙСКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Чанъ чунъ цзы [1]) былъ человѣкъ съ высокими совершенствами. Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ среднія лѣта, я думалъ, что этотъ старецъ давно уже возлетѣлъ въ высь, пользуется даромъ превращенія [2]), и находится въ обществѣ облаковъ и въ высокомъ пространствѣ [3]); я сожалѣлъ, что не могъ видѣть его. Въ годъ *Цзи мао* [4]), зимой, пронесся слухъ, что учитель, проживавшій на морѣ, получилъ приглашеніе ѣхать [5]); на другой годъ, весною, дѣйствительно онъ прибылъ въ Пекинъ и остановился въ монастырѣ *Юй сюй гуань*. Тогда я лично познакомился съ нимъ. Онъ сидѣлъ какъ трупъ; стоялъ какъ дерево [6]); движеніе его было какъ громъ и ходилъ онъ какъ вѣтеръ; истинно, онъ былъ чудный человѣкъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ много видѣлъ, много слышалъ и не было книги, которой бы онъ не читалъ. Съ того времени, я съ каждымъ днемъ чувствовалъ къ нему болѣе уваженія. Тѣхъ, которые, будучи привлечены его славою, изъявили желаніе чествовать его въ качествѣ учениковъ [7]),

было безчисленное множество; два или три сановника, оставившіе службу, за старостію, любили находиться вмѣстѣ съ нимъ; поэтому, можно заключить, сколько было другихъ. Черезъ нѣсколько времени онъ отправился въ *Лунъ янъ* [8]). Когда парочный посланецъ прибылъ во второй разъ, то учитель отправился въ путь на Западъ. При разставаньи, когда братія спросила его о времени его возвращенія, онъ сказалъ, что возвратится черезъ три года; годъ же былъ въ то время *Синъ сы*, луна *Цзя чжунъ* [9]). Въ годъ *Цзя шенъ* [10]), въ первую луну, учитель возвратился изъ западныхъ странъ, ровно черезъ столько времени, какъ сказалъ. Знавшіе это крайне дивились тому.

Въ этой лунѣ 7-го дня онъ вступилъ въ Пекинъ и поселился въ кумирнѣ *Дачанъ тянь гуанъ*, вслѣдствіе просьбы другихъ.

Нынѣшніе люди, отправляясь въ путь по дѣламъ, выходятъ изъ воротъ дома неохотно, съ видомъ сожалѣнія. Что касается до путешествія учителя, онъ проѣхалъ трудными мѣстами нѣсколько десятковъ тысячь *ли*, былъ въ мѣстахъ, неупоминаемыхъ на нашихъ картахъ и неорошаемыхъ ни дождемъ, ни росою [11]), и хотя его повсюду встрѣчали съ большимъ почетомъ, тѣмъ не менѣе путешествіе его было чрезвычайно трудно и тягостно. Вездѣ, куда онъ прибывалъ, онъ тотчасъ осматривалъ тамошнія мѣста и любилъ наслаждаться видами природы, сочинялъ стихи и весело бесѣдовалъ. На смерть и жизнь смотрѣлъ онъ, какъ на холодъ и тепло; мысль о нихъ

нисколько ни зарождалась въ его сердцѣ. Могъ ли бы онъ быть такимъ, если бы не обладалъ *дао?*

Ученикъ его *Линжичанъ*, сопутствовавшій ему, составилъ записки о мѣстахъ, которыми они проходили. Всѣ горы и рѣки, трудности или удобства пути, особенности климата [12]) и состояніе воздуха, равно какъ одежды, пищи, плодовъ, растеній, деревъ, животныхъ и насѣкомыхъ—все это описано ясно въ запискахъ. Заглавіе имъ дано: *Путешествіе на западъ*, а мнѣ поручено написать къ нимъ предисловіе. Вселенная велика, творенія пространны; если они не будутъ познаны чувствами слуха и зрѣнія, то и великій умъ не можетъ всего вполнѣ знать; тѣмъ менѣе можетъ быть извѣстнымъ то, что находится за предѣлами четырехъ морей; о томъ можно навѣдаться только изъ записокъ. По моему мнѣнію, настоящее изданіе не только будетъ интересовать, новостію предметовъ, людей любопытныхъ, но также изъ него узнаютъ, что для мужей совершенныхъ, отправляться ли въ путь, или оставаться дома [13]), все равно; все по времени.—Написано во 2-й день осени года *Ву цзы* [14]), *Сиційскимъ* [15]) *Цзюй ши* [16]), *Суньси.*

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЗАПАДЪ МОНАХА ЧАНЪ ЧУНЯ; ОПИСАНО УЧЕНИКОМЪ ЕГО ЧЖЕНЬ ЧАНЪ ЦЗЫ [17]) ПО ИМЕНИ ЛИ ЧЖИ ЧАНЪ [18]).

Отецъ и учитель нашъ, святой *Чанъ чунь цзы*, изъ фамиліи *Цю*, по имени *Чу цзи*, по семейному имени *Тунъ ми*, родомъ изъ уѣзда *Сися*, въ округѣ *Дэнъ чжоу* [19]); не достигши еще 20 лѣтъ [20]), онъ поступилъ въ монашество и подвизался подъ руководствомъ Даосскаго монаха, *Чунъ яна* [21]). Потомъ жилъ 13 лѣтъ въ *Лунъ мынъ*, что въ *Пань цзи* [22]). Отъ продолжительнаго и усерднаго самоусовершенія онъ вполнѣ изучилъ *Дао*. Къ концу дней своихъ онъ возвратился въ приморье [23]).

До года *Ву инъ* [24]), когда учитель былъ въ *Дэнъ чжоу*, изъ *Хэнани* [25]), нѣсколько разъ хотѣли отправить нарочнаго просить его туда [26]); но, вслѣдствіе его сомнѣній, дѣло не состоялось. На другой годъ онъ жилъ въ *Лай чжоу* [27]), въ кумирнѣ *Хаотянь гуань*; лѣтомъ 4-й луны прибылъ посланецъ изъ *Хэнани* отъ управляющаго границею, съ приглашеніемъ къ нему; но учитель отказался; посланецъ возвратился назадъ, взявши съ собой написанные учителемъ стихи.

Послѣ того ѣхалъ къ нему посланецъ изъ *Далянъ* [28]), но услышавши, на дорогѣ, что *Шань дунской* страной [29]) овладѣли *Суны* [30]), возвратился. Въ 8-й лунѣ этого года, *Цзянъ наньскіе* [31]), военачальники *Ли цюань* и *Пэнъ бинь* [32]) приходили къ нему съ приглашеніемъ, но учитель не поѣхалъ къ нимъ. Послѣ того, изъ разныхъ мѣстъ часто приглашали его. Когда начальникъ города *Лай чжоу* стѣснялся этимъ, учитель сказалъ ему: «Мое хожденіе и прибываніе отъ неба — чего вы не можете знать; настанетъ время, когда вы станете оставлять меня и я уйду».

Спустя немного времени, Императоръ *Чинъ гисы* [33]) отправилъ своего приближеннаго *Лючжунъ лу* [34]), съ тигроголовой золотой дощечкой [35]), на которой написано было: «Предоставляется полновластно распоряжаться, какъ бы я самъ путешествовалъ» [36]); съ нимъ было 20 человѣкъ Монголовъ; онъ объявилъ повелѣніе (Чингиса), съ усерднымъ приглашеніемъ учителя къ себѣ. Пока учитель раздумывалъ объ этомъ, *Чжунъ лу* говорилъ ему: «Имя твое уважается въ четырехъ моряхъ [37]); Императоръ нарочно отправилъ меня пройти горы и моря и не положилъ срока года и луны, только чтобы дошелъ до тебя». Учитель сказалъ ему: «Со времени войны, и тамъ и здѣсь, всюду границы [38]); ты, путешествуя съ такими опасностями подлинно потрудился». *Чжунъ лу* отвѣчалъ: «Получивъ высочайшее повелѣніе, могъ ли я не употребить всего усердія моего. Я получилъ приказаніе отъ государя нынѣшняго года въ 5-й лунѣ въ *Улидо Найманскаго* государства [39]). Въ 6-й лунѣ я

прибылъ на сѣверъ отъ *Бодэнъ* въ *Вэйнинъ* [40]), гдѣ видѣлся съ Даосомъ, по имени *Чанъ чжень*. Въ 7-й лунѣ дошелъ до *Дэсинъ* [41]). Такъ какъ дорога черезъ *Цзюйюнъ* [42]) была опасна [43]), то изъ столицы [44]) высланъ былъ отрядъ солдатъ на встрѣчу мнѣ. Въ 8-й лунѣ я прибылъ въ столицу. Даосскіе монахи говорили, что нельзя сказать, живъ ли ты, или нѣтъ. Я поѣхалъ чрезъ *Чжунъ шань* и *Чжень динъ* [45]) и услышалъ, что ты находишься въ *Дунъ-лань* [46]); также видѣлся съ *Идуфусскими* [47]) чиновниками *Анъ фусы* [48]), по имени *Вуянъ* и *Цзянъ юань*, отъ которыхъ и получилъ вѣрное о тебѣ извѣстіе. Я хотѣлъ встрѣтить тебя съ 5,000 солдатъ, но тѣ чиновники говорили: «Жители страны, отъ столицы на востокъ, по полученіи извѣстія, что оба государства трактуютъ о мирѣ [49]), нѣсколько успокоились; теперь, если вдругъ явиться съ войскомъ, то всѣ тамошніе жители укрѣпятся въ неприступныхъ мѣстахъ, да и учитель можетъ уѣхать въ море. Если ты хочешь достигнуть своей цѣли, то не дѣлай такъ.»—Я послушался ихъ совѣта и, набравъ 20 человѣкъ охотниковъ верши́никовъ, отправился. Приближаясь къ *Иду*, я послалъ впередъ *Яня* и *Юаня* извѣстить военачальника *Чжанъ линя*. *Чжанъ линь* встрѣтилъ меня за городомъ съ 10,000 латниковъ; я сказалъ ему, смѣясь: «Я проѣзжаю этими мѣстами, чтобы отыскать даосскаго монаха *Чанъ чуня*; къ чему у тебя латники?» *Линь* тотчасъ распустилъ солдатъ и мы рядомъ съ нимъ въѣхали въ городъ. Во всѣхъ проѣзжаемыхъ мною мѣстахъ я всегда говорилъ тоже самое и люди не боялись и не замышляли

(противъ меня). *Линь* также далъ мнѣ почтовыхъ вершниковъ; я прибылъ въ *Вэйчжоу* [50]); взявъ съ собой *Ингуна*, я съ нимъ вмѣстѣ, въ 12-й лунѣ, доѣхалъ до *Дунъ лая*, для объявленія императорскаго повелѣнія. Учитель, зная, что нельзя отказаться, подумавъ, сказалъ *Чжунъ лу*: «Здѣсь трудно доставать продовольствіе; вы отправьтесь въ *Иду* и обождавъ, пока я кончу служеніе, по случаю *Шанъ ю аня* [51]), пришлите за мной 15 вершниковъ, съ конми я и отправлюсь 18-го числа.» Вслѣдствіе того посланецъ отправился, со всей свитой, на западъ въ *Иду*. Учитель заблаговременно избралъ изъ своихъ учениковъ, 19 человѣкъ, и ожидалъ прибытія провожатыхъ. Въ назначенный срокъ вершники прибыли и онъ отправился съ ними въ путь. Слѣдуя по сѣверной сторонѣ рѣки *Вэй*, онъ прибылъ въ *Цинъ шэ*; но посланецъ уже отправился отсюда. Когда спросили о немъ *Чжанъ миня*, онъ разсказалъ, что 7-го числа 1-й луны появились въ *Линь цзы* [52]) 400 человѣкъ всадниковъ, напугавшихъ *Цинскихъ* [53]), жителей; поэтому посланецъ поѣхалъ на встрѣчу тому отряду и остановилъ его; гдѣ же онъ теперь, неизвѣстно. Вскорѣ учитель проѣхалъ *Чанъ шань* и *Цзоу пинъ* [54]) и въ началѣ второй луны прибылъ въ *Цзи янъ* [55]). Тамошніе дворяне и простой народъ встрѣтили его на югѣ отъ города, съ куреніями [56]), а Даосы открывали шествіе съ пѣніемъ; потомъ угостили его обѣдомъ въ скитѣ *Янъ суань*. При этомъ всѣ говорили: «Въ прошедшую луну 18-го числа, пролетѣли здѣсь, съ сѣверо-запада, болѣе десяти журавлей [57]), издавая крики въ облакахъ; всѣ они летѣли на

юго-востокъ [58]). На другой день, между *Чэнь* и *Сы* [59]) пролетѣло еще нѣсколько журавлей съ юго-запада; потомъ явилось ихъ сотни и тысячи; они летѣли то вверхъ, то внизъ; одинъ только покружившись надъ скитомъ [60]), улетѣлъ. Теперь объяснилось, что при появленіи журавлей учитель отправился въ путь.» Всѣ прилагали руки ко лбу [61]). Здѣсь учитель остановился на нѣсколько дней. Въ первой декадѣ 2-й луны прибылъ вершникъ отъ *Чжунъ лу*, съ извѣстіемъ, что онъ квартируетъ, съ отрядомъ, въ *Цзянъ линь* [62]), гдѣ, приготовивъ судно, ожидаетъ его. Поэтому учитель на другой день и отправился. 13-го числа посланецъ встрѣтилъ его съ отрядомъ. Учитель спросилъ его, почему онъ прибылъ такъ поздно? На что тотъ отвѣчалъ, что, вслѣдствіе затрудненій и опасностей по дорогѣ, онъ нарочно ѣздилъ въ Пекинъ, собралъ солдатъ и расположилъ ихъ на востокѣ въ *Синь ань* [63]), на западѣ въ *Чанъ шань* [64]), а самъ съ отрядомъ своимъ отправился на *Шенъ чжоу*, и остановился въ *Вуи* [65]), для прочищенія дороги; на рѣкѣ *Хуто* онъ устроилъ мостъ; въ *Цзянъ линь* пріискалъ судно; отъ этого онъ и промедлилъ. Учитель сказалъ ему, что никто другой, кромѣ его, не могъ бы распорядиться такъ. Въ слѣдующій день переправились чрезъ р. *Хуто* и направились на сѣверъ; 22-го числа прибыли въ *Лу гоу* [66]). Столичные чиновники, дворяне и народъ, монахи буддійскіе и даосскіе встрѣтили его въ предмѣстіи [67]); въ этотъ день онъ вступилъ въ столицу *Лицзэмыньскими* [68]) воротами. Даосы въ торжественной процессіи шли впереди его,

съ пѣніемъ. Губернаторъ *Шимо гунъ* [69]) помѣстилъ учителя въ кумирнѣ *Юй сюй гуань*. Съ того времени, каждый день ворота кумирни полны были толпами людей, желавшихъ имѣть отъ него стихи или принять наименованіе. Военные люди, пріѣзжавшіе къ нему принять его наставленія и наименоваться его учениками, получивъ отъ него наименованія, весьма часто спасались отъ меча; таково было спасительное вліяніе учителя на другихъ. Коммисаръ [70]) *Ванъ цзюй чуань цзи* поднесъ ему стихи; учитель написалъ въ отвѣтъ слѣдующіе:

«Знамена развиваются, кони ржутъ и шумятъ; слѣдуя на
«сѣверъ, къ столицѣ *Янь* [71]), проѣхалъ я каменный мостъ [72]);
«хочу я странствовать за 10 тысячь *ли*, за песчаную степь [73]),
«и вотъ 3-й весенній мѣсяцъ [74]), какъ я далеко отъ приморья
«и горъ [75]); дружная компанія [76]) перейдетъ за границу вмѣстѣ
«съ возвращающимися гусями; шапки ихъ поношены, покрыты
«инеемъ и опушены соболемъ [77]). Съ тѣхъ поръ, какъ *Сю-
«ань юань* [78]) ходилъ на западъ [79]),—доселѣ не было еще по-
«добнаго приглашенія изъ сѣверной столицы» [80]).

Узнавъ, что Чинписъ переходитъ на западъ [81]) и опасаясь, что по преклонности лѣтъ [82]), ему трудно будетъ переносить непогоды [83]), онъ хотѣлъ обождать возвращенія Императора изъ похода и тогда явиться къ нему. *Чжунъ лу* хотѣлъ было взять съ собой набранныхъ имъ дѣвицъ [84]); но учитель воспротивился этому, говоря: «Когда изъ княжества *Ци* прислали въ княжество *Лу* [85]) музыкантшъ [86]), то Конфуцій оставилъ *Лу* [87]); хотя я и горный дикарь [88]), но какъ могу путе-

шествовать вмѣстѣ съ дѣвицами». Тогда *Чжунъ лу* отправилъ *Хэла* [89]) съ донесеніемъ къ государю; учитель также отправилъ человѣка [90]) къ нему съ адресомъ [91]).

Однажды кто-то просилъ учителя приписать что нибудь къ картинѣ *Янь ли бэна*, изображающей *Тай шана* [92]), проходящаго заставу [93]); учитель написалъ:

«Въ то время, какъ онъ шелъ на западъ изъ *Шу* [94]), и «въ заставѣ *Хань гуань* [95]) разставался съ востокомъ, толпы «варваровъ поклонялись ему, и великому *Дао* положено вновь «основаніе.»

Онъ еще написалъ двѣ строфы [96]) и показалъ своимъ спутникамъ. Одна гласила:

«Тревоги отъ утра, до вечера; безумства отъ древности до «нынѣ; мысли о пустомъ движеніи и о пустомъ покоѣ [97]); чув«ство о сущемъ и не сущемъ» [98]).

Другая строфа была слѣдующая:

«Страсти, получивши толчекъ, разрываются и распаляют«ся; не дѣлай, ошибкой, того, что противно *Дао* [99]); будь «терпѣливъ и обуздывай обезьяну и коня [100]), и въ покоѣ про«води годы своей жизни.»

Въ 4-й лунѣ, въ первой декадѣ, собраніе просило его служить 15-го числа [101]) въ кумирнѣ *Тянь чанъ гуань*; учитель отговаривался дорожными хлопотами, но собраніе усильнѣе настаивало, говоря: «Теперь война еще не кончилась. Изъ оставшихся въ живыхъ, многіе, удостоившіеся видѣть тебя разъ, получили отъ тебя благодать; одинѣ только тѣни умершихъ, по-

груженныя въ мракъ длинной ночи [102]), не получили избавленія твоими молитвами; онѣ непремѣнно опечалятся.» Учитель согласился. Въ то самое время была засуха. 14-го числа, когда началось служеніе, пошелъ сильный дождь; собраніе тревожилось тѣмъ, что неудобно совершать обряды; послѣ полудня учитель взошелъ на жертвенникъ [103]) и только началъ совершать служеніе, какъ вдругъ небо очистилось. Собраніе возрадовалось и удивлялось, говоря: «Чего онъ захочетъ, дождя или ясной погоды, то и будетъ; конечно, подобнаго нельзя творить, не имѣя высокой святости и обильныхъ совершенствъ».

На другой день учитель въ залѣ *Бао сюань танъ* преподавалъ заповѣди [104]). Въ это время пролетѣло нѣсколько журавлей съ сѣверо-запада; всѣ присутствующіе смотрѣли на нихъ; когда сожигали писанныя молитвы [105]), одинъ листъ поднялся на воздухъ и тамъ потухъ; въ то же время, пять журавлей рѣяли надъ нимъ. Всѣ присутствовавшіе тутъ, ученые и чиновники, говорили, что учитель дошелъ до такой непорочности, что можетъ повелѣвать природой. Въ память этого событія, *Нань танскій* старецъ, *Чжанъ тянь ду цзы чжень* написалъ похвальные стихи; другіе тоже сочинили стихи на этотъ случай.

Когда кончилось служеніе, посланецъ *Лю гунъ* [106]) отправился съ учителемъ на сѣверъ. Дорога пролегала черезъ *Цзюй юнъ*; ночью, по сѣверную сторону его [107]), встрѣтили шайку воровъ, которые, поклонившись, удалились, говоря: «Не безпокойте учителя».

Въ 5-й лунѣ онъ прибылъ въ *Дэсинъ* [108]), въ кумирню

Лунь янъ гуань и здѣсь провелъ лѣто. Онъ послалъ въ Пекинъ, къ дворянамъ и чиновникамъ, слѣдующіе стихи:

«Гдѣ найти чудесную ладью [109]), чтобы доплыть до истин-«наго бытія? Повсюду, во всѣхъ странахъ свѣта, есть свои «красоты; въ прозрачномъ воздухѣ облачные пики — красоты «неба [110]); на широкихъ волнахъ есть миражи, виды, порож-«денные дождемъ [111]). Духъ обтекаетъ всѣ страны свѣта, хотя «и далеко пустое пространство, путь къ Дао и тремъ чисто-«там ъ [112]) неуклоненъ; хотя черезъ мертвую влагу [113]) про-«ходятъ 300,000 ли, но, воспарив ъ тѣломъ, въ мгновеніе мож-«но достигнуть обители святыхъ».

Въ то время, въ столицѣ нашей вѣры, *Сунь чжоу чу цинъ Янъ бяо чжунъ вэнь, Ши сюйцай цинъ, Ли шицзянь цзы цзинь Лю чжунъ юнъ чжи, Чэнь шикэсю юй, Ву чжанъ дэ минъ, Чжао чжунъ личженъ цинъ, Ванъ жуй вэй цинъ, Чжао фанъ дэ хуй, Сунь си тяньси* [114]), всѣ эти особы, когда учитель жилъ въ *Юй сюй*, переписывались съ нимъ стихами. *Ванъ гоуфынъ чэнь* и *Вань чжень цзай цинъ фу* также съ нимъ вмѣстѣ прогуливались. Монастырь находится на южной сторонѣ *Чань фанъ шаньской* горы [115]). Въ этой горѣ много пещеръ, гдѣ всегда привитаютъ подвижники, занимающіеся изученіемъ Дао и средствами для достиженія святости; учитель, посему, ходилъ туда въ компаніи. При входѣ въ ущелье онъ сочинилъ стихи:

«Войдя въ ущелье, идешь въ тишинѣ, среди несравнен-«ныхъ красотъ; множество пиковъ и ряды скалъ поднимаютъ

«острыя, какъ зубы, верхи свои; еще не побывавши на обп-«талищѣ святыхъ, на *Пынъ лань* [116]), я прежде видѣлъ пеще-«ры [117]), жилище Даосовъ; тамъ висятъ сосновыя шишки; осен-«ній дождь и роса; каменныя башни, освѣщенныя вкось ве-«чернею зарею; вспомнилъ я давнее время и страну *Чжунъ «нань* [118]); но съ пробужденіемъ, западныя горы изчезаютъ».

Мѣсто это сухо и возвышенно; оно открыто на юго-востокъ [119]) куда взоръ достигаетъ болѣе чѣмъ на 300 ли. Въ нѣсколькихъ ли, на востокъ отъ Гуань, на ровномъ мѣстѣ, есть ключь чистой и холодной воды, чрезвычайно пріятный; сюда учитель, ходилъ часто и сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Послѣ полудня прохаживаюсь я противъ вѣтра, спиной къ «солнцу; устремляя вдаль взоры, вижу горы, покрытыя въ безпо-«рядкѣ облаками: крестьяне, съ разгоряченными отъ дневнаго «жара желудками, освѣжаютъ свои кости холодной водою «источника. Я бродилъ, на сѣверѣ, взадъ и впередъ, безпеч-«но прогуливался на восточной высотѣ, гдѣ не спорили со «мной міряне (земледѣльцы и пастухи уступали ему мѣсто на «насыпяхъ и въ тѣни). Подлѣ потока, омывшись, сажусь въ «рощѣ безъ шапки (съ распущенными волосами) и накинувъ «рубаху, даю волю святымъ размышленіямъ.»

Въ *Чжунъ юань* [120]) онъ служилъ въ кумирнѣ, гдѣ жилъ. Послѣ полудня была раздача *фу* [121]) и посвященіе въ монашество; всѣ старые и молодые сидѣли на открытомъ мѣстѣ и много терпѣли отъ жара; вдругъ надъ ними образовалось облако, въ видѣ круглаго покрова, не разсѣевавшееся цѣлы

часъ; все собраніе было въ восторгѣ и восхваляло этотъ случай. Кромѣ того, въ той кумирнѣ былъ колодецъ воды, въ которомъ было достаточно для сотни человѣкъ; но такъ какъ въ это время собралось болѣе тысячи, то экономъ намѣревался достать воды изъ другихъ мѣстъ; но три дня до того и послѣ еще три дня, вода въ колодцѣ вдругъ прибыла, такъ, что сколько ни черпали, она не убавлялась; во всемъ этомъ видна была помощь неба, за добродѣтели. Послѣ служенія учитель сочинилъ стихи:

«Великое милосердіе *Тайшана* спасаетъ миріады душъ; «существамъ доставляется счастіе посредствомъ священныхъ «книгъ. Храните въ трехъ поляхъ сѣмя, духъ и эѳиръ [122]); «они тоже, что изъ всѣхъ феноменовъ достойнѣйшія чество- «ванія солнце, луна и звѣзды. Чувствую, что въ плотяномъ «тѣлѣ скрывается грѣховное начало [123]), и трудно, избѣжавъ «осужденія [124]), вступить въ безформенное бытіе. Въ такомъ «случаѣ, посредствомъ служенія Сѣверной Медвѣдицѣ [125]), можно «постепенно подняться въ южныя палаты [126]), въ чертогъ само- «сожженія» [127]).

Въ началѣ 8-й луны, по просьбѣ *Сюань дэ чжоусскаго* Юань шуая [128]), *Ила гуна* [129]), учитель поселился въ кумирнѣ *Чао юань гуань*. 8-й луны, 15-го [130]), онъ сочинилъ двѣ поздравительныя государю [131]) оды. Вотъ первая:

«Облака разорванныя скрылись въ пади, на безграничной «пустотѣ лазореваго цвѣта драгоцѣнное зеркало [132]) лишь во- «шло въ полный обликъ. Свѣтъ широко распространяется; про-

«стирается за сыпучіе пески [133]) и проникаетъ до западнаго «неба. У смертныхъ иные спятъ, отуманенные виномъ; повсю- «ду пѣсни, пляски и роскошныя пиршества; но сословіе Да- «осовъ — это особый родъ людей; пользуясь чистотой и мра- «комъ ночи, они прозрѣваютъ въ поле сердца.»

Другая ода слѣдующая:

«Во глубинѣ пещернаго неба [134]), почтенное собраніе доб- «рыхъ друзей наслаждается безграничнымъ весельемъ. Воз- «несся бы я въ красную зарю [135]), возлетѣлъ бы въ простран- «ныя, холодныя палаты [136]), и тайно бросалъ бы оттуда золо- «тыя монеты [137]). Воздушное пространство наполнено свѣтомъ, «демонъ сна далеко бѣжитъ отъ меня и я смотрю на кра- «савицу луну [138]). Сидя, я забываю міркія дѣла, проникаю въ «сущность вещей и свободно обтекаю духовный міръ.»

Послѣ того, воздухъ былъ необыкновенно чистъ; въ тихую ночь, въ уединеніи, онъ сочинилъ два четыреститія. Первое:

«Млечный путь [139]) свѣтлѣетъ, ночь глубокая; кругомъ мол- «чаніе, въ окно вѣетъ прохлада и мысли осѣдаютъ. Домеия «не доходятъ распри вселенной [140]); въ уединеніи, одна только «мысль господствуетъ, мысль духовнаго человѣка.»

Другое четыреститіе:

«Ночь тиха и молчалива; луна всплываетъ на высоту; горы, «рѣки, вся земля, совершенно изчезли, осталась только сли- «тая природа *Дао* и *Дэ* [141]), которая протекаетъ вверхъ и «внизъ, по тремъ небесамъ [142]), тысячи разъ.»

Кумирня *Чао юань гуань* находится въ сѣверо-западномъ

углу города; покровитель ея [143]), Юань шуай *Ила Гунъ*, по случаю отправленія учителя на сѣверъ, построилъ заново храмъ и залу и поставилъ въ нихъ кумиры. Комнаты и кельи [144]) кругомъ были поновлены. Въ 10-й лунѣ, когда нужно было обрисовать стѣны въ залѣ праотцевъ [145]), живописецъ, по случаю холода, хотѣлъ прекратить работу; но учитель воспротивился тому, говоря: «Свирѣль *Цзоу янь* [146]) возвращала весну; тѣмъ болѣе можно надѣяться на тайную помощь святыхъ и мудрыхъ мужей.» Дѣйствительно, въ эту луну воздухъ сдѣлался тепелъ, какъ весной, безъ малѣйшаго вѣтра и пыли [147]). Такимъ образомъ живописецъ успѣлъ кончить свою работу. По этому случаю учитель сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Въ 3-й лунѣ, въ пограничной странѣ, повсюду пронзи-
«тельный холодъ; свирѣпый вѣтеръ катитъ камни и поднимаетъ
«песокъ [148]); стан гусей, наклонивъ крылья, спѣшатъ на югъ
«и путникъ утомленъ отдаленнымъ путешествіемъ на сѣверъ.
«Когда я прибылъ, въ 10-й лунѣ, ивей былъ еще топокъ,
«и люди удивлялись, что вода въ горахъ еще течетъ; это не
«отъ теплаго воздуха малой весны [149]), а дѣло неба, для того,
«чтобы кончить рисованіе храма.»

Вскорѣ прибылъ *Али сянь* [150]) изъ ставки великаго князя *Огинь* [151]), съ приглашеніемъ учителя къ нему; вслѣдъ за тѣмъ прибылъ также Сюань фу *Ванъ гунъ Цзюй чуань* [152]), говоря, что, по особому повелѣнію великаго князя, онъ проситъ учителя, если онъ поѣдетъ на западъ, заѣхать къ нему. Учитель сдѣлалъ утвердительный знакъ головой [153]). Въ этой лунѣ, во

время прогулки въ сѣверныя горы *Ванъ-шанъ*, возвратился посланецъ *Хэла*, отправленный къ Чингису съ адрессомъ. Онъ привезъ учителю повелѣніе, съ слѣдующимъ надписаніемъ: «Чингиса императора повелѣніе Даосу, святому учителю *Цю*»; въ повелѣніи сказано еще: «Ты превзошолъ своей святостію трехъ мужей [154]); доблести твои чтутъ во многихъ странахъ». Подъ конецъ сказано: «Какъ скоро облачная колесница (твоя) [155]) тронулась изъ *Инъ мия*, то теперь можно тебѣ летѣть на журавлѣ въ Индію [156]). *Дарма* [157]) пришелъ на востокъ, запечатлѣть истины преданіемъ духа [158]), *Лаоши* [159]) путешествовалъ на западъ, просвѣтить и варваровъ [160]) и возвести ихъ на степень святости. Надѣюсь, что хотя пространны равнины (раздѣляющія насъ), но недалеко время, когда я узрю столъ и посохъ твой [161]). Поэтому я отвѣчаю на твое письмо, для выраженія тебѣ моихъ мыслей. Не стану распространяться; надѣюсь, ты въ дорогѣ спокоенъ и здоровъ» [162]). Такіе знаки уваженія получилъ учитель! Въ повелѣніи на имя *Лю чжунъ лу* также было сказано: «Незаставляй *Чженъ женя* голодать и утомляться, заботься о немъ и путешествуй съ нимъ помаленьку».

Учитель совѣтовался съ посланцемъ, говоря: «Въ предстоящемъ пути уже холодно, а песчаный путь далекъ; мои спутники не запаслись всѣмъ, что нужно; лучше итти въ *Лунъ янъ* и отправиться въ путь весной». Посланецъ согласился. 18-го числа учитель отправился на югъ въ *Лунъ янъ*. Духовные друзья его, провожая и разставаясь съ нимъ, много плакали; онъ сочинилъ имъ слѣдующіе стихи:

«При жизни, временная разлука еще сносна; но тяжела «вѣчная разлука по смерти. Въ мірѣ, то истина, то ложь, и «мысли не тверды; горьки страданія въ круговоротѣ перерож-«деній» [163]).

На другой день, онъ прибылъ въ *Лунъ янъ гуань*, чтобы провести здѣсь зиму. 11-й луны 14-го числа онъ ходилъ служить въ кумирню *Лунъ янь сы*, и написалъ стихи на западной галереѣ кумирнаго храма:

«Съ посохомъ въ рукѣ, искалъ я въ горахъ людей; но «пустынныя горы погружены въ молчаніе и безцвѣтны; почью «пошелъ снѣгъ и покрылъ скаты утесовъ, и сегодня свѣтъ «горъ отражается въ бѣлизнѣ небесъ; небо высоко, солнце «низко, между соснами свѣжій вѣтеръ; духъ, блуждая по всѣмъ «странамъ, поднимается въ пустой свѣтъ. Хотѣлось бы обри-«совать настоящій видъ горъ, но занятія Даоса не описаны.»

Въ 12-й лунѣ, онъ послалъ къ Пекинскимъ духовнымъ друзьямъ своимъ слѣдующіе стихи:

«Настоящее путешествіе, истинно нелегко, въ эту разлуку «многое сказалъ бы; на сѣверъ я переступлю за хребетъ «*Ѣхулинъ* [164]); на западъ дойду до страны чудесныхъ коней [165]); «въ сѣверныхъ горахъ нѣтъ морскихъ торжищъ [166]); тамъ блек-«лыя растенія и полосы бѣлаго песку; ахъ, для чего я уже «не святой! какъ пройти по великимъ степямъ!»

Потомъ, еще писалъ:

«Если въ столицѣ есть у кого напутные стихи, то при-«шлите мнѣ ихъ въ *Лунъ янъ* заранѣе, во время моего отъ-

«ѣзда за границу; нѣкогда я спокойно снималъ обувь на «кровати; а теперь, въ катящейся телѣгѣ, у меня нѣтъ мысли «о снѣ.»

Онъ писалъ также къ своимъ столичнымъ духовнымъ друзьямъ:

«Десять лѣтъ продолжаются военныя смуты и народъ го- «рюетъ; изъ тысячей не осталось одного, или двухъ человѣкъ; «въ прошломъ году, къ счастію, нашло меня милостивое по- «велѣніе; нынѣшней весной я долженъ путешествовать подъ «холодомъ; я не отказался отъ 3000-лійнаго пути на сѣверъ, «за хребетъ (прежняя орда Чингисхана) [167]); но все еще «думаю о Шаньдунскихъ 200 городахъ; бѣдность и истощеніе «оставили во мнѣ еще нѣсколько дыханія и поскорѣе бы мнѣ «избавить свое тѣло и жизнь отъ горя.»

Въ *Синь сы* [168]), когда въ праздникъ *Шанъ юань*, учитель служилъ въ Сюань дэ чжоусской кумирнѣ, *Чао юань гуань*, онъ здѣсь сочинилъ собранію слѣдующіе стихи:

«Рождается кусокъ съ вонючимъ запахомъ и садится сѣмя, «изъ котораго созрѣваетъ демонъ истины и лжи трехъ мі- «ровъ [169]); его вѣтви и листья разростаются въ безконечность, «оно восходитъ за древность и нисходитъ доселѣ, и нѣтъ «средствъ противъ него.»

Первой луны, 8-го числа, учитель отправился въ путь. Погода была ясная и спокойная. Духовные друзья его проводили его, съ напутными подарками, въ западное предмѣстіе города и ставъ передъ его лошадью, со слезами говорили:

«Учитель! ты идешь за 10,000 ли; когда мы можемъ снова поклониться тебѣ?» Учитель отвѣчалъ: «Вы только будьте тверды въ вѣрѣ и настанетъ день свиданія.» Но братья со слезами настоятельно спрашивали: «Когда же это время настанетъ?» Учитель сказалъ: «Наше путешествіе и пребываніе не въ волѣ людей, тѣмъ болѣе, что путешествіе мое—въ страны отдаленныя; нельзя еще знать, придется ли, или не придется тамъ ученіе Дао». Братья говорили: «Какъ не знать тебѣ объ этомъ? проснмъ, объяви напередъ намъ». Видя, что нельзя болѣе скрывать, онъ повторилъ два раза: «Черезъ три года вернусь, черезъ три года вернусь».

10-го числа ночевали въ *Цуй бинъ коу* [170]); на другой день перешли на сѣверъ, хребетъ *Ѣхулинъ* [171]). Съ вершины хребта мы смотрѣли на югъ, и внизу видѣли *Тайханскія* и другія горы [172]): горный воздухъ былъ чудный. На сѣверѣ былъ только холодъ, и виднѣлись пески, да сухая трава. Здѣсь граница Китайскому духу [173]). Но для души Даоса вездѣ хорошо, гдѣ бы не пришлось ему. *Сунъ дэ фанъ* [174]), указывая на бѣлыя кости, разсѣянныя на полѣ сраженія [175]), сказалъ: «На возвратномъ пути, я совершу золотой обрядъ [176]) за умершихъ; это будетъ доброе дѣло, которымъ я обязанъ путешествію на сѣверъ, между прочимъ».

На сѣверѣ, мы проѣхали *Фу чжоу* [177]). 15-го числа, на сѣверо-востокъ проѣхали *Гай липо* [178]), состоящее изъ однѣхъ кочекъ и съ почвой, пропитанной солью, и тогда только увидѣли жилища человѣческія, въ числѣ двадцати слишкомъ до

мовъ. На югъ отсюда есть соляное озеро [179]), извилинами простирающееся на сѣверо-востокъ. Отселѣ далѣе нѣтъ рѣкъ, а пробавляются колодцами, вырытыми въ пескѣ. Съ юга на сѣверъ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ ли, тоже нѣтъ большихъ горъ. Далѣе, черезъ пять дней верховой ѣзды, мы вышли изъ границъ *Минъ-чана* [180]). Учитель записалъ то, что видѣлъ, стихами:

«Дорога шла по холмистой полосѣ, извилинами, среди пе-
«ремѣжныхъ кочекъ [181]); куда ни пріѣзжали, повсюду были
«соленыя полосы и лужи стоячей воды; цѣлый день не встрѣ-
«тилъ ни одного путника; въ цѣлый годъ, развѣ изрѣдка,
«пробѣжитъ возвратный конь [182]); на землѣ не растетъ дерева,
«а только дикая трава; небо произвело здѣсь только холмы,
«а не высокія горы; хлѣба здѣсь не растутъ; питаются же
«молокомъ; одѣваются въ мѣховое платье, живутъ въ войлоч-
«ныхъ юртахъ и тоже веселы.»

Потомъ, черезъ 6 или 7 дней пути, мы вдругъ вступили въ огромную полосу песку; въ низменныхъ мѣстахъ ея росли вязовыя низкорослыя деревья [183]): большія изъ нихъ толщиною въ обхватъ. По дорогѣ на сѣверо-востокъ, за тысячу ли пути, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ песка, нѣтъ ни одного дерева.

Третьей луны, 1-го числа, мы вышли изъ песчаной полосы и прибыли въ *Юй эрръ ли* [184]) и здѣсь только встрѣтили жилища, деревню, жители которой, большею частію, занимались хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ. Въ это время былъ

уже *Цинъ минъ* [183]), но весны не было и признаковъ, и ледъ еще не таялъ. Учитель сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Сѣверныя страны, съ глубокой древности, славны своимъ «холодомъ; на песчаной полосѣ, въ 3-й лунѣ, вода еще око- «вана льдомъ. Если хочешь найти другаго *Жо ши* [186]), чтобы «быть лебедемъ [187]), то знай подражать тому, какъ китъ [188]) пре- «вращается въ огромную птицу *Пынъ* [189]). *Су-ву* [190]), попавши «на сѣверъ, едва не умеръ отъ печали; *Ли линъ* [191]) тщетно смо- «трѣлъ на югъ, не имѣя возможности уйти. А я нынѣ, на «оборотъ, подражая *Луао* [192]), обзираю всѣ шесть странъ свѣ- «та [193]), въ духѣ высшей колесницы» [194]).

Третьей луны 5-го числа мы поднялись съ мѣста и ѣхали на сѣверо-востокъ; по всѣмъ сторонамъ, вдали, виднѣлись людскія обиталища, состоявшія изъ черныхъ телѣгъ [195]) и бѣлыхъ юртъ; жители переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря потому, гдѣ есть вода и трава для пастбища; по возвышенностямъ и низменностямъ, не было болѣе ни одного деревца; во всѣ стороны виднѣлись только желтоватыя облака и блеклое растѣніе [196]); не перемѣняя дороги, черезъ двадцать слишкомъ дней, мы, наконецъ, увидѣли одну песчаную рѣчку, текущую на сѣверо-западъ и впадающую въ рѣку *Лу гюй* [197]). Вода въ рѣчкѣ по брюхо лошади; по берегамъ ея ростутъ густо ивы. Перешедъ рѣчку, мы три дня ѣхали на сѣверъ и вошли въ небольшую песчаную полосу.

Четвертой луны 1-го числа мы прибыли въ ставку великаго князя *Огиня* [198]); тогда ледъ только что таялъ и на поч-

вѣ появились ростки растѣній. Въ то время происходило тамъ брачное празднество. Старшины окрестныхъ кочевьевъ, въ окружности на 500 ли, пріѣхали съ кобылымъ молокомъ, для вспоможенія [199]). Черныя телѣги и войлочныя юрты стояли рядами, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. 7-го числа учитель представлялся великому князю, который спрашивалъ его о способахъ продленія жизни [200]); учитель отвѣтилъ, что надобно напередъ попоститься, а потомъ уже слушать его наставленія; рѣшено было дать наставленія въ 15-ое число; но въ назначенный день выпалъ большой снѣгъ; поэтому дѣло не состоялось. Великій князь сказалъ: «Императоръ послалъ нарочнаго за тобой, за 10,000 ли, желая слышать твои наставленія. Какъ же я осмѣлюсь прежде его слушать тебя?» [201]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ *Али сяню*, по представленіи Чингису, на обратномъ пути, заѣхать къ нему съ учителемъ. 17-го числа, великій князь прислалъ, на подъемъ, быковъ и лошадей, до сотни, да десять телѣгъ. Путь нашъ лежалъ на сѣверо-западъ.

22-го числа мы прибыли къ рѣкѣ *Лу гюй*. Воды ея образуютъ здѣсь озеро [202]), въ окружности на нѣсколько сотъ ли. Поднятыя вѣтромъ волны выкидывали большихъ рыбъ; Монголы наловили ихъ по нѣскольку каждый [203]). Слѣдуя на западъ, по южному берегу рѣки, мы индѣ находили порей и ѣли его. 5-й луны 1-го числа, въ самый полдень, было солнечное затмѣніе, во время котораго видны были звѣзды; но вскорѣ опять просвѣтлѣло. Мы находились въ то время на южномъ берегу рѣки; затмѣніе началось съ юго-западнаго края, а просвѣтлѣ-

ніе съ сѣверо-восточнаго края солнца [204]). Въ здѣшней сторонѣ утромъ холодно, а вечеромъ тепло; много растѣнія съ желтыми цвѣточками; рѣка течетъ на сѣверо-востокъ; по обоимъ берегамъ ея растетъ много высокихъ ивъ. Монголы пользуются этимъ деревомъ, дѣлая изъ него свои юрты [205]). Послѣ 16 дней пути, рѣка уклонилась на сѣверо-западъ, въ горы; мы не могли узнать ея истоковъ; на юго-западъ, мы выѣхали на почтовую дорогу *Юй эрръ ли* [206]). Монголы весело говорили, что они за годъ слышали о томъ, что учитель будетъ сюда; они поднесли ему одну *дань* и пять *доу* [207]) крупы; учитель отплатилъ имъ однимъ доу *цзаоръ* [208]). Монголы восхищались, говоря, что они еще не видали такой вещи, и весело благодаря ушли.

Далѣе [209]) мы путешествовали десять дней; въ лѣтній поворотъ солнца, тѣнь отъ него, по нашему измѣренію, была 3 фута и шесть или семь вершковъ. Мало по малу, показались пики высокихъ горъ [210]). Отселѣ на западъ постепенно были горы и холмы; обитателей весьма много; всѣ они тоже живутъ въ черныхъ телѣгахъ и бѣлыхъ юртахъ. Обычныя занятія ихъ суть скотоводство и звѣроловство. Одѣваются въ кожанное и мѣховое платье, питаются мясомъ и молокомъ. Мужчины и дѣвицы связываютъ волосы и опускаютъ ихъ на уши. Замужнія женщины надѣваютъ на голову бересту, фута въ два вышины [211]) и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатыя женщины красной сырцовой тафтой: хвосты этихъ шапокъ походятъ видомъ на гуся или утку, и

называются *Гугу*; онѣ весьма боятся, чтобы кто нибуть неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входятъ въ юрты, или выходятъ изъ нихъ, нагнувшись внизъ, и задомъ. Народъ этотъ не знаетъ письменности; договариваются только на словахъ и заключаютъ контракты нарѣзываніемъ мѣтокъ на деревѣ [212]). Встрѣтивъ обѣдъ, они безъ церемоніи садятся вмѣстѣ съ хозяевами; во время бѣдствій, бѣгутъ на перерывъ; приказаній никогда не ослушиваются и давши слово, не измѣняютъ ему; у нихъ остались слѣды нравовъ глубокой древности. Учитель выразилъ это въ слѣдующихъ стихахъ:

«Куда бы взоръ ни достигалъ, не видно конца горамъ и рѣ-
«камъ; вѣтеръ и туманъ безпрерывны и рѣки вѣчно текутъ.
«Для чего Творецъ [213]), образуя вселенную, въ этихъ стра-
«нахъ повелѣлъ людямъ пасти коней и коровъ? Они пьютъ
«кровь, жрутъ шерсть [214]), какъ въ глубокой древности; носятъ
«высокія шапки и связываютъ волосы различно отъ Китая.
«Святые мудрецы не могли завѣщать имъ письменнаго обра-
«зованія, и они цѣлые вѣка живутъ безпечно, довольствуясь
«сами собой.»

Далѣе, черезъ четыре переѣзда на сѣверо-западъ, мы переправились черезъ рѣку [215]), за которой началась равнина; на окраинахъ ея горы и долины прекрасны, трава тучная и вода добрая; на западѣ и востокѣ есть основанія древняго города [216]), еще свѣжія; можно было распознать улицы и переулки; устройство походитъ на китайское; время построенія его нельзя было узнать за неимѣніемъ памятниковъ; говорили, впрочемъ, что

онъ построенъ Киданьцами. Вскорѣ нашли въ землѣ старую черепицу съ киданьскими на ней буквами. Это былъ, вѣроятно, городъ, построенный тѣми киданьскими воинами, которые удалились сюда, не желая поддаться новой династіи [217]). Говорили также, что отсюда на юго-западъ, болѣе 10,000 ли, есть городъ *Сюнь сыанъ* [218]), построенный въ самомъ лучшемъ мѣстѣ государства *Хой-хэ* [219]), который составляетъ столицу Киданьцевъ [220]), гдѣ царствовали преемственно семь ихъ императоровъ.

6-й луны 13-го числа мы достигли хребта *Чанъ сунъ линъ* [221]) и остановились позади его. Сосны и ели растутъ густо, во множествѣ, поднимаясь до облаковъ и заслоняя солнце; большею частію онѣ растутъ на сѣверной сторонѣ горъ, по падямъ; на южной же сторонѣ весьма мало. 14-го числа мы переѣхали гору и перешли мелкую рѣку. Время было такъ холодно, что и крѣпкимъ становилось не въ мочь. Вечеромъ того дня мы ночевали на ровномъ мѣстѣ. 15-го числа, рано утромъ, кругомъ нашихъ юртъ образовался тонкій слой льду. 17-го числа мы ночевали на западѣ отъ хребта; это было въ первый періодъ жаровъ [222]); утромъ и вечеромъ тоже замерзала вода; иней палъ уже три раза; вода въ рѣкѣ была смѣшена со льдомъ и холодна, какъ въ жестокую зиму. Туземцы говорили, что въ другіе годы, въ 5-й и 6-й лунѣ, обыкновенно выпадалъ снѣгъ; а нынѣшній годъ, къ счастію, еще ясно и тепло. Учитель переименовалъ хребетъ въ *Дахань линъ* [223]). Всякій разъ, какъ шелъ дождь, падало много граду. Дорога по горамъ, извиваясь, шла на сѣверо-западъ болѣе ста ли, и

потомъ опять на сѣверо-западѣ, мы увидѣли ровное мѣсто; здѣсь есть каменистая рѣка, простирающаяся болѣе, чѣмъ на 50 ли; берега ея вышиной болѣе ста футовъ; вода въ рѣкѣ чистая и холодная, весьма пріятная и журчитъ, какъ звонкій нефритъ; по крутымъ берегамъ ея растетъ лукъ отъ трехъ до четырехъ футовъ вышины; въ падяхъ растутъ сосны болѣе ста футовъ вышиной. Западныя горы тянутся сплошной грядой; на нихъ густо растутъ высокія сосны. Мы ѣхали горами пять или шесть дней; дорога извивалась около пиковъ. Прекрасны были выси горъ, покрытыя цвѣтущимъ лѣсомъ; внизу текъ потокъ; на ровномъ мѣстѣ, повсюду, расли вмѣстѣ сосна и береза, какъ будто человѣческія жилища. Затѣмъ мы поднялись на высокій хребетъ, имѣвшій видъ длинной радуги; отвѣсъ его внизъ былъ на 1,000 саженей; смотрѣть въ глубину, внизъ на озеро, было страшно.

28-го числа мы остановились на востокъ отъ орды [224]). Посланецъ отправился напередъ доложить о нашемъ прибытіи императрицѣ и получилъ отъ нея приказаніе просить учителя переправиться черезъ рѣку. Рѣка эта течетъ на сѣверо-востокъ [225]); широка и глубока по ступицу колеса. Переправившись черезъ рѣку, мы вступили въ становище и тутъ оставили телѣги; на южномъ берегу были тысячи телѣгъ и юртъ. Каждый день приготовляли кумысъ [226]) и сливки. Царевны изъ дома Китайскаго и *Ся* [227]) прислали въ подарокъ одно *доу* рису и 10 ланъ [228]) серебра; здѣсь, за 50 ланъ, можно купить только 80 гиновъ муки; ибо мука приходитъ сюда изъ-за сѣверныхъ

горъ, болѣе чѣмъ за 2000 ли [229]); торгующіе варвары западныхъ странъ [230]) доставляютъ ее вьюками на верблюдахъ. Въ средній періодъ жаровъ въ юртахъ не было мухъ. *Орда*, по нашему сказать, походный дворецъ. Колесницы и юрты орды имѣютъ величественный видъ; такого великолѣпія не было у древнихъ *Шаньюй* [231]).

7-й луны 9-го числа мы вмѣстѣ съ посланцемъ отправились на юго-западъ [232]) и ѣхали пять или шесть дней; мы нѣсколько разъ замѣчали на горахъ снѣгъ, а у подошвы горъ, часто попадались могильныя насыпи; поднявшись на одинъ высокій холмъ, мы замѣтили тамъ слѣды жертвоприношеній духамъ [233]). Потомъ, черезъ два или три дня, мы переѣхали черезъ гору, поднимающуюся вверхъ пикомъ, какъ будто обсѣченнымъ; по горѣ въ обиліи растутъ сосна и ель [234]). На западѣ есть озеро; по выходѣ на югъ изъ огромнаго ущелья, есть рѣка, текущая на западъ; на сѣверной сторонѣ ея множество разныхъ деревъ; мелкій дикій лукъ *цзю* [235]) росъ по обѣимъ сторонамъ дороги обильно, какъ душистая трава, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ ли. На сѣверѣ было древнее городище, называемое *Хэлисло* [236]). На юго-западъ мы проѣхали песчаную полосу, около 20 ли, гдѣ весьма мало воды и травы, и здѣсь впервые увидѣли *Хой хэ* [237]), которые орошали пшеницу, посредствомъ вырытыхъ водопроводовъ. Потомъ пять, или шесть дней, ѣхали до перевала черезъ хребетъ, откуда, на югъ, мы прибыли въ монгольскій станъ, въ которомъ и переночевали въ юртѣ. Съ разсвѣтомъ, мы снова

отправились вдоль южныхъ горъ, на которыхъ мы усматривали снѣгъ. Учитель изложилъ это путешествіе въ слѣдующихъ стихахъ:

«(Въ день, когда) въ прежнія времена, *Сида* постигъ воз-«душное пространство [238]), тронувшись въ путь, я прежде при-«былъ въ *Янь цзи чэнъ* (*фу чжоу*) [239]), на сѣверъ, въ три мѣ-«сяца, прибылъ къ большой рѣкѣ (*Лугюй*; сюда прибылъ «онъ въ концѣ 4-й луны, проѣхавши болѣе 2,000 ли); на «западъ, достигъ до скопища снѣга, въ полгода (т. е. до селѣ; «на горахъ постоянно снѣгъ; отсюда на востокъ до рѣки «*Лугюй* будетъ 5,000 ли; прибылъ сюда въ концѣ 7-й луны). «Я не могу скрыться въ землю и сидя поворотить вѣтеръ (у «Даосовъ есть таинственныя средства поворотить вѣтеръ, скрыть-«ся въ землю, достать рукой созвѣздіе Медвѣдицы и скрыться «въ небѣ) [240]); напротивъ, принужденъ слѣдовать за теченіемъ солнца по небесному пространству, дошелъ я до предѣловъ «рѣкъ и границъ горъ; а вечернее солнце заходитъ, по преж-«нему, все на западъ.»

Станціонные сказывали, что на сѣверѣ этихъ снѣжныхъ горъ стоитъ *Бамасунъ Тянь чжень хая* [241]); *Бамасунъ*, по нашему, значитъ городъ; въ немъ есть хлѣбные магазины; посему онъ называется также *Цанъ тоу* [242]). 7-й луны 25-го числа живущіе здѣсь ремесленники и рабочіе изъ Китайцевъ [243]), толпой вышли на встрѣчу учителю; всѣ они были въ восторгѣ, восклицали и кланялись ему и пошли напередъ его съ разноцвѣтными хоругвями, цвѣтными зонтами и душистыми цвѣтами.

Двѣ царскія наложницы *Чжанъ-цзуна* [244]), изъ коихъ одна изъ фамиліи *Ту шань*, другая—*Гя гу* [245]), равно мать китайской царевны [246]), боярыня *Циньшенъ*, изъ фамиліи *Юань*, встрѣтили учителя съ воплемъ и со слезами. Боярыня говорила ему: «Въ прежнее время я давно уже слышала славу о высокихъ доблестяхъ твоихъ и жалѣла, что ни разу не видѣла тебя; неожиданно мы встрѣтились въ здѣшней сторонѣ». На другой день посѣтилъ учителя *Чжень-хай* съ сѣверной стороны горъ *Абухань* [247]). Учитель, въ разговорѣ съ нимъ, говорилъ ему: «Хотя я уже въ преклонныхъ лѣтахъ, однакожь, повинуясь двукратному настоятельному повелѣнію императора, отправился въ далекій путь; я проѣхалъ нѣсколько тысячь ли прежде, чѣмъ достигъ управляемой тобою страны. Въ *Шамо* [248]), большею частію, не занимаются земледѣліемъ; поэтому я обрадовался, увидѣвъ здѣсь зрѣлыя жнивы. Хотѣлось бы провести здѣсь зиму и обождать возвращенія императора. Какъ вы думаете объ этомъ?» Посланецъ сказалъ на это: «Учитель получилъ непремѣнное повелѣніе; поэтому я, съ своей стороны, не смѣю ничего сказать. Пусть разсудитъ это *Чжень-хай.*» *Чжень-хай* сказалъ: «Недавно было повелѣніе императора всѣмъ начальникамъ мѣстъ, дабы они, если учитель будетъ проѣзжать у нихъ, не замедляли его путешествія; очевидно, что онъ желаетъ скорѣе видѣть тебя. Если ты останешься здѣсь, то вина будетъ на мнѣ. Я рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ тобою; что же тебѣ нужно, я, разумѣется, не смѣю не позаботиться.» Учитель сказалъ на это: «Если такова судьба, то остается избрать

день для отъѣзда.» *Чжень-хай* сказалъ: «Впереди будутъ высокія и крутыя горы и обширныя болота, гдѣ нельзя проѣхать въ экипажѣ; надобно будетъ сократить число телѣгъ и спутниковъ и ѣхать на легкѣ верхомъ.» Согласно съ этимъ совѣтомъ, учитель оставилъ здѣсь девять учениковъ своихъ, *Сунъ дао ань* и другихъ, и избралъ мѣсто для монастыря; помощники явились безъ зова; крѣпкіе помогали своей силой, ремесленники своимъ искусствомъ, богатые деньгами; святые храмы, настоятельская комната, кухня на восточной, флигель на западной сторонѣ, по бокамъ кельи (черепицы въ дѣлѣ не было, только глина и дерево); все кончили менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ. Надпись на доскѣ [249]) гласила: *Сися гуань* [250]). Въ это время хлѣбъ не былъ еще убранъ. Въ началѣ 8-й луны, выпалъ иней; по этому жители спѣшили убрать пшеницу. Поднялся сильный вѣтеръ съ запада, вдоль сѣверныхъ горъ; тучи желтаго песка закрыли небо, такъ, что нельзя было различать предметовъ. По этому случаю учитель, со вздохомъ, произнесъ стихи:

«Я тоже всесвѣтный человѣкъ; съ раннихъ поръ, оставивъ «путь подвижничества, я блуждаю подъ вѣтромъ и пылью; я «не годенъ; волосы мои сѣды и склоняюсь я къ старости; и «попираю желтый песокъ и странствую далеко; еще до смер«ти, мнѣ суждено обозрѣть міръ и остатокъ жизни мнѣ не «дано провести въ наслажденіи небесною истиною; посѣтивъ «четыре горы и пять пиковъ [251]), облетѣвъ всѣ страны свѣта, «я войду, наконецъ, въ чинъ духовъ.»

8-го числа, взявъ съ собой десять учениковъ, *Сюй цзинъ*

сянь шенъ, Чжао цзю-чу [232]) и другихъ, на двухъ телѣгахъ и въ сопровожденіи 20 слишкомъ станціонныхъ Монголовъ, учитель отправился около великихъ горъ на западъ; у посланца *Люгуна* и *Чжень хая Сянъ гуна* [233]) было также сто вершниковъ. На дорогѣ, слуга *Чжень хая* разсказывалъ *Ли цзяну*, что, передъ тѣмъ, у этихъ горъ, оборотень схватилъ его за волосы на затылкѣ и чрезвычайно напугалъ его. *Чжень хай* тоже говорилъ, что Найманьскій государь, проѣзжая этими мѣстами, былъ обмороченъ горнымъ оборотнемъ [234]) и принесъ ему въ жертву отборныя кушанья. Учитель не сказалъ на то ни слова [235]). Ѣхавши на юго-западъ около трехъ дней, мы поворотили на юго-востокъ, переѣхали большую гору, проѣхали большимъ ущельемъ и 15-го числа прибыли къ сѣверо-восточной сторонѣ *Цзиньшаньскихъ* горъ [236]). Остановившись здѣсь на нѣсколько времени, мы снова поѣхали на югъ. Горы эти высоки и велики, съ глубокими ущельями и длинными скатами; телѣгамъ здѣсь нельзя ѣхать. Дорога проложена здѣсь впервые третьимъ царевичемъ [237]), во время его похода. Ста вершникамъ приказано было, при подъемѣ, привязавъ веревки къ оглоблямъ нашихъ телѣгъ, тащить ихъ на гору, а при спускѣ, тормозить колеса. На пространствѣ около четырехъ переѣздовъ, мы сряду переѣхали три хребта и, выѣхавши на югъ горъ, остановились подлѣ рѣки. Провожатые чиновники разставили здѣсь шатры, станомъ, по обилію воды и травы, и въ ожиданіи станціонныхъ быковъ и коней. Уже черезъ нѣсколько дней мы отправились. Учитель сочинилъ три станса:

1-й. «Въ 8-й лунѣ, подъ холоднымъ вѣтромъ, воздухъ «прохладенъ и чистъ; какъ можно описать видъ вечерняго «прозрачнаго неба? Хочу воспѣть величественныя красоты «здѣшнія, но нѣтъ дара; и я напрасно стою передъ золотыми «горами, освѣщенными луною.»

2-й. «По южную сторону золотыхъ горъ, протекаетъ боль- «шая рѣка; брожу я по изгибамъ ея и наслаждаюсь чистой «осенью; вотъ осенняя вода, вечернее небо и луна, выходя- «щая изъ-за горъ; я, одинокій, пою чистую пѣснь свѣтлому «ночному шару.»

3-й. «Золотая гора велика, но не одна она высока; кругомъ «тянутся длинные отроги, водруженные крѣпкими стопами, «средина большихъ горъ перерѣзывается полосой лѣса, кото- «рый простирается до облаковъ, заслоняетъ солнце и вѣчно «воетъ и шумитъ.»

Переправившись черезъ рѣку, мы, на югъ, проѣхали не- большую гору, въ которой камни разноцвѣтны; подлѣ этой горы не растетъ ни дерева, ни травы; на пространствѣ 70 ли, встрѣ- тились на дорогѣ также двѣ красныя горы; потомъ, 30 ли, ѣхали мы до небольшаго песчанаго колодца, вырытаго въ со- лончакѣ; посему мы здѣсь остановились и на колодезной водѣ приготовили пищу; зеленая трава въ окрестности почти вся помята была овцами и лошадьми.

Посланецъ совѣтовался съ *Чжень хаемъ*, говоря: «Здѣш- нія мѣста самыя трудныя для проѣзда; какъ вы думаете, такъ и будетъ.» — *Сянъ гунъ* отвѣчалъ: «Я давно знаю эти мѣста.»

Они отправились къ учителю посовѣтоваться. *Сянъ гунъ* сказалъ ему: «Впереди урочище бѣлыхъ костей; все пространство усѣяно черными камнями; надобно будетъ ѣхать [238]) болѣе 200 ли до сѣвернаго края песчаной полосы, гдѣ много воды и травы; потомъ надобно болѣе ста ли ѣхать песчаной полосой, длина которой, съ востока на западъ, не вѣдомо сколько тысячь ли, до города, принадлежащаго *Хой хэ*, гдѣ только и можемъ найти воду и траву.» Учитель спросилъ: «Что такое урочище бѣлыхъ костей?» *Сянъ гунъ* сказалъ: «Это древнее мѣсто побоища; утомленные воины, доходя сюда, умирали; изъ десяти, не возвратилось ни одного; это поле смерти. Недавно, великая Найманьская сила также была разбита на этомъ мѣстѣ [239]). Проходящіе днемъ, въ ясную погоду, люди и кони падаютъ отъ утомленія и умираютъ; только поднявшись вечеромъ и путешествуя ночью, можно пройти половину пустыни, а на другой день, къ полудню, дойти до воды и травы.» Нѣсколько отдохнувши, послѣ полудня, мы отправились въ путь. Мы проѣхали болѣе ста песчаныхъ холмовъ, какъ будто плыли въ ладьѣ по огромнымъ волнамъ. На другой день, между часомъ *чэнь* и *сы* [260]), достигли того города. Ѣхать ночью намъ было весьма хорошо и удобно; только боясь, чтобы въ ночномъ мракѣ насъ не обморочили злые духи, мы, для отогнанія ихъ, мазали головы своихъ коней кровью [261]). Видя это, учитель, смѣясь, сказалъ: «Нечистые оборотни и демоны, встрѣтивъ прямаго человѣка, бѣгутъ отъ него далеко; объ этомъ писано и въ книгахъ, и кто этого не знаетъ? Зачѣмъ Дао-

самъ заботиться о подобныхъ вещахъ?» Съ закатомъ солнца, мы отправились въ путь; всѣхъ усталыхъ быковъ мы побросали на дорогѣ и запрягли въ телѣги по шести лошадей. Съ сихъ поръ мы больше уже не употребляли быковъ. Находясь еще на сѣверной сторонѣ песчаной полосы, мы замѣтили на южномъ горизонтѣ, какъ будто серебристую зарю; когда мы спросили спутниковъ нашихъ: что это такое? никто изъ нихъ не зналъ. Учитель сказалъ: «Это должно быть *Инь шань*» [262]). На другой день, переѣхавъ песчаную полосу, мы встрѣтили дровосѣковъ, и спрашивали ихъ о томъ же; всѣ они подтвердили слова учителя. По сему случаю учитель, на дорогѣ, сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Высоки [263]) какъ облака, бѣлы какъ песокъ; издали смот-
«рѣть, не знаешь навѣрное, не обманъ ли то зрѣнія; но мало
«по малу, различаемъ на горахъ кучи нефритовыхъ крупинокъ;
«смотрѣть издали, какъ будто солнечные лучи пронзаютъ се-
«ребристое облако; простираясь по воздушному пространству,
«прямой линіей [264]) на тысячу ли, онѣ надзираютъ, на землѣ,
«рядъ городовъ и человѣческихъ жилищъ. Отъ древности до
«нынѣ, онѣ не сокрушаются; я воспѣваю ихъ въ стихахъ,
«смотря на югъ, прямо на нихъ».

Въ 8-й лунѣ 27-го числа, мы прибыли къ сѣверной сторонѣ *Инь шани*. *Хой хэ* вышли къ намъ на встрѣчу на сѣверъ небольшаго города; старшина приготовилъ винограднаго вина, отличныхъ плодовъ, большихъ лепешекъ, круглаго луку [265]) и персидскаго холста [266]) каждому по футу [267]). Онъ сказывалъ,

что въ 300 ли, по южную сторону *Инь шани* находится *Хэ чжоу* [268]). Здѣсь страна весьма жаркая; винограду множество. На другой день мы отправились на западъ, подлѣ рѣки и проѣхали два городка; повсюду были жители; въ это время пшеница на поляхъ только что созрѣла; всѣ поля орошаются водою источниковъ и оттого получаютъ яровое: ибо дожди здѣсь рѣдки. На западъ отсюда прибыли въ большой городъ *Бѣ сы ма* [269]); государь [270]), чиновники, благородные и народъ, монахи буддійскіе и даосскіе [271]), въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ процессіи, далеко вышли встрѣчать насъ. Буддійскіе монахи были въ красномъ платьѣ; у Даосовъ платье и шапки совершенно отличны отъ нашихъ. Мы остановились на западъ отъ города и помѣстились въ высокой палатѣ одного виноградника. Тогда родичи Хой хэсскаго князя принесли намъ винограднаго вина, чудесныхъ цвѣтовъ, разныхъ плодовъ, рѣдкихъ благовоній и разставили карликовъ-музыкантовъ, которые всѣ были Китайцы. Благородные и народъ, съ каждымъ днемъ, оказывали учителю болѣе уваженія. Въ обществѣ его сидѣли и Буддисты, и Даосы, и Конфуціанцы [272]). Когда онъ разспрашивалъ ихъ объ обычаяхъ здѣшней страны, они говорили: «Здѣшнее мѣсто, во времена династіи *Танъ* было *Бэй тинское* [273]) *Дуань фу* [274]). Въ 3-й годъ правленія *Цзинъ-лунъ* [275]), *Янъ-гунъ хэ* былъ здѣшнимъ *Дадуху* [276]). Онъ сдѣлалъ здѣшней странѣ много добра, такъ что варвары были ему преданы; благотворенія его простерлись и на потомство, и мы нынѣ еще пользуемся ими. Въ кумирнѣ *Лунъ синъ си сы* есть два каменные

памятника, на которыхъ описаны его доблести въ полномъ свѣтѣ. Въ кумирнѣ есть полное [277]) собраніе буддійскихъ книгъ. Въ настоящее время, еще вездѣ встрѣчаются пограничные города Танской династіи. Отсюда на востокъ, въ нѣсколькихъ стахъ ли, есть *фу* [278]), называемое *Силянъ* [279]), отсюда на западъ, въ 300 слишкомъ ли, есть *сянь* [280]), называемый *Лунь тай»* [281]). Учитель спросилъ: «Сколько еще пути до мѣстопребыванія императора?» Всѣ сказали, что отсюда на югозападъ будетъ болѣе 10,000 ли. Въ эту ночь былъ вѣтеръ и дождь; за виноградникомъ пало одно большое дерево. По этому случаю, учитель сочинилъ стихи и показалъ ихъ спутникамъ:

«Ночью мы стояли подъ горою *Инъ шанъ*; гора погружена «была въ ночную тишину и покой; въ безграничной пустотѣ «стемнѣли облака и зашумѣли листья на большомъ деревѣ; за «тысячи ли пути, время и въ три зимніе мѣсяца тепло [282]); «дерево цѣликомъ рухнулось на земь и рѣзкій вѣтеръ сво«бодно кружилъ на немъ.»

Девятой луны 2-го числа, мы отправились на западъ и черезъ четыре дня остановились на востокъ отъ *Лунъ тая.* Глава *Дъско* [283]) встрѣтилъ насъ. На югѣ, въ Инъшаньскомъ хребтѣ, воздымались три пика, упираясь въ небо. По сему случаю, учитель написалъ стихи и подарилъ ихъ учащемуся *Любо сяну, Шенъ сянъ женю* [284]). Стихи слѣдующіе:

«Три пика, вмѣстѣ, вонзаются въ холода облаковъ; че«тыре отвѣса стоятъ рядами поперегъ, окруженные падями и «уступами. Снѣжный хребетъ сопредѣленъ небу, куда не до-

«стигнуть людямъ; тамъ ледяное озеро освѣщается солнцемъ и «простымъ смертнымъ трудно зрѣть его, (говорятъ, что когда «смотрятъ на это озеро, то разсудокъ омрачается); въ горѣ «есть глубокій утесъ, куда можно скрыться отъ гибели меча, «(этотъ утесъ неприступенъ и крѣпокъ; если укрѣпиться на «немъ и охранять его во время военныхъ смутъ, то можно из- «бѣгнуть бѣдствій войны); скопище водъ можетъ увлажнять «сухія поля, (внизу есть источники воды, которой можно орошать «поля съ хлѣбомъ; каждый годъ, оттого, яровое и созрѣваетъ); «эта славная твердыня есть первая въ сѣверныхъ странахъ и «нѣтъ человѣка, который изобразилъ бы ее на картинѣ.»

Потомъ, проѣхавъ еще два города, 9-й луны 9-го числа, мы достигли города *Чанъ-бала* [285]), принадлежащаго *Хой хэ*. Владѣтель здѣшній *Уй-вуръ* [286]), давно знакомый съ *Чжень хаемъ*, въ сопровожденіи своихъ родичей и монаховъ Хой хэсскихъ, вышелъ къ намъ далеко на встрѣчу. Когда мы вступили въ городъ, князь угостилъ насъ обѣдомъ на террасѣ; даже жена его подчивала насъ виноградным виномъ; поднесли намъ арбузовъ, которые вѣсили по безмѣну [287]); дыни были съ цѣлую подушку [288]), съ ароматомъ и вкусомъ, которыхъ не знаютъ у насъ въ Китаѣ; огородныя овощи здѣсь такія же, какъ и у насъ. Однажды приходилъ къ учителю посидѣть буддійскій монахъ; учитель спросилъ его черезъ переводчика: «Какія книги читалъ онъ?» Монахъ отвѣчалъ, что, постригшись въ монашество и принявъ его обѣты, онъ занимается только поклоненіемъ Буддѣ. Надобно замѣтить, что страна отселѣ на востокъ, при

Танской династіи, принадлежала Китаю; на западъ отсюда уже нѣтъ ни Буддистовъ, ни Даосовъ. *Хой хэ* поклоняются только западу.

На другой день мы ѣхали вдоль *Инъ шанъ* на западъ, переѣздовъ десять; переѣхали также песчаную полосу: песокъ мелокъ и при вѣтрѣ пересыпается въ видѣ воздымающихся волнъ, то собираясь въ кучи, то снова разсѣеваясь; здѣсь нѣтъ ни былинки растенія; телѣги вязнутъ, кони тонутъ въ пескѣ; мы вышли изъ этой степи только черезъ цѣлыя сутки. Вѣроятно, это есть часть огромной полосы *Богудяньскихъ* песковъ. На югъ она примыкаетъ къ подошвѣ *Инъ шанъ*. Пройдя пески, мы ѣхали пять дней и остановились на сѣверной сторонѣ *Инъ шани*. На другой день, раннимъ утромъ, мы ѣхали на югъ, по длинному скату, ли 70, или 80, и остановились на ночевье, къ вечеру. Воздухъ былъ холоденъ; воды не было. На другой день, рано утромъ, мы поднялись и поѣхали на юго-западъ; ли черезъ двадцать, мы очутились вдругъ у огромнаго озера, имѣющаго въ окружности около 200 ли; снѣжные пики, окружая его со всѣхъ сторонъ, отражались въ водахъ озера [289]). Учитель назвалъ его *небеснымъ озеромъ*. Слѣдуя подлѣ озера, мы спустились прямо на югъ; по обѣ стороны насъ стояли отвѣсныя скалы и воздымались пики; густой лѣсъ сосенъ и березъ, вышиною болѣе ста футовъ, въ безчисленномъ множествѣ, покрывалъ горы съ вершины до подошвы ихъ. Потоки воды стремятся въ ущелье быстрыми струями и каскадами, и извиваются въ немъ около 60 или 70 ли. Второй царевичъ [290]), бывшій во

время похода съ императоромъ, первый проложилъ здѣсь дорогу, пробивъ скалы, и изъ нарубленнаго лѣса устроилъ 48 мостовъ [291]); по мостамъ могутъ проѣхать двѣ телѣги рядомъ. Къ вечеру мы остановились въ ущельѣ на ночевье. На другой день, мы, наконецъ, выѣхали изъ ущелья и вступили въ огромную долину, простирающуюся съ востока на западъ. Здѣсь воды много, трава богатая; воздухъ какъ весной; было немного тутовыхъ деревьевъ и жужубовъ. Потомъ, черезъ одинъ переѣздъ, 9-й луны 27-го числа, мы прибыли въ городъ *Алима* [292]). Владѣтель государства *Иу сумань* [293]), вмѣстѣ съ монгольскимъ *Да-ла-ху-чжи* [294]), во главѣ свитъ своихъ, вышли намъ на встрѣчу. Мы остановились въ западномъ плодовомъ саду. Туземцы называютъ плодъ, по своему, *алима* [295]) и такъ какъ здѣсь много плодовъ, то они и назвали городъ именемъ плода. Здѣсь есть ткань, называемая *ту-лу-ма* [296]); въ народѣ говорятъ, что она соткана изъ посаженной шерсти овецъ [297]). Мы получили тогда 7 кусковъ этой ткани, для теплаго платья. Эта шерсть походитъ на нашъ новый пухъ, чиста, тонка и мягка; изъ нея можно прясть нитки, вить веревки, ткать холстъ и дѣлать вату [298]). Земледѣльцы здѣшніе тоже орошаютъ поля водопроводами. Туземцы берутъ воду кувшинами, которые носятъ на головахъ. Когда они увидѣли китайскую бадью, для черпанія воды, то, восхищаясь ей, говорили: «У васъ *Тао хуаши* всѣ вещи искусны». *Тао хуаши* называютъ они Китайцевъ [299]). Учитель изобразилъ путешествіе наше отъ *Цзинь шань* до сего мѣста въ слѣдующихъ стихахъ:

«На востокѣ *Цзинь шань*, на западѣ *Инь шань*; тысячи «отвѣсовъ и 10,000 пропастей, ихъ сжимаютъ глубокіе по- «токи; по берегамъ потоковъ навалены камни, поперегъ до- «роги; здѣсь издревле до нынѣ, невозможно было пройти ни «колесамъ, ни конямъ; но въ прежній годъ, когда возникла «война, два царевича устроили дороги, подняли мосты и от- «вели воду потоковъ. Въ нынѣшнемъ году, мы, Даосы, проби- «рались на западъ и шумъ отъ нашихъ телѣгъ и топотъ ко- «ней снова раздался въ сихъ мѣстахъ. Серебряная гора, съ «желѣзными отвѣсами, съ безчисленными уступами, съ пиками, «поднимающимися одинъ выше другаго! Прославляю твое спо- «койное и суровое величіе; по восходѣ солнца, съ вершины «ея, океанъ кажется близкимъ; при свѣтѣ луны, она возды- «мается до небесной рѣки [300]); достигающія до небесъ сосны, «прямыя, какъ черенки кистей, густыя, движущіяся и высокія, «поднимаются болѣе чѣмъ на сто футовъ; онѣ, въ безчислен- «номъ множествѣ, цвѣтутъ и зеленѣютъ, одна подлѣ другой; «ни одна птица не поетъ; пусто и молчаливо. Горы *Янъ-чан- «скія* и *Мынъ-мыньскія* [301]), превышающія *Тайханскій* хре- «бетъ, въ сравненіи съ здѣшними горами, кажутся обыкновен- «ными. Поднимаясь въ двухъ телѣгахъ и спускаясь, мы стра- «дали отъ толчковъ,—а спереди и сзади насъ шли, со стра- «хомъ, сто всадниковъ; на вершинѣ горы стоитъ море,—Не- «бесное озеро; ровная поверхность его, на сто ли, отражала «тысячи видовъ; придерживая телѣги и удерживая лошадей, «спускались мы съ горы на западъ, и черезъ 48 мостовъ,

«внизъ, спустились на 100,000 футовъ. На югъ отъ рѣки и на «сѣверѣ моря [302]), горы безконечны, виды ихъ безпредѣльно- «разнообразны, и общій видъ ихъ одинаковъ [303]); но онѣ не «сравнятся съ здѣшними чудными видами, острыми скалами, воз- «двигнутыми одна надъ другой, какъ будто силою духа; когда «я былъ здѣсь, между 8-й и 9-й лунами, горы покрыты были, «съ половины вверхъ, снѣгомъ; на южной сторонѣ горъ—ра- «стенія и деревья, весеннее тепло; а на сѣверной, закутав- «шись въ одѣяло, чувствуешь холодъ, какъ отъ желѣза.»

Учителя снабжали каждый день болѣе прежняго.

Потомъ, черезъ четыре дня пути на западъ, прибыли къ *Таласу мулянь* (*мулянь* значитъ рѣка) [304]); рѣка глубока и широка, течетъ на сѣверо-западъ; выходя съ востока, она прорѣзываетъ *Инь шань*. На югъ рѣки, тоже опять снѣжныя горы. 10-й луны 1-го числа, переплывъ рѣку на суднѣ, мы прибыли на югъ къ одной большой горѣ, по сѣверную ея сторону, гдѣ есть небольшой городъ. Далѣе, мы пять дней ѣхали на западъ. Такъ какъ учитель, по императорскому повелѣнію ѣхавшій, мало по малу приближался къ мѣсту пребыванія Чингиса, то посланецъ отправился впередъ доложить ему о томъ. Учителя сопровождалъ только *Чжень хай гунъ*. Ѣхавши далѣе семь дней на западъ, мы переѣхали одну гору, на юго-западъ, и встрѣтили здѣсь китайскаго посла, возвращавшагося въ Китай [305]), онъ поклонился учителю передъ его палаткой. Учитель спросилъ его: «Когда онъ отправился?» Посланецъ отвѣчалъ, что онъ являлся въ послѣдній разъ Чингису 7-й луны

12-го числа, и что Императоръ съ войскомъ преслѣдуетъ *Суань дуань хана*[306]), до Индіи. На другой день выпалъ большой снѣгъ; мы прибыли въ небольшой городъ Хой хэсскій; снѣгу выпало на футъ; но съ восходомъ солнца онъ растаялъ. 16-го числа, направляясь на юго-западъ, мы переѣхали рѣку, досчатымъ мостомъ, и къ вечеру прибыли къ подошвѣ южныхъ горъ. Здѣсь владѣніе *Да ши Линья* (*Да ши*—министръ, *Линья*—его имя). Здѣшній государь есть потомокъ династіи *Ляо*; когда *Гиньскія* войска покорили *Ляо*, *Да ши Линья*, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, бѣжалъ на сѣверо-западъ; болѣе десяти лѣтъ переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, пока, наконецъ, не дошелъ до сей страны[307]). Здѣшняя страна, климатомъ и воздухомъ, различна отъ страны по сѣверную сторону *Цзинь шань*; здѣсь весьма много равнинъ; жители занимаются земледѣліемъ и шелководствомъ; вино выдѣлываютъ изъ винограда; плоды тѣ же, что въ Китаѣ; только цѣлое лѣто и осень не бываетъ дожди; поэтому поля орошаются водою изъ рѣкъ, посредствомъ канавъ; отчего хлѣба и поспѣваютъ. На сѣверо-востокѣ и юго-западѣ, налѣво горы, направо долины, тянутся безпрерывно на 10,000 ли. Государство здѣшнее существовало около ста лѣтъ; когда *Наймани* потеряли свое владѣніе, они прибѣгли къ *Да ши*; но когда усилились войскомъ, то насильственно овладѣли этою страною; потомъ *Суань дуань*[308]) отнялъ у нихъ западную часть[309]). Когда войска Чингиса[310]), пришли сюда, Наймани были скоро истреблены и *Суань дуань* тоже низверженъ. Мы слышали, что предстоящая дорога труд-

на; въ это самое время, одна телѣга у насъ сломалась; мы и оставили ее. 18-го числа, мы ѣхали подлѣ горъ, на западъ, дней 7 или 8, когда горы вдругъ пошли на югъ; на дорогѣ попалось намъ каменное городище; камни совершенно краснаго цвѣта; есть слѣды давняго военнаго становища [311]). На западѣ, есть большія насыпи могильныя, расположенныя, какъ звѣзды въ Медвѣдицѣ. Потомъ, переѣхали черезъ каменный мостъ и по направленію юго-западныхъ горъ, сдѣлали пять переѣздовъ до города *Сай лань* [312]). Здѣсь небольшая башня. Хой хэсскій ванъ [313]) встрѣтилъ насъ и ввелъ въ подворье. Въ первые дни 11-й луны, сряду шелъ сильный дождь; 4-го числа у туземцевъ былъ новый годъ [314]); они толпами ходили и поздравляли другъ друга. Въ этотъ день, *Сюй цзинъ Сянь тенъ Чжао цзю гу* [315]), сказалъ *Иль гуну* [316]): «Когда я былъ въ *Сюань дэ*, за учителемъ нашимъ, то предчувствовалъ, что удаляюсь навсегда, и мнѣ тяжело было путешествовать; но я послѣдовалъ наставленіямъ учителя, который говорилъ, что подвижникъ не долженъ возмущаться сердцемъ, при мысли о смерти и рожденіи, и думать о страданіяхъ и удовольствіяхъ; по чтобы ни случилось, все хорошо; теперь время моего возвращенія [317]) настало; вы, друзья, служите усердно отцу нашему.» Послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, онъ преставился. Это было въ 5-й день 11-й луны. Учитель приказалъ ученикамъ погрести тѣло покойнаго, на востокъ отъ города, на одной возвышенности. За тѣмъ, мы отправились на юго-западъ и черезъ три дня прибыли въ одинъ городъ. Ванъ его тоже изъ

Хой хэ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ встрѣтилъ и проводилъ насъ съ напутными поднесеніями, и угощалъ вареными лепешками. На другой день, мы опять проѣхали одинъ городъ и еще черезъ два дня пути прибыли къ рѣкѣ *Хо ганъ* [318]) *мулянъ*; мы переѣхали ее по пловучему мосту и остановились на западномъ берегу ея. Смотритель надъ мостомъ поднесъ *Тянь сянъ гуну* [319]) рыбу съ огромнымъ ртомъ, безъ чешуи. Истоки этой рѣки находятся на юго-востокѣ, между двумя снѣжными горами; вода въ ней мутна и течетъ быстро; глубина ея въ нѣсколько *чжановъ* [320]); направленіе ея на сѣверо-западъ; неизвѣстно, сколько тысячъ ли она протекаетъ. На юго-западъ отъ рѣки, тянется степь болѣе 200 ли, гдѣ нѣтъ вовсе ни травы, ни воды; поэтому мы ѣхали тутъ ночью; потомъ мы направились на югъ, къ большимъ горамъ, и на западъ; эти горы соединяются съ южными *Сьмисыпаньскими* горами [321]). Учитель сочинилъ здѣсь слѣдующіе стихи:

«Горныя высоты, созданныя творцемъ, неизрѣченны; съ «востока на западъ стоятъ онѣ грядами, созданныя самимъ «небомъ; югъ ограждается нефритовой горой, цѣпью высокихъ «пиковъ; на сѣверѣ, горы давятъ золотой песокъ и опоясаны «дикой равниной; внизу лежатъ источники, съ неистощимою «влагой; вверхъ горы досягаютъ до небеснаго пути, до *Ю гой «цинъ* [322]); путешествуя 10,000 ли, я неохотно открываю уста; «но дошедъ сюда, пою громко, не могши удержать чувствъ.»

Потомъ прибыли мы въ одинъ городъ, гдѣ нашли траву и воду; далѣе проѣхали однимъ городомъ. Хой хэсскій старши-

на котораго вышелъ далело намъ на встрѣчу, угостилъ насъ, на югѣ отъ города, обѣдомъ и поднесъ виноградиаго вина; причемъ, по его приказанію, мальчики забавляли насъ, лазя по шестамъ и пляша съ мечами. Потомъ, проѣхавъ еще два города, мы полдня ѣхали въ горахъ и выѣхали на долину, простирающуюся съ юга на сѣверъ; здѣсь мы провели ночь подъ шелковичнымъ деревомъ; это дерево, тѣнью своей, могло прикрыть до ста человѣкъ. Далѣе, прибывши къ одному городу, мы видѣли на дорогѣ колодецъ, глубиной болѣе ста футовъ; одинъ старикъ изъ Хой хэ, коровой вертѣлъ колодезный воротъ и вычерпывалъ воду, для жаждущихъ; когда Императоръ проходилъ здѣсь на завоеваніе запада, то увидѣвъ старика въ этомъ занятіи, подивился этому и повелѣлъ освободить его отъ оброка и повинностей.

11-й луны 18-го числа, перейдя большую рѣку, мы прибыли на сѣверъ большаго города *Семи сы гань*. Насъ встрѣтили въ предмѣстіи Тайнин [323]) *Ила го гунъ* [324]), Монгольскіе воеводы и Хой хэсскіе старшины, съ виномъ, и разбили множество палатокъ; поэтому мы тутъ и остановились. Посланецъ *Лю гунъ*, оставшійся за препятствіями въ переднемъ пути [325]), сидѣлъ вмѣстѣ и сказалъ учителю: «Впереди, за тысячу ли, есть большая рѣка; я только что узналъ, что мѣстные мятежники разрушили судно и мостъ на ней; притомъ теперь глубокая зима; не лучше ли будетъ тебѣ отправиться ко двору весной?» Учитель согласился. Спустя нѣсколько времени, мы въѣхали въ городъ сѣверо-восточными воротами. Городъ расположенъ

на берегу каналовъ; такъ какъ лѣтомъ и осенью никогда не бываетъ дождя, то жители провели двѣ рѣки въ городъ и распредѣлили ихъ по улицамъ и переулкамъ, такъ что во всѣхъ домахъ могутъ пользоваться водой. Когда домъ *Суанъ дуаня* не былъ еще свергнутъ [326]), въ городѣ постоянно жило болѣе 100,000 семействъ; но со времени покоренія, осталось только четверть народонаселенія. Поля и сады городскіе, большею частію, Хой хэсскіе; но сами Хой хэ не могутъ владѣть ими и надобно, чтобы то было сообща съ Китайцами, Киданьцами, Хэссійцами и другими [327]); правители и старшины надъ ними поставлены тоже изъ разноплеменныхъ. Китайскіе рабочіе и ремесленники живутъ по всѣмъ мѣстамъ. Внутри города есть возвышеніе футовъ въ сто, гдѣ стоитъ новый дворецъ *Суанъ дуаней* [328]). Въ немъ помѣщался прежде Тайши, но такъ какъ, вслѣдствіе труднаго пропитанія, изъ Хой хэ начали образоваться шайки разбойниковъ, то онъ, боясь возмущенія, перешелъ жить на сѣверную сторону рѣки. Учитель съ нами и помѣстился во дворцѣ, сказавъ со вздохомъ: «Даосы бродятъ безпечно и такъ проводятъ время; если обнаженный мечъ будетъ висѣть надъ ихъ головами, они и этого не боятся; тѣмъ болѣе, непадобно заранѣе унывать, когда разбойники еще не явились. Притомъ, зло не можетъ повредить добру». Этимъ онъ успокоилъ своихъ спутниковъ. Тайши устроилъ для него обѣдъ и поднесъ ему десять кусковъ золотошвейной ткани; но учитель отказался принять. Каждую луну, онъ присылалъ учителю крупы, муки, соли, масла, плодовъ и овощей, и съ каж-

дымъ днемъ былъ къ нему почтительнѣе. Видя, что учитель пьетъ мало, онъ просилъ его, позволить выжать для него свѣжаго вина изъ ста гиновъ винограда. Но учитель сказалъ: «Къ чему непремѣнно вина; довольно, если я получу эти сто гиновъ винограда; мнѣ будетъ чѣмъ угостить гостей». Этотъ виноградъ не портится цѣлую зиму. Мы видѣли здѣсь также павлиновъ и большихъ слоновъ,—это произведенія Индіи, отсюда за нѣсколько тысячъ ли на юго-востокъ. По сему случаю, учитель, въ праздное время, сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Двѣ луны шли мы и кончили въ десятой; на западъ при-
«были къ стѣнѣ Хойхэсскаго большаго города; башня высока,
«а не видно 13 ярусовъ [329]), построена изъ кирпича, по кото-
«рому вырѣзаны арабески; извнѣ пѣть ярусовъ: внутри можно
«входить [330]); горы толсты, съ безчисленнымъ множествомъ усту-
«повъ. Въ осенніе дни, за городомъ, пасутъ еще слоновъ;
«лѣтнія облака не даютъ дождя, вопреки Дракону [331]). Есть
«прекрасные овощи, пшеничная каша, виноградное вино; на-
«ѣвшись до сыта, я спокойно сплю и питаю обычную лѣнь
«свою.»

Когда учитель прожилъ зиму, посланецъ и *Сянъ гунъ* командировали съ нами *Хэла*. Посланецъ, во главѣ нѣсколькихъ сотъ латниковъ, отправился осмотрѣть передній путь. Къ намъ часто приходили Китайцы поклониться учителю. Въ это время, былъ подлѣ астрономъ; учитель спросилъ его о затмѣніи солнца 5-й луны 1-го числа; этотъ человѣкъ сказалъ: «Здѣсь въ часъ *чэнъ* [332]) затмѣніе было на $^{6}/_{10}$ [333])». Учитель сказалъ: «Когда

мы были у *Лу гюй* рѣки, затмѣніе было въ полдень; когда же мы пріѣхали на юго-западъ къ *Цзинь шань*, то тамошніе жители говорили, что въ 10 часовъ утра затмѣніе было на $^{7}/_{10}$. Такимъ образомъ, въ помянутыхъ трехъ мѣстахъ, видѣли затмѣніе неодинаково. *Кунъ инъ да* [331]), въ объясненіи своемъ на *Чунь цю* [335]), говоритъ, что когда луна станетъ противъ солнца [336]), то бываетъ солнечное затмѣніе. Теперь, разсчитывая, надобно принять, что только стоя прямо, подъ низомъ солнца, можно видѣть затмѣніе; что касается до сторонъ, то оно мало по малу измѣняется, съ каждою тысячью ли, такъ точно, какъ если закрыть свѣчу вѣеромъ; гдѣ ложится тѣнь вѣера, тамъ нѣтъ свѣта, а по сторонамъ вѣера, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе свѣта отъ свѣчи [337]). Учитель однажды пришелъ въ старый дворецъ и написалъ на стѣнѣ его двѣ оды, въ родѣ *Фынъ сиву* [338]); одна была слѣдующая:

«Тончайшая частица свѣтлаго духа [339]), тайная и прозрѣ-
«вающая, на небѣ и среди людей, гдѣ она шествуетъ и гдѣ
«скрывается невидимо. По четыремъ океанамъ и по восьми
«странамъ свѣта, она идетъ одинокая; она ни ничто, ни бытіе,
«и кто можетъ зрѣть ее? Въ одномъ взглядѣ, въ одномъ под-
«нятіи бровей, обнаруживается все существо ея; и вмѣстѣ съ
«тѣмъ, она такъ велика и широка, что рѣетъ по верхъ ду-
«ховныхъ міровъ; вращаясь въ перерожденіяхъ міріады вѣ-
«ковъ [340]); она, встрѣтивъ единожды путь девяти темныхъ
«сферъ [341]) возносится, по нимъ, до трехъ чистотъ» [342]).

Другая ода была слѣдующая:

«Солнце и луна вращаются безпрерывно; весна уходитъ, «наступаетъ осень; сколько случается цвѣтущаго и засохшаго! «Со временъ пяти Императоровъ и 3-хъ Монарховъ [313]), протекли тысячи лѣтъ; и то возникали, то падали [314]) и вѣчно такъ; «смерть приходитъ, настаетъ рожденіе; по рожденіи опять «смерть; въ круговоротѣ перерожденій, когда кончатся пре«вращенія? Если не достигнуть страны немышленія и упокое«нія [315]), то невозможно очиститься и вознестись изъ круго«ворота.»

Учитель сочинилъ также двѣ піесы стиховъ; первая изъ нихъ:

«У восточнаго моря и въ западномъ *Цинь* [316]), нѣсколько «десятковъ лѣтъ, я усердно размышлялъ о верховномъ началѣ «и изслѣдовалъ глубокое и сокровенное; въ день ѣлъ однажды, «гдѣ тутъ до сыта? и насильно не спалъ за полночь, до 3-й «стражи [317]). Но, на самомъ дѣлѣ, мнѣ еще не дано возлетѣть «въ небеса; напрасна слава моя; напрасно она распростра«нилась въ сѣверныхъ странахъ, и сдѣлала то, что изъ вели«каго царства пришло ко мнѣ свѣтлое повелѣніе, и я подъ «вѣтромъ и песками, прошелъ 10,000 ли до отдаленныхъ «краевъ.»

Другіе стихи были слѣдующіе:

«Юношей я началъ искать истины около морскихъ волнъ; «въ среднихъ лѣтахъ, скрывался на высотахъ *Лунъ шаньскихъ* «горъ. Я растался съ *Хэнанью* [318]), улетѣвъ, какъ лебедь; дву«кратное повелѣніе изъ-за границы вынудило меня, какъ огром«ное *Ао* [319]); горы и рѣки безъ конца, путь безпредѣленъ

«и занятая душа и тѣло мое [350]) утомляются движеніемъ. Я «знаю тоже, что, не имѣя чудесныхъ даровъ, еще нельзя избѣ-«жать 3,000 міровъ [351]), въ шести странахъ свѣта.»

Въ этотъ годъ, въ концѣ 12-ой вставочной луны [352]), передовые осмотрщики возвратились и вмѣстѣ съ посланцемъ пришли къ учителю и говорили: «Второй Царевичъ, двинувшись съ войскомъ, снова исправилъ суда и мосты; мѣстные мятежники истреблены. *Хэла* и другіе были въ лагерѣ Царевича и явившись къ нему, донесли, что учитель желаетъ явиться въ мѣстопребываніе Императора; на что Царевичъ отвѣчалъ, что Императоръ пребываетъ теперь на юго-востокъ отъ большихъ снѣжныхъ горъ [353]); но теперь снѣгъ глубоко лежитъ въ горныхъ проходахъ на пространствѣ болѣе ста ли, такъ что нельзя пройти; а этимъ путемъ долженъ идти учитель; посему онъ поручилъ имъ просить учителя быть къ нему,—и у него обождать благопріятнаго для путешествія времени; когда онъ (учитель) пойдетъ къ нему, то изъ того города, гдѣ онъ живетъ, дань будетъ ему охранный конвой изъ Монголовъ». Выслушавъ это, учитель сказалъ посланцу: «Я слышалъ, что за рѣкою на югъ, на пространствѣ тысячи ли, вовсе нѣтъ растительной пищи, а я употребляю въ пищу крупу, муку да овощи; донесите о томъ Царевичу.» Въ годъ *жень ву* [354]) весной 1-й луны, начались цвѣты на *Балань*; они походятъ на небольшіе персики; осенью собираютъ съ нихъ плоды и ѣдятъ; вкусъ ихъ какъ *Хутао* [355]). Во второй лунѣ 2-го числа, въ весеннее равноденствіе, цвѣты съ абрикосовыхъ деревъ уже

опадали. Астрономъ *Пань Лигунъ* и другіе просили учителя прогуляться съ ними за городъ, на западъ. Къ намъ присоединились посланецъ съ другими чиновниками, взявъ съ собой виноградиаго вина; въ этотъ день, небо было ясно, воздухъ чистъ; цвѣты и деревья въ свѣжести. Повсюду попадались намъ террасы, озера, башни и палаты; а индѣ были и огороды; отдыхали мы на травѣ и всѣ были веселы. Толковали о вещахъ высшеннихъ; по временамъ угощались виномъ. Солнце было уже на закатѣ, когда мы возвратились. Учитель сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Отъ *Инь шани* на западъ проѣхалъ я 5,000 ли, и на «востокѣ *Даши* 20 переѣздовъ [356]). Послѣ дождя, снѣжныя «горы имѣютъ угрюмый и безцвѣтный видъ издали; въ началѣ «весны въ *Хэ фу* [357]) около періода *Цинъ мина* (*Съми сыгань* го«родъ, въ то время, какъ было здѣсь владѣніе *Даши*, назы«вался *Хэчжунъ фу*) [358]), въ садахъ и рощахъ тихо и птицы «молчатъ (хотя много цвѣтовъ и деревъ, но нѣтъ птицъ); вѣ«теръ и солнце идутъ медленно, въ цвѣтахъ есть чувства. «Дружной компаніей, мы, безъ дѣла, на время, пришли сюда «погулять и посмотрѣть, и я съ громкимъ пѣніемъ возвратил«ся ожидать воцаренія мира» [359]).

15-го числа былъ 105-й утренникъ, праздникъ *Тайшанъ чжень юаня* [360]); тогда чиновники опять просили учителя погулять на западъ отъ города. Сады и рощи были безъ перемежки, на пространствѣ болѣе ста ли; даже китайскіе сады не могутъ превзойти здѣшніе; только въ здѣшнихъ тихо, не

раздается пѣніе птицъ. По этому случаю учитель сочинилъ двое стиховъ и показалъ спутникамъ; первые:

«Въ срединѣ второй луны, въ 105-й утренникъ, когда «низошелъ *Сюань юань* [361]), солнце текло медленно; на ту пору, «ночью, луна свѣтила и вѣялъ тихій вѣтеръ; облака убрались «и дождь пересталъ; окрестности наполнены садами, которыхъ «неисходить, и мы, сидя, любовались цвѣтами и деревьями, «освѣщенными съ неба. Я еще не могу отрѣшиться отъ пищи [362]) «и сдѣлаться вожделеннымъ бѣглецомъ [363]); иду я къ безгрѣш- «ному [364]), а наслаждаюсь мірскимъ».

Вотъ другіе стихи:

«Древніе слѣды отдаленныхъ варваровъ [365]) еще стоятъ ря- «дами; дружная компанія пріятелей изъ великаго Китая вышла «туда погулять; старинныя бесѣдки и террасы стоятъ повсюду; «цвѣты и мурава прежнихъ лѣтъ, по времени, обновились. «Пейзажи такъ хороши, что невольно останавливаютъ посѣ- «тителей; для чего солнце, заходя, прекращаетъ нашу про- «гулку и возвращаетъ насъ? Я и подумалъ про себя: какъ «скоротечны виды міра сего! какое сравненіе съ премірнымъ, «гдѣ упиваются вѣчной весной!»

Въ 3-й лунѣ, въ первой декадѣ, прибылъ изъ ханской ставки *Ам сянь*, съ такимъ повелѣніемъ Императора: «Святой мужъ! ты пришелъ изъ страны восхода солнца, пробрался съ трудомъ черезъ горы и долины, и утрудился крайне. Теперь я уже возвращаюсь [366]) и нетерпѣливо желаю слышать толкованіе *Дао*; не полѣнись встрѣтить меня.» На имя по-

сланца *Чжунъ лу* было слѣдующее повелѣніе: «Ты, съ моимъ повелѣніемъ, проси его; если ты угодишь моей мысли — послѣ я поставлю тебя на доброй землѣ» [367]). Потомъ было повелѣніе *Чжень хаю*: «Ты, сопровождая и оберегая учителя тщательно, заслужилъ мое благоволеніе.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно темнику *Бо лу чжи* [368]), съ 1,000 латниковъ, сопровождать его, при проходѣ черезъ желѣзныя ворота [369]). Когда учитель спросилъ *Ами сяня* объ его путешествіи, тотъ говорилъ: «Отправившись отсюда весной, 1-й луны 13-го числа, я ѣхалъ три дня на юго-востокъ, проѣхалъ желѣзныя ворота; потомъ, черезъ пять дней, переѣхалъ черезъ большую рѣку. 2-й луны 1-го числа, я переѣхалъ, на юго-востокъ, черезъ большую снѣжную гору; снѣгъ лежалъ весьма высоко; я пробовалъ съ лошади плетью, но и до половины не досталъ; на протоптанной дорогѣ снѣгу еще футовъ на пять; отселѣ, слѣдуя на югъ, я прибылъ въ станъ ханскій; когда я доложилъ хану о твоемъ слѣдованіи, онъ былъ радъ и оставилъ меня на нѣсколько дней; послѣ чего я и возвратился.» Вслѣдствіе сего, учитель, оставивъ въ подворьѣ трехъ учениковъ, *Инь гунъ чжи пина*, и другихъ, взялъ съ собой 5 или 6 человѣкъ, и вмѣстѣ съ посланцемъ и прочей свитой, отправился въ путь 3-й луны 15-го числа; черезъ четыре дня проѣхали городомъ *Гыши* [370]), гдѣ заранѣе сообщено было повелѣніе темнику *Бо лу чжи*, который, съ тысячью Монгольскихъ и Хойхэсскихъ латниковъ, сопровождалъ учителя чрезъ желѣзныя ворота. Слѣдуя на юго-востокъ, мы переѣхали черезъ одну гору; гора чрезвычайно

высока и велика; камни грудами лежали въ безпорядкѣ; солдаты сами тащили телѣги; уже черезъ два дня, мы достигли передней стороны горы. Мы поѣхали по потоку на югъ, а конвой углубился на сѣверъ въ большія горы, для разбитія разбойниковъ [371]). Черезъ пять дней, мы прибыли къ небольшой рѣкѣ, которую переплыли на судиѣ; оба берега рѣки опушены густымъ лѣсомъ; на седьмой день, мы переправились на судиѣ черезъ большую рѣку, которая и есть *Аму мулянь* [372]). Отсюда ѣхали на юго-востокъ и къ вечеру остановились у древняго водопровода; берега его заросли тростникомъ, различнымъ отъ китайскаго. Большіе, всю зиму, сохраняютъ зеленые листья и не опадаютъ; мы взяли ихъ себѣ для посоховъ; когда мы положили ихъ на ночь подъ оглобли, они не изломались отъ тяжести ихъ. На маломъ тростникѣ, листья сохнутъ и возобновляются весной. Нѣсколько на югъ, въ горахъ, есть большой бамбукъ, съ сердцевиной; воины употребляли его на копья; видѣли также ящерицъ; длиною около трехъ футовъ, цвѣта темнаго.—Въ это время, было 29-е число 3-й луны [373]); по сему случаю, учитель сочинилъ стихи:

«Не осуществивъ стремленія къ *Дао*, я весьма боюсь демоновъ искусителей; на востокѣ я разстался съ приморьемъ и отправился на западъ, гдѣ предѣлъ теченію солнца; не слышалъ пѣнія пѣтуховъ и лая собакъ [374]); на станціяхъ смѣнялись кони и быки; горъ и рѣкъ тысячи, и я не знаю, что за мѣста?»

Потомъ, черезъ четыре дня, мы прибыли въ ханскій станъ.

Ханъ выслалъ на встрѣчу учителю вельможу *Хэла бодэ*. Это было въ 5-й день 4-й луны. Когда устроено было помѣщеніе для учителя, онъ представился Императору. Ханъ привѣтствовалъ его, говоря ему: «Другіе дворы [373]) приглашали тебя, но ты отказался; а теперь пришелъ сюда изъ-за 10,000 ли; мнѣ это весьма пріятно.» Учитель отвѣчалъ: «Что горный дикарь пришелъ сюда, по повелѣнію Вашего Величества, то воля неба.» Чингисъ былъ доволенъ; онъ пригласилъ его сѣсть и приказалъ подать ему кушанья; потомъ спросилъ его: «Святой мужъ! ты пришелъ издалека; какое у тебя есть лекарство для вѣчной жизни [376]), чтобы снабдить меня имъ?» Учитель отвѣчалъ: «Есть средства хранить свою жизнь, но нѣтъ лекарства безсмертія» [377]). Чингисъ ханъ весьма похвалилъ его чистосердечіе и прямоту. Онъ приказалъ приготовить двѣ юрты для его помѣщенія, на востокъ отъ ханской. Переводчикъ спросилъ [378]) его: «Люди называютъ тебя *Тэнъ ги ли мэнъ гу кунъ* (т. е. небеснымъ человѣкомъ) [379]); ты самъ такъ назвалъ себя, или другіе дали тебѣ это имя?» Учитель отвѣчалъ: «Горный дикарь не самъ назвался такъ; другіе дали мнѣ это имя.» Переводчикъ опять пришелъ [380]) съ вопросомъ: «Въ прежнее время какъ называли тебя?» Учитель доложилъ: «Насъ было четыре человѣка [381]), изучавшихъ *Дао*, подъ руководствомъ учителя *Чунъ яна*; трое уже вознеслись; остался въ мірѣ только горный дикарь; люди называли меня: *Сянь шенъ*» [382]). Ханъ спросилъ *Чжень хая*: «Какое дать наименованіе святому мужу?» *Чжень хай* отвѣчалъ: «Иные, изъ уваженія къ кому нибудь,

называютъ его наставникомъ [383]) и святымъ мужемъ [384]); другіе безсмертнымъ» [385]). Императоръ сказалъ: «Съ сихъ поръ, пусть онъ будетъ называться безсмертнымъ.» Въ то время, по случаю жаровъ, онъ послѣдовалъ за Императоромъ въ снѣжныя горы, куда Чингисъ, на то время, удалился. Императоръ назначилъ для слушанія наставленій *Чанъ чуня* 14-е число 4-й луны, и приказалъ запоминать, виѣ [386]), *Тянь чженъ хаю, Лю чжунъ лу* и *Ли ся ню*, а внутри тремъ приближеннымъ особамъ. Но когда наступилъ срокъ, получено извѣстіе о хой хэсскихъ горныхъ мятежникахъ, которые вызывали на бой [387]); Ханъ, рѣшившись самъ идти противъ нихъ, отложилъ засѣданіе до счастливаго дня, 1-го числа 10-й луны. Учитель просилъ позволенія возвратиться въ прежнее подворье; на что Ханъ сказалъ: «Не трудно ли будетъ тебѣ снова пріѣзжать?» Учитель отвѣчалъ: «Всего двадцать дней пути.» Ханъ опять сказалъ: «У тебя нѣтъ провожатыхъ.» Учитель сказалъ: «Есть особо командированный *Янъ а гоу*.» Потомъ, черезъ три дня, ханъ повелѣлъ *Янъ а гоу*, въ главѣ хой хэсскихъ старшинъ, съ 1,000 болѣе всадниковъ, сопровождать учителя и возвратиться другой дорогой. Вслѣдствіе сего, мы проѣхали большую гору; въ горѣ есть каменныя ворота [388]); издали онѣ представляются оглаженными, какъ свѣчи [389]); огромный камень лежитъ поперегъ ихъ, образуя, какъ будто, мостъ; внизу стремительный потокъ. Вершники, погоняяословъ, чтобъ переѣхать потокъ, топили ихъ; по берегамъ его лежало еще много труповъ. Этотъ пунктъ

есть проходная застава, въ недавнее время взятая войскомъ [390]); по выходѣ изъ ущелья учитель сочинилъ двое стиховъ:

«На сѣверъ отъ рѣки [391]) желѣзныя врата еще сносны; но «на югъ отъ рѣки, каменное ущелье чрезвычайно страшно. «По обѣимъ сторонамъ возвышаются до небесъ отвѣсные уте- «сы; и горный потокъ стремитъ холодныя волны свои по кру- «тизнѣ. По сторонамъ дороги разбросаны трупы; прохожіе за- «жимаютъ носы; жалѣю о длинноухихъ [392]), утонувшихъ въ по- «токѣ. Десять лѣтъ, на 10,000 ли, движутся военныя орудія; «но рано, или поздно, войска возвратятся и водворится миръ.»

Вторые стихи слѣдующіе:

«Снѣжный хребетъ упирается въ небо бѣлой вершиной и «лучи утренняго солнца упадаютъ внизъ на долину. Смотря «вверхъ на отвѣсныя скалы, видимъ людей, проходящихъ по- «перегъ; смотря внизъ, со страшной крутизны, видимъ накло- «нившіеся и висящіе кипарисы. Въ 5-й лунѣ, рѣзкій вѣтеръ «дуетъ въ лице холодомъ и внутренняя горячка изцѣляется «тогда же. Пришелъ я проповѣдать ученіе, возвращаюсь по «пусту; избрано другое счастливое время, послѣдній *юань*» [393]).

Въ началѣ, когда учитель прибылъ въ ханскую ставку, въ концѣ третьей луны, растенія и деревья были въ полномъ цвѣтѣ, овцы и кони тучные. Но когда, по ханскому повелѣ- нію, онъ возвращался, то было въ концѣ 4-й луны, всѣ растенія посохли. По сему случаю, учитель сочинилъ стихи:

«Въ заграничныхъ владѣніяхъ, у отдаленныхъ варваровъ, «не узнать всего; тамъ нѣтъ правильнаго распредѣленія *Инь*

«и *Яна* [394]) и временъ года; только что проходитъ 4-я луна, «вліяніе *Инъ* прекращается (весной и зимой идутъ сильные «дожди; въ 4-й лунѣ погода ясная и вовсе не бываетъ дож- «дя) [395]); и рано начинаетъ царствовать, во всемъ небѣ, злой «духъ засухи. Во все лѣто, орошаютъ поля изъ рѣкъ, и трава «убита и помята, какъ въ зимніе мѣсяцы; я проѣхалъ взадъ «и впередъ 3,000 ли (въ третьей лунѣ отправился, въ 4-й «возвращался), и не видѣлъ у путешественниковъ дождеваго «платья.»

На дорогѣ, встрѣтились съ нами люди, возвращавшіеся изъ похода на западъ [396]), которые добыли тамъ много коралловъ; нѣкоторые изъ провожатыхъ чиновниковъ нашихъ вымѣняли у нихъ, за два слитка [397]) серебра, до 50 вѣтвей; большія изъ нихъ, были болѣе фута длиною. Но какъ ѣхали верхами, то нельзя было сохранить ихъ въ цѣлости. Мы ѣхали сряду, и днемъ, и пользуясь прохладою ночей; и черезъ 5, или 6 дней, прибыли въ *Сьми сы гань*, или какъ называютъ *Даши*, *Хэ чжунъ фу*. Чиновники встрѣтили учителя и ввели его въ подворье, это было 5-й луны 5-го числа.

Сюань чай [398]) *Ли гунъ* отправлялся на востокъ; учитель отправилъ съ нимъ стихи къ китайскимъ Даосамъ: стихи были слѣдующіе:

«Когда я отправился въ путь изъ приморскаго города, на морѣ [399]) война еще не прекратилась. Желая водрузить *Дао дэ* за предѣлами тысячъ ли, я не боялся ни вѣтра, ни пыли, шествуя къ девяти варварскимъ народамъ [400]). Сначала я ѣхалъ

на сѣверо-западъ, и поднялся на высокій хребетъ (т. е. *Ѣхулинъ*), потомъ, мало по малу, я уже указывалъ на верхнюю столицу; на юго-востокъ (отъ восточной стороны *Лу гюй* рѣки на юго-востокъ находится *Шанъ цзинъ*) [401]). Потомъ направлялся и спустился на юго-западъ (на юго-западъ, черезъ 4,000 ли, онъ прибылъ въ орду; потомъ на юго-западъ 2,000 ли до *Инь шань*); за *Инь шанью* я не знаю названій мѣстъ (на юго-западъ отъ *Инь шани* большія горы и небольшія рѣки перемежаются; черезъ нѣсколько тысячъ ли, онъ прибылъ въ большой городъ *Сьми сы ганъ*, гдѣ учитель помѣстился въ старомъ дворцѣ).»

И такъ учитель возвратился въ подворье. Подворье стоитъ на сѣверномъ берегу, смотрясь въ чистый потокъ съ высоты футовъ во́ сто. Потокъ вытекаетъ изъ снѣжныхъ горъ; вода въ немъ чрезвычайно холодна. Въ 5-й лунѣ, во время жаровъ, онъ лежалъ у сѣвернаго окна, подъ вѣтромъ; а ночью спалъ на кровельной террасѣ. Въ 6-й лунѣ, въ сильные жары онъ купался въ озерѣ. Такъ свободно проводилъ время учитель въ отдаленной странѣ. Пахатныя земли въ *Хэ чжунъ* удобны для произращенія всякаго хлѣба: нѣтъ здѣсь только гречихи, да бобовъ [402]). Въ 4-й лунѣ пшеница созрѣваетъ; тамъ, собравъ ее, сгребаютъ кучами на землѣ, и когда попадобится, берутъ и мелятъ. Передъ концемъ 6-й луны, управляющій у Тайши [403]), *Лигунъ* подарилъ учителю пять *му* [404]), съ арбузами; на вкусъ они чрезвычайно сладки и душисты; въ Китаѣ такихъ нѣтъ; они были величиною съ цѣлую *доу*. Въ

6-й лунѣ, возвратился второй царевичъ [405]). *Люжунъ лу* выпросилъ у учителя арбузовъ и поднесъ ихъ царевичу; десять вѣсили до 120 гиновъ [406]). Плодовъ и овощей весьма много; не достаетъ только растѣнія *юй* [407]) и каштановъ. Здѣшнія *цыцзы* [408]) имѣютъ видъ огромныхъ пальцевъ, цвѣта багроваго. Мужчины и женщины заплетаютъ волосы. Шапки у мужчинъ издали видѣются, какъ горы: шапки украшены разноцвѣтною тканью, по которой вышиты узоры облаками; къ нимъ привѣшиваютъ кисти. Такія шапки носятъ, начиная съ главы, всѣ чиновные люди; простой же народъ, вмѣсто шапки, обвертываетъ голову кускомъ бѣлой *мосы* (родъ холста) около шести футовъ. Жены старшинъ и богатыхъ обвязываютъ голову флеромъ чернаго, или темнокраснаго цвѣта; на иныхъ вышиты цвѣты и растѣнія, или вытканы фигуры; длиною около 5 или 6 футовъ; волосы у всѣхъ [409]) висятъ; иныя накладываютъ туда ваты; у иныхъ ровнаго цвѣта [410]), у другихъ разноцвѣтные; употребляютъ на то иногда холстъ, или шелковую ткань; косъ не заплетаютъ на верхушки головы; накрываютъ ее холстомъ, или матеріей, и въ этомъ видѣ походятъ на нашихъ монахинь [411]); это у женщинъ простаго народа головной уборъ. Что касается до платья, то употребляютъ обыкновенно тонкую шерстяную матерію бѣлаго цвѣта, сшивая ее въ видѣ мѣшка,—къ верху узко, къ низу широко, и пришивая къ ней рукава,—что и называютъ рубахой; эти рубахи носятъ и мужчины и женщины. Телѣги, суда и земледѣльческія орудія, по устройству и размѣрамъ, весьма разнятся отъ китайскихъ. Туземцы дѣлаютъ посуду изъ мѣдной

руды и мѣди; попадается и фарфоровая, въ родѣ нашихъ Дунскихъ фарфоровыхъ издѣлій. Посуда для вина дѣлается только изъ стекла; военное оружіе изъ закаленнаго желѣза. На рынкахъ въ обращеніи, золотая монета, безъ отверстія [412]); на обѣихъ сторонахъ ея вырѣзаны хой хэсскія буквы. Народъ здѣшній крѣпкій и роста большаго; есть такіе силачи, что носятъ претяжелыя вещи на спинѣ, не употребляя коромысла. По выходѣ дѣвицы замужъ, если мужъ ея обѣднѣетъ, она выходитъ за другаго; если мужъ, отправившись въ путешествіе, не возвратится черезъ три мѣсяца, то женѣ также позволено вступить въ бракъ съ другимъ; но всего удивительнѣе то, что у нихъ попадаются женщины съ бородами и усами; есть у нихъ такъ называемые *Дашима* [413]), которые разумѣютъ ихъ письмо и исключительно завѣдываютъ записями. Въ 12-ую луну [414]), у нихъ продолжается постъ цѣлый мѣсяцъ: каждый вечеръ, старшина самъ зарѣзываетъ барана, для приготовленія пищи, и садится вмѣстѣ съ другими на цыновку; ѣда продолжается отъ вечера до утра. Въ другіе мѣсяцы, есть шесть постовъ. Кромѣ того на верху высокаго зданія, выставляютъ большія бревна, въ видѣ навѣса, въ длину и поперегъ около десяти футовъ; на нихъ устраиваютъ пустой павильонъ, со всѣхъ сторонъ увѣшанный кистями [415]); каждое утро и вечеръ, старѣйшина всходитъ туда и поклоняется на западъ,—что называется молиться Богу, (они не исповѣдуютъ ни буддійской, ни даосской вѣры); онъ кричитъ тамъ, на верху, на распѣвъ; мужчины и женщины, услышавъ его голосъ, тотчасъ бѣгутъ туда и внизу

поклоняются; тоже бываетъ по всему государству: неисполняющіе этого обряда, подвергаются смерти. Платье старѣйшины одинаково съ его соотечественниками, а голова обвернута тонкой *мосы*, длиной въ 32 фунта на бамбуковой тульѣ. Учитель, дивясь здѣшнимъ обычаямъ, запамятовалъ ихъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Хойхэсскіе холмы—страна на 10,000 ли; самый могу-«щественный городъ есть *Хэ чжунъ*; весь городъ наполненъ «мѣдными сосудами, сіяющими какъ золото, а на рынкахъ воен-«ное платье, какъ даосское. Ножницы и шила изъ золота суть «товары и подарки [416]); шьютъ платье изъ бѣлой тонкой шер-«стяной матеріи. Чудесныя дыни и бѣлыя туговыя ягоды, вещи «необыкновенныя; кому изъ Китайцевъ попробовать ихъ!»

Во время жаровъ, снѣжныя горы были весьма холодны; туманныя облака дѣлали видъ ихъ угрюмымъ и безцвѣтнымъ. По этому случаю, учитель сочинилъ слѣдующую строфу:

«Восточныя горы, днемъ и ночью, покрыты мракомъ; заря «распространяетъ красноту по всему небу на миріады *чжа-«новъ*; ночью, когда свѣтлая луна вылетаетъ изъ моря, золо-«тистый свѣтъ пронзаетъ лазоревую твердь.»

Когда учитель жилъ въ подворьѣ, къ нему было весьма мало посѣтителей; онъ проводилъ время въ чтеніи книгъ и прогулкахъ; написалъ также слѣдующую строфу:

«Пришелъ я изъ-за *Инъ шань*, за 10,000 слишкомъ ли, и «прошедъ, на западѣ, *Даши*, жилъ полгода. Въ этихъ отда-«ленныхъ странахъ нравы грубы, трудно толковать имъ *Дао*;

«по этому я въ тихомъ жильѣ, на уединенной скалѣ, читаю «книги.»

Въ 7-й лунѣ, только что начинался образоваться кругъ луны, онъ отправилъ, съ *Али сянемъ* докладъ въ ставку хана, касательно времени толкованія *Дао*; 7-го числа 8-й луны, полученъ отвѣтъ хана, на томъ же докладѣ. 8-го числа, мы отправились въ путь. Тайши провожалъ учителя нѣсколько десятковъ ли; учитель сказалъ ему: «На востокъ отъ хой хэсскаго города, вновь взбунтовались до 2,000 человѣкъ, каждую ночь городъ освѣщенъ пламенемъ и жители въ страхѣ; Тайши возвратись и успокой ихъ.» — Тайши отвѣчалъ: «Но если въ дорогѣ, паче чаянія, что нибудь случится съ тобой; тогда какъ?» Учитель сказалъ на это: «Развѣ это касается до тебя!» Посему Тайши и возвратился. 12-го числа мы проѣхали городъ *Гьши*; 13-го числа, къ намъ присоединился охранный конвой въ 1,000 человѣкъ пѣшихъ и 300 всадниковъ, и мы вступили въ большія горы; это дорога особая, минуетъ желѣзныя ворота. Мы перешли потокъ красной воды; были скалы, - вышиною въ нѣсколько ли, мы слѣдовали, по ущелью, на юго-востокъ; у подошвы горы есть соленой источникъ, вода котораго, на солнцѣ, осаждаетъ бѣлую соль; мы взяли, для дорожнаго употребленія, двѣ *доу* соли. Потомъ, на юго-востокъ, мы поднялись на водо-раздѣляющій хребетъ; отсюда на западъ, въ высокихъ падяхъ, виднѣлся какъ будто ледъ; это была соль. На верху горы была красная соль, въ видѣ камней; учитель самъ видѣлъ и пробовалъ ее. Въ восточныхъ странахъ, соль рождается

только въ низменныхъ мѣстахъ: а здѣсь она находится и въ горахъ. Хой хэссцы, большею частію, ѣдятъ лепешки, вмѣстѣ съ солью; въ жаждѣ пьютъ воду; даже въ зимніе холода, бѣдные люди продаютъ воду въ кувшинахъ. 14-го числа, мы прибыли къ юго-западной подошвѣ желѣзныхъ воротъ [417]); при выходѣ, горы здѣсь страшны и громадны; лѣвый утесъ [418]) упалъ такъ, что потокъ протекаетъ внизу скрытно около одной ли. 8-й луны 15-го числа, мы прибыли къ рѣкѣ; она походитъ на *Хуанъ хэ* [419]), течетъ на сѣверо-западъ. Переплывъ ее на суднѣ, мы остановились на южномъ берегу ея. На западѣ отсюда, есть горное укрѣпленіе, называемое *Туань ба ла*: положеніе горы опасное и твердое. Встрѣтился съ нами на дорогѣ лекарь третьяго царевича, *Чжень гунъ*. Учитель сочинилъ ему стихи:

«Издревлѣ, 8-я луна чрезвычайно свѣтла; въ періодъ про-
«хладнаго вѣтра, ночь тиха и ясна повсюду; всѣ небесные
«виды погружены въ серебряный путь; въ океанѣ рыбы и дра-
«коны освѣщены какъ топазомъ. Въ *Ву* и *Юе* [420]), башни и
«террасы наполнены пѣснями и музыкой; въ *Янь* и *Цинь* раз-
«даются родныя пѣсни [421]); вина и купанья въ изобиліи [422]). Я
«иду къ мѣстопребыванію царя, что на вершинахъ рѣки, для
«того, чтобы прекратить войны и водворить миръ.»

Слѣдуя вверхъ по рѣкѣ, на юго-востокъ, черезъ 30 ли, воды не стало; поэтому, мы шли ночью, прошли *Бань ли* [423]); городъ весьма великъ; жители его, недавно взбунтовавшись, бѣжали; въ городѣ еще слышенъ былъ лай собакъ. На зарѣ,

позавтракавъ, мы проѣхали на востокъ нѣсколько десятковъ ли, гдѣ была рѣка, текущая на сѣверъ; на лошади только что можно перейти ее въ бродъ; на восточномъ берегу ея, мы остановились и почевали. 22-го числа прибылъ встрѣтить учителя *Чжень хай*, съ которымъ и прибыли въ ханскую ставку. Ханъ опять прислалъ *Чжень хая* спросить учителя: хочетъ ли онъ тотчасъ же представиться, или желаетъ нѣсколько отдохнуть? Учитель отвѣчалъ, что онъ желаетъ представиться. Надобно замѣтить, что Даосы, съ самаго начала, являясь къ Хану, не становились предъ нимъ на колѣна, и не били земныхъ поклоновъ, а войдя въ юрту, только наклонялись и складывали ладони [424]). По окончаніи представленія, Ханъ пожаловалъ учителю кумысу; но учитель рѣшительно отказался пить. Когда спросилъ его: «Всего ли было достаточно для него въ городѣ, гдѣ онъ жилъ?» Учитель отвѣчалъ, что въ прежнее время снабжали его продовольствіемъ Монголы, Хой хэ и Тайши, а въ послѣднее время продовольствіе было нѣсколько потруднѣе; Тайши одинъ снабжалъ его онымъ. На другой день Ханъ опять прислалъ ближняго сановника *Хэ чжу*, передать учителю повелѣніе Хана, коимъ спрашивалъ его,—не хочетъ ли онъ, каждый день являться къ нему обѣдать. На что учитель отвѣчалъ: «Горный дикарь—подвижникъ; люблю уединеніе.»—Ханъ позволилъ ему жить по волѣ. 27-го числа, Ханъ тронулся въ возвратный путь на сѣверъ; во время пути, онъ часто жаловалъ учителю винограднаго вина, дынь и закусокъ.

9-й луны 1-го числа, переѣхавъ черезъ пловучій мостъ,

мы направились на сѣверъ. Учитель доложилъ Хану, что такъ какъ время бесѣды наступаетъ, то неблагоугодно ли будетъ ему призвать Тайши *Ахая*. 15-го числа этой луны, Ханъ приготовилъ палатку и убралъ ее; прислужницы были удалены; по обѣ стороны зажжены свѣчи, которыя распространяли кругомъ свѣтъ; только *Шэ либи* [425]), *Чжень хай* и послапецъ *Чжунъ лу* стояли внѣ; учитель вошелъ въ палатку съ Тайши *Ахаемъ* и *Ами сянемъ*, и сѣлъ; потомъ сказалъ Императору: «*Чжунъ лу* проѣхалъ со мной 10,000 ли, а *Чжень хай* сопровождалъ меня нѣсколько тысячь ли; не благоугодно ли будетъ позволить и имъ быть въ палаткѣ и слушать духовныя рѣчи?» Ханъ повелѣлъ имъ войти. То, что говорилъ учитель, Ханъ приказалъ Тайши *Ахаю* передавать ему на монгольскомъ языкѣ. Слова его были крайне пріятны и по мысли Чингиса [426]). 19-го числа, въ ясную ночь, онъ позвалъ его опять; учитель объяснялъ ему ученіе. Ханъ чрезвычайно былъ доволенъ. 23-го числа, снова пригласилъ его въ палатку, съ такими же знаками уваженія; онъ слушалъ учителя съ видимымъ удовольствіемъ, повелѣвъ присутствующимъ записывать его слова; кромѣ того, приказалъ изложить ихъ китайскимъ письмомъ, для того, чтобы не забыть ихъ. Онъ сказалъ присутствовавшимъ: «*Шень сянь* три раза объяснялъ мнѣ средства къ поддержанію жизни; я глубоко вложилъ его слова въ сердцѣ; непужно разглашать ихъ внѣ». Затѣмъ, вслѣдъ за Ханомъ, отправились мы на востокъ; по временамъ учитель просвѣщалъ его ученіемъ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, прибыли къ большому городу *Съми сыань* и остановились на юго-

западъ отъ него, въ 30 ли. 10-й луны 1-го числа, учитель просилъ у Хана позволенія заранѣе возвратиться на прежнюю квартиру; Ханъ согласился. Ханъ же остановился станомъ на востокъ отъ города въ 20 ли. 6-го числа этой луны, учитель представился Хану вмѣстѣ съ Тайши *Ахаемъ*. Ханъ сказалъ: «Присутствующимъ можно не уходить?» Учитель сказалъ: «Ничего, пусть остаются.» Затѣмъ, чрезъ Тайши *Ахая*, говорилъ Хану: «Горный дикарь, упражняюсь въ *Дао* уже много лѣтъ; люблю постоянно въ уединенныхъ мѣстахъ ходить и сидѣть; передъ царскою же палаткой господствуетъ шумъ отъ ратниковъ, такъ, что мой духъ не спокоенъ; посему, да позволено мнѣ будетъ, съ сихъ поръ, ѣхать по волѣ или напередъ, или назади; это будетъ большою милостью для горнаго дикаря». Ханъ позволилъ. Когда учитель вышелъ изъ юрты, Ханъ послалъ вслѣдъ за нимъ человѣка, спросить его: «Ненадобно ли ему *Тулу ма*?» Учитель отвѣчалъ, что ненадобно. Въ это время, только началъ падать мелкій дождь и трава снова зазеленѣла. Съ половины 11-й луны, дождя и снѣгу падаетъ здѣсь больше и больше, а земля пропитается влагою. Со времени прибытія учителя въ этотъ городъ, онъ раздавалъ остатки провіанта голоднымъ крестьянамъ; часто также готовилъ кашицу; питавшихся было весьма много. 26-го числа отправились въ путь. 12-й луны 23-го числа, былъ снѣгъ и такой холодъ, что множество воловъ и лошадей замерзли на дорогѣ. Потомъ, черезъ три дня, мы переѣхали на востокъ *Хочань мулянь* (большая рѣка), и прибыли въ ханскую ставку; здѣсь мы слышали, что въ пол

ночь суда и мостъ на рѣкѣ разнесло. Это было 28-го числа. Ханъ спросилъ учителя о громѣ. Онъ отвѣчалъ: «Горный дикарь слышалъ, что подданные твои, лѣтомъ, не моются въ рѣкахъ, не моютъ платья, не дѣлаютъ войлоковъ и запрещаютъ собирать на поляхъ грибы;—все для того, что боятся небеснаго гнѣва [427]); но это не составляетъ уваженія къ небу. Я слышалъ [428]), что изъ 3,000 грѣховъ, самый важный—непочтительность къ родителямъ; поэтому-то небо показываетъ угрозу; теперь же я слышалъ, что подданные твои, большею частію, не уважаютъ своихъ родителей. Ханъ, пользуясь силою и доблестями своими, благоволи исправить свой народъ.» Ханъ былъ доволенъ и сказалъ: «Слова твои мнѣ по сердцу» — и приказалъ записать, хой хэсскими письменами [429]). Учитель просилъ обнародовать о томъ подданнымъ; Ханъ согласился. Потомъ Ханъ собралъ царевичей, князей и вельможъ и сказалъ имъ: «Китайцы чтятъ *Шень сяня*, какъ вы чтите небо [430]); я теперь еще болѣе убѣдился, что онъ дѣйствительно небесный человѣкъ.» Затѣмъ, объявилъ имъ все, что учитель прежде и послѣ говорилъ ему, и сказалъ: «Небо внушило ему то, что онъ говорилъ мнѣ. Вы, каждый, запишите то въ своемъ сердце». Потомъ учитель откланялся. 1-й луны 1-го числа приходили поздравлять учителя военачальникъ, медикъ и гадальщикъ.

11-го числа, мы отправились на востокъ и оставили *Сьми сыгань* на западѣ, въ 1,000 слишкомъ ли; остановились въ большомъ фруктовомъ саду. 19-го числа былъ день рожденія учи-

теля; чиновники поздравляли его съ курительными свѣчами. 28-го числа разстался съ учителемъ управляющій Тайпи *Лигунъ*. Учитель сказалъ ему: «Увидимся ли еще когда нибудь?» Лигунъ отвѣчалъ: «Увидимся въ 3-й лунѣ». Учитель сказалъ: «Ты не знаешь судьбы небесъ; во 2-й или 3-й лунѣ, я рѣшительно возвращаюсь на востокъ». — 21-го числа, пройдя на востокъ одинъ переѣздъ, прибыли къ одной большой рѣкѣ [431]), имѣя на сѣверовостокъ *Сагі лань* около 3-хъ переѣздовъ; здѣсь было много воды и травы; удобно для прокормленія воловъ и лошадей; посему тутъ и остановились пожить. 2-й луны въ первое 7-е число [432]), учитель представлялся Хану и говорилъ: «Горный дикарь, отправляясь съ приморья, далъ слово возвратиться черезъ три года; теперь въ этотъ третій годъ, я рѣшительно желалъ бы возвратиться въ свои горы». Ханъ сказалъ: «Я самъ пойду на востокъ; хочешь ли идти вмѣстѣ»? Учитель сказалъ: «Лучше мнѣ идти напередъ; когда я отправлялся сюда, Китайцы спрашивали горнаго дикаря о времени возвращенія; на что я сказалъ: черезъ три года; теперь, все чего хотѣлъ отъ меня Ханъ, объяснено и кончено»; посему онъ снова настоятельно просилъ позволенія откланяться. — Ханъ сказалъ: «Подожди немного, дня три или пять, когда пріѣдутъ царевичи. Когда я пойму то, что осталось непонятнымъ въ прежнихъ бесѣдахъ, тогда ступай». 8-го числа, Ханъ охотился у восточныхъ горъ; когда онъ стрѣлялъ въ одного большаго вепря, лошадь его споткнулась, и онъ упалъ съ лошади; вепрь остановился вблизи, не смѣя приблизиться: свитскіе тотчасъ подвели

ему лошадь; охота прекратилась и ханъ возвратился въ ставку. Узнавъ о томъ, учитель представлялся ему и говорилъ: «Небо хочетъ, чтобы мы берегли свою жизнь; теперь у святаго [433]) лѣта уже преклонны; надобно поменьше охотиться; паденіе съ лошади есть указаніе неба; а то, что вепрь не смѣлъ подвинуться впередъ, есть знакъ покровительства неба». Ханъ отвѣчалъ: «Я самъ уже понялъ это; твой совѣтъ весьма хорошъ; мы Монголы, съ раннихъ лѣтъ привыкли стрѣлять верхомъ и не можемъ вдругъ оставить эту привычку. Впрочемъ, слова твои я вложилъ въ сердце». Ханъ, обращаясь къ *Гисили дала ханю* [434]), сказалъ: «На будущее время я во всемъ послѣдую совѣтамъ его». Дѣйствительно два мѣсяца онъ не отправлялся на охоту. 24-го числа, учитель снова просилъ увольненія. Ханъ сказалъ ему: «Я подумаю, что бы подарить тебѣ на прощанье; подожди еще немного». Учитель видя, что ему нельзя тотчасъ раскланяться, волею или неволею, остался ждать. 3-й луны 7-го числа, онъ опять просился; Чингисъ пожаловалъ ему коровъ и коней, и проч.; но учитель ничего не принялъ, сказавъ, что для него достаточно почтовыхъ лошадей. Ханъ спросилъ переводчика *Али сяня*: много ли у него въ Китаѣ учениковъ? Тотъ отвѣчалъ: «Весьма много; когда онъ ѣхалъ сюда и былъ въ *Дэсинъ фусской* кумирнѣ *Лунъ янъ гуань*, то я постоянно видѣлъ, какъ мѣстныя начальства заставляли ихъ исправлять повинности». Ханъ сказалъ: «Надобно избавить всѣхъ его послѣдователей отъ повинностей». И онъ пожаловалъ ему грамоту, съ императорскимъ указомъ, съ приложеніемъ импера-

торской печати [435]). Посему повелѣлъ *Али сяню* быть *Сюанъ Чай* [436]), а помощниковъ ему назначилъ *Мэнъ гу дая* и *Гэла Бахая*,—для сопровожденія учителя, при возвращеніи его на востокъ. 10-го числа, учитель, послѣ представленія Хану, отправился въ путь. Начиная съ *Да ла хань* до низшихъ чиновниковъ, всѣ провожали его нѣсколько десятковъ ли, съ виноградным виномъ и рѣдкими плодами. При разставаньи, всѣ утирали слезы. Въ три дня мы прибыли въ *Сайланъ*; на юго-востокъ отъ большаго города [437]), въ горахъ, водятся двухголовыя змѣи, длиною въ два фута; туземцы почасту видятъ ихъ. 15-го числа, ученики учителя отправились за городъ, принести жертву на могилѣ покойнаго *Сюй цзинъ сянь шена Чжао гуна*. Мы толковали о томъ, не взять ли намъ съ собой праха его на родину; но учитель сказалъ: «Тѣло, на время, составленное изъ четырехъ стихій, есть вещь гнилая, не стоющая; а духъ, истинное существо, свободенъ и неудержимъ». Мы и перестали толковать о томъ. На другой день отправились въ путь. 23-го числа, *Сюань чай Агоу*, настигъ учителя, для проводовъ, на южномъ берегу *Чуй молянь* [438]). Потомъ, черезъ 10-й дней, были въ 100 слишкомъ ли на западъ отъ города *Алима*, и переплыли большую рѣку. 4-й луны 5-го числа, мы прибыли въ садъ, что на востокъ отъ города *Алима*. Здѣсь *Тай цзянъ* (главный зодчій) втораго царевича [439]) *Чжанъ гунъ*, настоятельно просилъ учителя, говоря: «Въ нашемъ мѣстопребываніи устроены три жертвенника, къ которымъ болѣе 400 человѣкъ приходятъ помолиться, каждое утро и вечеръ, съ неослабнымъ

усердіемъ; за нѣсколько дней до праздника [440]) просимъ тебя, изъ милосердія, переплыть рѣку и наставить *Общество жертвенниковъ*; это будетъ счастіемъ для насъ». Но учитель отклонилъ это, говоря: «Судьба моя на югѣ, и уже близка; и я не могу перемѣнить дороги.» Но когда тотъ снова просилъ его, учитель сказалъ: «Если не будетъ другаго дѣла, то поѣду къ вамъ». На другой день лошадь, на которой ѣхалъ учитель, вдругъ побѣжала на сѣверо-востокъ; служители не могли направить ее. Тогда *Чжанъ гунъ* и другіе опечалились и со слезами говорили: «У насъ нѣтъ счастливой судьбы; Небо не позволяетъ ему ѣхать къ намъ». Вечеромъ мы прибыли въ *Инь шань* и переночевали. На другой день, мы снова проѣхали черезъ 48 мостовъ и слѣдовали 50 ли вверхъ по потоку до Небеснаго озера; на сѣверо-востокъ переправившись черезъ *Инь шань*, мы ѣхали два [441]) дня и тогда только выѣхали на прежнюю почтовую дорогу, у большой рѣки, по южную сторону *Цзинь шань*. Потомъ переѣхали *Цзинъ шань* на юго-востокъ и ѣхали подлѣ горъ, на юго-востокъ и сѣверо-востокъ [442]). 4-й луны 28-го числа выпалъ большой снѣгъ; на другой день всѣ горы побѣлѣли; потомъ, на сѣверо-востокъ ѣхали подлѣ горъ три дня до передней стороны *Абухань шань*. *Сунъ дао ань* и другіе девять учениковъ, вмѣстѣ съ религіознымъ собраніемъ вѣчной весны и нефритоваго цвѣтка [443]), равно Сюань чай *Годэ цюань*, со своими, далеко встрѣтили учителя и проводили его въ кумирню *Сися гуань*; число поклонявшихся ему съ каждымъ днемъ увеличивалось; когда учитель сходилъ съ экипажа, выпалъ, во

второй разъ, дождь; всѣ, поздравляя другъ-друга, говорили: «Искони здѣсь во все лѣто бывало мало дождя, и хотя бываетъ громъ и дождь, но то, большею частію, въ южныхъ и сѣверныхъ горахъ; теперь же, такое обиліе дождя, очевидно есть благодать его святости». Жители здѣшніе, въ обычные годы, орошаютъ поля и огороды каналами; въ 8-й лунѣ начинаетъ созрѣвать пшеница; дождя же вовсе не бываетъ: во время созрѣванія, хлѣбъ портятъ земляныя мыши; мыши, большею частію бѣлыя. Въ странѣ здѣшней господствуетъ холодъ; плоды завязываются поздно. На берегу рѣки, въ 5-й лунѣ, около фута въ глубину — земля, а далѣе въ глубь — крѣпкій ледъ, тоже толщиною въ футъ. Послѣ обѣда, учитель каждый день посылалъ людей за льдомъ. На югъ отсюда виднѣется высокій хребетъ, покрытый скопившимся снѣгомъ, который не таетъ и въ сильные жары. Много здѣсь необыкновенныхъ вещей. Отсюда, нѣсколько на западъ, около озера, есть вѣтряный курганъ; на верху его бѣлая глина, во многихъ мѣстахъ потрескавшаяся. Во 2-ю и 3-ю луны, отсюда поднимается вѣтеръ и, прежде всего, раздается въ скалахъ и пещерахъ южныхъ горъ; это начальный вѣтеръ. Когда вѣтеръ выходитъ изъ кургана, сначала появляются кружащіеся вихри, въ видѣ бараньяго рога, въ безчисленномъ множествѣ; спустя немного времени, вихри соединяются въ одинъ вѣтеръ, который поднимаетъ песокъ, катитъ камни, срываетъ крыши съ домовъ, вырываетъ деревья и потрясаетъ долины; онъ прекращается на юго-востокѣ. Потомъ, за юго-восточнымъ потокомъ

есть три или четыре водяныя мельницы; къ ровнымъ мѣстамъ, воды дѣлается меньше и наконецъ она вовсе изчезаетъ. Изъ горъ добывается каменный уголь. На востокъ отсюда есть два источника, которые, въ зимніе мѣсяцы, вдругъ разливаются какъ рѣки, или озера; потомъ просачиваются внутри земли и внезапно являются, вмѣстѣ съ рыбами и раками; иногда вода потопляетъ жилища; во 2-й лунѣ, вода постепенно убываетъ и земля обрывается. Отсюда на сѣверо-западъ, за 1,000 слишкомъ ли, находится страна *Кянь кянь чжоу* [444]), гдѣ добывается доброе желѣзо и водится много бѣлокъ; тамъ также сѣятъ пшеницу; китайскіе ремесленники живутъ во множествѣ, занимаясь тканьемъ шелковыхъ матерій, флёра, парчи и цвѣтныхъ матерій. Отъ кумирни на юго-западъ видна *Цзинь шань*, въ которой много падаетъ града; между 5-й и 6-й лунами на ней бываетъ болѣе 10 футовъ снѣга. Въ здѣшней странѣ, по мѣстамъ, есть песчаныя полосы; водится *жоу цунъ юнъ* [445]); тамошній народъ называетъ его *со янь* [446]); вода у нихъ называется *усу*; трава *ай бу су*. Въ глубинѣ горъ, на сѣверныхъ сторонахъ ихъ, сосны вышиною около ста футовъ. Собраніе говорило учителю: «Страна здѣшняя въ глубокой дикости; съ самой глубокой древности, здѣшніе жители слышали объ истинномъ ученіи; только и было, что обморочиванье отъ горныхъ оборотней и лѣшихъ; съ тѣхъ же поръ, какъ учитель воздвигъ кумирню, нѣсколько разъ совершалось праздничное служеніе; 1-го и 15-го чиселъ стали быть собранія и жители, большею частію, приняли обѣтъ не убивать живыхъ

тварей; конечно, если это не дѣло святаго просвѣщенія, то откуда могло бы произойти это? Прежде, въ годъ *жень ву* [447]), Даосы терпѣли, отъ зависти недобрыхъ людей, обиды, и были неспокойны; разъ, *Сунъ дао ань*, уснувъ днемъ въ настоятельской комнатѣ, вдругъ увидѣлъ въ верхнее отверзтіе, *Сюй цзинъ сянь шена, Чжао гуна*, который сказалъ: «Письмо пришло.» *Дао ань* спросилъ: «Откуда пришло?» *Чжао гунъ* отвѣчалъ: «Съ неба.» *Дао ань* взялъ письмо и увидѣлъ въ немъ только два слова: *Тай цинъ* (верховная чистота). *Чжао гунъ* вдругъ исчезъ. На другой день, отъ учителя получено письмо; демонскія навожденія мало по малу изчезли. Лекарь *Ло шенъ* который безпрестанно заводилъ непріятности и поносилъ Даосовъ, однажды упалъ съ лошади передъ кумирней и переломилъ себѣ ногу; онъ самъ раскаялся, говоря, что онъ наказанъ за свой грѣхъ, и просилъ прощенія у Даосовъ. Учитель, отправляясь на востокъ, написалъ слѣдующіе наставительные стихи:

«10,000 ли, объѣздилъ я на казенныхъ коняхъ и три года «былъ въ разлукѣ съ старыми друзьями; военныя смуты еще «не прекратились, а истины Дао случайно изложены; объяс- «нивъ въ осеннія ночи, законъ дыханія (онъ разумѣетъ объ- «ясненія свои передъ Ханомъ, о питаніи жизни), въ концѣ «весны, я возвращусь въ родной край. Думаю, что по воз- «вращеніи, безчисленному множеству, я не могу всего вы- «сказать.»

Ами сянь и другіе говорили учителю: «На южной доро-

гѣ [448]) много песковъ и камня, мало травы и воды; насъ, путешественниковъ, весьма много; лошади крайне устанутъ; надобно бояться, чтобы не было остановки на дорогѣ.» Учитель сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, раздѣлимся на три партіи; мои ученики отъ этого не потерпятъ.» 5-й луны 7-го числа, онъ приказалъ ученикамъ своимъ *Сунъ дао ань*, *Ся чжи чэнъ*, *Сунъ дэ фанъ*, *Мэнъ чжи вэнь*, *Хэ чжи цзянь*, *Шань дэ чунъ*, шести человѣкамъ, отправиться впередъ; а учитель отправился 14-го числа, взявъ съ собой *Инь чжи пина*, *Ванъ чжи мина*, *Юй чжи кэ*, *Цюй чжи юаня*, *Янъ чжи цзина* и *Цзи чжи цина*, шесть же человѣкъ. Въ числѣ приславшихъ напутные подарки, была *Гячу фэй*; Сюань чай *Го*, темникъ *Ли* и другіе, нѣсколько десятковъ человѣкъ, провожали его за 20 ли и при разставаньи, сошли съ лошадей, поклонились и прослезились. Учитель ударилъ лошадь и быстро поѣхалъ впередъ. 18-го числа, отправились за нимъ остальные пять учениковъ его: *Чжанъ чжи су*, *Сунъ чжи цянь*, *Чженъ чжи сю*, *Чжанъ чжи юань* и *Ли чжи чанъ*. Слѣдуя на востокъ, учитель проѣхалъ, 16-го числа, большую гору, на которой лежалъ снѣгъ; было весьма холодно; лошадей перемѣнили у юрты. 17-го числа, учитель ничего не ѣлъ, только по временамъ пилъ отваръ. На юго-востокъ проѣхали большую песчаную полосу; была трава и деревья, въ которыхъ было много комаровъ и мошекъ; ночь провели на востокѣ рѣки. Потомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, учитель ѣхалъ иногда въ телѣгѣ. *Инь чжи пинъ* и другіе спрашивали его: «Чѣмъ онъ боленъ?» Учитель отвѣчалъ:

«Болѣзнь моя не такого рода, чтобы медики поняли ее; потому что это очищеніе святыхъ и мудрецовъ [449]); вдругъ не могу оправиться; а вы не тревожтесь.» Ученики опечалились и не поняли. Въ этотъ вечеръ *Инь чжи пинъ* видѣлъ во снѣ духа, который говорилъ ему: «Не печальтесь о болѣзни учителя; когда онъ прибудетъ въ Китай, болѣзнь сама собой пройдетъ.» Потомъ ѣхали песчаной дорогой 300 слишкомъ ли, гдѣ было чрезвычайно мало травы и воды; кони ѣхали ночью не отдыхая; черезъ двое сутокъ уже вышли изъ песковъ; земля прилегаетъ къ сѣверной границѣ *Ся* [450]); здѣсь уже стало болѣе хижинъ и юртъ, и лошадей легче доставать; ѣхавшіе назади догнали учителя. 6-й луны 21-го числа остановились въ *Юй янъ гуани* [451]); учитель все еще не ѣлъ; на другой день, проѣхавъ заставу, мы прибыли на востокъ, 50 ли, въ *Фынъ чжоу* [452]); всѣ, начиная съ Юань шуая, вышли къ учителю на встрѣчу; Сюань чай *Юй гунъ*, просилъ его остановиться въ его домѣ и угостилъ его отварными лепешками. Въ этотъ день, учитель наѣлся до сыта [453]); потомъ устроенъ былъ обѣдъ; онъ пилъ и ѣлъ по прежнему. Даосы говорили между собой: «Прежній сонъ *Цинъ хэ* сбылся.» Въ то время, былъ конецъ лѣта; учитель сиживалъ у сѣвернаго окна, на прохладномъ вѣтрѣ; *Юй гунъ*, предложивъ ему корейской бумаги [454]), просилъ его написать что нибудь; учитель написалъ слѣдующее:

«Безъ дѣла и безъ мірской мысли, я провожу ночь, какъ «птица [455]), до пѣнія пѣтуховъ; не могу заснуть ни на одинъ глазъ,

«въ душѣ нѣтъ ни одной мысли; облака убрались, потокъ бѣ-
«лѣетъ подъ луной; дыханіе мое легко и одинокій духъ [436]
«въ покоѣ. Я не сидѣль, съ утра до вечера, сложа руки, и
«совершилъ подвигъ пути.»

7-й луны 1-го числа онъ поднялся; въ третій день, при-
бывъ въ *Ся шуй* [437]; Юань шуай *Гяу гунъ* вышелъ изъ го-
рода встрѣтить его и помѣстилъ въ своемъ жилищѣ; прихо-
дившихъ къ нему на поклоненіе было до тысячи человѣкъ;
Юань шуай, съ каждымъ днемъ, удвоялъ къ нему вниманіе;
онъ поднесъ ему трехъ дикихъ гусятъ. 7-го числа [438]), вече-
ромъ, учитель, отправившись погулять за городъ, пустилъ
ихъ на озеро, на волю; черезъ немного времени, птицы ве-
село, на свободѣ, приподнимались и играли подъ вѣтромъ на
волнахъ. Учитель сочинилъ поэтому случаю, слѣдующіе стихи:

«Воспитывая васъ, думали принести васъ въ жертву кух-
«нѣ; но случился я и благо подумалъ не давать васъ на съѣ-
«деніе; я пустилъ васъ, на небольшой лодкѣ, въ средину боль-
«шихъ волнъ; подождите конца осени; у васъ выростутъ шесть
«крыльевъ.»

Потомъ еще сочинилъ стихи:

«Плаваете вы то по двое, то всѣ трое вмѣстѣ, какъ друж-
«ные братья; настаетъ осень, а у васъ еще не подросли
«крылья; пустилъ я васъ на волю въ глубокомъ мѣстѣ про-
«рачнаго озера; потѣшайте дикую натуру свою на широкомъ
«полѣ водъ и въ волнахъ.»

На другой день отправились. 9-го числа этой луны мы

прибылп въ *Юнь чжунъ* [459]). Сюань чай цзунъ гуань [460]) *Абухэ*, съ Даосами, вышедъ изъ столицы, за предмѣстіе, встрѣтилъ его и въ носилкахъ, на людяхъ, ввелъ въ свой домъ. Здѣсь пробылъ онъ 20 слишкомъ дней, въ высокомъ теремѣ; Цзунъ гуань и другіе чины, каждое утро и вечеръ, приходили къ нему съ поклономъ. Юньчжунскіе ученые и чиновники, каждый день, приходили къ нему побесѣдовать; онъ подарилъ имъ слѣдующіе стихи:

«Получивъ повелѣніе, я рано возвращался на родину; ѣхалъ «весной, когда растительность была въ полной силѣ; три *яна* [461]) «только начали видоизмѣняться и воздухъ былъ благорастворен- «ный. На почтовыхъ лошадяхъ, провожали меня со станціи «на станцію, и повсюду простирались облака и горы; я былъ «за 10,000 ли отъ столицы, и думалъ, какъ мнѣ опять до- «стигнуть ее».

13-го числа, Сюань чай *Алисянь*, отправляясь въ Шаньдунъ, чтобы склонить его жителей на подданство, просилъ учителя отпустить съ нимъ ученика его, *Инь чжи пина*. Учитель сказалъ: «Воля неба еще не рѣшила; что пользы идти туда?» *Алисянь* снова, съ поклономъ, сказалъ ему: «Если государь явится туда съ большимъ войскомъ, то тамошніе жители непремѣнно подвергнутся смерти отъ оружія. Прошу тебя помилосердуй однимъ словомъ». Учитель, послѣ долгаго размышленія, сказалъ наконецъ: «Хоть я и заступлюсь, ничего не сдѣлаю; все же лучше, чѣмъ сидя смотрѣть, какъ они будутъ умирать». Онъ приказалъ *Цинъ-хэ* идти вмѣстѣ съ *Али-*

сянемъ и вручилъ ему двѣ прокламаціи [462]). Потомъ, услышавъ, что отъ *Сюань дэ* на югъ, со всѣхъ сторонъ, собирается, для его встрѣчи, множество Даосовъ, и опасаясь стѣсненія въ кумирняхъ, отъ встрѣчи и угощеній, онъ поручилъ *Инь гуну* управить ими, и далъ ему слѣдующее собственноручное писаніе: «Я путешествовалъ далеко, 10,000 ли, въ теченіи трехъ лѣтъ; поручаю *Инь гуну* вездѣ, куда онъ прибудетъ, немедленно распорядиться полновластно, касательно всѣхъ Даосовъ, которые будутъ самовольничать и поступать вопреки правиламъ, дабы непрепятствовать нашему ученію совершать дѣло просвѣщенія; когда у существъ мало счастія, оно легко; на гору подниматься трудно, а спускаться легко». Сюань дэсскій Юань шуай, *Ила гунъ*, отправилъ въ *Юнь чжунъ* нарочнаго съ письмомъ къ учителю и съ предложеніемъ экипажа и лошадей. Въ началѣ 8-й луны, мы, отправившись на востокъ, дошли до *Янъ хэ*, прошли *Бодэнъ*, *Тянь чэнъ*, *Хуай ань* [463]), переправились черезъ рѣку *Хунь хэ* и 12-го числа прибыли въ *Сюань дэ*. Юань шуай торжественно вышелъ на встрѣчу учителю, далеко на западъ, изъ города, ввелъ его въ городъ и помѣстилъ его въ городской кумирнѣ *Чао юань гуань*; даосскіе друзья его приняли съ почтеніемъ; по сему случаю, учитель написалъ 40 знаковъ:

«Путешествовалъ я за 10,000 ли въ предѣлахъ живыхъ «тварей, и три года былъ въ разлукѣ съ родиной; по воз- «вращеніи, я уже состарѣлся, и все, что проходило, предъ «моими очами, прошло какъ быстрый сонъ; широко небесное «пространство; безчисленно множество разнообразныхъ дѣлъ;

«по страны на югъ отъ *Цзяна* и за великой стѣной [464]) съ «древности до нынѣ, тѣ же».

Даосы говорили, что, прошлой зимой, нѣкоторые видѣли, какъ *Сюй цзинъ сянь шенъ, Чжао гунъ* [465]) входилъ въ ворота кумирни, ведя за поводъ лошадь; Даосы вышли было встрѣтить его, но онъ изчезъ внезапно; видѣли его нѣкоторые также въ городахъ *Дэ синъ* и *Ань динъ*. Изъ городовъ сѣвернаго Китая князья, сановники, военачальники, равно благородные и простые, наперерывъ письменно просили его къ себѣ, безпрерывно, какъ спицы въ колесѣ. Онъ отвѣчалъ только нѣсколькими буквами; между прочимъ написалъ:

«Царскій домъ еще не утвердился, а даосское ученіе на«передъ возвысилось; оно начало спасать готовыхъ къ воспри«нятію и разширяется безмѣрно; военачальники и старѣйшины «всѣхъ странъ искренно обратились къ нему; жалѣю, что не «могу превратиться въ нѣсколько тѣлъ, чтобы удовлетворить «ожиданіямъ многихъ».

10-й луны 1-го числа, онъ служилъ въ *Лунъ мынь гуани*; 15-го числа, служилъ въ городской кумирнѣ, *Чао юань гуань*, гдѣ жилъ. 11-й луны 15-го числа, *Сунъ дэ фанъ* и другіе, во исполненіе обѣта, даннаго ими въ то время, когда они, проходя *Ѣху линъ*, видѣли кости погибшихъ въ сраженіи, вмѣстѣ съ *Тай цзюнь* [466]) *Иньцяньи*, служили въ Дэсинской кумирнѣ, *Лунъ янъ гуань*, о спасеніи сиротѣющихъ тѣней. За нѣсколько дней передъ тѣмъ было холодно, но во время служенія, двѣ ночи и три дня, было какъ весной. По окончаніи служенія,

прибылъ изъ ханской орды Юань шуай *Цзя ганъ*, съ повелѣніемъ къ учителю; въ немъ было написано: «Святой мужъ! ты совершилъ, съ весны до лѣта, не легкій путь; хорошо ли продовольствовали тебя и провожали по станціямъ? Когда ты прибылъ въ *Сюань дэ* и другія мѣста, то хорошо ли тамошнія власти помѣщали и продовольствовали тебя? привлекъ ли ты простой народъ [467])? Я всегда помню о тебѣ, не забывай и ты меня!» 12-й луны 16-го числа, учитель служилъ въ *Юй чжоусскихъ* Трехъ Подворьяхъ. Проводя зиму въ *Лунъ янь*, учитель, каждое утро и вечеръ, ходилъ прогуливаться на *Лунъ ганъ* [468]). Смотря оттуда на опустошенныя войной селенія Дэсинскія [469]), онъ выразилъ возбужденныя этимъ мысли, въ слѣдующихъ стихахъ:

«Нѣкогда, здѣсь рощи доходили до небесъ; а теперь селе-
«нія виднѣются кое-гдѣ; безъ числа погибло живыхъ тварей
«отъ острія меча; сколько прекрасныхъ жилищъ обратилось въ
«сѣрый пепелъ!»

Потомъ еще написалъ стихи:

«Талантливыхъ поэтовъ, которые могли воспѣвать безъ
«умолка тысячи піесъ, было много отъ древнихъ временъ до-
«нынѣ; а я, праздно ходя, размышляю о вещахъ премірныхъ,
«освобождаюсь отъ круговорота, въ вѣкахъ подъисточныхъ» [470]).

Въ годъ *цзя щень* [471]), 2-й луны 1-го числа, учитель служилъ въ Цзинь шаньской кумирнѣ, *Цюянъ гуань*; кумирня расположена на южной сторонѣ горы *Гэ шань*; виды были свѣтлы и прекрасны; сосны и *тэнъ-ло* [472]) закрывали луну; это

страна Даосовъ. Учитель изобразилъ общій видъ ея въ слѣдующихъ стихахъ;

«За *Цюянъ гуань ю* глубоки лазоревые скаты; на необъятномъ пространствѣ, покрытомъ прозрачнымъ туманомъ, водружены зеленые холмы; по всей дорогѣ персиковые цвѣты и быстрая весенняя вода [473]); она бѣжитъ извиваясь, выходя изъ глубины священныхъ пещеръ».

Потомъ еще сочинилъ стихи:

«Рядъ горъ представляетъ земные пики; на нихъ проходятъ безсмертные днемъ и ночью; пещеры глубоки и молчаливы; туда не доходятъ смертные; только по временамъ, на отвѣсныхъ скалахъ, слышатся пѣсни пещерныхъ святыхъ» [474]).

Пекинскій правитель, златоодежный [475]), *Шилю гунъ*, полномочный посланецъ *Лю гунъ*, и другіе чиновники, прислали нарочнаго съ письмомъ, прося учителя жить въ кумирнѣ *Да тянь чанъ гуань*. Учитель согласился; затѣмъ, по почтѣ, проѣхалъ *Цзюй юнъ* и направился на югъ; столичные Даосы, друзья его, вышли встрѣтить его въ *Нань коу* [476]), въ кумирнѣ *Шень ю гуань*. На другой день, утромъ, со всѣхъ сторонъ собрались [477]) почтенные старцы, мужчины и дѣвицы, и съ благовоніями и цвѣтами, проводили учителя, при вступленіи его въ Пекинъ; поклоняющіеся ему заграждали дорогу. Когда учитель отправлялся отсюда на западъ, онъ, на вопросъ собранія о времени его возвращенія, отвѣтилъ: «Черезъ три года, черезъ три года». Теперь такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Въ первый седьмой день [478]), онъ вступилъ въ *Чанъ тянь гуань*; обѣдавшихъ

было каждый день до 1,000 [479]). 15-го числа, собраніе просило его въ кумирню *Юй сюй гуань*.

25-го числа этой луны, прибылъ изъ ханской орды, *Гэ ла*, съ повелѣніемъ Чингиса: «Святой мужъ! ты, прибывъ въ китайскую землю, чистымъ ученіемъ просвѣщай людей; весьма хорошо, если ты, каждый день, будешь читать святыя книги, и молиться о моемъ долгоденствіи; я повелѣваю тебѣ выбрать, по душѣ, мѣсто изъ лучшихъ и поселиться въ немъ; я поручилъ *Али сяню* оберегать тебя тщательно, такъ какъ ты уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Не забывай того, что я говорилъ тебѣ прежде.» Въ 5-й лунѣ, Спинъ шенъ [480]) златоодежный *Шилю гунъ*, и полномочный *Лю гунъ* убѣдительно просили его письмомъ управлять *Да чанъ тянь гуань ю*. 22-го числа учитель согласился и отправился къ мѣсту, куда приглашали. Въ воздухѣ летѣло передъ нимъ нѣсколько журавлей, которые улетѣли на сѣверо-западъ. Когда учитель жилъ въ *Юй сюй*, то бывало, когда онъ шелъ по приглашенію на обѣдъ, надъ нимъ летѣло нѣсколько журавлей, съ кликами. Въ сѣверномъ Китаѣ, издавна, было весьма мало поклонниковъ даосской вѣры; поэтому святые, желая теперь обратить къ ней людей, показывали эти знаменія. Члены всѣхъ восьми собраній [481]) поклонялись ему до земли и совершали даосскіе обряды; тогда нравы измѣнились. Вода въ Юй сюйскомъ колодцѣ издавна была солено-горьковата; въ годъ *Цзя шень* и *И ю* [482]), когда собиралось сюда, съ запада, множество Даосовъ, вода превратилась въ сладкую; это тоже дѣло добродѣтели. Въ 6-й лунѣ 15-го чи-

сла, Сюань чай *Сянъ гунъ чжаба*, передалъ учителю повелѣніе Хана: «Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушелъ отсюда; я еще ни одинъ день не забывалъ тебя; и ты не забывай меня; поселись гдѣ тебѣ любо, въ подвластныхъ мнѣ земляхъ; хорошо, если твои ученики постоянно молятся и служатъ о моемъ долголѣтіи». Съ тѣхъ поръ какъ учитель возвратился, и со всѣхъ сторонъ собрались даосскіе братія, кривые толки, съ каждымъ днемъ, умолкали; жители столицы единодушно обратились къ даосской вѣрѣ и возлюбили ее, такъ что она сдѣлалась общеизвѣстною во всѣхъ домахъ [483]); она раскрылась на всѣ четыре стороны, во сто разъ шире, чѣмъ прежде; поэтому установили восемь собраній въ *Тянь-чанъ* [484]), именно: 1) равенства; 2) вѣчной весны; 3) чудотворной драгоцѣнности; 4) вѣчной жизни; 5) свѣтлой истины; 6) благодеянія; 7) прекращенія бѣдствій; 8) 10,000 пенюфаровъ [485]). Когда учитель возвратился въ *Тянь чанъ*, съ каждымъ днемъ увеличивалось число приходившихъ къ нему издалека Даосовъ, которые просили дать имъ духовныя наименованія. Однажды учитель сочинилъ имъ четыре строфы.

Первая:

«Коль скоро мірскія страсти не искоренены, то это въ «ущербъ духовнаго міра; когда въ сердцѣ вращается мысль о «добрѣ и злѣ [486]), оно увлекается потокомъ [487]), и что будетъ «съ нимъ!»

Вторая строфа слѣдующая:

«Есть нѣчто дорогое отъ первобытнаго міра [488]), безъимян-

«ное и само собою нераждающееся; оно въ сердцѣ человѣка «постоянно таится и свободно обтекаетъ духовный міръ.»

Третья строфа:

«Когда зрѣніе постоянно развлекается предметами, глаза «потемняются; отъ утомленія силъ, стихіи истощаются; въ «мірѣ все ложно и въ сердцѣ никто не знаетъ пустоты.»

Четвертая строфа:

«Вчерашняя мысль не оставляетъ слѣдовъ; тоже и дѣла «настоящаго дня; лучше всего покинуть то и другое и прово- «дить дни въ постоянной пустотѣ.»

Послѣ каждаго обѣда, учитель ходилъ гулять въ старый садъ, по цвѣтамъ, въ сопровожденіи шести или семи человѣкъ; отдыхалъ подъ тѣнью сосенъ; иногда переписывался стихами съ своими спутниками; временемъ послѣ чая, заставлялъ спутниковъ пѣть нѣсколько нѣсенъ, въ родѣ *Ю сянъ и юй* (о путешествіи безсмертныхъ); солнце уже бывало на горахъ [489]), а онъ, увлекшись, забывалъ о возвращеніи. Поэтому *Синъ тенъ* и Сюань чай *Чжаба сянъ гунъ* просили учителя принять садъ сѣвернаго дворца [490]), съ озеромъ, равно прилежащіе къ нему нѣсколько десятковъ циновъ [491]) земли, для обращенія въ жилища Даосовъ.

Учитель отказывался, но когда они убѣдительно просили его, онъ принялъ; вслѣдъ за тѣмъ, они сдѣлали объявленіе о томъ, чтобы никто не смѣлъ собирать, въ этихъ мѣстахъ, топлива.

Учитель помѣстилъ здѣсь Даосовъ; съ каждымъ днемъ про-

изводились улучшенія; потомъ обо всемъ донесено Хану, который одобрилъ. Съ тѣхъ поръ, въ хорошую погоду, не было дня, чтобы учитель не ходилъ прогуливаться на это мѣсто. Въ день сухояденія [492]), онъ сочинилъ двое стиховъ на весеннюю прогулку. Первые стихи:

«На десяти цинахъ земли четвероугольное озеро и цар-
«скій садъ; густыя и высокія сосны и кипарисы покрыты про-
«зрачнымъ туманомъ; въ бесѣдкахъ и на террасахъ тысячи за-
«боть обращаются въ сонъ; цвѣты и ивы, весной, принадлежатъ
«безсмертнымъ. За островомъ [493]), нѣтъ страны, столь чистой
«и лучшей; среди людей только есть небо обширнаго холода [494]);
«я совершенно знаю, что такъ устроилъ творецъ; я прошу
«его о счастіи чиновъ и народа.

Вторые стихи были слѣдующіе:

«Въ періодъ *Цинъ мина* раскрылись цвѣты абрикоса и ты-
«сячи народа и семействъ, каждый день, ходятъ взадъ и
«впередъ; за островомъ даль туманная, весенняя вода широка;
«сосны шумятъ, въ нихъ вращается теплый вѣтерокъ, прогу-
«ливающіеся вздыхаютъ, что заходящее солнце гонитъ ихъ до-
«мой; мудрые мужи тоже жалѣютъ о скоротечности красотъ;
«какъ достать чудеснаго лекарства, чтобы тайно перемѣнить ко-
«сти [495]), превратиться и возлетѣть въ *Юй ло тай* [496]).»

Въ годъ *и ю* [497]), въ 4-й лунѣ, Сюань фу *Ванъ гунъ Цзюй чуань*, просилъ учителя отобѣдать въ его домѣ; *Гунъ* родомъ былъ изъ *Гуань ю* [498]); поэтому онъ говорилъ о прекрасныхъ бамбукахъ и деревьяхъ *Санъ яна* и *Чжунъ нани* [499]), прося учи-

теля посмотрѣть бамбукъ на его дворѣ. Учитель сказалъ: «Этотъ бамбукъ чрезвычайно красивъ; вѣроятно что послѣ опустошеній войны, нельзя много достать его; когда я жилъ въ *Нань си* [500]), тамъ были густыя рощи и высокій бамбукъ; чудный былъ видъ! представляю себѣ это, какъ сновидѣніе; теперь я уже состарѣлся; наступаетъ срокъ моего возвращенія; удѣли мнѣ нѣсколько десятковъ стволовъ; я посажу у сѣвернаго окна *Бао сю ане* [501]); они будутъ закрывать зрѣніе.» Сюань фу сказалъ: «Военныя смуты въ Поднебесной еще не прекратились; народъ въ чрезвычайныхъ тревогахъ; Ханъ же уважаетъ тебя и чтитъ Дао; силою истинной святости твоей охраняется жизнь тварей; зачѣмъ же ты говоришь такія рѣчи? [502]) Помилосердуй и подумай лучше объ избавленіи людей.» Учитель, ударяя о помостъ палкой, смѣясь сказалъ: «Когда воля неба рѣшила; развѣ зависитъ отъ людей?» Присутствующіе не поняли его мысли. Лѣтомъ въ концѣ 5-й луны, учитель взошелъ на вершину горы *Шоу лэ тани* [503]), откуда во всѣ стороны видны сады и рощи, какъ зеленые шатры; подъ ними отдыхали прохожіе, не чувствуя жара; посему случаю, учитель сочинилъ стихи:

«Въ странѣ, сопредѣльной съ границей, издревле до ны-
«нѣ, города падаютъ; хотя много разрушено дворцевъ и па-
«латъ, но еще остались прекрасные сады и рощи; зеленыя де-
«ревья гуще и гуще, свѣжій вѣтерокъ порывается глубже и
«глубже; каждый день гуляю я по острову святыхъ [504]) и, смо-
«тря съ высоты, на всѣ стороны свѣта, пою.»

Однажды, какъ учитель возвратился съ *Цюнъ дао*, посѣтилъ

его *Чень, гунъ Сю юй.* Учитель сочинилъ ему семи буквенные стихи для *дуй дзы* [305]):

«Зеленая гора высится въ небо одинокая; зеленые кипари-
«сы, тѣнистые и густые, кругомъ охватываютъ залы; по без-
«мѣрной равнинѣ поддерживается прозрачный туманъ постоян-
«но; на всей долинѣ, какъ не бываетъ на обыкновенныхъ, вѣ-
«теръ и луна [306]); высокія сосны стоятъ прямо; въ глубокой
«извилинѣ чудесные изрытые камни, вышедшіе изъ *Тай ху* [307]);
«таково истинное занятіе для вѣчной и спокойной жизни тѣмъ,
«которые пришли въ столицу подвизаться и молиться за дру-
«гихъ.»

Въ 9-й лунѣ 1-го числа Сюань фу *Ванъ гунъ*, по случаю перехода планеты Марса въ созвѣздіе *Вей* [308]), что грозило бѣдствіемъ Пекинской области, просилъ учителя совершить моленіе, спрашивая, чего это будетъ стоить? Учитель сказалъ: «Намъ жаль, когда теряемъ какую нибудь вещь, тѣмъ болѣе жаль большой страны; въ эти годы, народъ страдалъ отъ поборовъ и повинностей; казенныя и частныя средства истощены; я употреблю на служеніе вещи, какія найдутся у меня въ монастырѣ; а вы только прикажите столичнымъ чиновникамъ поститься, въ ожиданіи поклоненія; этого довольно; другаго не нужно.» Вслѣдъ за тѣмъ, онъ рѣшилъ служить двое сутокъ днемъ и ночью. Учитель, не смотря на свою старость, самъ молился на жертвенникѣ *Сюань тань* [309]). По окончаніи служенія, вечеромъ, Сюань фу съ радостію поздравлялъ говоря: «Марсъ уже отступилъ назадъ на нѣсколько созвѣздій и мы

уже не печалимся. Такъ скоро подѣйствовали добродѣтели учителя.» Учитель сказалъ: «Какія у меня добродѣтели? Моленія совершаются издавна: боюсь только, что нѣтъ довольно вѣры; древніе говорили: вѣра подвигаетъ вселенную; оттого такъ и произошло.» 9-й лупы 9-го числа, пришли издалека Даосы; нѣкоторые поднесли учителю цвѣты *Цзюй хуа* [510]); учитель сочинилъ, по этому случаю, элегію, на манеръ *Юй шенъ хэнь хуань чи* [511]):

«Есть сѣмя съ чудеснымъ росткомъ, по существу и свой-
«ству дивное; когда наступитъ осень и вѣтеръ, съ холодомъ,
«проникнетъ въ самый корень его, тогда оно распускаетъ без-
«численные цвѣты; золотистый нѣжный цвѣтъ ихъ свѣтитъ при
«ясномъ небѣ. Въ 9-й лунѣ пришли гости, держа въ рукахъ
«эти цвѣтки; всѣ сѣдалища были наполнены ими; когда смот-
«ришъ на сѣдалища, то глазамъ представляется одно и тоже;
«какъ эмблема вѣчной жизни и долгаго зрѣнія [512]) они не опа-
«даютъ; это настоящіе собесѣдники въ бездѣльѣ.»

Потомъ, приходили къ нему исповѣдующіе даосскую вѣру, съ большимъ сверткомъ корейской бумаги, прося его написать на ней своей кистью. Онъ написалъ оду, въ родѣ *Фынъ си ву*:

«Когда получишь добрый отдыхъ, то и отдыхай; ты вы-
«играешъ свободу и избавишъ духъ и тѣло отъ служенія. Ахъ,
«сколько служеній разумныхъ и героевъ напрасно трудились
«осуществить идеи цѣлой жизни своей! Творецъ отталкиваетъ [513]),
«и переводитъ [514]) и нѣтъ ничего постояннаго; вчера было ве-

«селье и пѣсни; сегодня наступастъ печаль и скорбь; сегодня «не знаешь, что будетъ завтра; мысли и постоянное усиліе «удручаютъ душу.»

Однажды, въ присутствіи учителя, спорящіе спросили его, кто правъ? Учитель промолчалъ и такъ разрѣшилъ духовнымъ образомъ [315]); потомъ наставилъ стихомъ:

«Сметай, сметай, сметай; когда сметешъ все, то въ серд- «цѣ не будетъ ни одной вещи; когда въ сердцѣ нѣтъ ничего, «то это хорошій человѣкъ; а когда хорошій человѣкъ, то это «духъ безсмертный, или Будда» [316]).

Спорящіе, услышавъ эти слова, со стыдомъ удалились.

Въ годъ *бинъ сюй* [317]), 1-й луны, онъ приглашенъ былъ въ *Пань шань* [318]), на служеніе *Хуанъ лу* [319]); онъ служилъ трое сутокъ; въ эти дни погода была ясная; всѣ чувствовали удовольствіе, и въ холодныхъ падяхъ воцарилась весна; въ вечеръ, когда служеніе должно было начаться, онъ сочинилъ стихи и показалъ ихъ собранію:

«По извилинамъ, глубоки безобразныя горы, высоты гор- «ныя веселятъ сердца гостей; рядъ пиковъ, одинъ за другимъ, «поднимаются прямо; въ широкихъ пропастяхъ темно и хо- «лодно; какъ будто пролетали здѣсь святые, и не раздается ни «одного клика привитающей птицы; желтошапочные [320]) служили «три дня, простоплатные [321]) притекли тысячами».

Въ 5-й лунѣ, въ столицѣ была засуха, крестьяне не сѣяли сѣмянъ и жители скорбѣли; чиновники, очистивъ рынокъ, построили на этомъ мѣстѣ жертвенникъ, и молились сряду нѣ-

сколько десятковъ дней: но пользы не было. Синъ шенъ отправилъ чиновника къ учителю, съ просительнымъ письмомъ, о томъ, чтобы онъ помолился о дождѣ. Учитель служилъ три дня и двѣ ночи; къ вечеру того дня, когда надобно было просить святыхъ [322]), облачные пары собрались со всѣхъ сторонъ и вскорѣ пошелъ дождь; онъ не прекращался отъ полупочи цѣлое время обѣда [323]); Синъ шенъ прислалъ чиновника съ куреніями поблагодарить; онъ говорилъ: «Столица такъ долго была въ засухѣ, что всѣ поля готовы были погорѣть; хлѣба не сѣяны и народъ не чаялъ жить; но, благодаря силѣ святости твоей, которая тронула небожителей, они ниспослали благотворный дождь; народъ называетъ его дождемъ святаго«. Учитель отвѣчалъ: «Этого достигла вѣра *Сянъ гуна* [324]) и вышніе святые умилостивились и спасли жизнь тварей; а я что тутъ сдѣлалъ?» Когда посланный ушелъ, пришелъ другой, отъ Синъ шена же, съ словами: «Дождь, правда, выпалъ, но его недостаточно, послѣ долговременной засухи; надобенъ ливень, чтобы уничтожить ее»; и просилъ учителя умилосердиться. Учитель отвѣчалъ: «Не печальтесь; когда люди съ вѣрою обращаются къ вышнимъ святымъ, они непремѣнно отвѣчаютъ имъ; большой дождь будетъ». Дѣйствительно, служеніе еще не кончилось, какъ полилъ дождь моремъ. Въ тотъ годъ былъ урожай. Столичныя знаменитости и ученѣйшіе мужи поздравляли учителя стихами. Однажды *Ву да цинъ Дэминъ* поднесъ ему четыре строфы стиховъ; учитель, на тѣ же рифмы, отвѣчалъ ему четырмя же строфами. Первая:

«Во времена *Янъ го* [525]) жилъ здѣсь *Чанъ гунъ* [526]), который «вышелъ изъ среды мірскихъ въ общество *Дунъ бинь* [527]), однажды онъ улетѣлъ на журавлѣ, на островъ *Пынъ лай*, въ стра«ну безсмертныхъ, которая тысячи вѣковъ высится надъ зем«лею» [528]).

Вторая строфа была слѣдующая:

«Прежде я жилъ въ глубокихъ горахъ одинъ, и кто могъ «знать, что я буду славенъ въ Поднебесной между многими; «Даосы *Сюанъ юаня* [529]) со всѣхъ сторонъ приходятъ ко мнѣ, «для вопросовъ, и въ бесѣдахъ, мы не толкуемъ мірскихъ «книгъ».

Третья строфа:

«Не считай праздпаго [530]) человѣка обыкновеннымъ смерт«нымъ; праздный человѣкъ, безъ пожеланій, близокъ къ обще«ству святыхъ; если не теперь просвѣтить душу [531]), то какого «времени ждать, чтобы достигнуть драгоцѣнной горы» [532]).

Четвертая строфа:

«Разумный духъ самобытно явился, когда хаосъ приходилъ «въ устроеніе; для него длинный вѣкъ [533]) малъ; онъ выходитъ «изъ жизни, вступаетъ въ смерть, всегда безъ *Я* [534]); онъ вос«ходитъ за древность и перелетаетъ въ настоящее, самосво«бодный и безсмертный».

Потомъ, учитель написалъ на нарисованныхъ *Чжи чжунъ ю анемъ* изображеніяхъ трехъ святыхъ, *Дэи*, *Юань бао* и *Сю ань су*: [535])

«Міръ не постигаетъ достигшихъ *Дао*, святыхъ мужей; три

«учителя въ какое время проявили чудотворные слѣды свои? «они научали во дворцахъ, преемствуя другъ-другу, и живутъ «между людьми, подобно *Чи суну* [536]).

По просьбѣ нѣкоторыхъ изъ послѣдователей даосской вѣры, онъ сочинилъ еще слѣдующіе стихи, въ семь знаковъ:

«Утро и вечеръ смѣняются быстро, ускоряя одинъ другаго; «у плавающихъ по жизни незамѣтно сѣдѣютъ волосы на ви- «скахъ; творецъ играетъ людьми; все сонъ; что такое споры «и волненія въ прошедшемъ?»

Когда учитель принялъ приглашеніе Синъ-шена и другихъ чиновниковъ [537]), то соболѣзнуя о томъ, что въ *Тянь-чанѣ* святые кумиры, храмы, палаты, залы и жилыя комнаты, сверху покривились, а снизу обваливались, а окна, двери и крыльца почти совершенно обрушились, онъ приказалъ ученикамъ своимъ каждый день дѣлать исправленія; дыры замазывать, покривившееся поправить; работа кончена въ годъ *бинъ сюй* [538]); все было поновлено; потомъ вновь построено было болѣе сорока келій; все это было сдѣлано на собственныя средства монастыря, безъ подаяній. Всякое лѣто, учитель не позволялъ въ помѣщеніяхъ зажигать огня, и уже въ 9-й лунѣ было немного; это была предосторожность противъ пожара. Въ 10-й лунѣ, онъ перешелъ изъ *Бао сюань* жить въ *Фанъ ху* [539]); каждый вечеръ призывалъ къ себѣ заслуженныхъ Даосовъ и, разсадивъ ихъ по порядку, толковалъ съ ними о высокихъ предметахъ: иногда не спалъ всю ночь. Въ 11-й лунѣ 13-го числа, въ полночь, онъ оправилъ платье [540]), всталъ съ мѣста и прохажи-

вался по среднему двору; возвратившись онъ сѣлъ и произнесъ браніи слѣдующіе стихи:

«Міріады свѣтилъ наполняютъ широкое небо; утомился я, «сидя до третьей стражи: созвѣздіе *Цань* прошло уже за западный хребетъ, медвѣдица подвинулась и сѣверныя звѣзды [511]) «поднялись высоко. Нѣтъ средства остановить великой силы «движенія; безпредѣльной пустоты нельзя накрыть; кто властитель этого вращенія? Міріады вѣковъ міръ твердъ самъ собою».

Въ годъ *динъ хай* [512]) съ весны до лѣта, опять была засуха; чиновники молились нѣсколько разъ, но безъ всякаго успѣха. Столичное собраніе даосское однажды просило учителя помолиться о дождѣ; потомъ собраніе *Сяо цзаи* [513]) и другія тоже просили о томъ; учитель, подумавъ, сказалъ: «Я только что думалъ о моленіи; вы выразили туже мысль; это, что называется въ добромъ дѣлѣ, не согласившись, имѣть одинаковое намѣреніе; съ той и съ другой стороны будемъ только усерднѣе». Согласились молиться о дождѣ 1-го 5-й луны, а 3-го совершить благодарственное за дождь моленіе; если 3-го числа будетъ дождь, то назвать его благовѣщимъ; но черезъ три дня, если и будетъ дождь, то онъ уже не слѣдствіе моленія. Нѣкоторые говорили учителю: «Волю Неба не легко предузнать; учитель сказалъ такія рѣчи передъ многими; если, паче чаянія, назначенный періодъ хоть нѣсколько пройдетъ, то этимъ можетъ навлечь на себя хулу отъ мелкаго человѣка». Учитель сказалъ: «Это не вамъ знать». Когда началось служеніе, пошелъ дождь на весь день, а на другой день выпалъ на футъ; по прошествіи

же трехъ дней, все небо совершенно очистилось; и такъ онъ совершилъ благодарственное моленіе за дождь, какъ предсказалъ. Въ то время было нестерпимо жарко; Юань шуай *Чжанъ цзы юнь*, просилъ учителя прогуляться съ нимъ въ западныя горы; и повторялъ просьбу нѣсколько разъ; учитель отправился: на другой день, послѣ обѣда, и по окончаніи дождя, ходилъ въ кумирню *Дунъ шань ань*; онъ сидѣлъ въ компаніи въ рощѣ; при наступленіи вечера, когда надобно было возвращаться, онъ сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Въ западныхъ горахъ воздухъ свѣжъ и чистъ; послѣ «дождя облака легки; посѣтители сидятъ въ рощѣ; безъ мы-«сли, *дао* само собой совершается».

По возвращеніи онъ жилъ нѣсколько дней въ теремѣ [344]) въ домѣ *Юань шуая*; приходившіе къ нему слушать наставленія занимали у него цѣлые вечера. Потомъ, онъ принялъ приглашеніе въ кумирню *Дагу ань*, а на другой день, въ *Цинъ мынъ ань*; вечеромъ того дня выпалъ большой дождь съ сѣвера; громъ и молнія были грозны; востокъ и западъ оглашался и освѣщался. Учитель сказалъ: «Таково должно быть дѣло подвижника; достигшій *дао* издаетъ грозный свѣтъ, который проникаетъ повсюду; громъ и молнія не могутъ съ нимъ сравниться». Въ глубокую ночь, когда гости разошлись, онъ легъ въ простой [345]) комнатѣ; вдругъ поднялся порывъ вѣтра, съ дождемъ и вмѣстѣ раздался сильный ударъ грома, такъ что окна и двери едва не треснули; но вдругъ звукъ грома стихъ. Люди всѣ дивились этому; иные говорили, что громъ

обыкновенно раздается постепенно; почему же теперь онъ раздался и внезапно стихъ? Иные отвѣчали: нѣтъ ли здѣсь святаго мужа? поэтому духъ грома и умѣрилъ [546]) свою грозу.

Когда онъ возвратился, 5-й луны 25-го числа, прибылъ изъ *Цинь чжоу*, Даосъ *Ванъ чжи минъ*, съ ханскимъ повелѣніемъ [547]), о переименованіи сѣвернаго дворца и острова святыхъ въ *Вань ань гунъ*, а *Тянь чанъ гуань* въ *Чанъ чунъ гунъ* [548]); ему повелѣвалось управлять всѣми добродѣтельными монахами въ Поднебесной: вмѣстѣ съ тѣмъ, дарована ему золотая тигровая дщица [549]), по которой всѣ дѣла даосскія подлежали его управленію.

Послѣ малыхъ жаровъ [550]), были нѣсколько разъ сильные дожди; жаръ былъ еще сильнѣе. Учитель написалъ стихи и показалъ ихъ другимъ:

«Влажный жаръ нагрѣваетъ воздухъ на безграничное про-
«странство; бьютъ по морю огромныя волны, и въ большихъ рѣ-
«кахъ приливъ; уже напередъ видно, что прекрасныя колосья
«созрѣютъ въ осень, и какъ слышно демонъ засухи изчезъ въ
«5-й лунѣ; народъ радуется, что есть надежда на поддержаніе
«жизни; войска, не ожидая приказовъ, сохраняютъ строгую
«дисциплину; истинно, что даосское просвѣщеніе, по всюду
«проникающее, тайно даровало богатый годъ, въ помощь свя-
«тому царствованію.»

Съ тѣхъ поръ, какъ *Цюнъ дао* обращено было въ даосскій монастырь, нѣсколько лѣтъ не было, собирающихъ здѣсь топливо и ловящихъ рыбу; въ садовомъ озерѣ расплодилось мно-

го птицъ и рыбъ; сюда, цѣлый годъ, безпрерывно, приходили гуляющіе. Въ остальное время, учитель выѣзжалъ на лошади, вообще однажды въ день. 6-й луны 21-го числа, онъ, по болѣзни, не выходилъ и мылся въ восточномъ потокѣ двора. 23-го числа ему донесли, что между *сы* и *ву* [351]) часами, при сильномъ громѣ и дождѣ, южный берегъ озера *Тай и чи* [352]) рухнулъ; вода хлынула въ восточное озеро съ шумомъ, слышаннымъ на нѣсколько десятковъ ли; всѣ черепахи и рыбы тоже ушли и озеро высохло; гора на сѣверномъ устьѣ [353]), тоже обрушилась.

Выслушавъ это, учитель сначала ничего не сказалъ; но потомъ, смѣясь, сказалъ: «Гора упала, озеро высохло; и мнѣ не вмѣстѣ ли съ ними?» [354]) 7-й луны 4-го числа учитель сказалъ ученикамъ: «Нѣкогда *Дань янъ* [355]), предрекъ мнѣ слѣдующее: «По смерти моей, наша вѣра высоко возстанетъ; по всѣмъ странамъ свѣта, много обращено будетъ въ даосскія страны; ты будешь жить въ это самое время; у даосскихъ монастырей будутъ названія и надписанія Императорскія; ты будешь управлять большими монастырями; будутъ посланцы съ дицами, съ возложеніемъ на тебя управленія дѣлами: это-то время есть періодъ восполненія подвиговъ и славы твоей и твоего успокоенія? Каждое слово *Дань яна* исполнилось, какъ будто по писаному. Притомъ, теперь, въ нашей вѣрѣ, вездѣ, внѣ и внутри, есть завѣдывающіе люди, и я возвращаюсь безъ заботы.» Учитель заболѣлъ въ *Бао сюань*; однажды, онъ нѣсколько разъ ходилъ въ удобное мѣсто; ученики его, останавливали его; учитель сказалъ: «Я не хочу утруждать людей; вы

еще различаете мѣста; притомъ какое различіе между удобнымъ мѣстомъ и спальнею» [356]). 7-й луны 7-го числа, ученики опять просили его, говоря: «У насъ, каждый день, множество добрыхъ людей собираются на обѣдъ; помилосердуй и войди въ залу, чтобы они могли, къ удовольствію своему, поклониться тебѣ.» Учитель сказалъ: «Я пойду въ залу 9-го числа.» Въ этотъ день, послѣ полудня, онъ оставилъ стихи [357]):

«Рожденіе и смерть тоже, что утро и вечеръ; призрачные «пузыри являются и изчезаютъ, а вода нисколько не трогает-«ся [358]). Когда свѣтъ солнца и луны проходитъ въ скважину, «мы можемъ перешагнуть черезъ солнце и луну [359]); но когда «открывается таинственная сила его вполнѣ, онъ обнимаетъ мо-«ря и горы, сѣчетъ во всѣ страны свѣта, какъ въ нѣчто близ-«кое, и дышетъ на миріады существъ, какъ будто пружина [360]), «безумныя [361]) слова, когда кисть перестаетъ писать, обраща-«ются въ прахъ, и когда завѣщаются современникамъ, они, слу-«шая ихъ, уже забываютъ.»

Тогда онъ вошелъ въ залу *Бао сюань танъ* и здѣсь преставился [362]). Чудесный ароматъ распространился по залѣ; ученики, съ куреніями въ рукахъ, поклонились, совершивъ обрядъ разлученія. Братія хотѣли плакать надъ нимъ, но ближніе ученики его, *Чжанъ чжи су* и *Ву чжи люй*, остановя ихъ, говорили: «Святой мужъ сейчасъ завѣщалъ, чтобъ ученикъ его *Сунъ дао ань* завѣдывалъ дѣлами вѣры, а *Инь чжи пинъ* былъ ему помощникомъ; затѣмъ слѣдуетъ *Чжанъ чжи сунъ*; *Ванъ чжи минъ*, по прежнему, остается правителемъ дѣлъ; *Сунъ дэ фанъ* и *Ли*

чжи чанъ совѣтниками въ дѣлахъ вѣры.» Тогда снова произошло избраніе. По окончаніи молитвы, при оставленіи міра, *Сунь дао ань* и другіе, послѣ двукратнаго поклоненія [563]), вступили въ свои должности. Раннимъ утромъ, они одѣлись въ траурное платье и совершили обрядъ траура [564]). Стекшихся на поклоненіе было около 10,000 человѣкъ. Сюань чай *Лю чжунъ лу*, узнавъ о томъ, съ горестію сказалъ: «Съ тѣхъ поръ какъ святой мужъ представился Хану, Царь и подданный сошлись; послѣ разстанья, Ханъ питалъ къ нему расположеніе и любовь, и никогда не забывалъ его; теперь, когда онъ скончался, надобно тотчасъ донести о томъ Хану [565]).» По истеченіи первой недѣли, со всѣхъ сторонъ стекались Даосы и міряне ко гробу и плакали, какъ надъ прахомъ родителя. Тогда число приходившихъ за наставленіемъ и духовными наименованіями, увеличивалось съ каждымъ днемъ; однажды правитель дѣлъ, *Сунъ гунъ* сказалъ *Чжи чану*; «Нынѣшней луны 7-го числа, мы съ тобой получили назначеніе отъ учителя; дѣло о духовныхъ наименованіяхъ, и другія, ты пиши за меня, только прикладывая печать съ буквами моей руки. Когда это дѣло пойдетъ, то, по привычкѣ, такъ и останется навсегда» [566]). Вслѣдъ затѣмъ, прибылъ изъ *Дэ сина*, *Цинъ хэ даши Инь гунъ*, для принесенія жертвы. Когда кончилась седьмица, правитель дѣлъ *Сунъ гунъ* сказалъ *Цинъ хэ*: «Я уже старъ и не могу управлять вѣрою; управляй за меня». Онъ уступалъ дважды, наконецъ *Цинъ хэ* принялъ на себя его обязанности. Братства отдаленныхъ и близкихъ собраній, исповѣдающихъ даосскую

вѣру, не уменьшались противъ прежняго. Въ годъ *ву цзы* [567]), весной, 3-й луны 1-го числа *Цинъ хэ* предложилъ построить храмъ учителю въ *Боюнь гуанъ*. Нѣкоторые говорили, что работы много, и продовольствія мало; опасно, что трудно будетъ исполнить это. *Цинъ хэ* сказалъ: «Во всякомъ дѣлѣ, важно задумать предварительно; люди охотно помогаютъ совершить, но не охотно раздумываютъ вмѣстѣ, начинать ли: всякое дѣло, если оно не дѣло частное, при усердіи братіи, почему не можно исполнить? тѣмъ болѣе, что люди помнятъ добродѣтели учителя; кто не чтилъ его во всѣхъ странахъ? ненужно просить и милостыни; сами собой найдутся помощники въ этомъ дѣлѣ. Вы не сомнѣвайтесь. А если и не будетъ такъ, то, израсходовавши монастырскія средства, я готовъ взяться за нищенскую чашу». Сюань чай *Лю гунъ*, услыхавъ о томъ, порадовался и оказалъ всевозможное пособіе этому дѣлу. Надъ работами поставленъ *Цзюй чжи юань* и другіе. Въ 4-й лунѣ, въ первое *динъ* [568]), очистили землю и утвердили основаніе; по прошествіи *ву цзи* и *гэнъ* [569]), вдругъ прибыли изъ городовъ *Шинъ янъ*, *Тай юань*, *Цзянь*, *Дай*, *Вэй* и *Инъ* [570]) Даосы, болѣе 200 человѣкъ, принесшіе съ собой продовольствіе, на помощь построенію храма. Въ четыре декады, работа была кончена; участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ нельзя пзчислить всѣхъ. Я думаю, что хотя успѣшная и быстрая работа производилась руками человѣка, тѣмъ не менѣе также было и таинственное содѣйствіе святыхъ. Рѣшено было погребсти прахъ учителя 7-й луны 9-го числа. Въ 6-й лунѣ шелъ безпрерывный проливной дождь; всѣ опа-

сались, что нельзя будетъ совершить погребенія. 7-й лупы 1-го числа, вдругъ сдѣлалось ясно; всѣ единодушно радовались этому; наканунѣ церемоніи, возжгли куренія и приготовили сѣдальныя постилки, для украшенія жертвоприношенія; когда открыли гробъ, видъ учителя былъ, какъ бы живой, приходили три дня, смотрѣть на него, издали и изблизи, князья, чиновники, благородные, простой народъ, буддійскіе монахи и монахини, и благочестивые люди; въ три дня, каждый день, было до 10,000 посѣтителей; всѣ дивились этому чуду, прилагая руки ко лбамъ, и вскорѣ разнесли вѣсть о томъ во всѣ стороны, подвизая сердца людей обращаться къ нашей вѣрѣ; приходившихъ возжигать куренія нельзя было изчислить. Въ кумирнѣ устроено было служеніе успокоенія [371]), и продолжалось трое сутокъ; сперва, 10 дней былъ постъ. 8-го числа въ 8 часовъ утра, пролетѣли, съ юго-запада, черные журавли, вслѣдъ за ними пролетѣли бѣлые; всѣ смотрѣли на нихъ и дивились. 9-го числа, послѣ полуночи [372]), совершено служеніе *Линъ бао цинь* [373]), при 360 священныхъ сѣдалищахъ [374]); по окончаніи служенія и обряда, уложили останки [375]) въ храмѣ; отъ него распространилось благовоніе, не изчезавшее цѣлый часъ. Къ полудню былъ обѣдъ; одѣтыхъ въ даосское платье [376]), съ сидящими, было нѣсколько тысячь человѣкъ; поклонниковъ даосскихъ тоже было болѣе 10,000 человѣкъ; по успокоеніи души учителя, на другой день, выпалъ опять большой дождь. Всѣ вздыхая говорили: «Какъ согласна во-

ля неба съ дѣломъ людей!» Въ окончаніи этого великаго дѣла, если бы учитель не былъ исполненъ совершенствъ, которыя распространились по вселенной и проникли до духовъ, кто бы могъ устроить такъ? Думаемъ, что это не зависѣло отъ людей. *Цюань шенъ*, Сюань фу *Ванъ гунъ цзюй чуань*, родомъ изъ знатной фамиліи города *Сянь яна*, обыкновенно былъ расположенъ къ даосскому ученію; въ послѣдніе годы, онъ сошелся съ учителемъ въ Пекинѣ: они сошлись по сердечной чистотѣ, по духу и праву, и онъ искренно чтилъ учителя, далеко больше прежняго; поэтому, по случаю погребенія, онъ поставилъ себя въ главѣ собранія; внутри и внѣ столицы, онъ разставилъ солдатъ, на всякій случай; но въ день, когда всѣ расходились, не было никакихъ безпорядковъ и тревогъ; потомъ онъ самъ озаглавилъ этотъ храмъ: *Чу шунь* [577]), а кумирню: *Боюнь* [578]). Учитель, когда писалъ, не дѣлалъ черновыхъ; положивъ передъ собой бумагу, онъ прямо и писалъ на ней; послѣ, когда еще просили его, онъ или прибавлялъ или сокращалъ прежнее; въ этихъ двухъ видахъ произведенія его и оставались. Однажды ночью, говоря съ учениками, онъ сказалъ: «О древнихъ подвижникахъ мало сказаній въ книгахъ и писаніяхъ, да и тѣ необработаны; а сколько тѣхъ, преданія о коихъ потеряны! Я нѣсколько разъ говорилъ вамъ о достигшихъ святости мужахъ послѣднихъ временъ, которыхъ я видѣлъ собственными глазами и своими ушами слушалъ; дѣла ихъ слишкомъ явны, ихъ наученія свѣтлы; въ свободное время, я думаю со-

ставить сочиненіе *Цюань чжень да чуань* [379]), и завѣщать оное потомству». Когда же учителя не стало, хотя онъ словесно и показалъ общее содержаніе этого сборника, но жаль, что послѣдующіе, изучающіе *Дао*, еще не видѣли этого сочиненія конченнымъ [380]).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Посланіе Чингиса: [581]) Небо отвергло Китай за его чрезмѣрную гордость и роскошь. Я же, обитая въ сѣверныхъ степяхъ, не имѣю въ себѣ распутныхъ наклонностей; люблю простоту и чистоту нравовъ; отвергаю роскошь и слѣдую умѣренности; у меня одно платье, одна пища; я въ тѣхъ же лохмотьяхъ [582]) и тоже ѣмъ, что коровы и конскіе пастухи; я смотрю на народъ, какъ на дѣтей; забочусь о талантливыхъ, какъ о братьяхъ; мы въ начинаніяхъ согласны, взаимная любовь у насъ издавна; въ обученіи темъ [583]), я напереди другихъ; въ ратныхъ бояхъ не думаю о задѣ. Въ семь лѣтъ я совершилъ великое дѣло и во всѣхъ странахъ свѣта утвердилъ единодержавіе. Не отъ того, что у меня есть какія либо доблести, а отъ того, что у Гиньцевъ правленіе непостоянно, я получилъ отъ Неба помощь и достигъ престола. На югѣ *Суны*, на сѣверѣ *Хой хэ*, на востокѣ (?) *Ся*, на западѣ варвары,— всѣ признали мою власть. Такого царства еще не было съ давнихъ временъ нашихъ [584])—*Шанъ юй*. Но званіе велико, обязанности важны и я боюсь, что въ правленіи моемъ чего нибудь не достастъ; при томъ строятъ судно и приготовляютъ

весла для того, чтобы можно было переплыть черезъ рѣки; подобно тому, приглашаютъ мудрецовъ и избираютъ помощниковъ [585]) для успокоенія вселенной. Я, современи наслѣдованія престола, усердно занимаюсь дѣлами правленія, но не видѣлъ еще достойныхъ людей, для занятія сановъ 3-хъ *гуновъ* и 9-ти *циновъ* [586]). Въ сихъ обстоятельствахъ я навѣдался, что ты, учитель, сроднился съ истиною и шествуешь по правиламъ; многоученый и опытный, ты глубоко извѣдалъ законы; твоя святость прославилась и доблести проявились; ты хранишь строгіе обычаи древнихъ мудрецовъ и обладаешь прекрасными талантами высшихъ людей; издавна привитаешь въ скалахъ и ущельяхъ, и скрылъ себя (отъ міра); ты прославляешь просвѣщеніе предковъ; ты привлекаешь къ себѣ людей, обладающихъ святостію, которые, какъ облака, шествуютъ къ тебѣ, стезей безсмертныхъ, въ неизчислимомъ множествѣ. Узнавъ, что, послѣ войны, ты все еще обитаешь въ прежнемъ жилищѣ, въ *Шань дунѣ*, я безпрестанно думалъ о тебѣ. Я знаю примѣръ возвращенія отъ рѣки *Вэй* въ одной колесницѣ [587]) и троекратной просьбы въ хижинѣ [588]). Но что мнѣ дѣлать? За обширностію горъ и долинъ, я не могу самъ встрѣтить тебя. Я только схожу съ своего мѣста и стою подлѣ [589]); постился и омылся [590]), избралъ своего приближеннаго *Лю чжунъ лу*, приготовилъ легкихъ всадниковъ и простой экипажъ [591]), и, не страшась тысячь ли, прошу тебя подвинуть святыя стопы твои; не думай о дали песчаныхъ степей; или пожалѣй о народѣ, по современному состоянію дѣлъ, или изъ

милости ко мнѣ, сообщи мнѣ средства сохраненія жизни. Я самъ буду прислуживать тебѣ. Я мечтаю, что ты отрыгнешъ мнѣ хоть остатки и скажешъ мнѣ хоть одно слово; но и этого довольно. Теперь я нѣсколько выразилъ мои задушевныя мысли, надѣясь, что онѣ сколько нибудь ясны въ настоящей грамотѣ. Надѣюсь, что ты, проявивъ сущность великаго *Дао*, сочувствуешъ всему доброму и конечно не поперечишъ желаніямъ существъ. По сему настоящее повелѣніе должно быть вполнѣ вѣдомо. 5-й луны 1-го числа.

2.

Адресъ *Чанъ чуня*:[392]) Дэнъ чжоускій изъ *Сися сяня*, стремящійся къ *Дао*, *Цю чу цзи*, получилъ недавно Высочайшее повелѣніе издалека. Весь бездарный приморскій народъ неразуменъ. Представляя себѣ, что въ дѣлахъ жизни я тупъ, въ дѣлѣ изученія *Дао* не успѣлъ, трудился всевозможнымъ образомъ, состарѣлся и не умеръ, что хотя слава о мнѣ распространилась по государствамъ, но, по святости, я не лучше обыкновенныхъ людей, внутренно, я мучусь стыдомъ; тайныя мысли кто вѣдаетъ? Прежде, изъ южной столицы и отъ *Сунова* нѣсколько разъ были ко мнѣ приглашенія, но я не пошелъ туда, а нынѣ, по первому зову Драконова[393]) двора, я иду, почему же? Я слышалъ, что Царь одаренъ отъ Неба мужествомъ и мудростію, превосходящею древность и нынѣшнія времена; правота въ немъ помогаетъ чудесному величію;

Китайцы и варвары покоряются ему; посему, я хотѣлъ было сначала скрыться въ горахъ, или уйти въ море, но не рѣшился противиться повелѣнію и счелъ необходимымъ бороться со снѣгами и инеями, намѣреваясь единожды представиться. Я слышалъ, что ваша колесница только на сѣверъ отъ *Хуань чжоу* и *Фу чжоу* [591]); но прибывши въ Пекинъ, услышалъ, что колесница отправляется далеко, неизвѣстно за сколько тысячъ ли. Вѣтеръ и пыль безпрерывны, небо помрачено; а я старъ и слабъ, не могу выносить (трудовъ) и весьма боюсь, что по такому пути не дойду. Если же и буду къ Царю, то дѣла военныя и государственныя не въ моихъ силахъ. По духу *Дао дэ*, надобно обуздывать страсти, а это дѣло весьма трудное; по этому, я совѣщался съ полномочнымъ *Лю чжунъ лу* и говорилъ, что лучше мнѣ остановиться и обождать въ Пекинѣ, или *Дэ синъ фу*, и напередъ отправить человѣка донести о томъ; но *Лю чжунъ лу* не согласился; поэтому, я самъ вынужденъ былъ писать особое донесеніе. Представляя себѣ, что я рѣшился исполнить волю вашу и отправился въ даль, на вѣтры и инеи, я прошу Царя заблаговременно ниспослать милостивое повелѣніе и рѣшить должно или нѣтъ (мнѣ ѣхать). Мы вчетверомъ поступили въ монашество; трое достигли святости; только я попусту слыву за святаго. Видъ мой высохшій, тѣло истощенное. Ожидаю святаго рѣшенія. Въ годъ Дракона, 3-й луны (1220).

3.

Чингисъ Императоръ, учителю *Цю*: Съ удовольствіемъ прочиталъ я увѣдомленіе твое о томъ, что согласно съ моимъ повелѣніемъ, ты отправился въ путь, и все прописанное тобою, принялъ къ свѣдѣнію. Ты святостію превосходишъ трехъ мудрецовъ; твои доблести гремятъ во многихъ странахъ; поэтому я послалъ сановника, съ пригласительнымъ даромъ [395]), на почтовыхъ, искать тебя у океана. Случай былъ согласенъ съ моими желаніями; Небо не воспротивилось человѣку. Два двора, нѣсколько разъ, приглашали тебя, но ты не пошелъ къ нимъ; но когда мой одинъ посланецъ пригласилъ тебя однажды, ты восхотѣлъ подняться съ мѣста. За то, что я воздвигнутъ Небомъ, ты самъ пошелъ ко мнѣ. Ты не отказался переносить на открытомъ воздухѣ, вѣтеръ и иней, и самъ рѣшился пройти песчаныя степи. Когда твое писаніе представлено было мнѣ, нечего говорить, какъ я былъ радъ и доволенъ. Дѣла ратныя и государственныя не въ моемъ желаніи [396]), а мысли въ духѣ *Дао дэ*, искренно скажу, заслуживаютъ уваженія. За непокорность тѣхъ главъ [397]), я громлю ихъ грозно: только приходитъ моя рать, дальнія страны усмиряются и успокаиваются. Кто приходитъ ко мнѣ, тотъ со мной; кто уходитъ, тотъ противъ меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительнаго покоя временными трудами, надѣясь остановиться, какъ скоро сердца покорятся мнѣ. Съ этою цѣлію, я несу и проявляю грозное величіе и пре-

бываю среди колесницъ и воиновъ. Я снова представляю себѣ, что облачная колесница твоя уже тронулась съ *Шынъ лая* и что ты можешъ направить путь, на журавлѣ, въ Индію. *Да мо* пришелъ на востокъ, чтобы запечатлѣть истины преданіемъ духа ученія; *Лао шп* шествовалъ на западъ, чтобы и варваровъ просвѣтить и возвести на степень святости. Хотя равнины и широки, но недалеко узрѣть мнѣ столъ и посохъ твой. Поэтому, и отвѣчаю на твое посланіе, чтобы тебѣ вѣдомы были мои мысли. Надѣюсь, во время пути ты будешь благополученъ и здоровъ; о прочемъ не распространяюсь.

4.

Святое повелѣніе [398]). Царя Чингиса повелѣніе начальникамъ всѣхъ мѣстъ: Какія есть у *Цю шень сяня* скиты и дома подвижничества, въ нихъ ежедневно читающіе священныя книги и молящіеся небу, пусть молятся о долгодействіи Царя на многія лѣта; они да будутъ избавлены отъ всѣхъ большихъ и малыхъ повинностей, оброковъ и податей; скиты и дома монаховъ, принадлежащихъ *Цю шень сяню*, во всѣхъ мѣстахъ да будутъ избавлены отъ повинностей, податей и оброковъ; внѣ сего, кто будетъ, ложно называя себя монахомъ, подъ незаконнымъ предлогомъ, отказываться отъ повинностей, того доносить властямъ и наказывать по усмотрѣнію. По полученіи настоящаго повелѣнія, да не осмѣлятся измѣнить и противиться оному. Для чего и дано сіе свидѣтельство.» Сіе повелѣніе вручено *Шень сяню*, для храненія. Свидѣтельство: [399]) Принад-

лежащіе *Шень сяню* монахи, и усердно и строго пребывающіе въ скитахъ люди, равно избавляются отъ повинностей, податей и оброковъ. Да сообразуются съ симъ. Въ годъ *Гуй вэй*, (овцы), третьей луны (съ приложеніемъ императорской печати). « » дня [600]) (1223).

5.

Сюань чай *Али сянь* лично принялъ отъ царя Чингиса слѣдующее повелѣніе: *Цю шень сянь*! То, что ты доложилъ мнѣ по казенному дѣлу, весьма хорошо. Я прежде уже сдалъ указъ тебѣ, поручивъ тебѣ управлять всѣми добрыми монахами, находящимися во вселенной; какіе есть хорошіе, и какіе дурные, ты самъ вѣдай и ты только распоряжайся. По полученіи сего, да будетъ сообразно поступаемо. Въ годъ *Гуй вэй*, 9-й луны, 24-го дня (1223).

6.

Сюань чай, *Дую ань шуай*, *Цзя чанъ* передалъ полученное имъ святое повелѣніе царя Чингиса: *Цю шень сянь*! Ты, разставшись со мной, отправился въ весенніе мѣсяцы и съ наступленіемъ лѣта, по дорогѣ, терпѣлъ жары и трудности; по дорогѣ, получалъ ли ты хорошихъ почтовыхъ верховыхъ лошадей? довольно ли доставляемо было тебѣ, по пути, продовольствія? Когда ты прибылъ въ *Сюань дэ чжоу* и другія мѣста, то тамошнія власти хорошо ли принимали тебя? Про-

стой народъ ты привлекъ ли?[601]) Здоровъ ли ты тѣломъ и душой? Я здѣсь постоянно думаю о тебѣ. Ты! я не забылъ тебя, ты не забывай меня. Въ годъ *Гуй вэй*, 11-й луны, 15-го дня (1223).

ПРИМѢЧАНІЯ.

СОКРАЩЕНІЯ.

Дцз. — *Дао цзанъ цзи яо*, сборникъ даосскихъ сочиненій (см. стр. 263).

Чгл. — *Чэ гэнъ лу*, біографическій отдѣлъ *Юанъ ши* (см. стр. 262).

1. *Цзы* есть общее почетное наименованіе въ новомъ изданіи *Чжень жень*: святой, въ смыслѣ Даоса.

2. *Фэй шенъ бянь хуа*: возлетѣть и превращаться; это дары, достигаемые посредствомъ самоусовершенія.

3. *Люй юнь ся*: въ обществѣ облаковъ; такъ по послѣднему изданію Дцз.; въ прежнихъ и въ новомъ изданіи *Си ю цзи*, вмѣсто *ся*, высь, употреблено *дуань*, не имѣющее смысла.

4. 1219 г.

5. *Ань чэ*: на спокойной телѣгѣ; намекъ на старинный обычай китайскихъ государей посылать экипажей за знаменитыми лицами.

6. *Ши цзюй.... чай ли*: какъ трупъ... какъ полѣно; достоинство даосскихъ пріемовъ, какъ и слѣдующіе, доказывающіе безстрастіе и самоуглубленіе.

7. Обычай Китайцевъ носить имя учениковъ знаменитыхъ мужей.

8. Названіе даосскаго монастыря. См. ниже.

9. 1-я луна 1220 г.

10. 1224. г.

11. Сказано, частію на основаніи отзыва сихъ записокъ о Туркестанѣ, а болѣе для красоты рѣчи.

12. *Шуй ту*: вода и земля; климатъ.

13. *Чу чу*: выходить и пребывать, съ даосскимъ равнодушіемъ.

14. 2-го дня, 7-ой луны, 1228 г.

15. *Си ци*: западный потокъ; названіе мѣста.

16. *Цзюй ши*: общее названіе, придаваемое состоятельнымъ и ученымъ людямъ, внѣ служебнаго круга.

17. Похвальное наименованіе.

18. Впослѣдствіи, *Ли чжи чанъ* былъ однимъ изъ преемниковъ *Чанъ чуня*, въ главѣ даосской вѣры.

19. *Си ся сянь*, на ю. в. отъ *Дэнъ чжоу фу*. По *Чэ гэнъ лу* Чанъ чунь родился въ 1148 году.

20. *Вэй гуань*: не надѣвъ еще шапки; у Китайцевъ, по совершеннолѣтіи сына, совершаютъ обрядъ надѣванія шапки. По Чгл. это было въ 1166 г.

21. Извѣстный распространитель ученія *Цюань чжень*, по Чгл. съ 1168 года. См. предисловіе.

22. Въ западной *Шань си*: это то самое мѣсто, гдѣ жилъ знаменитый въ древности *Тай гунъ* и занимался уженіемъ ры-

бы; *Вэнь ванъ* самъ посѣщалъ его и пригласилъ его къ себѣ.

23. Въ приморье, т. е. на родину; можетъ быть онъ былъ тамъ, на время; но умеръ въ Пекинѣ.

24. 1218 г.

25. Въ *Хэнани* былъ въ то время Гиньскій; Дворъ *Чанъ чуня* приглашали ко Двору.

26. По Чгл. онъ еще ранѣе представлялся ко Двору, въ 1188 г. Здѣсь говорится о приглашеніи 1215 г.

27. На ю. з. отъ *Дэнъ чжоу*.

28. Резиденція Гиньскихъ государей.

29. Гдѣ жилъ *Чанъ чунь*.

30. Воспользовавшіеся ослабленіемъ Гиньцевъ.

31. Т. е. со стороны Суновъ.

23. Дѣйствовавшіе въ Шань дунѣ.

33. По *Юань ши*, Чингисъ будто бы еще прежде посылалъ къ нему *Чжабара Хочжу*, родомъ изъ западныхъ странъ, слыша о его славѣ. *Чанъ чунь* спросилъ *Чжабара*: «Хочешь ли ты высшихъ почестей, или большаго потомства?» *Чжабаръ* отвѣчалъ: «Богатство и почести черезъ сто лѣтъ куда дѣнутся? Довольно, если мои дѣти и внуки будутъ благополучны и продолжатъ мой родъ.» *Чанъ чунь* сказалъ: «Будетъ

такъ.» Такъ и случилось; *Чжабаръ* померъ 118 лѣтъ. Цз. 120,7. Это вымышленный разсказъ; о *Чанъ чунѣ* ходило много слуховъ и преданій. По одному изъ нихъ, Чингисъ непремѣнно хотѣлъ женить *Чанъ чуня* на своей дочери, и *Чанъ чунь*, чтобы избѣгнуть этого, оскопилъ себя.

34. *Лю чжунъ лу* былъ изъ числа предавшихся Монголамъ Гиньцевъ. По *Бянь вэй лу*, полемической книгѣ Буддистовъ противъ Даосовъ, онъ угодилъ Чингису искусствомъ въ приготовленіи стрѣлъ.

35. Эти дщицы имѣли значеніе воинское; употреблялись у Суновъ и Гиньцевъ.

36. Общепринятая фраза для выраженія полномочія.

37. Т. е. среди четырехъ морей; во всей вселенной.

38. Т. е. границы оберегаются военною силою.

39. Ордѣ Найманскаго владѣнія; это была временная орда Чингисхана, вѣроятно у Алтая.

40. Мѣстечко внѣ Великой Стѣны, на сѣверъ отъ *Бо дэна*, находящагося внутри этой стѣны.

41. Нынѣшній *Бао анъ чжоу*; расположенъ близъ горъ, по которымъ проходитъ Великая Стѣна.

42. Извѣстное горное ущелье, ведущее на Пекинскую равнину.

43. Вслѣдствіе военныхъ смутъ.

44. Изъ Пекина.

45. Области Чжилійской губерніи.

46. Городъ губерніи Шань дунъ.

47. *Иду фу*: городъ той же губерніи. Нынѣ *Цинъ чжоу фу*.

48. Такъ называлось управленіе страною.

49. Въ это время Гиньцы отправили посланца къ Чингисхану просить мира. Краткое извѣстіе объ этомъ путешествіи помѣщено въ сборникѣ *Чжи бу цзу чжай*.

50. Городъ въ Шань дунѣ, на ю. з. отъ *Дунъ лая*.

51. Первое, или верхнее начало; такъ называется праздникъ 15-го числа 1-ой луны; иначе праздникъ фонарей.

52. На югъ отъ *Цинъ чжоу фу*.

53. Т. е. жителей *Цинъ чжоу фу*.

54. Оба города на З. отъ *Цинъ чжоу фу*.

55. На С. З. отъ *Цзоу пина*.

56. Т. е. съ курительными свѣчами.

57. Журавли и апсты, считаются у Даосовъ птицами святыхъ и безсмертныхъ; на нихъ возлетаютъ въ высь Даосы, достигшіе высшихъ совершенствъ.

58. На встрѣчу *Чанъ чуню*.

59. Между 8-ью и 10-ью часами утра.

60. Въ знаменіе того, что этотъ скитъ будетъ посѣщенъ знаменитымъ мужемъ.

61. Выраженіе изумленія, въ особенности, радостнаго.

62. Нынѣ *Ву цяо сянь*, на Императорскомъ каналѣ, близъ *Дэ чжоу*.

63. На В. отъ *Ба чжоу*, Чжилійской губерніи.

64. Въ области *Чжень динъ фу*, Чжилійской губерніи.

65. Города Чжилійской губерніи.

66. Не вдалекѣ отъ Пекина, на ЮЗ. Мѣстечко расположено на р. *Хунь хэ*, чрезъ которую устроенъ знаменитый мостъ; оно составляетъ стратегическій пунктъ для столицы.

67. Т. е. въ предмѣстіи столицы.

68. Западными.

69. Поставленный Чингисханомъ.

70. *Сюань фу ши*: т. е. коммисаръ назначенный для успокоенія страны.

71. Такъ, по древнему называлась Пекинская область.

72. На р. *Хунь хэ*.

73. *Шамо*, песчаная полоса Монголіи.

74. 3-я луна: апрѣль.

75. Т. е. отъ родины.

76. Т. е. учитель со своими учениками.

77. Какъ произведеніемъ сѣверныхъ странъ.

78. *Лао цзы*, котораго Даосы признаютъ основателемъ своей вѣры.

79. По преданію, *Лао цзы* удалился, на старости, на западъ: Даосы прибавили, что онъ ходилъ просвѣщать варваровъ.

80. *Бэй тинъ*: такъ вообще именуются резиденціи Хановъ сѣверныхъ ордъ.

81. Слово въ слово: узнавъ, что походный дворецъ его переносится на западъ. Чингисъ отправился, въ это время, въ походъ на Туркестанъ, не дождавшись *Чанъ чуня*.

82. *Чунь цю*: весна и осень; лѣта жизни.

83. *Фынъ ша*: вѣтеръ и песокъ, какъ всегдашнія явленія въ степяхъ. По другой редакціи *Фынъ шуанъ*: вѣтеръ и пней: это ошибка.

84. Для Чингисхана.

85. *Лу*, родина Конфуція; *Ци* былъ смѣжный съ *Лу* удѣлъ.

86. Въ то время была особая каста увеселительницъ.

87. Не желая быть свидѣтелемъ упадка правовъ.

88. *Шанъ ъ*: такъ учитель вездѣ называетъ себя, изъ скромности и намекая на свою гористую родину и вмѣстѣ на подвижничество въ горахъ, обязательное для Даосовъ.

89. *Хэла* и *Гэла*, кажется, не собственное имя, а общее наименованіе курьеровъ.

90. Можетъ быть и не отправлялъ особаго человѣка.

91. Этого адреса въ Запискахъ нѣтъ; онъ помѣщенъ въ *Чэ гэнъ лу*. См. приложеніе.

92. Названіе обоготвореннаго *Лао цзы*.

93. На пути на западъ.

94. Названіе губерніи *Сы чуань*. Географическое указаніе не совсѣмъ точно.

95. Гдѣ онъ оставилъ свое сочиненіе, *Дао дэ цзинъ*, смотрителю заставы.

96. *Цзэ*: взято у Буддистовъ со слова *Гата* и значитъ краткое стихотвореніе. Мысли въ немъ только слегка очерчиваются; иногда трудно выразить полный смыслъ въ переводѣ.

97. Т. е. движеніе и покой равно пусты въ сущности.

98. Т. е. вотъ предметы, которые должны поражать умъ прозорливаго человѣка.

99. Т. е. всеобщему верховному закону.

100. Т. е. сердце и умъ.

101. Одинъ изъ главныхъ праздниковъ въ году у Китайцевъ.

102. *Чанъ ъ*: длинная ночь, такъ называется у Буддистовъ и Даосовъ загробное состояніе.

103. Устраиваемый на особомъ мѣстѣ.

104. Посвящалъ ставленниковъ.

105. Что происходило на дворѣ.

106. Все тотъ же *Лю чжунъ лу*. *Лю* его фамилія; *гунъ* общее почтительное наименованіе.

107. Сѣверный выходъ изъ ущелья называется *Падалинъ*; это мѣсто считается самымъ крѣпкимъ въ ущельѣ.

108. О которомъ выше уже сказано. Онъ находится близъ Великой Стѣны.

109. *Линъ ча*: чудесный отрубокъ, на которомъ, по преданію, извѣстный *Чжанъ цянь*, путешествовавшій на западъ, доплылъ, по западному океану, до луны.

110. Т. е. атмосферы.

111. *Хай ши*: морскіе рынки, по общему свидѣтельству, являющіеся, какъ миражи на морѣ Чжилійскомъ, въ особенности противъ *Дэнъ чжоу фу*.

112. Три сферы чистоты, господствующія надъ всѣми слоями мірозданія; это подражаніе буддійской космологіи; тамъ обитаютъ три божества даосскія, соотвѣтствующія тремъ формамъ Будды: духовной, прославленной и воплощенной.

113. *Жо шуй*: вода, въ которой все тонетъ, ничто не можетъ также пролетѣть надъ ней; по преданію, она далеко на западѣ; за ней рай западной царицы.

114. Авторъ предисловія къ Запискамъ.

115. На сѣверѣ *Бао ань чжоу*; нынѣ она называется иначе.

116. *Пынъ лай*, одинъ изъ трехъ блаженныхъ острововъ на востокѣ, обиталище безсмертныхъ. Люди, достигшіе святости, по вѣрѣ Даосовъ, прежде всего перелѣтаютъ на *Пынъ лай*.

117. *Дунъ фу*, такъ вообще называются жилища Даосовъ.

118. *Чжунь нань*, горы въ Шаньси, недалеко отъ *Сианъ фу*; знамениты онѣ монастырями и отшельниками.

119. Это *Хуайлайская* долина; она ограничивается съ юга и сѣвера горами; долина служитъ какъ бы уступомъ между Монгольскою возвышенностію и Пекинскою равниною.

120. Среднее начало; празднество 7-ой луны 15-го дня.

121. *Фу*, обыкновенно означаетъ кабалистическія начертанія Даосовъ; здѣсь должно разумѣть особыя писанія, раздаваемыя посвящаемымъ.

122. Три поля: это три элемента человѣческой природы: сѣмя, какъ физіологическое основаніе; духъ, совмѣщающій разумныя способности, и эоиръ, иначе дыханіе, составляющее жизнь. Эти три начала у Даосовъ весьма важны.

123. Собственно *протекающее*, ниспадающее; терминъ взятъ у Буддистовъ, которые подъ этимъ разумѣютъ дѣла, низводящія душу въ перерожденія.

124. *Кэ цзяо*: истязаніе, допросъ, передъ адскими судіями, отъ которыхъ ничто не сокрыто.

125. *Бэй доу*: сѣверная мѣрка: созвѣздіе, играющее важную роль въ миѳологіи и астрологіи Китайцевъ; оно завѣдываетъ смертію живыхъ тварей и представляется въ видѣ женщины.

126. *Нань гунъ*: южная полярная звѣзда, гдѣ пребываетъ духъ долголѣтія и безсмертія; противоположная Сѣверной Медвѣдицѣ.

127. Собственно переплавленія, какъ металла; по мнѣнію Даосовъ, извѣстными способами самоусовершенія, можно очистить все смертное въ нашей натурѣ.

128. Т. е. полководца бывшаго въ *Сю ань дэ чжоу*, нынѣ *Сю ань хуа фу*, на С.З. отъ *Бао ань чжоу*.

129. *Ила гунъ*: такъ называли Монголы *Ѣлюя*. Не слѣдуетъ смѣшивать его съ *Ѣлюй чуцаемъ*.

130. Извѣстное празднество, посвященное лунѣ.

131. Этотъ родъ стихотвореній не относится собственно къ лицу государя.

132. Т. е. луна.

133. *Лю ша*: т. е. подвижныя пески: такъ называютъ въ Китаѣ издревле западныя степи, въ особенности прилежащія къ Лобнору.

134. *Дунъ тянь*: т. е. вообще въ пещерѣ, а иносказательно въ жилищѣ Даосовъ.

135. Заря считается особымъ небомъ.

136. *Гуанъ хань дянь*: палаты на лунѣ, гдѣ обитаетъ прекрасная богиня *Чанъ э*.

137. Намекъ на забаву Танскаго государя *Сю ань цзуна*, который въ праздникъ луны бросалъ золотыя монеты съ верхней галлереи дворца.

138. *Юй ту*: нефритовый заяцъ; по понятіямъ Китайцевъ луна представляетъ фигуру бѣлаго зайца, толкущаго въ ступѣ врачества.

139. *Чанъ хэ*: т. е. длинная рѣка.

140. *Ши фэй*: да и нѣтъ; споры, толки.

141. *Хунь лунь синъ*: безразличная, проникнутая *Дао* и исполненная совершенства, *Дэ*.

142. Тоже, что по тремъ мірамъ, на которые Даосы, подражая Буддистамъ, раздѣлили мірозданіе.

143. *Гунъ дэ чжу*, иначе *Ши чжу*, тотъ, кто заботится объ кумирнѣ и снабжаетъ ее всѣмъ нужнымъ. Этотъ обычай существуетъ и нынѣ въ Китаѣ.

144. *Юнь фанъ* и *Дунъ ши*, слово въ слово облачныя и пещерныя помѣщенія.

145. Т. е. святыхъ мужей и предшествовавшихъ настоятелей, которые обыкновенно чествуются въ языческихъ монастыряхъ.

146. Древній музыкантъ, жившій въ Пекинской области, и

прекратившій, по преданію, своей игрой, несвоевременный холодъ. См. *Лунъ хэнъ*.

147. Вѣтеръ и пыль, обыкновенный признакъ зимы въ Китаѣ.

148. Усвоенная исторіей фраза, впрочемъ почти буквально справедливая

149. *Сяо чунъ*: такъ назвалась осень.

150. Родомъ изъ Тангутскаго владѣнія *Си ся*; это вѣроятно, *Арацянь*, упоминаемый въ краткомъ сказаніи объ Огэдаѣ, въ *Юанъ чао ми ши*.

151. Младшій братъ Чингисхана, *Тьмугэ Отчигинь*, которому Чингисъ, отправляясь въ походъ на западъ, поручилъ управленіе дѣлами. Отчигинь кочевалъ въ это время на рѣкѣ Кэрулунѣ, близъ впаденія ея въ озеро *Буюръ*, гдѣ былъ и удѣлъ его.

152. Со стороны *Огинъ*.

153. Т. е. согласился.

154. Трехъ мужей, или мудрецовъ *санъ цзы*; выраженіе неопредѣленное, подъ которымъ разумѣются разныя лица; здѣсь указывается на трехъ древнихъ мужей: *Бои*, *Нинъ* и *Лю сяо*; первые двое были мудрыми совѣтниками государей древнихъ династій; послѣдній былъ послѣдователемъ Конфуція и отличался цѣломудріемъ.

155. *Юнь сянь*: приличительно къ тону даосскихъ выраженій; онъ какъ будто не ѣхалъ по землѣ, а летѣлъ въ облакахъ.

156. Какъ самую отдаленную страну. Намекъ о прежнемъ прибытіи изъ Индіи *Дармы*.

157. *Дарма*, по китайски *Тамо*, Буддійскій патріархъ, прибывшій въ Китай въ VI вѣкѣ по Р. Х.

158. Дарма принесъ съ собой новый взглядъ на религію, называемый возвышеннымъ и устранявшій формы. Онъ образовалъ особое созерцательное направленіе въ кит. буддизмѣ.

159. *Лао цзи*: т. е. Лао цзы.

160. Замѣчательно, что Чингисъ говоритъ о варварахъ, къ которымъ онъ и самъ принадлежалъ, какъ будто онъ вполнѣ подчинился превосходству Китайцевъ.

161. Изысканная фраза, вмѣсто того, что бы просто сказать: тебя. Столъ и посохъ, въ старину, жаловались китайскими государями заслуженнымъ и престарѣлымъ мужамъ. Здѣсь это комплиментъ *Чанъ чуню*.

162. «Не стану....» обыкновенныя фразы, употребляемыя въ оффиціальныхъ письмахъ. Это письмо вполнѣ помѣщено на концѣ, въ приложеніи. За достовѣрность его ручаются писатели временъ владычества Монголовъ. Очевидно, что у Чингисхана была канцелярія изъ передавшихся ученыхъ Гиньцевъ, которые писали подобные акты, составленные по всѣмъ пра-

вилам изысканнаго Китайскаго слога. Сообщенія исходившія непосредственно отъ Чингисхана были совсѣмъ другаго рода, какъ ниже будетъ тому примѣръ.

163. Идея перерожденій заимствована отъ Буддистовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.

164. См. ниже стр. 396.

165. *Тянъ ма*: небесные кони, которыми славились двѣ страны, по Китайской исторіи: *Дацинь* Персія и *Канъ го*, нынѣшній Туркестанъ.

166. Морскихъ миражей на родинѣ *Чанъ чуня*.

167. Орда, изъ которой Чингисъ послалъ *Ли чжунъ лу*, за *Чанъ чунемъ*, на сѣверъ за хребетъ, *Линъ бэй*, т. е. за хребетъ, отдѣляющій Китай отъ Монголіи. Поясненія въ скобкахъ, принадлежатъ автору записокъ.

168. 1221 г.

169. Мысль, заимствованная у Буддистовъ, съ тѣмъ различіемъ, что у Буддистовъ основою перерожденій есть омраченіе духа, у Даосовъ огрубѣніе чистѣйшей частицы животворнаго начала *Яна*, скрывающейся въ сѣмени человѣка.

170. Горное устье, въ пограничномъ хребтѣ, *ли* въ 30 на З. отъ Калгана. *Цуйбинь коу* значитъ устье *Лазореваго Щита*; по *Фанъ юй цзи яо*, это два скалистые отвѣса, поднимающіеся на 1,000 футовъ и издали похожіе на щитъ.

171. *Ѣху линъ*, пограничный хребетъ, собственно значитъ хребетъ Дикой Лисицы; но въ дневникѣ *Чжанъ дэхая* онъ называется *Эху линъ*; вѣроятно, слова *Ѣху* и *Эху* взято съ монгольскаго нарѣчія и означаетъ Великій.

172. Тайханскія горы огибаютъ Пекинскую равнину съ запада и сѣвера. Подъ другими горами разумѣются отроги горъ пересѣкающіе *Хуайлайскую* долину, съ запада на востокъ.

173. Дѣйствительно, рѣзкій переходъ; по ту сторону хребта и климатъ, и природа, и люди, все другое.

174. Одинъ изъ учениковъ, сопутствовавшихъ *Чанъ чуню*.

175. Здѣсь происходило сраженіе Чингисхана съ Гиньскою 400-тысячною арміею, въ 1211 г.; армія Гиньцевъ была совершенно разбита.

176. *Цзинь лу*: особый теургическій обрядъ, съ заклинаніями и кабалистическими начертаніями; его совершаютъ за счастіе и покой живыхъ и мертвыхъ.

177. По перевалѣ чрезъ *Ѣху линъ*, открывается пространная равнина, хотя безлѣсная, но обильная травой и водой; она тянется далеко на В. и З., и примыкаетъ, на югѣ къ пограничному Великостѣнному хребту; на сѣверѣ къ цѣпи низменныхъ горъ, отдѣляющихъ ее отъ безплодной полосы степи. На этой равнинѣ, въ старину, много было построено Китайцами крѣпостей, отъ набѣговъ полудикихъ степныхъ народовъ.

Одна изъ самыхъ важныхъ была *Фу чжоу*, называвшаяся, при монгольской династіи, *Синъ хэ чэномъ*. По важности и оживленности своей, этотъ городъ назывался маленькимъ Пекиномъ, *Янь цзы чэнъ*. Городище его нынѣ называется *Харабалгасунъ*; прежде, несправедливо искали его въ *Цаганъ балга су*; я имѣлъ случай, на мѣстѣ, повѣрить и сличить географическія особенности этихъ городковъ съ кит. сказаніями. *Цаганъ балгасу* былъ неболѣе, какъ передовой постъ *Фу-чжоу* (онъ отстоитъ отъ Харабалгасуна верстахъ въ 12 на ССЗ.); о немъ упоминается въ исторіи подъ именемъ *Чанъ чжоу*.

178. *Гай липо*, озеро, или болото, какихъ много встрѣчается по степи.

179. Въ настоящее время трудно опредѣлить, какое соленое озеро здѣсь разумѣется: нынѣ изъ озеръ въ Монголіи иныя изчезли, другія значительно уменьшились, противъ того, какъ описываются въ китайской исторіи.

180. Границу эту составляетъ земляной валъ, устроенный однимъ Гиньскимъ государемъ, въ правленіе *Минъ чанъ*; такихъ валовъ много по монгольской степи. Верстахъ въ 70 отъ Харабалгасуна, на сѣверъ, есть валъ, отдѣляющій равнину отъ хребта низменныхъ горъ; другой по сѣверную сторону хребта, верстахъ въ 70 отъ перваго. По сказанію Монголовъ, былъ третій валъ, также верстахъ въ 70 отъ втораго, но по рыхлости почвы разнесенъ вѣтромъ. Вѣроятно, эти валы, въ сложности составляли границу *Минъ чана*.

181. Эти кочки на солончакахъ, бывшихъ въ ростъ человѣка, составлены большею частію изъ песка, сверху покрытыхъ крѣпкимъ растеніемъ.

182. Т. е. вершникъ, встрѣчный.

183. Вязы или ильмы и нынѣ изрѣдка растутъ въ самой пустынной части степей.

184. Извѣстная ставка или орда Чингисхана, часто упоминается въ кит. исторіи. *Шеньяо* доказалъ несправедливость мнѣнія тѣхъ, которые полагали этотъ пунктъ восточнѣе и даже юго-восточнѣе. Къ *Юй эрръ ли* проведена была почтовая дорога, изъ разныхъ мѣстъ. *Чанъ чунь*, отселѣ, повернулъ на С. В., вмѣсто того, чтобы ѣхать на сѣверо-западъ; онъ далъ слово побывать у *Очинь давана*.

185. *Цинъ минъ*, начало весенняго тепла, первое появленіе растеній; это вмѣстѣ съ тѣмъ религіозный періодъ у Китайцевъ, которые посѣщаютъ въ это время фамильныя кладбища, исправляютъ ихъ и приносятъ жертву предкамъ.

186. *Жо ши*: бывшій въ сѣверныхъ странахъ, во времена государя *Цинъ ши хуанъ ди*; онъ имѣлъ даръ летать по воздуху.

187. *Хуанъ гу*: по описанію лебедь, но, скорѣе, баснословная птица, одаренная чрезвычайно быстрымъ полетомъ.

188. *Гунъ*, баснословная морская рыба, громадныхъ размѣровъ.

189 Тоже баснословная птица чрезвычайно большихъ размѣровъ. Указаніе на *Гунь* и *Цынъ* взято изъ сочиненія даосскаго философа *Чжуанъ цзы*. Превращеніе рыбы въ птицу, по мысли Даосовъ, есть аллегорія духовнаго возрожденія и достиженія дара чудотвореній.

190. *Су ву*: Ханьскій посолъ, долгое время бывшій въ плѣну у Хунновъ.

191. *Ли линъ*: Ханьскій полководецъ, тоже попавшійся въ плѣнъ къ Хуннамъ.

192. *Лу ао*, посланный отъ *Цинъ ши хуанъ ди*, на сѣверъ; онъ видѣлъ тамъ *Жо ши* и сожалѣлъ, что не могъ летать, какъ этотъ чудотворецъ.

193. Т. е. четыре страны свѣта и кромѣ того верхъ и низъ.

184. *Шанъ чэнъ*: мысль заимствована отъ Буддистовъ; въ смыслѣ премірнаго настроенія духа.

195. Нынѣ въ Монголіи уже не видно черныхъ телѣгъ, о которыхъ гласятъ сказанія: эти телѣги были ничто иное, какъ юрты на колесахъ.

196. *Хуанъ юнь бо дао*: желтыя облака, бѣлыя растенія, узаконенное выраженіе, для обрисованія степныхъ и пустынныхъ мѣстъ.

197. *Лу гюй*: такъ въ китайской исторіи называется рѣка *Кэрулунъ*.

198. Вѣроятно ставка была на рѣкѣ *Халха*, впадающей

въ озеро *Буюйръ*, и о которой не однажды упоминается во вновь открытомъ жизнеописаніи Чингисхана; прежде тамъ кочевалъ и Чингисханъ.

199. Для вспоможенія, не по бѣдности праздновавшихъ, а по обычаю привозить подарки на свадьбу.

200. Т. е. способахъ секретныхъ.

201. Паденіе снѣга было указаніемъ, что *Чанъ чунь* не долженъ былъ сообщать своихъ секретовъ, не видѣвшись съ Чингисханомъ.

202. Вѣроятно, *Буюйръ*.

203. Кэрулунъ, въ низовьяхъ, и нынѣ чрезвычайно изобиленъ рыбою.

204. *Дунъ ю чэнъ* сдѣлалъ астрономическое поясненіе на это указаніе *Чанъ чуня*.

205. Т. е. остовы юртъ.

206. Дорога эта вела на сѣверо-западъ.

207. *Данъ*, мѣшокъ; вѣсилъ около четырехъ пудовъ; *доу* десятая часть *дани*.

208. *Цзаоръ*, извѣстное колючее дерево; плоды его походятъ на финики; нѣкоторые называютъ ихъ жужубами.

209. Трудно опредѣлить географически дальнѣйшую дорогу *Чанъ чуня*. Ученый *Шенъ яо* сдѣлалъ изслѣдованіе ея довольно

но пространное; но результаты его неопредѣленны. Переѣздъ былъ отъ поворота Кэрулуна до орды Ханши.

210. Это вѣроятно отроги Голтэйскаго хребта, направляющіеся съ востока; они незамѣтно сходятся съ протяженіемъ хребта Канхайскаго (съ ю. з.), изъ котораго беретъ начало р. Селенга.

211. Ср. указаніе Рубруквиса. Въ примѣчаніи къ однимъ стихамъ *Луань цзинъ цзи юнъ*, авторъ замѣчаетъ, что на *Гугу* втыкались перья, около фута вышины.

212. Письменность Уйгурскими буквами была только что введена Чингисханомъ.

213. *Цзао ву*: творящее начало, собственно не олицетворяемое ни подъ какимъ видомъ; это Провидѣніе, или, лучше сказать, судьба.

214. *Инь сюе жу мао*: преувеличеніе поэта; это выраженіе относится къ преданіямъ древнихъ Китайцевъ, когда они были въ дикомъ состояніи.

215. *Шенъ яо* полагаетъ, что это рѣка *Орхонъ*; но скорѣе *Тола*.

216. *Шенъ яо* предполагаетъ что были два городища: оба въ бассейнѣ рѣки Орхонъ. Выраженія: «на западѣ и востокѣ» вѣроятно означаютъ: по направленію съ востока на западъ.

217. *Шенъ яо* подтвердилъ эти слова своими изысканіями.

Подъ буквами киданьскими разумѣются письмена, составленныя на основаніи китайскихъ знаковъ. Образцы этихъ буквъ сохранились въ сочиненіи *Шу ши хой яо.*

218. Такъ названъ Самаркандъ, иногда называемый въ кит. исторіи, *Хэ чжунъ фу* (имя данное ему Хара-Киданями). Въ одномъ христіанскомъ памятникѣ временъ Монголовъ, на кит. языкѣ, Самаркандъ также названъ *Сюнъ сы гянь.*

219. Туркестана.

220. По *Юанъ чао ми ши*, Хара-Китайскій Гурханъ имѣлъ резиденцію на рѣкѣ *Чуй.*

221. Т. е. длинный сосновый хребетъ, выроятно на Толѣ.

222. Жаркое время года въ Китаѣ раздѣляется на три небольшіе періода.

223. Т. е. большой холодный хребетъ.

224. *Волидо*, по китайскому тексту. Это была временная резиденція Ханши по мнѣнію *Шенъ яо*; но орды, которыхъ было четыре у Чингисхана, были постоянны; въ каждой ордѣ была одна изъ главныхъ Ханшъ его.

225. Вѣроятно Орхонъ или Тола.

226. *Тиху*, т. е. напитокъ, добываемый изъ сливокъ.

227. Царевны, взятыя Чингисханомъ отъ Гиньскаго и Тангутскаго Дворовъ.

228. *Доу*, китайскій четверикъ; а 10 ланъ составляютъ около фунта.

229. Это, очевидно, изъ нынѣшней Сибири.

230. Вѣроятно купцы, служившіе посредниками въ торговлѣ.

231. Ханы древнихъ Хюнну.

232. Переѣздъ былъ отъ орды Ханши до Бишбалыка, нынѣшняго Урумци.

233. Эти слѣды, по духу китайскихъ обычаевъ, были вѣроятно каменные жертвенные столы.

234. Это дерево во множествѣ привозится въ Китай изъ Манчжуріи, и употребляется только на доски для перегородокъ въ домахъ.

235. Этотъ лукъ Китайцы сѣютъ и въ огородахъ. Онъ чрезвычайно пахучъ и весьма уважается Китайцами.

236. *Хэласяо*: вѣроятно сокращеніе названія: Хара-Балгасунъ.

237. Туркестанцы и Уйгуры равно называются такъ *Чанъ чунемъ*. Онъ вступилъ, вѣроятно, здѣсь въ Найманское владѣніе. *Хой хэ* могли быть переселенцы.

238. *Сида*—имя Будды. Постигъ пустоту, т. е. прозрѣлъ и сдѣлался Буддою. День не сходится съ принятымъ въ Китаѣ, да и самая фраза можетъ не допускать этого перевода, будучи поставлена, какъ будто безъ отношенія къ послѣдующему тексту. Можетъ быть, по примѣру другихъ поэтовъ, *Чанъ чунъ*

хотѣлъ предпослать своему стихотворенію идею пустоты всего подлуннаго.

239. *Янь цзы чэнъ*: Маленькій Пекинъ; см. выше.

240. Т. е. что онъ не достигъ еще этихъ даровъ своимъ подвижничествомъ.

241. По *Юань ши* (Цз. 120,10) Чингисханъ завелъ военное поселеніе на *Алу хуанъ* (Орхонъ?), гдѣ построенъ былъ городокъ *Чжинь хай чэнъ*, по имени *Чжинь хая*, которому Чингисханъ поручилъ управленіе этой страной. *Чжинь хай* начальствовалъ надъ 300 слишкомъ домовъ золототкачей изъ западныхъ краевъ, и 300 домовъ шерстяноткачей изъ Китая. Ремесленники изъ запада переселены были по возвращеніи Чингисхана изъ похода въ Туркестанъ. Ремесленники были разныхъ націй; не ихъ ли омонголившіеся потомки нынѣ извѣстны подъ именемъ Дархатовъ (художниковъ), на вершинахъ Енисея, куда переселенцы, можетъ быть, удалились современемъ?

242. Т. е. магазинъ.

243. Переселенные сюда Чингисханомъ.

244. Двѣ *фэй* одного изъ прежнихъ Гиньскихъ государей, пребывавшихъ въ Пекинскомъ дворцѣ, по смерти *Чжанъ цзуна*. Онѣ взяты были Чингисханомъ, по взятіи Пекина.

245. *Тушань* и *Гягу* извѣстныя Гиньскія фамиліи.

246. Царевна была въ ордѣ.

247. Гдѣ было военное поселеніе.

248. Здѣсь говорится вообще о Монгольскихъ степяхъ.

249. Подъ воротами.

250. Т. е. монастырь, привитающій въ высп; въ воспоминаніе родины *Чанъ чуня, Сися сянь.*

251. Четыре горы и пять пиковъ, священныхъ въ Китаѣ.

252. Это наименованіе одного лица; въ немъ включенъ полный титулъ его.

253. *Сянъ гунъ*: почтительное наименованіе.

254. *Шань ся цзинъ*: духъ, который любитъ дѣлать зло разными способами; онъ имѣетъ видъ карлика.

255. Какъ человѣкъ, который выше подобныхъ опасеній и размышленій.

256. Т. е. Золотыхъ горъ; это Китайскій Алтай.

257. Огэдаемъ, который вѣроятно шелъ впереди Чингисхана.

258. Т. е. отселѣ на югъ.

259. Не объ этомъ ли мѣстѣ говорится въ Supplement à l'histoire générale des Huns, des Turks, et des Mogols, Сенковскаго, стр. 15 и 16?

260. Между 8-ю и 10-ю часами утра.

261. Вѣроятно кровью собаки, которая, по мнѣнію Китайцевъ, уничтожаетъ чары и навожденія демоновъ.

262. Серебряныя горы вѣроятно нынѣшній *Тянь шань*, Небесныя горы.

263. Подразумѣвается горы.

264. *И цзы*: въ видѣ буквы *и*, единицы, которая пишется одной поперечной линіей.

265. *Хунь цунь*: здѣсь говорится вѣроятно о луковицахъ, которыя не разводятся въ Китаѣ, гдѣ извѣстенъ только стрѣльчатый лукъ съ небольшимъ корнемъ.

266. *Босыбу*: непзвѣстно, что это за холстъ.

267. Это было вѣроятно привѣтствіемъ, похожимъ на обычай Тибетцевъ подносить хадаки.

268. Нынѣшняя *Турфань*; прежняя *Харахачжо*, страна также принадлежавшая Уйгурамъ.

269. *Бъсыма*: это Бишбалыкъ, нынѣ Урумци, на картѣ 1331 года онъ названъ *Бъшибали*.

270. Вѣроятно князь.

271. Буддизмъ существовалъ въ этихъ мѣстахъ; но какъ попали сюда *Даосы* и не ошибся ли авторъ записокъ, непзвѣстно.

272. Правильнѣе сказать: ученые.

273. *Бэйтинъ*: сѣверный дворъ, у Хюнну, *Тукюе* и въ другихъ владѣніяхъ.

274. *Дуань фу*, названіе измѣненное изъ *Духу фу*, по мнѣнію *Сюйсуня*, т. е. коммиссаріатство.

275. 709 годъ.

276. Коммисаромъ, правителемъ отъ Таиского Двора.

277. *Сань цзанъ*: можетъ быть книги эти были на кит. языкѣ.

278. Губернскій городъ.

279. Въ сѣверозападной части Китая.

280. Уѣздный городъ.

281. Часто упоминаемый въ исторіи династіи Танъ.

282. *Чанъ чунь* объясняетъ, почему на деревѣ были еще листья.

283. *Дьсъ тоу му. Дьсъ*, какъ я объясню особо, было наименованіе христіанъ въ тѣхъ странахъ.

284. Полное наименованіе одного лица.

285. *Чанъ бала*: на старинной картѣ 1331 года городъ этотъ называется *Чжанъ бали* и поставленъ прямо на западъ отъ *Бышибали*.

286. Т. е. изъ *Уйгуръ*.

287. Т. е. до пуда.

288. *Чжень*: китайская подручная, продолговатая подушка. *Влюй чуцай* говоритъ, что бываютъ дыни, величиною съ лошадиную голову.

289. Сюй сунъ предполагаетъ, что озеро *Сайрамъ*.

290. *Чаадай.*

291. Объ этихъ мостахъ, какъ и о горномъ озерѣ, упоминается въ стихахъ *Елюй чуцая*, на переходѣ черезъ *Инь Шанъ*.

292. *Алима, Алмалекъ*, равно извѣстный и магометанскимъ и китайскимъ писателямъ; послѣдніе разнорѣчатъ о положеніи его. *Сюй сунъ* полагаетъ его близь нынѣшней *Кульджи*. Онъ помѣченъ на картѣ 1331 г. подъ именемъ *Алимали*.

293. *Пусуманъ*, вѣроятно *Бессермены* Плано Карпини; названіе, какъ кажется, передѣланное Монголами изъ *Мусульманъ*; здѣсь оно прилагается къ туркестанскому владѣнію.

294. Т. е. *Дарагучи*, учрежденіе монгольское; правитель, отъ Монголовъ, или правильнѣе блюститель въ завоеванныхъ странахъ и городахъ.

295. *Алма*, по татарски, яблоко. *Алмалекъ* или *Алмалыкъ*, значитъ яблочный.

296. Можетъ быть по имени города *Термеда*, гдѣ ткань выдѣлывалась.

297. *Чжунъ янъ мао*: повѣрье о возращеніи овецъ, посредствомъ посадки шерсти и костей овечьихъ, давно существовало въ Китаѣ.

298. Здѣсь вѣроятно разумѣется хлопчатая бумага, которая, во времена *Чанъ чуня*, была еще рѣдкостію, особенно въ сѣверномъ Китаѣ.

299. *Тао хуа ши*, вѣроятно, *Тамаджъ*, передѣланное изъ китайскаго *Танъ го жень*, люди династіи *Танъ*: этимъ именемъ называли Китайцевъ потому, что при династіи *Танъ* они сдѣлались особенно извѣстны на западѣ.

300. *Тянь хэ*: млечный путь.

301. *Янъ чанъ* и *Мынъ Мынъ*, горы въ сѣверномъ Китаѣ.

302. Общее выраженіе, означающее Китай.

303. Походятъ одна на другую, т. е. по величинѣ.

304. *Таласу*, должно быть, извѣстная рѣка *Таласъ*. *Мурлянь* т. е. *Муренъ*, прибавлено Монголами.

305. Гиньскій посланецъ; краткое сказаніе о его путешествіи сохранилось въ одномъ китайскомъ сборникѣ.

306. Султанъ ханъ.

307. Сказаніе объ этомъ есть въ исторіи династіи *Гинъ*. По указанію *Ёлюй чуцая* (въ стихахъ), *Линья* завоевалъ западныя страны въ теченіе 20 лѣтъ.

308. Ховорезмскій.

309. Эти сказанія новы для китайской исторіи.

310. *Тянь бинъ*: небесныя войска, по напыщенному выраженію Китайцевъ о династійныхъ войскахъ.

311. По этой же дорогѣ замѣтилъ подобные слѣды укрѣпленій русскій путешественникъ Назаровъ, при проѣздѣ въ Кокандъ. Magasin Asiatique 1825, томъ 1, № 1, стр. 6.

312. Сайрамъ.

313. Князь, владѣтель или правитель.

314. Магометанскій.

315. Одинъ изъ ученыхъ спутниковъ *Чанъ чуня.*

316. Другой ученикъ *Чанъ чуня.*

317 Т. е. до моей смерти.

318. Хочжендъ.

319. Чжень хаю.

320. *Чжанъ* = 10 футамъ.

321. Или составляютъ ихъ продолженіе; текстъ равно допускаетъ эти два перевода.

322. Высшее небо, въ даосской космографіи.

323. Высшій чинъ въ государствѣ, первый совѣтникъ и какъ бы наставникъ государя.

324. *Ила гогунъ*, т. е. по фамиліи *Ила*, Киданьской; *гогунъ* почетное названіе. Ниже окажется, что имя его *Ахай.*

325. Т. е. не могшій ѣхать къ Чингисхану съ извѣстіемъ о *Чанъ чунѣ.*

326. Монголами.

327. Пришедшими въ составѣ войска Монголовъ.

328. По стихамъ *Блюй чуцая* этотъ дворецъ не былъ

конченъ постройкой. Онъ замѣчаетъ, что *Сюнь сы кянь* (Самаркандъ) значитъ: тучный или жирный городъ. Самаркандъ помѣченъ на картѣ 1331 года подъ именемъ *Сань маргань*.

329. 13 ярусныя башни введены буддійскою вѣрою въ Китай.

330. Вѣроятно описаніе минаретовъ.

331. Драконъ управляетъ дождями, по вѣрованію Китайцевъ.

332. 7 и 8 часовъ утра.

333. $^{6}/_{10}$ диска солнца.

334. Ученый потомокъ Конфуція, жившій во времена династіи *Тань*.

335. Лѣтопись удѣловъ, составленная Конфуціемъ.

336. Т. е. когда луна находится между землею и солнцемъ.

337. Т. е. къ краямъ вѣера тѣнь свѣтлѣе.

338. Т. е. въ родѣ стихотворенія: пріютился феникъ на деревѣ *путунъ*; этимъ обозначается размѣръ стиховъ.

339. Т. е. та, которая перешла изъ чистаго безформеннаго бытія въ міровую, форменную жизнь; это, по ученію Даосовъ, есть паденіе духовнаго начала.

340. *Вань цзы лунь хой*: идея заимствована изъ ученія Буддистовъ о перерожденіяхъ; это вращеніе души или разумнаго начала, въ разныхъ формахъ, есть зло и страданіе.

341. *Цзю сюань*: девять сокровенныхъ, глубокихъ, т. е. девять небесныхъ сферъ; по древнему китайскому преданію это встрѣча вожделенная.

342. Высшія небеса, о которыхъ разъ уже упомянуто.

343. Царствовавшихъ, по преданію, въ доисторическія времена.

344. Т. е. падали царства и люди.

345. Идеалъ бытія, по Даосамъ.

346. Т. е. въ *Шань дунъ* и въ *Шань си*.

347. До часу по полуночи.

348. Разумѣется, вообще Китай.

349. *Ао*—морское чудовище, имѣющее видъ черепахи; по миѳологіи, оно держитъ на себѣ *Пынъ лай*, островъ безсмертныхъ.

350. *Ю вэй*: дѣйственное состояніе, противуположное верховному покою.

351. Выраженіе, заимствованное изъ буддійской космографіи.

352. Этой лупой пополняется, черезъ два и три года, число дней лунныхъ годовъ, принятыхъ Китайцами.

353. Вѣроятно Хиндукуша.

354. Въ годъ 1222.

355. *Хутао*: грѣцкій орѣхъ.

356. Т. е. по восточной сторонѣ владѣнія *Харакитатовъ*.

357. Сокращенно отъ *Хэ чжунъ фу*.

358. *Хэ чжунъ фу*: значитъ городъ между рѣками; вѣроятно назывался такъ по мѣстоположенію. Это названіе, по *Ѣлюй чуцаю*, дано ему Киданями.

359. *Ѣлюй чуцай*, жившій въ Самаркандѣ въ то самое время, какъ былъ тамъ *Чанъ чунь* (см. *Бянь вэй лу*), также оставилъ нѣсколько стиховъ на прогулку за городъ (см. *Юанъ ши сюань*).

360. По календарю даосскихъ праздниковъ; это было въ честь основателя Даосизма *Лао цзы*.

361. Одно изъ названій *Лао цзы* обоготвореннаго, означаетъ: сокровенное начало.

362. *Цзюе ли*: прекратить до зерна. Даосы полагаютъ возможнымъ совершенно отрѣшиться отъ пищи.

363. Вожделенное бѣгство; собственно: утекать, убѣгать, по произволу, въ землю и на небо.

364. *Ву вэй*, противоположно прежнему *ю вэй*, дѣйственному; идеалъ высшей жизни, внѣ мірскихъ узъ. Оба выраженія заимствованы изъ буддійской аскетики.

365. *Шень фань*: собственно глубокихъ варваровъ; историческое выраженіе для обозначенія далекихъ странъ.

366. Т. е. въ Монголію.

367. Дамъ тебѣ добрую награду.

368. Можетъ быть *Борчжи*, извѣстный сподвижникъ Чингисхана.

369. Знаменитый въ китайской исторіи горный проходъ въ Туркестанѣ; онъ описанъ кит. путешественникомъ, Буддистомъ *Сюань цзаномъ*. По картѣ приложенной къ путешествію Борнса въ Бухару положеніе этого прохода должно быть въ пунктѣ *Derbend* or *Kalouga*, не много болѣе одного градуса на ю.ю.в. отъ Самарканда.

370. Городъ *Кешъ*.

371. Правильнѣе для разбитія непріятельскихъ отрядовъ изъ Туркестанцевъ.

372. *Амударья*.

373. Послѣдній день весны; канунъ праздника 4-ой луны.

374. *Цзи цюань*: пѣтуховъ и собакъ, признакъ осѣдлости и населенія.

375. Т. е. Гипьскій и Сунскій.

376. *Чанъ шенъ*, значитъ жить продолжительно и жить вѣчно.

377. Отвѣтъ *Чанъ чуня* Чингисхану, представляемый разно писателями, сдѣлался историческимъ.

378. Разумѣется, по приказанію Чингисхана.

379. *Тянь жень*: человѣкъ, который живетъ на землѣ, но выше условій земныхъ; похвальный титулъ Даосовъ.

380. Т. е. подошелъ.

381. У *Чунъ яна* было всего семь главныхъ учениковъ (въ томъ числѣ одна женщина), кои всѣ чествуются въ сѣверной сектѣ Даосовъ.

382. *Сянь шенъ*: преждеродившійся; общее почтительное наименованіе; въ особенности оно прилагалось къ Даосамъ, какъ наставникамъ въ духовныхъ секретахъ. Со времени воцаренія Монголовъ въ Китаѣ, всѣ вообще Даосы назывались *Сянь шенами*; это слово произносилось Монголами *Шанъ шинъ*. См. *Дэнъ тань би цзю*.

383. *Шифу*.

384. *Чжень жень*: истинный человѣкъ; достигшій истины; это также общее наименованіе Даосовъ.

385. *Шень сянь*: *шень* — духъ, *сянь*, даосскій святой, достигшій безсмертія; *шень сянь* высшая степень въ іерархіи даосскихъ святыхъ; это не титулъ, а состояніе.

386. Внѣ: т. е. конечно не внѣ палатки, гдѣ должно было происходить поученіе. Надобно, кажется понимать: или изъ *внѣшнихъ Тянь чжень хаю* и проч.; или внѣ, т. е. въ юртѣ *Чанъ чуня*.

387. Собственно, которые наступали на линію карауловъ.

388. Ущелье, имѣющее видъ воротъ.

389. Боковыя скалы, какъ верси воротъ.

390. Войскомъ Чингисхана.

391. Т. е. Амударьи.

392. Длинноухіе, т. е. ослы.

393. Третій праздничный періодъ Даосовъ, бывающій въ 10-ой лунѣ.

394. Два извѣстныя общія начала китайской философіи и физики. Здѣсь разумѣется тепло и холодъ, дожди и сухое время.

395. Пояснитель замѣчаетъ это какъ особенность, противоположную атмосферическимъ перемѣнамъ въ Китаѣ.

396. Вѣроятно преслѣдовавшіе султана.

397. *И* — слиткъ, около фунта.

398. Высочайше командированный посланецъ, какъ былъ и *Лю чжунъ лу*.

399. Въ приморской въ странѣ, *Шанъ дунъ*.

400. *Цзю и*, девять варварскихъ народовъ; названіе употреблено Конфуціемъ для обозначенія вообще всѣхъ иноземныхъ странъ.

401. *Шанъ цзинъ*: верхняя столица Гиньцевъ, въ юговосточной Монголіи.

402. *Да доу*: большой горохъ.

403. У Тайши, т. е. *Ахая*; управляющій домомъ или дворцомъ его.

404. *Му*: поземельная мѣра въ Китаѣ.

405. Вѣроятно послѣ взятія Ургенджа.

406. Около четырехъ пудовъ.

407. *Юй*: Медгурстъ возстановляетъ это слово словомъ taro, Arum aquaticum.

408. *Цъ цзы*: особый огородный плодъ, видомъ похожій на дыню.

409. Т. е. у женщинъ.

410. Т. е. головные уборы.

411. *Бицюни*: буддійскія монахини.

412. Безъ отверзтія въ срединѣ монеты, какъ въ китайскихъ монетахъ.

413. *Дашима*: въ другихъ памятникахъ *Дашиманъ* и *Тэшиманъ*; такъ Монголы называли *муллъ*, и считали ихъ законовѣдцами.

414. *Дзи дунъ*: удобнѣе перевести бы въ зимній мѣсяцъ; указаніе *Чанъ чуня* впрочемъ не точно; мѣсячный постъ у Магометанъ подвижной.

415. Вѣроятно разумѣется балконъ, устраиваемый подъ входомъ въ мечеть.

416. Т. е. вещи обыкновенныя.

417. Объѣхавъ ущелье со стороны.

418. Т. е. утесъ на лѣвой сторонѣ выхода изъ ущелья.

419. Неизвѣстно цвѣтомъ ли воды (т. е. желтымъ), или величиной; скорѣе первымъ. Вѣроятно это также *Амударья*.

420. *Ву* и *Юе*, древнія названія нынѣшней губерніи *Цзянъ су* и частью *Чжэ цзяна*. Эта страна была знаменита искуствомъ жителей въ пѣніи и музыкѣ.

421. *Янь* и *Цинь*, древнія названія нынѣшнихъ *Чжили* и *Шанъ си*; извѣстны были особенностію своихъ пѣсней.

422. Здѣсь описывается праздникъ 8-й луны.

423. Вѣроятно Балкъ.

424. Складывать ладони: знакъ почтенія у китайскихъ монаховъ. Враги *Чанъ чуня* напротивъ увѣряютъ, что онъ являлся къ Чингисхану униженно. См. *Бянь вэй лу*.

425. *Шэ либи*, вѣроятно *Чжэрби* другихъ памятниковъ; это было званіе управлявшихъ разными частями по внутренней администраціи ханской орды, потомъ оно осталось почетнымъ титуломъ, который и носилъ *Чжень хай*.

426. Что толковалъ *Чанъ чунъ* Чингисхану, о томъ ска-

зано ниже. По *Чанъ чунь юй лу*, онъ объяснялъ Хану способы внутренняго преображенія, посредствомъ управленія дыханіемъ. Пишутъ, что эти наставленія изложены въ особой книгѣ, которой однакожъ не оказывается въ каталогѣ полнаго собранія даосскихъ книгъ.

427. Т. е. убіенія громомъ.

428. Я слышалъ: говоря по принятой у Китайцевъ вѣжливости.

429. Можетъ быть уйгурскими. Записки не отличаютъ Уйгуровъ отъ Туркестанцевъ, называя тѣхъ и другихъ *Хойтэ*.

430. *Тянь*: можетъ быть духовъ; потому что *Тэнгри* равно значитъ то и другое.

431. *Чуань* значитъ горную рѣку и долину; здѣсь разумѣется то и другое.

432. Т. е. въ 7-й день первой декады луны, по просту 7-го числа.

433. Титулъ даваемый Государю.

434. *Гисили далахань* есть *Кишлихъ*, открывшій Чингисхану заговоръ Кэраитскихъ враговъ его. Онъ былъ пастухомъ; Чингисъ за услугу эту пожаловалъ ему званіе *Тарханъ*, свободнаго; званіе это весьма уважалось у Монголовъ.

435. Враги *Чанъ чуня*, эту льготную грамоту, какъ и другія, прямо называютъ подложными.

436. Т. е. императорскимъ посланцемъ; Монголы передѣлали изъ этого слова *Сіунчи*.

437. Неизвѣстно просто ли, или въ отличіе отъ другаго малаго города, здѣсь городъ названъ большимъ.

438. *Чуй*: извѣстная рѣка, называемая нынѣ, по большей части, *Чу*.

439. Втораго царевича, Чаадая, которому, какъ удѣльному князю, принадлежалъ Алмалэкъ.

440. До праздника 4-й луны, 15-го числа.

441. Здѣсь ошибка, какъ справедливо замѣчаетъ *Сюй сунъ*; вмѣсто двухъ дней, по разсчету времени и разстоянія, надобно читать *двадцать*.

442. Выраженіе неопредѣленное; можно понимать и такъ: ѣхали по восточную сторону *Цзинь шань*, съ Ю. на С.

443. Такихъ собраній или обществъ бываетъ много въ Китаѣ, составляется компанія для празднованія какого нибудь случая и на общій счетъ устраивается церемонія.

444. По *Юань ши*, эту страну надобно искать по Енисею.

445. Cinamorium, по Медгурсту.

446. Не сарана ли?

447. Въ годъ 1222.

448. Т. е. въ переднемъ пути. *Чанъ чунь* оттолѣ отпра-

вился въ Китай прямой дорогой, черезъ самую пустынную степь, на нынѣшній *Кукухотонъ*.

449. Очищеніе его природы силою святыхъ и мудрецовъ.

450. *Сися*: Тангутскаго владѣнія.

451. Горный проходъ въ горахъ *Инь шань*, на сѣверъ Кукухотона.

452. Нынѣшній Кукухотонъ или мѣсто по близости къ нему.

453. Признакъ у Китайцевъ, что больной выздоровѣлъ.

454. Вѣроятно здѣсь надобно подразумѣвать шелковую бумагу.

455. Неподвижно.

456. *Гу шень*: пустой духъ; выраженіе взято изъ *Дао дэ цзина Лао цзы*; оно выражаетъ нематеріальность души.

457. Мѣстечко *Ся шуй ли*, названное по озеру на границѣ Китая и Монголіи, весьма извѣстно въ исторіи. Какъ военный постъ, оно имѣло своего *Юань шуай* или коменданта и начальника отряда.

458. *Ци си*: вечеръ 7-ой луны, 7-го числа; особое празднество въ Китаѣ, преимущественно для женщинъ.

459. Нынѣ *Датунъ фу*; при Гиньцахъ онъ былъ западною столицею.

460. *Цзунь гуань*: губернаторъ страны; *Сюань чаемъ*

онъ называется, какъ поставленный Чингисханомъ, по завоеваніи этого края.

461. *Сань янъ*: три луны весны; *янъ*—какъ начало тепла.

462. Къ народу: очевидно, склоняя ихъ къ подданству Монголовъ. *Чанъ чунь*, повидимому, неохотно согласился содѣйствовать цѣлямъ варваровъ въ покореніи своего отечества. Въ *Цзинь гай синь дэнъ* говорится, что *Чанъ чунь* разослалъ 18 учениковъ своихъ въ разныя стороны для успокоенія, привлеченія и защиты народа; поэтому пять Даосовъ сряду получили почетные титулы; равно 18-ти ученикамъ его, за привлеченіе народа, дарованы преемственные титулы *Дацзуновъ* (патріарховъ). Цз. 1,1—2.

463. Всѣ эти города стоятъ на пути отъ *Датунъ фу* къ *Сюань хуа фу*, или по тогдашнему, *Сюань дэ фу*.

464. Страны, одна отъ другой отдаленныя и совершенно различныя.

465. *Сюй цзинъ* Умеръ въ дорогѣ.

466. *Тай цзюнь*: это должно быть даосская монахиня; *цзюнь*, у Даосовъ, есть титулъ женскій.

467. Привлекъ ли.... т. е. въ подданство Чингисхану. Чингисханъ, вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться хоть этой услугой *Чанъ чуня*, не могши получить дара безсмертія. Это повелѣніе, или правильнѣе письмо, равно и другія полученныя *Чанъ чунемъ* отъ Чингисхана приложены въ подлинникѣ на концѣ.

468. Каменистый хребетъ, по сѣверную сторону *Сюань хуа фу*.

469. *Дэсинскія*, по городу *Дэсинъ фу*, который былъ въ то время главнымъ здѣсь городомъ.

470. Трудная для перевода фраза; подъисточный значитъ могильный; мысль та, что онъ освобождается отъ перерожденій и частыхъ нисхожденій въ землю.

471. 1224.

472. Вьющіяся растенія съ цвѣтками, которые растутъ гроздами; Китайцы устраиваютъ изъ нихъ бесѣдки.

473. *Тао хуа чунь шуй*: персиковые цвѣты и весенняя вода, или потоки; любимое выраженіе китайскихъ поэтовъ.

474. У Даосовъ, святые т. е. достигшіе безсмертія веселятся, пьютъ вино и поютъ веселыя пѣсни.

475. *Цзинь цзы*: носящій платье, жалованное императоромъ въ знакъ отличія.

476. Южное устье ущелья.

477. У Пекина, или въ Пекинѣ, а не въ *Нань коу*.

478. 7-го числа луны.

479. Разумѣется со взносомъ приношенія, по китайскому обычаю.

480. Названіе главнаго правителя губерніи.

481. Восемь религіозныхъ обществъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже.

482. Въ года 1224 и 1225.

483. *Ху сяо цзя юй*: принятая фраза, для обозначенія повсемѣстной извѣстности.

484. Куда были совершены торжественные ходы.

485. Всѣ эти названія имѣютъ отношеніе къ даосскому ученію.

486. Безразличіе, въ высшемъ духовномъ смыслѣ, есть идеалъ даосской нравственности.

487. Т. е потокомъ перерожденія.

488. Выраженіе взято изъ *Дао дэ цзина. Ньчто* есть безсмертное духовное начало въ человѣкѣ; оно низпало изъ первобытнаго міра, т. е. изъ состоянія до образованія міра.

489. Западныхъ.

490. Т. е. дворецъ, гдѣ жили Гиньскіе государи.

491. *Цинъ* мѣра земли, заключающая въ себѣ нѣсколько нашихъ десятинъ.

492. Передъ праздникомъ *Цинъ минъ*, въ который поклоняются могиламъ предковъ.

493. Островъ былъ на озерѣ.

494. Т. е. небо которое можетъ посперить по чистотѣ съ воздухомъ.

495. Это *дань*, философскій камень.

496. Выспренное небо.

497. Въ годъ 1225.

498. Изъ *Шань си*.

499. *Сянь янъ*, область; *Чжунъ пинь*—горы въ *Шанъ си*.

500. Мѣсто подвижничества Чанъ чуня въ *Шань си*.

501. Зала въ монастырѣ, въ которой онъ жилъ.

502. Т. е. что наступаетъ срокъ его возвращенія.

503. Это навѣрное нынѣшняя гора *Цзынъ шанъ*, находящаяся внутри особаго дворцоваго сада въ Пекинѣ; во времена Гиньцевъ она тоже входила въ окружность дворца.

504. Это островъ, посрединѣ дворцоваго озера, называемый *Цзюнъ дао*.

505. По семи знаковъ въ стихѣ; *дуй цзы*, это пара стиховъ, вывѣшиваемые обыкновенно на стѣнахъ и у дверей. Здѣсь разумѣются стихи, на манеръ *дуйцзъ*.

506. *Фынъ юе*: любимое выраженіе китайскихъ поэтовъ, означаетъ вообще красоты вечерней природы и наслажденіе видомъ ихъ.

507. Онъ разумѣетъ большой величины камни, добываемые изъ озера *Тай ху*, въ южномъ Китаѣ; эти камни изрытые впадинами, чрезвычайно уважаются Китайцами; въ саду они ставятся въ извѣстныхъ аллеяхъ.

508. По китайской астрологіи, приближеніе планетъ къ какому либо созвѣздію грозитъ бѣдствіемъ странѣ, которая находится, по распредѣленію, подъ этимъ созвѣздіемъ.

509. Особо устрояемомъ.

510. Осенніе цвѣты, астры, весьма любимые Китайцами.

511. Стихи печальнаго содержанія; Чанъ чунь сочинилъ на манеръ ихъ, по размѣрамъ.

512. Чего домогается даосское ученіе.

513. Отъ цѣлей.

514. Въ разныя положенія, о которыхъ мы и не думали.

515. Молчаніе было порицаніемъ.

516. *Шенъ сянъ фо*: святой, по даосскому ученію, и Будда; по сектѣ, къ которой принадлежалъ *Чанъ чунь*, идеи и повѣрья всѣхъ религій равно допускаются.

517. Въ годъ 1226.

518. *Пань шань*, горы на С. В. отъ Пекина.

519. Разъ уже было выраженіе *Цзинъ лу*: золотой способъ служенія; здѣсь *Хуанъ лу*, желтый; этотъ способъ моленія Даосовъ, также теургическій, обыкновенно производится за царствующую династію, или по заказу двора.

520. Т. е. Даосы, надѣвающіе при служеніи желтыя шапки.

521. Носящіе платье безъ узоровъ, это собственное значе-

ніе; въ общепринятомъ смыслѣ, это міряне и простолюдины.

522. Просить святыхъ значитъ, выносить съ процессіею кумиры.

523. Т. е. шелъ столько времени, сколько сидятъ за обѣдомъ; это (*ши ши*) обыкновенная фраза, означающая около часа времени.

524. Т. е. Синъ шена.

525. Владѣніе *Янъ го*, или удѣлъ въ Пекинской области.

526. Въ текстѣ употреблены знаки, которые означаютъ дворецъ на *лунъ*; полагаю, что это ошибка, и что вмѣсто *гунъ* дворца, надобно поставить другое *гунъ*, почетное наименованіе; съ этимъ измѣненіемъ, *Чанъ гунъ* означаетъ извѣстное лице у Даосовъ, за корыстолюбіе превращенное въ лягушку, но благодаря ученику своему, избавившійся отъ этой формы и сдѣлавшійся святымъ. Во всякомъ случаѣ требуется знать стихи, на которые отвѣчалъ *Чанъ чунъ* (*).

527. *Дунъ бинъ*: имя знаменитаго даосскаго святаго, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Люй цзу*; это самый либеральный и веселый изъ даосскихъ чудотворовъ.

528. *Инъ лаи*, по сказанію Даосовъ, образованъ по по-

(*) Это примѣчаніе было уже отпечатано когда мы получили отъ почтеннаго автора, Архимандрита Палладія (изъ Пекина), увѣдомленіе, что *Чанъ гунъ* положительно слѣдуетъ переводить словами: *чертоги луны* или *на лунъ*. *Примѣч. Ред.*

добію буддійской горы *Сумеру*, т. е. снизу узкій онъ къ верху шире и высится надъ землею.

529. *Сюань юаня* Лао цзы. Здѣсь придань этотъ титулъ Даосамъ, какъ такимъ, которые проникнуты духомъ глубокаго ученія Лао цзы.

530. Праздность, какъ удаленіе отъ мірскихъ дѣлъ. Даосы воспользовались этимъ правиломъ и соблюдаютъ его въ полномъ смыслѣ.

531. *Кай синь ди*: открыть землю сердца, т. е. положить основаніе развитію и преобладанію въ себѣ высшаго изъ трехъ началъ духа.

532. Т. е. сстровъ *Пынъ лай*.

532. *Годы ясени*: Китайская ясень (*чунь*) у Китайцевъ въ почетѣ за долголѣтнее ся существованіе; она сдѣлалась символомъ долголѣтія.

534. Эта идея заимствована изъ Буддизма, который считаетъ существованіе индивидуальности и *Я* зломъ и призракомъ.

535. Это малоизвѣстныя лица, существовавшія, кажется, при династіи *Танъ*.

536. *Чи сунъ*, геній юга, пламени и жара; олицетвореніе стихіи огня.

537. Приглашеніе жить въ кумирнѣ *Тянь чанъ*.

538. Въ годъ 1226.

539. *Бао сюань танъ* — залъ, *фанъ ху* — настоятельская келья.

540. Указывается на то, что *Чанъ чунь* не думалъ о снѣ и держалъ себя какъ днемъ.

541. Тѣ изъ звѣздъ сѣвернаго полушарія, которыя не заходятъ, и въ ту пору, въ началѣ ночи, были на сѣверѣ.

542. Въ годъ 1227.

543. Общество, имѣвшее цѣлію молить объ избавленіи отъ физическихъ бѣдствій.

544. *Лоу*, особыя высокія зданія въ домахъ богатыхъ Китайцевъ, для лѣтняго помѣщенія.

545. Въ простой комнатѣ: т. е. убранной по деревенски.

546. Не смѣлъ продолжить звука.

547. Вѣроятно повелѣніе Чингисхана прислано было въ *Цинь чжоу*, губ. *Шань си*, изъ смежной съ ними страны *Сися*, гдѣ воевалъ въ это время Чингисханъ.

548. *Чанъ чунь гунъ*: дворецъ вѣчной весны; въ честь имени *Чанъ чуня*.

549. Это была самая важная дщица. Фактъ этотъ сомнителенъ.

550. Періодъ между лѣтомъ и осенью.

551. Между 10-ю и 12-ю часами утра.

552. Озеро внутри дворца.

553. Устье канала, которымъ снабжались водою озера; вода проведена была изъ ключей западныхъ горъ, какъ и нынѣ.

554. Общее повѣрье въ Китаѣ, что паденіе горъ и осушеніе водъ предвѣщаетъ какую либо печальную перемѣну.

555. Соученикъ *Чанъ чуня.*

556. По *Бянь вэй лу*: онъ и померъ въ отхожемъ мѣстѣ.

557. Передъ смертію, какъ въ обычаѣ у китайскихъ сектантовъ.

558. Эта пантеистическая идея обща Даосизму и Буддизму.

559. Черезъ воронa и зайца; это символы солнца и луны.

560. Которая приводится въ движеніе. Намекаетъ на одну общую силу въ природѣ.

561. Разумѣются всѣ человѣческія писанія, въ выспренномъ смыслѣ.

562. Возвратился къ истинному, *Гуй чжень.*

563. Тѣлу *Чанъ чуня.*

564. Обрядъ плача, или правильнѣе, громкаго рыданія. У Китайцевъ на все строгія правила.

565. Чингисханъ скончался въ томъ же году и въ той же лунѣ, какъ и *Чанъ чунь*.

566. Т. е. ты меня и замѣнишь въ этомъ занятіи.

567. Въ годъ 1228.

568. Т. е. въ первый день луны, который былъ подъ циклическимъ знакомъ *динъ*, однимъ изъ десяти.

569. Циклическіе знаки, слѣдующіе послѣ *динъ*; т. е. по прошествіи трехъ дней.

570. Города сѣвернаго Китая.

571. Буквально: спокойнаго уложенія, въ кумирнѣ *Боюнъ гуань*. Это погребальный обрядъ.

572. День начинается съ полуночи.

573. Окончательное служеніе, съ жертвами.

574. Сѣдалище: *Вэй*; при этомъ ставятся или кумиры или, всего чаще, дощечки съ надписью: сѣдалище такого-то духа. Сѣдалища были поставлены въ честь 360 духовъ, соотвѣтственно числу дней обыкновеннаго, средняго года. У Даосовъ годовое и суточное вращеніе имѣетъ мистическій и священный смыслъ.

575. *Сянь жуй*: *жуй* верхняя кожа жуковъ и змѣй, отъ которой они освобождаются по времени; Даосы приложили это названіе къ праху своихъ мнимыхъ безсмертныхъ. По ихъ вѣрованію, святые по кончинѣ освобождаются изъ верхней тѣлесной оболочки, какъ жуки; внутренность ихъ не повреждена; въ гробѣ остается одна кожа.

576. Т. е. Даосовъ.

577. Т. е. пребывающій въ согласіи.

578. *Боюнь гуань*: кумирня бѣлыхъ облаковъ, существуетъ и нынѣ, близь Пекина, за западной стѣной его. Въ главномъ храмѣ, гдѣ погребенъ *Чанъ чунь*, поставленъ его кумиръ. Есть особый храмъ съ кумирами его и другихъ шести его сподвижниковъ, равно храмъ съ 18-ю спутниками его. Кумирня празднуетъ 19-е число 1-ой луны, какъ день рожденія *Чанъ чуня*; это праздникъ всего Пекина, на который сходится много народа. *Боюнь гуань* есть главный, по близости своей къ столицѣ, монастырь даосской вѣры во всемъ Китаѣ. Въ немъ хранятся стихи, въ родѣ *дуй цзы*, сочиненные въ прошедшемъ вѣкѣ государемъ правленія *Цянь лунъ*: «Для вѣчной жизни не нужно питаться эѳиромъ и искать таинственныхъ афоризмовъ; единое слово: не убивай! показываетъ, какъ велика заслуга его въ дѣлѣ спасенія.» Это слово, по преданію, сказано было *Чанъ чунемъ* Чингисхану, котораго онъ будто бы просилъ о пощадѣ живыхъ тварей.

579. Большое біографическое описаніе святыхъ.

580. Отъ *Чанъ чуня* осталось собраніе стихотвореній, собственно его произведенія, и нѣсколько наставленій.

581. Это посланіе извлечено изъ сочиненія *Чэгэнъ лу*. За достовѣрность его трудно поручиться.

582. По преданію, Чингисханъ носилъ простое холщевое

платье; холщевый кафтанъ его хранился, какъ драгоцѣнность, при дворѣ монгольскихъ государей въ Китаѣ.

583. 10,000.

584. *Нашихъ*: Чингисханъ какъ будто причисляетъ себя къ одному племени съ Хюнну; это мысль китайскихъ писателей, которые установляютъ этнографическое единство между всѣми сѣверными народами.

585. Въ *Юань ши* (Цз. 130,14) приписывается Чингисхану такая поговорка: «Владыка людей управляетъ Поднебесною, какъ правая рука держитъ вещь непремѣнно съ помощію лѣвой руки (т. е. министра)».

586. Указываетъ на учрежденіе древней династіи *Чжоу*. Три *гуна* были высшіе совѣтники государя. Девять *циновъ* занимали разныя части государственнаго управленія.

587. *Вэнь ванъ*, основатель династіи *Чжоу*, увезъ съ собой *Тайгуна*, который занимался уженіемъ рыбы на р. Вэй, тамъ гдѣ обиталъ и *Чанъ чунь*.

588. *Лю бэй*, законный потомокъ дома *Хань*, три раза посѣщалъ хижину *Чжу гэ лао*, извѣстнаго стратегика временъ троецарствія, и успѣлъ наконецъ уговорить его.

589. Т. е. уступаю тебѣ свое мѣсто, какъ учителю.

590. Китайское вѣжливое выраженіе: достойно приготовился принять учителя.

591. Намекаетъ на обычай древнихъ государей—посылать экипажи за мудрецами.

592. Въ *Сию цзи* адреса *Чанъ чуня* не помѣщено; мы заимствуемъ его изъ *Чэгэнъ лу*.

593. Т. е. царскаго.

594. Города близъ Великой Стѣны: *Хуань чжоу* восточнѣе *Фу чжоу*.

595. Съ кускомъ ткани: намекаетъ на старинный обычай приглашать съ подарками.

596. Очевидно говорится только для красоты и достоинства выраженій.

597. Владѣтелей, государей.

598. Это повелѣніе или письмо, какъ и слѣдующіе два, писаны грубымъ китайскимъ слогомъ и болѣе достовѣрны чѣмъ прежнія.

599. Свидѣтельство мѣстной власти.

600. Т. е. въ подданство Чингисхана.

ПОЯСНЕНІЕ

КЪ

КАРТѢ ВЛАДѢНІЙ МОНГОЛОВЪ

НА СѢВЕРО-ЗАПАДѢ.

Карта эта можетъ служить пособіемъ при чтеніи путешествія Чанъ-чуня. Она есть точное воспроизведеніе китайскаго оригинала, считающагося въ Китаѣ рѣдкостью, и принадлежавшаго къ Статистическому Сборнику, составленному въ Пекинѣ, по правительственнымъ документамъ, въ 1329 — 1331 годахъ, и давно уже утраченному. Рукописные отрывки этого сборника, вмѣстѣ съ картою, хранятся въ библіотекѣ старинныхъ книгъ, при Ханьлинь юанѣ.

Границы, отдѣляющія владѣнія Джагатайскія, Кипчакскія и Персидскія, равно принадлежавшія Чингисханидамъ, положены на картѣ, на основаніи указаній *Юань ши*, или Исторіи Монгольскаго дома, въ прибавленіи *Сибэй ди фулу* (о сѣверозападныхъ странахъ).

На картѣ есть названія мѣстъ, которыхъ нѣтъ въ *Юань ши*; а въ *Юань ши* есть другія, которыхъ нѣтъ на картѣ. Послѣднія суть: въ Джагатайскихъ владѣніяхъ *Кэбули*; въ Персіи: *Багида, Хулимуцзы, Куфа, Вадайди, Бамоу, Табасинь, Фаинь, Найшабуръ, Салахадай* и *Баварди*.

КИПЧАКСКОЕ ВЛАДѢНІЕ

ДЖАГАТАЙСКОЕ ВЛАДѢНІЕ

ПЕРСІЯ

Примѣчаніе

Красная линія показываетъ границы между владѣніями Кипчакскимъ, Джагатайскимъ и Персіею.

КАРТА

СѢВЕРОЗАПАДНЫХЪ И ЗАПАДНЫХЪ

ВЛАДѢНІЙ МОНГОЛОВЪ.

О МАГОМЕТАНАХЪ ВЪ КИТАѢ.

Магометане, населяющіе въ значительномъ количествѣ внутренній Китай, носятъ у Китайцевъ, подобно ихъ единовѣрцамъ въ Туркестанѣ, названіе *Хой хой*, или по просту *Хой цзы*; вѣру ихъ называютъ *Хой цзяо* и *Цзъ цзяо*, «вѣрою запрещенія», вслѣдствіе запрещенія у Мусульманъ вина и свинины.

Первоначально названіе *Хой хой* прилагаемо было собственно къ народу Уйгуровъ, съ которымъ Китай издавна имѣлъ частыя сношенія; въ послѣдствіи, потому ли что первые и главные представители Ислама были изъ Уйгуровъ, или по привычкѣ Китайцевъ подводить чужеземцевъ подъ нарицательныя категоріи, они стали обозначать, подъ именемъ *Хой хой*, всѣхъ выходцевъ изъ запада, исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру, безъ различія народа и племени. Это обобщеніе окончательно утвердилось съ воцареніемъ въ Китаѣ династіи *Минъ*, въ XV столѣтіи.

Китайскіе писатели, благодаря неопредѣленности названія *Хой хой* и невѣдѣнію исторіи отдаленнаго запада, относятъ появленіе магометанской религіи въ Китаѣ къ концу VI вѣка по Р. Х. Китайскіе Магометане не преминули воспользоваться этой ошибкой; одинъ изъ писателей ихъ, въ пространной

біографіи Магомета на китайскомъ языкѣ, подъ годомъ 587 упоминаетъ о посольствѣ отъ китайскаго государя въ Аравію, къ Магомету, съ приглашеніемъ его въ Китай; Магометъ отказался и вмѣсто себя послалъ свой портретъ; однакожъ изображеніе его, въ послѣдствіи изчезло съ полотна, чтобы не подать повода къ обожанію его. Потомъ, въ городѣ *Си ань фу*, старинной столицѣ Китая, гдѣ найденъ памятникъ Христіанства временъ династіи *Танъ*, открытъ также и памятникъ Магометанства въ Китаѣ, воздвигнутый будто бы въ 742 г. Въ этомъ памятникѣ между прочимъ сказано, что вѣра Мухаммеда вошла въ Поднебесную Имперію и распространилась въ ней при династіи *Суй*, въ правленіе *Кай хуанъ*, т. е. между 581 и 600 годами. Наконецъ, между китайскими Магометанами ходитъ небольшое сочиненіе о началѣ Магометанства въ Китаѣ; въ немъ разсказывается, что въ 628 г. китайскій государь отправилъ посольство въ магометанскія страны (варіантъ: въ Самаркандъ), которое привело съ собой въ Китай одного ученаго чалмоносца, въ сопровожденіи 3000 *Хой хой*; эти три тысячи Магометанъ, будто бы, и положили основаніе магометанскому населенію въ Китаѣ.

Всѣ эти сказанія, исполненныя анахронизмовъ, объясняются притязаніями китайскихъ Магометанъ на древность ихъ религіи въ Китаѣ. Имъ казалось предосудительнымъ молчаніе исторіи дома *Танъ* объ ихъ вѣрѣ, когда она упоминаетъ о существованіи въ то время въ Китаѣ другихъ религій: Христіанства, Маздеизма и Манихеизма, и они рѣшились воспол-

нить этотъ пробѣлъ. Правда, что при сношеніяхъ династій *Суй* и *Танъ* съ западомъ, въ Китаѣ въ то время было много купцовъ и астропомовъ изъ тѣхъ странъ, которыми въ послѣдствіи возобладалъ Исламизмъ; но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ эти выходцы внесли съ собой религію Магомета, которая еще не сложилась въ ту пору, или не распространилась на востокъ.

Первое знакомство Китайцевъ съ Магометанствомъ надобно полагать во времена династіи *Сунъ*, съ половины X-го вѣка, когда Магометане стали имѣть торговыя связи съ Китаемъ Южнымъ моремъ. Можно также, съ нѣкоторою вѣроятностію, допустить разсказъ Магометанъ, что въ половинѣ XI столѣтія въ Китаѣ появился потомокъ Магомета, въ лицѣ бухарскаго владѣтеля *Софэйра*; онъ переселился сюда со всѣми родичами своими, избѣгая будто бы смутъ, царствовавшихъ въ Мавареннагрѣ. Къ этому можно еще присоединить, что въ XII вѣкѣ, на службѣ господствовавшаго въ сѣверномъ Китаѣ дома Гиньцевъ, состоялъ огнестрѣльный полкъ изъ *Хой хой*, вѣроятно изъ Персовъ и можетъ быть магометанской вѣры.

Наконецъ, когда завоеванія Чингисхана открыли широкій путь, чрезъ Среднюю Азію, между востокомъ и западомъ, вслѣдъ за завоевателями двинулись во вновь открытую страну, въ Китай, изъ Сиріи, Ирана, Мавареннагра и Уйгуріи, Арабы, Персы, Тачжики и Уйгуры, съ семействами и цѣлыми родами, въ качествѣ военноплѣнныхъ, добровольныхъ переселенцевъ, ученыхъ, ремесленниковъ и торговыхъ людей. Многіе

изъ нихъ, люди болѣе или менѣе образованные, пользовались важными правами и особеннымъ вниманіемъ монгольскихъ хановъ, занимали высшія должности въ правительствѣ, назначаемы были воеводами, губернаторами городовъ и правителями провинцій Китая. При тѣхъ преимуществахъ, которыя даруемы были имъ надъ жителями богатой Срединной Имперіи, они не думали болѣе о возвратѣ на свою родину и оставались въ Китаѣ на всю жизнь. Изъ этихъ-то разноплеменныхъ переселенцевъ магометанскаго исповѣданія образовалась главная масса китайскихъ Магометанъ. Благодаря фамильному преемству и выгодамъ промышленности и торговли, они укоренились на китайской почвѣ и сохранили свой особенный характеръ до сихъ поръ, тогда какъ представители другихъ религій и націй, *Ѣликэунь* (Христіане-несторіане), *Чжухудъ* (Іуден), *Боланьги* (Франки), *Лоли* (Лурп, Цыгане), и др., давно уже изчезли, или, какъ Іуден, изчезаютъ.

Паденіе дома Чингисханидовъ въ Китаѣ и замѣна ихъ національною китайскою династіею не обрушились остракизмомъ на Магометанъ; они уцѣлѣли. Новый политическій порядокъ имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю организацію ихъ общества. Уже не пользуясь прежнимъ вліяніемъ, замкнутые въ странѣ, гдѣ на чужеземцевъ смотрѣли не дружелюбно, и гдѣ все, начиная съ кумировъ до всеобщаго употребленія свинины и вина, было противно духу исламизма, Магометане имѣли время тѣснѣе сблизиться между собою, потеряли особенности разноплеменнаго происхожденія и образовали замѣ-

чательный народъ или общину людей, безъ національнаго единства, но твердо связанныхъ узами религіи. Такими они являются въ эпоху новаго переворота въ Китаѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, кончившагося воцареніемъ въ Китаѣ Маньчжурскаго дома, — являются отдѣльнымъ цѣльнымъ племенемъ, глубоко сознающимъ себя и по духу совершенно независимымъ, среди языческаго населенія края.

Здѣсь кстати замѣтить, до какой степени неточно называютъ китайскихъ Магометанъ Татарами, какъ будто Магометане суть не что иное, какъ Татары. Послѣдніе составляютъ вѣтвь тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими Магометанами, ни по происхожденію, ни по языку. Если, въ прежнія времена и могла быть примѣсь къ нимъ тюркскаго племени, то она поглощена массою магометанскаго населенія въ Китаѣ и не оставила послѣ себя слѣдовъ. Ошибочно также смѣшивать въ одинъ народъ китайскихъ Магометанъ и населеніе подвластнаго Китаю Туркестана, который самымъ названіемъ своимъ указываетъ на этнографическую особенность его жителей. Единственные представители Татаръ находятся въ Пекинѣ; это небольшая колонія Яркендцевъ, переселенная сюда въ прошедшемъ столѣтіи. Они живутъ отдѣльно и не смѣшиваются съ китайскими Магометанами. Послѣдніе называютъ этихъ Туркестанцевъ Чернокостными, оставляя за собой наименованіе Бѣлокостныхъ т. е. благородныхъ.

Съ начала нынѣшней династіи китайскіе Магометане

впервые, сколько извѣстно, заявили себя какъ слѣдовало потомкамъ воинственныхъ и ученыхъ предковъ, оружіемъ и кистью (перомъ).

Одинъ изъ послѣднихъ князей дома *Минъ*, спасаясь отъ оружія Маньчжуровъ, бѣжалъ въ сѣверо-западную часть Китая, гдѣ болѣе всего густо магометанское населеніе. Магометане приняли его сторону и произвели возмущеніе, или участвовали въ немъ (сказанія не ясны); однакожъ оно было скоро усмирено.

Маньчжурское правительство не замедлило понять, что не легко управиться съ фанатическимъ племенемъ; поэтому оно постоянно отличалось терпимостію по отношенію къ Магометанамъ. Много разъ государи отвергали неблагоразумные проэкты сановниковъ о закрытіи мечетей, запрещеніи печатанія магометанскихъ книгъ и включеніи магометанской вѣры въ разрядъ сектъ, воспрещенныхъ законами, и даже наказывали составителей подобныхъ проэктовъ. Они желали бы сгладить отличительныя черты этого чужеземнаго населенія и совершенно слить его съ китайскимъ, дабы тѣмъ предотвратить безпорядки отъ безпокойнаго племени. Однакожъ китайскіе мандарины не понимали важности такой политики и часто позволяли себѣ произволъ по отношенію къ Магометанамъ. Здѣсь я коснусь событія 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія; оно причинило китайскому правительству много хлопотъ и Магометанамъ ущерба.

Въ сѣверо-западномъ углу внутренняго Китая, рядомъ съ

первобытными обитателями края, полудикими Тангутами, обитаетъ магометанская колонія Уйгуровъ (изъ Хамила), по мѣсту жительства называемая Саларъ, а по жилищамъ Черноюртною. Со времени монгольскаго владычества, Саларцы имѣли свое управленіе въ лицѣ наслѣдственнаго тысящника. По вѣрѣ и религіознымъ обычаямъ они близки болѣе къ китайскимъ Магометанамъ, чѣмъ къ Туркестанцамъ и если сохранили нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, то это произошло отъ разобщеннаго положенія ихъ. Раздѣлялись они на 12 *гуновъ* (кочевьевъ или родовъ, не извѣстно), изъ коихъ въ каждомъ былъ особый глава духовный; кромѣ того былъ надъ всѣми высшій, особый глава вѣры. Разъ появился между ними нѣкто *Мамінъ синь*, принесшій съ запада нѣкоторыя нововведенія касательно чтенія и можетъ быть истолкованія алкорана. Послѣдователи его одѣвались въ бѣлое платье. «Китайскіе ахуны (муллы), допосилъ послѣ главнокомандую-«щій *А гуй*, читаютъ свои священныя книги тихо и спокойно; «*Мамінъ синь* хотѣлъ ввести чтеніе громкое, съ помаваніемъ «головы и подпрыгиваніемъ, какъ читаютъ ихъ въ Туркестанѣ.» Различіе это повело приверженцевъ той и другой стороны къ ссорамъ и дракамъ. Тогда ближайшія маньчжурскія власти вмѣшались въ споръ, приняли сторону защитниковъ прежняго порядка, и не думая долго, схватили *Мамінъ синя* и заключили его въ тюрьму. Раздраженные этимъ, приверженцы его, съ яростію напали на своихъ противниковъ, многихъ убили и отправились освобождать своего главу; встрѣтивъ на пути от-

рядъ солдатъ, они перерѣзали ихъ; потомъ напали на ближайшій городъ (*Хэ чжоу*), вырѣзали его гарнизонъ, запасшись порохомъ и двинулись на *Лань чжоу* (въ *Гань су*). Пекинскій дворъ сильно встревожился извѣстіемъ объ этомъ возмущеніи; онъ боялся за сѣверозападную часть Китая, гдѣ населеніе Магометанъ многочисленно. На мѣсто смутъ командированъ былъ знаменитый въ свое время *А гуй*; приказано было отправить туда войска изъ столицы, изъ смежныхъ съ Ганьсу губерній, изъ Алашани и даже изъ Урумци. Дѣло однакожъ обошлось безъ важныхъ потрясеній въ краѣ. Глава возмутившихся, ученикъ *Мамина сина*, съ горстію единомышленныхъ фанатиковъ (ихъ было не болѣе тысячи человѣкъ), укрѣпился въ одной кумирнѣ на скалистомъ берегу Желтой Рѣки. *А гуй*, съ своей арміей, цѣлый мѣсяцъ осаждалъ кумирню. Нельзя, безъ глубокаго чувства, читать описаніе отчаянной борьбы осажденныхъ и ужасовъ голода и жажды, изнурявшихъ ихъ силы; ничто не могло склонить ихъ къ сдачѣ, почти всѣ они погибли въ бою, въ чаяніи блаженства, которое обѣщалъ имъ вождь по смерти.

Послѣдствій возмущенія Саларцевъ отозвались на всемъ китайскомъ Магометанствѣ. Правительство воспретило, на будущее время, путешествіе Магометанъ за западную границу съ религіозною цѣлію, допускъ заграничныхъ муллъ въ Китай и построеніе новыхъ мечетей; въ мечетяхъ не дозволено держать пришлыхъ; не дозволено также имъ имѣть общихъ духовныхъ главъ.

Съ тѣхъ поръ китайскіе Магометане долго оставались въ покоѣ; возстанія Туркестанцевъ не производили между ними никакого гласнаго движенія. Наконецъ, въ послѣдніе годы, они снова выступили на сцену; причиняемыя ими смуты продолжаются нѣсколько лѣтъ сряду. Главною причиной этихъ возмущеній, обыкновенно поставляютъ притѣсненія и обиды, какія терпятъ Магометане отъ китайскихъ чиновниковъ. Пекинскіе Магометане съ негодованіемъ разсказываютъ тому примѣры, возмутительные для ихъ религіознаго чувства; мѣстные правители въ провинціяхъ придумываютъ разныя мѣры, въ видахъ незаконнаго побора съ Магометанъ; нѣкоторые изъ нихъ устроивали въ магометанскихъ селеніяхъ общественныя угощенія, въ которыхъ употребляема была свинина, и предлагали одно изъ двухъ: или вкусить запрещенной ихъ закономъ пищи, или откупиться отъ этого деньгами. Магометане, вообще отличающіеся характеромъ неспокойнымъ, легко принимаютъ къ сердцу подобныя оскорбленія и скоро переходятъ отъ словъ къ дѣлу. Конечно, если бы законы въ Китаѣ были на столько дѣйствительны, что могли оградить гражданскія права и неприкосновенность религіи Магометанъ, то они могли бы быть болѣе или менѣе мирными подданными маньчжурскаго дома. Однакожъ, въ послѣднемъ движеніи ихъ нельзя признавать только обнаруженія чувства ненависти и мести; несомнѣнно тайное поджигательство китайскихъ инсургентовъ, которые хотѣли бы перенести поприще дѣйствія на западъ, дальше отъ вмѣшательства Европейцевъ, и употребить въ дѣло

магометанское населеніе, какъ орудіе для осуществленія своихъ замысловъ. Вслѣдъ за возмущеніемъ китайскихъ Магометанъ, возстали и единовѣрцы ихъ въ Туркестанѣ. Первые начали съ того что хотѣли укрѣпиться въ крѣпости *Дунъ гуань*, стратегическомъ пунктѣ, который служитъ воротами изъ внутреннихъ провинцій Китая въ западныя, но были вытѣснены изъ этой позиціи; теперь, по видимому, всѣ силы ихъ сосредоточились въ *Гань су*, гдѣ поднялись также Магометане *Со лэ*, вѣроятно тѣ же Саларцы, о которыхъ сказано было выше. Судя по безпощадной ярости, съ которою магометанскіе инсургенты совершаютъ дѣло опустошенія и убійства, можно думать, что въ возстаніи ихъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ изувѣрнаго Джихада. Сами по себѣ и для себя, они не въ состояніи достигнуть важныхъ политическихъ результатовъ, потому что не могутъ надѣяться на сочувствіе и опору въ китайскомъ народонаселеніи; но для страны они причиняютъ новое бѣдствіе, а для маньчжурскаго правительства, безъ того уже удрученнаго затрудненіями всякаго рода, новые страхи и опасенія.

Я сказалъ выше, что съ воцареніемъ Маньчжуровъ въ Китаѣ, китайскіе Магометане заявили себя также и по книжной части; это время можно считать эпохою возрожденія ихъ письменности; до тѣхъ поръ они не производили на свѣтъ, въ Китаѣ, опытовъ своей учености, кромѣ немногихъ переводныхъ сочиненій астрологическаго и медицинскаго содержанія; съ половины XVII вѣка, они положили основаніе самобытной

литературѣ, на языкѣ обитаемой ими страны, съ двоякою цѣлію: вопервыхъ, чтобъ уяснить для своихъ единовѣрцевъ догматы и преданія Исламизма, а съ другой стороны, чтобы оградить свою религію отъ нападеній и насмѣшекъ Китайцевъ, и даже показать превосходство ея надъ существующими въ Китаѣ религіозными ученіями. Замѣчательно, что появленіе сочиненій ихъ въ Китаѣ совпадаетъ съ первыми письменными опытами европейскихъ вѣропроповѣдниковъ. Тѣ и другіе единовременно ухватились за Конфуціанизмъ, господствующую здѣсь школу, по одинаковымъ причинамъ. Позитивизмъ Конфуціанцевъ, пренебрегающій областью спиритуализма, довольствуется въ семъ отношеніи уцѣлѣвшими отъ древности отрывками религіозныхъ воззрѣній, часто малопонятными и противорѣчащими, и оставляетъ широкое поле для построенія любой системы; магометанскіе писатели сравниваютъ конфуціанское ученіе съ готовымъ матеріаломъ, изъ котораго можно построить капище или мечеть. Они приняли также за правило, что въ такой странѣ какъ Китай, самое лучшее средство дѣйствовать письменностію и соглашеніемъ своихъ идей съ общепринятыми нравственными началами ученыхъ Китайцевъ. Эти взгляды были усвоены и Іезуитами.

Первое магометанское сочиненіе въ Китаѣ, сколько мнѣ извѣстно, появилось въ 1642 году (авторъ *Ванъ-дай-юй*); въ немъ нѣтъ ничего оригинально-магометанскаго; все приспособленіе къ нравственному ученію Конфуціанства, какъ будто то и другое ученіе основано на однихъ и тѣхъ же началахъ. Съ

счастливой руки *Ванъ-дай-юл*, начался рядъ китайско-магометанскихъ произведеній, не прекращающійся и донынѣ. Излагать разнообразное содержаніе ихъ, даже въ общихъ чертахъ, здѣсь было бы неумѣстно. Ограничусь указаніемъ на болѣе или менѣе замѣчательныхъ авторовъ.

Мачжи, по имени Юсуфъ, родомъ изъ *Юнь нани*, въ концѣ XVII столѣтія, написалъ книгу, подъ названіемъ «*Компасъ магометанской вѣры*», состоящую болѣе чѣмъ изъ 1700 страницъ; въ ней собраны разныя статьи по магометанской вѣрѣ, начиная отъ выспреннихъ умозрѣній до самыхъ мелкихъ преданій Исламизма. Писалъ онъ съ цѣлію представить свой трудъ императору *Канъ си*, такъ какъ онъ слышалъ, что этотъ Богдоханъ, во время своего путешествія по Китаю, заходилъ въ одну мечеть и интересовался содержаніемъ замѣченныхъ имъ тамъ арабско-персидскихъ оригиналовъ. Юсуфъ, по этимъ извѣстіямъ, отправился въ Пекинъ и здѣсь кончилъ свое сочиненіе, которому, по его словамъ, посвятилъ 35 лѣтъ своей жизни. Въ посвятительномъ адресѣ государю, онъ доказываетъ превосходство магометанскаго ученія и увѣряетъ, что все непонятное въ памятникахъ, завѣщанныхъ глубокою древностію въ Китаѣ, можно объяснить только съ помощію алкорана. Юсуфъ тѣмъ не ограничился; считая себя Сеидомъ, онъ составилъ другой адресъ государю, съ просьбою пожаловать ему какой нибудь почетный титулъ, въ родѣ тѣхъ, какіе даются потомкамъ Конфуція. Онъ доказываетъ свое происхожденіе отъ Адама въ 95-мъ, а отъ Магомета, въ прямой линіи, въ 45

колѣнѣ. Ни та, ни другая попытка его выхлопотать титулъ и представить книгу государю, не удались ему, и онъ, какъ самъ разсказываетъ, удалился изъ Пекина, обливаясь горькими слезами.

Замѣчательны сочиненія другаго магометанскаго писателя, *Люцзъ ляня* (въ началѣ XVIII вѣка). Онъ составилъ между прочимъ: пространное жизнеописаніе Магомета (съ предисловіями и прибавленіями, болѣе 1300 страницъ), постановленія магометанскія (500 страницъ), и изложеніе магометанской философіи (200 страницъ). Это самый извѣстный и болѣе всѣхъ уважаемый китайскими Магометанами писатель; они называютъ его апостоломъ вѣры. Вотъ какъ онъ самъ отзывается о себѣ: «Въ восемь лѣтъ я прочелъ всѣ конфуціанскія книги; въ шесть затѣмъ лѣтъ, прочелъ магометанскія книги; потомъ, въ три года, буддійскія; въ годъ даосскія; кромѣ того, прочелъ 137 книгъ Европейцевъ (на китайскомъ языкѣ?); путешествовалъ по Китаю, посѣщая библіотеки и отыскивая нашихъ книгъ; и много терпѣлъ отъ родныхъ за свои исключительныя и безплодныя, въ матеріальномъ отношеніи, занятія.» Произведенія *Люцзъ ляня* суть самыя отчетливыя: китайскій Магометанинъ находитъ въ нихъ ясное изложеніе догматическаго и обрядоваго ученія.

Опуская нѣсколько другихъ сочиненій, я упомяну еще о произведеніи *Цзинъ бэй гао*, который занималъ въ Пекинѣ должность переводчика (въ первой половинѣ XVIII вѣка). Небольшое сочиненіе его: «Объ истинномъ значеніи магометан-

ской религіи» есть апологія Магометанства передъ китайскимъ народомъ, въ которой авторъ довольно успѣшно отражаетъ насмѣшки и укоры, которымъ подвергаются Магометане въ Китаѣ; тонъ его замѣчателенъ спокойствіемъ и умѣренностію.

Народъ, который отстоялъ своеобразныя начала жизни и религіи и показалъ опыты умственнаго труда въ такой средѣ, въ которой поглощены и изчезли не одно племя и не одинъ народъ съ ихъ національностію и вѣрою, заслуживалъ бы болѣе точныхъ статистическихъ свѣденій, чѣмъ тѣ, которыми мы владѣемъ. Любопытно было бы знать численность магометанскаго населенія въ Китаѣ; но въ этомъ отношеніи невозможно сдѣлать и приблизительныхъ разсчетовъ; мнѣ кажется только, что принимая въ соображеніе значительное число магометанскихъ семействъ въ нѣкоторыхъ городахъ, согласно оффиціальнымъ даннымъ, и прилагая его, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, къ другимъ мѣстностямъ, населеннымъ Магометанами, можно предположить общее число Магометанъ въ Китаѣ между тремя и четырьмя милліонами душъ. Эта цифра составитъ немаловажное приращеніе къ мусульманскому міру, — приращеніе въ людяхъ, болѣе или менѣе развитыхъ, промышленныхъ и предпріимчивыхъ.

Магометане, главнымъ образомъ, населяютъ сѣверную и сѣверо-западную часть Китая. Земледѣліемъ они почти вовсе не занимаются; въ ихъ рукахъ находится вся торговля съ Монголіей рогатымъ скотомъ и лошадьми, и мелочная распродажа ихъ; въ *Шáнъ си* они разводятъ опіумъ, для внутренняя-

го потребленія; другіе занимаются промышленностію средней руки. Они также владѣли монополіей торговли ревенемъ въ Кяхтѣ. Богатыхъ домовъ, какъ фирмы китайскихъ компаній, по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ Китаѣ, между ними нѣтъ; за то положительно можно сказать, что между ними нѣтъ ни одного безъ какого нибудь промысла. Они обыкновенно живутъ въ городахъ, отдѣльными общинами, или кварталами, при мечетяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ цѣлыя деревни. Продовольствіе они получаютъ отъ своихъ единовѣрцевъ и тщательно берегутъ себя отъ осквернія въ пищѣ и питьѣ при сношеніяхъ съ Китайцами; послѣдніе рѣдко посѣщаютъ ихъ общины, а мечети никогда.

Исповѣданіе китайскихъ Магометанъ есть суннитское. Говорятъ, что между ними есть и Шіиты; но ни лично, ни изъ расиросовъ, ни въ ихъ книгахъ, которыхъ у меня было болѣе 30, я не могъ въ томъ удостовѣриться. Они держатся ханифантскаго толка. Ханифа, по времени, есть старшій изъ четырехъ суннитскихъ докторовъ. Если вѣрно, что въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нельзя найти рѣшенія сомнѣній ни въ алкоранѣ, ни къ Суннѣ (писанномъ законѣ), ни въ хадисѣ (устномъ законопреданіи), Ханифа придаетъ личнымъ соображеніямъ болѣе значенія, чѣмъ другіе три авторитета, то эта черта магометанской казуистики очень умѣстна въ Китаѣ, гдѣ при условномъ положеніи Магометанъ, часто представляются поводы къ недоразумѣніямъ. Но приписываемая ханифантскому толку ревность къ Джихаду, или войнѣ съ невѣр-

ными, не свойственна магометанскимъ подданнымъ Богдохана. Конечно тонкости толковъ доступны только духовнымъ руководителямъ Магометанъ, Ахунамъ и Имамамъ; простой народъ исполняетъ только одну особенность ханифантскаго толка, именно, не омовеніе, а обливаніе предъ молитвою. Иногда мелкія различія въ обрядахъ, по обычаямъ четырехъ толковъ, производятъ между здѣшними Магометанами довольно важныя несогласія. Такъ, въ прошедшемъ столѣтіи, еще до возстанія Саларцевъ, изъ за способа чтенія алкорана, въ нѣдрѣ китайскаго Мусульманина возникли споры о лунномъ счисленіи, о земномъ поклонѣ послѣ поклоненія *Уйтаръ*, о сниманіи туфлей при нѣкоторыхъ обрядахъ, и т. п. вопросахъ, пріобрѣтшихъ въ то время большую гласность. Болѣе всего надѣлало шума нововведеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые, при обязательномъ воззваніи: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (*лаиллахъ ил'аллахъ*), стали поднимать вверхъ указательный палецъ, вѣроятно, въ знаменіе единства Божія (при словѣ *лаиллахъ* поднимали, при *ил'аллахъ* опускали палецъ); другіе, вмѣсто одного поднимали три пальца. Начались пренія и образовались партіи, сторонники которыхъ вступали въ явную вражду между собою и не посѣщали мечетей, одна у другой партіи. Борьба не имѣла бы миролюбиваго исхода, если бы, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, не явился ахунъ изъ Бухары, слѣдственно высокій авторитетъ, который порѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что при воззваніи не слѣдуетъ поднимать

пальцевъ; по справкѣ оказалось, что этотъ обычай существовалъ у послѣдователей толка Шафира, а не Абуханифы.

Мечети называются по китайски *Ли байсы*, мѣстомъ поклоненій: онѣ строятся съ востока на западъ, по направленію къ Меккѣ; минарета при нихъ не бываетъ; вмѣсто него устроястся возвышенный павильонъ, подъ именемъ лунпаго, для наблюденія новой луны; вмѣсто турецкой луны, на верху мечетей обыкновенно водружается позолоченный шаръ. При мечетяхъ, особенное мѣсто назпачено для училища, которое въ праздничные дни, за непмѣніемъ другихъ помѣщеній, служитъ обливальнею; поэтому оно бываетъ заставлено рядами мѣдныхъ чайниковъ съ водою. Мечеть обыкновенно служитъ мѣстопребываніемъ имама и ахуна. Имамъ, первостоятель въ общественныхъ молитвахъ, поступаетъ въ это званіе изъ мѣстныхъ прихожанъ и отвѣчаетъ предъ полиціей за порядокъ въ мечети. Ахунъ тоже что мулла, избирается и посвящается изъ Мусульманъ, болѣе или менѣе ученыхъ и часто приглашается общиной издалека. При монгольской династіи, они назывались *Ташиманами*; во времена династіи *Минъ* было извѣстно названіе муллы *(Мань ла)*, а нынѣ у Магометанъ и у Китайцевъ воспреобладало персидское наименованіе ахунъ *(Ахундъ)*, вѣроятно по численному превосходству Магометанъ персидскаго происхожденія.

Въ Пекинѣ считается 13 мечетей; мнѣ случалось быть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и познакомиться съ ахунами и имамами. Въ первый разъ, какъ я посѣтилъ одну мечеть, меня

ввели въ небольшую опрятную комнату, гдѣ сидѣлъ на кану, на тигровой кожѣ, поджавъ ноги, молодой Ахунъ, пріятной наружности, съ небольшой бѣлой чалмой на головѣ; при немъ былъ мальчикъ сынъ, котораго онъ училъ арабской грамотѣ. Узнавъ, что я изъ дальней западной стороны, онъ съ живымъ любопытствомъ распрашивалъ о судьбѣ *Руми*, изъ котораго, по его словамъ, вышли его предки; однако онъ не могъ взять въ толкъ перемѣнъ, происшедшихъ въ западной Азіи. Онъ выразилъ чрезвычайную симпатію къ Русскимъ, когда узналъ, что у насъ Магометане пользуются совершенною свободою вѣроисповѣданія. Въ первое ко мнѣ посѣщеніе, ахунъ, желая показать мнѣ свое знакомство съ христіанствомъ, разомъ высказалъ мнѣ всѣ магометанскія бредни о лицѣ Іисуса Христа и о христіанской вѣрѣ. Христіанъ онъ, какъ и всѣ грамотные Магометане, называлъ, по книжному, *Тэрса*, о Іисуса Христа *Эррса*. Вообще, въ частныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, Магометане любезны и привѣтливы; за то въ сочиненіяхъ своихъ являются противниками Христіанства.

Въ другой мечети, я встрѣтилъ такой же ласковый пріемъ. Ахунъ ввелъ меня въ мечеть, китайской архитектуры, но съ поперечными перегородками внутри, въ которыхъ устроены деревянные пилястры; посреди храма висѣла европейская люстра; въ сѣверозападной части возвышалась каѳедра; въ глубинѣ храма, на западѣ, полукруглое святилище отгорожено было низкой балюстрадой. Ахунъ безъ церемоніи отодвинулъ ее ногой, чтобы ввести меня въ пустое святилище; оно ни

чѣмъ особымъ не отличалось, кромѣ того, что стѣны его были испещрены арабскими надписями (изрѣченіями изъ корана), вырѣзанными изъ золоченой бумаги и наклеенными на стѣнѣ; впрочемъ такія надписи видѣлись и въ другихъ мѣстахъ, по стѣнамъ мечети. Въ притворѣ мечети, на востокѣ, стоялъ столъ, со дщицею, на которой вырѣзана была обычная надпись многолѣтія царствующему императору; передъ дщицей стояла жаровня съ потухшими курительными свѣчами. Ахунъ увѣрялъ меня, что это чествованіе особы иновѣрнаго государя въ домѣ молитвы, обязательное для всѣхъ большихъ кумпренъ и монастырей въ Китаѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и замѣтилъ при томъ, что въ Хотбѣ онъ упоминаетъ и о Богдоханѣ.

Ахунъ зналъ по арабски и по персидски; тотъ и другой языкъ изучаются въ мечетяхъ совмѣстно; но произношеніе уже испорчено; живя въ Китаѣ, Магометане отвыкли произносить *р* и гортанные звуки арабскіе, и замѣнили первое звукомъ *л*, а послѣдніе звукомъ *х*. Ахунъ показалъ мнѣ нѣсколько фоліантовъ, писанныхъ на этихъ языкахъ. Надобно полагать, что въ мечетяхъ, разсѣянныхъ по Китаю и въ частныхъ библіотекахъ Магометанъ, хранится значительное собраніе оригинальныхъ арабскихъ и персидскихъ твореній, принесенныхъ въ Китай съ XIII вѣка, т. е. со времени монгольскаго періода. Магометанскій писатель *Лю цзэ лянь*, составляя книги свои о постановленіяхъ и философіи Магометанъ, руководствовался 67-ю оригиналами разнаго содержанія, которые онъ по-

именно пересчитываетъ въ началѣ своихъ сочиненій, причемъ замѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что многое еще потеряно и погибло въ бѣдственное время, при паденіи минской и воцареніи маньчжурской династіи. Переведены на китайскій языкъ съ арабскаго и персидскаго языка немногія сочиненія, большею частію нравственнаго или обрядоваго содержанія. Въ числѣ книгъ, хранящихся въ посѣщенныхъ мною мечетяхъ, я не нашелъ ни одной, писанной турецкимъ или татарскимъ языкомъ, и не встрѣчалъ ни одного ахуна, который имѣлъ бы понятіе объ этихъ нарѣчіяхъ. Здѣшніе Магометане называютъ алкоранъ *фурқани* (ел-фурканъ—различеніе, т. е. дозволеннаго и недозволеннаго, и т. п.). Ахуны тщательно списываютъ его и распредѣляютъ въ 30 тетрадей; переводить текстъ его на китайскій языкъ считаютъ недозволеннымъ, исключая ссылокъ на него въ книгахъ. Изрѣченія изъ корана, безъ числа украшаютъ стѣны магометанскихъ жилищъ и вырѣзываются на камняхъ. Въ жилищахъ ахуновъ я замѣчалъ карты Мекки и Медины, съ проведеніемъ пути отъ Китая до Аравіи, и съ означеніемъ небывалыхъ памятниковъ въ священной странѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ пилигримство сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ, ахуны установили, что оно возмѣщается постояннымъ посѣщеніемъ мечети и годовою жертвою Гурбанъ. На стѣнахъ въ магометанскихъ жилищахъ я видѣлъ также печатное, въ видѣ объявленія, описаніе наружныхъ красотъ Магомета, по арабски, съ китайскимъ переводомъ; въ немъ завѣряется, что кто, по этому описанію, будетъ постоянно пред-

ставлять себѣ ликъ пророка, тотъ избавится многихъ бѣдствій; это явное подражаніе суевѣрнымъ и лживымъ вывѣскамъ Буддистовъ и Даосовъ.

Ахуны участвуютъ въ главныхъ фамильныхъ событіяхъ благословеніемъ и молитвами. По рожденіи младенца, на третій день приглашаютъ ахуна, который съ молитвою дуетъ на новорожденнаго три раза и даетъ ему мусульманское имя. Онъ есть главное лице при совершеніи брачныхъ договоровъ, равно совершаетъ отпѣваніе умершихъ. Ахунъ самъ посвящаетъ другаго въ санъ ахуна. Разъ я былъ свидѣтелемъ благословенія, даннаго однимъ ахуномъ вновь поставленному въ это званіе ученику его; послѣдній сталъ передъ старшимъ на колѣна и учитель прочелъ что-то по арабски, перекрестивъ свои руки съ руками новопосвященнаго; лѣвыми руками они поддерживали локти правыхъ рукъ одинъ у другаго, и взялись кистями правыхъ рукъ въ уровень съ лицемъ; этотъ способъ привѣтствія употребляется китайскими Магометанами и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Китайскіе Магометане, пребывая нѣсколько столѣтій въ Поднебесной имперіи, незамѣтно подчинились ея вліянію въ тѣхъ обычаяхъ, которые собственно не имѣютъ религіознаго значенія. Браки ихъ обставлены китайскими церемоніями. Въ брачные союзы они вступаютъ только съ своими единовѣрцами; но въ крайности они берутъ побочныхъ женъ изъ Китаянокъ; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, надобно объяснять измѣненіе типа лицъ у китайскихъ Магоме-

танъ въ полукитайскій. При погребеніяхъ у нихъ наблюдается нѣкоторая помпа, но безъ музыки, употребляющейся при китайскихъ похоронахъ; вмѣсто того передъ гробомъ несутъ нѣсколько курильницъ, съ возженными благовоніями. Для покойниковъ они не приготовляютъ гробовъ, а пользуются, на время, готовыми, которые обыкновенно стоятъ въ мечети, и въ которыхъ доносятъ покойниковъ до могилы. Тѣло умершаго обертывается простынею со слоемъ камфоры и другихъ ароматовъ; его кладутъ, или лучше сказать, усаживаютъ въ особой пещеркѣ, вырытой въ глубинѣ могилы, въ боку лицемъ на западъ.

Магометанскіе мужчины и женщины усвоили китайскій костюмъ; послѣднія переняли у Китаянокъ обычай связывать свои ноги съ малолѣтства. Ахуны и имамы также носятъ китайское платье, съ тѣмъ различіемъ, что не надѣваютъ сапоговъ, а ходятъ въ башмакахъ, которые снимаютъ съ ногъ, при вступленіи въ мечеть для молитвы, при чемъ обертываютъ голову небольшимъ кускомъ бѣлаго холста. Женщины не ходятъ въ мечети для молитвы, исключая дней поста.

Ахуны строго наблюдаютъ счетъ лунныхъ годовъ и мѣсяцевъ, начиная счисленіе годовъ отъ Геджры, которую они переводятъ переселеніемъ, а иногда перенесеніемъ столицы Магомета изъ Мекки въ Медину. Каждый годъ издается, на желтомъ листѣ, календарь, съ показаніемъ магометанскихъ праздниковъ, соотвѣтственно китайскимъ мѣсяцамъ и числамъ. У нихъ нѣтъ вставочной луны, какъ у Китайцевъ, потому на-

чало новаго года, или какъ они называютъ, конецъ поста ихъ, проходитъ постепенно по всѣмъ мѣсяцамъ китайскаго года.

Китайскіе Магометане не считаютъ предосудительнымъ состоять на службѣ у китайскаго правительства, большею частію въ качествѣ незначительныхъ мандариновъ, что̀ не обязываетъ ихъ къ исполненію обычаевъ, противныхъ ихъ вѣрѣ, какъ-то жертвамъ духамъ, поклоненію тѣнямъ знаменитыхъ мужей и т. п. Впрочемъ есть примѣры, что Магометане занимали и занимаютъ высшія мѣста. Губернаторъ губерніи *Чжэцзянъ*, *Ма синьи*, Магометанинъ, и единовѣрцы нисколько не считаютъ его, за то, ренегатомъ. Нѣкогда они долгое время засѣдали въ пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ Двора, до тѣхъ поръ, пока ученые Іезуиты не смѣнили ихъ въ этомъ званіи.

Запрещеніе вина у китайскихъ Магометанъ также строго, какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, но также не всегда соблюдается. Странно, что они подвергаютъ запрещенію и табакъ, тогда какъ Персіяне и Турки не могутъ обойтись безъ кальяна и трубки. Юсуфъ, о которомъ я уже говорилъ, замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи, что табакъ есть произрастеніе египетское; Магометъ, разъ увидѣвъ его, покачалъ головою; а этого было достаточно, чтобы положить на табакъ запретъ. Знакомый мнѣ ахунъ объяснялъ вопросъ нѣсколько иначе; онъ увѣрялъ, что Магометъ запретилъ употребленіе хашиша слѣдовательно и табаку, который по своему дѣйствію походитъ на это зелье.

Сдѣлаю еще замѣтку объ уваженіи, какое оказываютъ здѣшніе ахуны и имамы къ желтому цвѣту. Говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ имамъ, добродушный старикъ лѣтъ 70-ти; при чемъ прибавилъ, что единственная печаль его въ преклонныхъ лѣтахъ была о томъ, что онъ нигдѣ не могъ добыть желтаго сафьяна для туфлей, что̀ придало бы ему видъ совершеннаго Мусульманина священной родины Магомета. Имамъ предпочиталъ желтый сафьянъ китайскимъ тканямъ того же цвѣта, не только потому, что послѣднія приготовляются руками идолопоклонниковъ, но также и потому, что сафьянъ, какъ онъ слышалъ, есть издѣліе Магометанъ (казанскихъ). Хилый старикъ разсказалъ мнѣ также о своихъ путешествіяхъ по Китаю; между прочимъ, былъ онъ въ Маньчжуріи, куда ходилъ для назиданія и совершенія молитвъ для сельныхъ Магометанъ. Примѣры подобныхъ странствованій китайскихъ Магометанъ не рѣдки; ахуны и грамотѣи ихъ переходятъ изъ одной общины въ другую, учащаютъ взаимныя сношенія между ихъ единовѣрцами, переносятъ вѣсти и поддерживаютъ единомысліе во всемъ магометанскомъ населеніи. Ни одинъ Магометанинъ не лишается пріема и вспоможенія въ первомъ попавшемся магометанскомъ селеніи, или домѣ; заповѣдь о милостыни, по отношенію къ ихъ единовѣрцамъ исполняется, въ полномъ размѣрѣ; оттого писатели ихъ печатно вызываютъ Китайцевъ найти между Магометанами хоть одного бѣднаго человѣка.

1. Святилище
2. Пиластры
3. [illegible]
4. [illegible]
5. Жертвенный столъ въ честь Императора
6. Притворъ
7. Ленный Павильонъ